

83.3P5

Т53

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОКТО“

В. Р.

ПИСЬМА

ЛЬВА

НИКОЛАЕВИЧА

ТОЛСТОГО

833P5	Точка Л. Н.	
8XIX	Мобильный пер	
Т53	ебартник	
телефон Л. Н. Точкова		
207866	15р	предуп
Рз	Лухальский	
23.12.11	Афанасьев	

207866

pp

83.3P5
Т 53

**НОВЫЙ
СБОРНИКЪ ПИСЕМЪ
Л.Н.ТОЛСТОГО.**

**СОБРАЛЪ
П.А.СЕРГЬЕНКО.**

207866.

**ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А.Е.ГРУЗИНСКАГО.**

7

Центральная государственная
публичная библиотека
им. Н. С. Гоголя
**СЪ 10 ПОРТРЕТАМИ И МНОГИМИ
АВТОГРАФАМИ.**

НОВИЊ

СБОРНИКЪ ПУБЛИКАЦИЈА

Л. Н. ТОЛСТОГО

СБОРНИКЪ

П. А. СЕРГЕНЬЕВА

ПОД РЕДАКЦИЈОМЪ

А. Е. БУХАРДИНА

СЪ ДРУГИМИ ПУБЛИКАЦИЈАМИ

ИЗДАНИЕ

*Издательство А. А. Кошарова
Москва, Пречистинский пер.*

1912.

Книга эта, вышедшая въ началъ Октября 1911 г., спустя нѣсколько дней была арестована по постановленію Московскаго Комитета по дѣламъ печати съ возбужденіемъ противъ издательства судебного преслѣдованія. Московская Судебная Палата постановила, не привлекая къ судебной отвѣтственности, уничтожить четырнадцать писемъ (Приговоръ 22 декабря 1911 г. по 2-му уголовн. департаменту).

Издательство выпускаетъ вновь книгу съ изытіемъ перечисленныхъ въ приговоръ писемъ, какъ о томъ отмѣчено на соответствующихъ страницахъ.

1912 г. Февраля 8.

C

The first part of the report is devoted to a description of the
general situation in the country. It is followed by a detailed
analysis of the economic and social conditions. The report
then discusses the various measures which have been taken
to improve the situation. Finally, it concludes with a
summary of the findings and a list of recommendations.

Page 1 of 1

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Предлагаемое собраніе писемъ Л. Н. Толстого продолжаетъ дѣло, начатое П. А. Сергѣенко; это—новый томъ въ дополненіе къ двумъ, опубликованнымъ имъ ранѣе *). Матеріалы и здѣсь доставлены имъ же.

Взявъ на себя редактированіе новаго сборника, мы не скрывали отъ себя трудностей задачи. Прежде всего въ настоящее время почти совершенно не осуществимо основное требованіе правильного изданія—провѣрка текста по подлинникамъ. Огромное большинство собранныхъ здѣсь писемъ было помѣщено въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ на протяженіи десятковъ лѣтъ многочисленными адресатами, разсѣянными по разнымъ странамъ; приходилось довольствоваться опубликованными текстами съ ихъ неполнотой, вызванной цензурными или личными соображеніями, съ нерѣдкой анонимностью адресатовъ, съ опущеніемъ датъ, съ возможными ошибками. Возможность простыхъ ошибокъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что за послѣдніе 10—15 лѣтъ, когда корреспонденція Толстого разрослась до колоссальныхъ размѣровъ, значительная часть писемъ писалась по его указаніямъ секретарями; затѣмъ многія письма тотчасъ же въ рядѣ списковъ начинали ходить по рукамъ, дѣлаясь достояніемъ широкихъ круговъ и утрачивая черты личной переписки, но неизбѣжно теряя при этомъ строгую достовѣрность текста. Намъ извѣстны даже случаи двухъ редакцій одного и того же письма къ опредѣленному лицу, что повидимому указываетъ на то, что черновой, первоначальный набросокъ могъ иногда тотчасъ же выходить изъ кабинета Толстого и начать циркулировать, даже попасть въ печать, параллельно съ окончательной формой письма. Всѣ эти особенности сильно затрудняютъ сейчасъ правильное

*) Эти два тома не давно повторены въ изд. В. М. Саблина, разделенные на три книги.

редактированіе писемъ и еще долго будутъ составлять камень преткновенія для ихъ «научнаго» изданія. Но безпримѣрная міровая популярность Толстого и повсемѣстная жажда какъ можно скорѣе и какъ можно больше узнать его мысли и взгляды, повлекшая за собой многія изъ указанныхъ затрудненій, даетъ и оправданіе всякой попыткѣ въ этомъ направленіи, хотя бы заранѣе обреченной на несовершенство. Какъ можно скорѣе начинать собираніе этого необозримаго богатства, оставленнаго намъ Толстымъ въ разсѣянномъ видѣ, и готовить основные матеріалы для будущей разработки,—очередная задача настоящаго момента, и ей служить предлагаемое изданіе, какъ можетъ.

Для установки датъ и для объяснительныхъ примѣчаній работали и собиратель, сдѣлалъ возможное при данныхъ условіяхъ и редакторъ. При встрѣчавшемся иногда явномъ искаженіи текста (обыкновенно грамматическомъ) редакторъ не ставилъ себѣ въ обязанность «рабской вѣрности», тѣмъ болѣе, что «вѣрнымъ» приходилось быть не автографу, а прошедшей чрезъ многія руки копии; тоже касается и разстановки знаковъ препинанія. Вынужденные пропуски вездѣ обозначены точками.

Датировка, не принадлежащая Толстому, заключена въ скобки.

Приложенные автографы даютъ почти вездѣ новые тексты, не повторяющіеся въ сборникѣ и въ большей части являющіеся впервые. Они представляютъ интересъ съ различныхъ сторонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давая въ цѣломъ какъ бы эволюцію почерка Толстого; приложенныя объясненія даютъ понятіе значеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Десять портретовъ Толстого въ разные періоды жизни исполнены перомъ по имѣющимъся изображеніямъ специально для даннаго изданія художникомъ В. И. Россинскимъ, много поработавшимъ въ послѣдній годъ надъ задачей чертъ Толстого (см. его альбомъ «Послѣдніе дни жизни Л. Н. Толстого»).

А. Е. Грузинскій.

8 октября 1911 г.

Съ портрета 1848 г.

Т. №. №: М.

1 Орелъ

Орелъ, царь птицъ! Говорятъ о немъ.
это бдильщикъ малыхъ сталъ. Дразнитъ на
немъ расордился на васъ и захлебывался
? Соколы

Соколы есть очень маленькая птица отъ лави
вотъ газели! Газель есть животное кото
рое бегаетъ очень скоро, это собака не могу
но поймать, но она такъ охотится и добываетъ

Меня поступить въ число Студен-
товъ по Восточному отдѣленію филологъ
^{и риторъ} ~~и риторъ~~ ^{и риторъ}
скаго Факультета Императорскаго
Казанскаго Университета, прошу Ваше
Превосходительство допустить меня къ
матрикулѣ. Актъ мой: Свидѣтельство
о рожденіи изъ Публичной думской Консерваторіи
подъ № 252. и Свидѣтельство о моемъ
Дворянскомъ происхожденіи изъ Публичнаго
Дворянскаго Депутатскаго Соборнаго
№ 267. присильте съестъ лично представить.

Abbe Nicholas Douville de
Mendicain 1844 Kазань,
обратитъ прошиты, 1844 года
Lille-Bruxelles и др. др.
29 мая 1844

Сеулоръ, Людовикъ

Профр Лева Толстого

Свидѣтельство о рожденіи въ Публичной Консерваторіи
Восточнаго Л. Толстого 1844 мая 30

Прошение Толстого о принятіи въ Казанскій Университетъ 1844 г.
(съ помѣткой ректора, знаменитаго математика Лобачевскаго).

Свекониторна Студентна 2^а Курса
са Школу Школу Студентна
Студент Лева Николаева Толстого.

прошение.

По рассмотренному здравью и дамы
мне относительно, не желая более
продолжать курса наук в Университете
и: ввиду того, что я имею в виду
ходительство, сделав зависящее от меня
распоряжение о прекращении моего курса
Студентства и о выдаче мне в срок моего
документов. —

К сему прошение пишу прилагая
Студент Лева Николаева Толстого.
Свердлов 12^а дня 1847 года

Прошение Толстого об увольнении из Университета 1847 г.

Л. Н. Толстой въ 1855 г.

№ 1.

И. И. ПАНАЕВУ.

Бельбекъ 1), 1855 г. Юня 14.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Повѣрите ли, что я долженъ переломить стыдъ, который испытываю, чтобы взяться за перо и писать вамъ. Мнѣ стыдно, что я живъ и здоровъ, что только одно, ежели бы было наоборотъ, могло-бы служить извиненіемъ молчанію на 3 письма вашихъ и на письма, столь любезныя, волнующія меня и иногда, въ минуты самолюбиваго заблужденія, заставляющія вѣрить въ талантъ и значеніе мое въ литературѣ, которые, признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось имѣть. На вопросы ваши въ предыдущемъ письмѣ отвѣчаю по пунктамъ. 1) Деньги за «Отрочество» я получилъ. 2) Присылать мнѣ и деньги и книги по старому адресу въ Главный Штабъ. 3) и за каждую статью отдѣльно.—На мое несчастье я общалъ вамъ слишкомъ много—сотрудники мои

1) Позиція подъ Севастополемъ.

лѣнились, когда я былъ въ Севастополь¹⁾); теперь же съ мѣсяцъ какъ я уѣхалъ; ничего не знаю о ихъ статьяхъ. Самъ я былъ боленъ, но, несмотря на то, надѣюсь, что дня черезъ 3 пошлю вамъ «Разсказъ Юнкера»—довольно большую статью, но не Севастопольскую, а Кавказскую, которая поспѣетъ къ VII книжкѣ. Вѣрьте, что мысль о военныхъ статьяхъ занимаетъ меня теперь столько же, сколько и прежде, и я на-дняхъ поѣду въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы подгонять Ростовцева и Бакунина и взять у нихъ статьи, ежели онѣ готовы; но дѣйствительность слишкомъ богата событіями, чтобы у кого-нибудь оставалось время для мысли. За себя я все-таки вамъ отвѣчаю—по статьѣ каждый мѣсяцъ—за другихъ не навѣрное. Адресъ мой все тотъ же и все-таки черезъ курьеровъ, ежели вы устроили это.—Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него позволенія на статьѣ Разсказъ Юнкера подписать: посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мнѣ потому, что когда я перечелъ статью, я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его рассказамъ²⁾).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Гр. Л. Толстой.

№ 2.

М. Н. ТОЛСТОЙ³⁾.

(1856 г.) Юня 22.

Милый другъ Машенька!

Гдѣ ты? Мы всё тебя потеряли. Я нынче въ ночь выѣхалъ изъ Ясной и сейчасъ въ Черни встрѣтилъ Дьяковыхъ. По нашимъ

---

¹⁾ Въ концѣ 1854 г. Толстой вмѣстѣ съ товарищами-артиллеристами Ростовцевымъ, Бакунинымъ, Столыпинымъ и др. задумалъ издавать дешевый журналъ для солдатъ. Журналъ не былъ разрѣшенъ; тогда Толстой сталъ сноситься съ Некрасовымъ и Панаевымъ, желая помѣстить въ «Современникѣ» приготовленный для журнала матеріалъ. Изъ писемъ, опубликованныхъ П. И. Бирюковымъ (Биографія, т. I), видно, что часть статей была уже доставлена въ «Современникъ»; въ числѣ ихъ значились и нѣкоторые изъ Севастопольскихъ рассказовъ Толстого.

²⁾ Объ этомъ посвященіи и о подражаніи Тургеневу см. письма Некрасова къ Тургеневу (Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ») и Толстому (Литературныя прилож. къ «Нивѣ» 1898 г. № 2).

³⁾ Сестра Л. Н.—ча, Марія Николаевна, монашествовавшая въ женской обители Шамардино, вблизи Оптиной пустыни.

свѣдѣніямъ, въ Пироговѣ¹⁾ тебя нѣтъ. Дьяковы же воображаютъ, что ты у насъ. Когда ты выѣзжаешь, ежели ты не выѣхала? Ужъ избави Богъ, не нездорова ли ты или кто-нибудь изъ твоихъ.

Гр. Л. Толстой.

№ 3.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

(1857 г.) 2-го мая.

Пишу тебѣ нѣсколько словъ, милый другъ Маша, во-первыхъ, чтобы выговорить, за что ты мнѣ ни словечка не отвѣчала на мои письма, во-вторыхъ, чтобы рассказать тебѣ про себя, что я послѣ двухъ мѣсяцевъ парижской жизни такъ усталъ отъ изученія всего новаго и интереснаго, что я нашелъ тамъ, что почувствовалъ потребность отдохнуть, особенно послѣ ужаснаго зрѣлища гильотинированія, которое мнѣ пришлось видѣть, и которое такъ подѣйствовало на меня, что я ночи не спалъ²⁾. Я рѣшился уѣхать куда-нибудь въ уединенное мѣсто. В. К. Марья Николаевна въ Женевѣ, слѣдовательно, тамъ и Толстые, которыхъ я люблю, и тамъ чудный край,—и я рѣшился поѣхать туда.

Въ Женеву я пріѣхалъ на 6-й недѣлѣ поста, тамъ говѣлъ, потомъ переѣхалъ въ Clagen, въ Canton de Vaud. Это—деревня на берегу Женевского озера, въ прелестномъ мѣстоположеніи, и живу тутъ вотъ скоро мѣсяць (т.-е. вообще въ Швейцаріи).

Природа прелестна, жизнь дешева, есть кое-кто русскіе, добрые люди, между прочимъ М. Рябининъ, который просить тебѣ кланяться; уединеніе и занятія идутъ порядочно.

Третье же, главное дѣло, зачѣмъ я тебѣ пишу, это—средство, которое мнѣ рассказывали въ Парижѣ для твоей руки. Взять молодыхъ березовыхъ листьевъ, насыпать въ мѣшокъ и изъ мѣшка этого сдѣлать муфту на всю руку и такъ спать въ этой муфтѣ каждую ночь. Средство это не можетъ повредить, но, говорить, помогаетъ удивительно противъ всякаго рода мѣстныхъ страданій, противъ простудъ, онѣмѣній, даже вывиховъ и ранъ.

¹⁾ Пирогово—бывшее имѣніе М. Н. Толстой.

²⁾ Это было 6-го апрѣля; Толстой тогда же внесъ свои впечатлѣнія въ дневникъ (см. Бирюковъ, I, 317).

Тургеневъ бѣдный боленъ и нравственно боленъ ¹⁾. Теперь Некрасовъ долженъ быть въ Парижѣ. Я же пробуду здѣсь, думаю, долго, тѣмъ болѣе, что и не могу ѣхать, пока не получу денегъ; поэтому скажи Валерьяну ²⁾, что ежели ему изъ деревни и отъ Сережи пришлютъ деньги для доставленія мнѣ черезъ банкира, чтобы онъ это сдѣлалъ какъ можно скорѣе, а то ужасно страшно остаться здѣсь безъ средствъ, а у меня ужъ очень тонко. Что твое здоровье, твое расположеніе духа, твои занятія, музыка, что...? Пожалуйста пиши, милый дружокъ, я буду, особенно отсюда, отвѣчать очень аккуратно. Обнимаю Валерьяна и дѣтей.

Прощайте, милые друзья, до свиданія. Планы моего путешествія могутъ измѣниться, но ежели Богъ дастъ, буду живъ и здоровъ, то въ сентябрѣ все-таки буду въ Покровскомъ.

Вашъ другъ и братъ графъ Л. Толстой.

Адресъ: Suisse, Canton de Vaud, Clarens, Pension Ketterer.

Съ портрета 1860 г.

¹⁾ О причинѣ расстройства Тургенева, Т—ой тогда же писалъ подробно Т. А. Ергольской (Бирюковъ, I, 318). Въ этотъ моментъ, Тургеневъ переживалъ, быть можетъ, самый острый кризисъ своихъ отношеній къ Віардо.

²⁾ В. И. Толстой, мужъ Марьи Николаевны.

№ 4.

А. А. ФЕТУ.

(1861 г.) Июнь.

Тургеневъ (рѣзкое бранное слово), что я прошу васъ передать ему такъ же аккуратно, какъ вы передаете мнѣ его милыя изреченія, несмотря на мои неоднократныя просьбы о немъ не говорить.

Гр. Л. Толстой.

И прешу васъ не писать ко мнѣ больше, ибо я вашихъ, такъ же какъ и Тургенева, писемъ распечатывать не буду ¹⁾.

№ 5.

ТУЛЬСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВИЮ²⁾.

(1861 г.) Декабря 30.

«На предъявленное мнѣ отношеніе Губернскаго Присутствія отъ 10 октября, за № 1801, имѣю честь объяснить, что увольнительные акты мною выданы дворовымъ людямъ с. Никольскаго не въ зимнее время, но еще въ іюлѣ мѣсяцѣ,—но за отсутствіемъ подписи свидѣтелей возвращены мнѣ. Вторично посланы тридцатаго августа, но почему не переданы дворовымъ людямъ, мнѣ неизвѣстно. Что же касается до мнимаго оставленія мною безъ крова и средствъ къ жизни дворовыхъ людей, то хотя свѣдѣніе

¹⁾ Это краткое, но сильное посланіе относится (какъ послѣдняя вспышка) къ бурной ссорѣ между Тургеневымъ и Толстымъ, возникшей въ Степановкѣ у Фета, который и дѣлалъ всякія попытки, чтобы примирить своихъ друзей. Подробн. см. 1) «Мои воспоминанія» А. Фета, ч. I, и 2) «Тургеневъ и Толстой», П. Сергѣенко, «Литературныя приложенія» къ «Нивѣ» 1906 г.

²⁾ Въ Тульское губернское по крест. дѣламъ присутствіе поступило заявленіе, что дворовые графа Л. Н. Толстого, с. Никольскаго (Вяземскаго тожъ), Чернскаго уѣзда, въ числѣ 25 человекъ, отказались принять выданные имъ увольнительные акты, заявляя, что нѣкоторые изъ нихъ были у барина и онъ, будто бы, обѣщался прибыть въ с. Никольское и отвести имъ усадебныя мѣста для поселка и что если онъ откажетъ имъ въ семъ, то они никакъ не рѣшатся принять тѣхъ актовъ и переселяться съ ихъ семействами въ другое мѣстожительство, по неимѣнію къ тому средствъ и по случаю приближающейся зимы.

Губернское присутствіе, затребовавъ отъ Л. Н. Толстого объясненія по настоящему дѣлу, признало присланное Толстымъ объясненіе основательнымъ и сдѣлало распоряженіе согласно его просьбѣ.

это и несправедливо, я имѣю честь увѣдомить, что не считаю нужнымъ давать въ отношеніи помѣщенія дворовыхъ людей никакого обязательства, предоставляя это дѣло, какъ зависящее отъ частной благотворительности и потому не подлежащее сужденію мировыхъ учреждений,—своему личному усмотрѣнію. вмѣстѣ съ тѣмъ покорно прошу губернское присутствіе принять необходимыя мѣры для выдачи увольнительныхъ актовъ, ибо ежели въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ увольнительные акты могли быть не выданы дворовымъ людямъ, нѣтъ причины предполагать, чтобы выдача эта не оттянулась и до будущей зимы».

Гр. Л. Н. Толстой.

№ 6.

ТУЛЬСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЮ¹⁾.

(1862 г.) Февраля 12.

«Такъ какъ представленныя на меня въ губернское присутствіе жалобы: г. Костомарова—о перечисленіи его людей въ крестьяне, г. Заслонина—о не введеніи въ дѣйствіе его уставныхъ грамотъ, г. Брандъ и г-жи Артюховой—о магазинномъ хлѣбѣ и купца Берхунова—о проданномъ быкѣ и другія—не имѣютъ никакого законнаго основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла эти и многія другія продолжаютъ быть рѣшенными противно моимъ постановленіямъ, такъ что почти каждое постановленіе во ввѣренномъ мнѣ участкѣ отмѣняется и даже старшины смѣняются мировымъ съѣздомъ,—и такъ какъ, при такихъ условіяхъ, возбуждающихъ недовѣріе къ мировому посреднику какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, дѣятельность мирового посредника не только не можетъ быть успѣшна, но становится невозможна, я покорно прошу губернское присутствіе поспѣшить произведеніемъ дознанія черезъ одного изъ своихъ членовъ о вышеупомянутыхъ жалобахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю нужнымъ увѣдомить губернское присутствіе, что до произведенія такового дознанія я не считаю удобнымъ вступать въ исправленіе сданной старшему кандидату должности».

¹⁾ Когда Л. Н. исполнялъ должность мирового посредника, помѣщики были недовольны имъ, такъ какъ онъ держалъ сторону обиженныхъ крестьянъ, и заваливали мировой съѣздъ и губернское присутствіе жалобами на него.

№ 7.

А. П. АРТЮХОВОЙ¹⁾.

(1862 г.) Февраль.

«Милостивая Государыня Александра Павловна! Статья 232 мнѣ давно извѣстна: она говоритъ о тягольныхъ,—заглавіе ея: Объ особыхъ видахъ издѣльной повинности (барщины)—и потому не относится къ Маркѣ. Къ Маркѣ же и его женѣ относится слѣдующее: Маркѣ немедленно, по моему приказанію, уйдеть съ женою куда ему угодно. Васѣ же я покорнѣйше прошу: 1) удовлетворить его за прослуженные у васѣ противозаконно со времени объявленія Положенія три мѣсяца съ половиною, и 2) за побои, нанесенные его женѣ еще болѣе противозаконно. Ежели вамъ не нравится мое рѣшеніе, то вы имѣете право жаловаться на мировой сѣздъ и въ губернское присутствіе. Я же по этому предмету болѣе объясняться не буду. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга гр. Л. Толстой».

№ 8.

А. А. ФЕТУ.

(60-е г.г.)

Бѣжавши отъ васѣ встрѣтилъ я Тютчева въ Черни и четыре станціи говорилъ и слушалъ, и теперь, что ни часъ, вспоминаю этого величественнаго и простаго и такого глубоко, настоящеумнаго старика.

Вашъ Л. Толстой.

№ 9.

П. Д. ГОЛОХВASTОВУ²⁾.

(Москва, 1872 г.) Дек. 6.

1) Rosselt³⁾. 2) Жизнь Лефорта и Анекдоты Штелина. 3) Гордона дневникъ. 4) Забѣлинъ. Домашній бытъ русск. царей. 5) Забѣлинъ. Опыты

¹⁾ Будучи мировымъ посредникомъ въ 1862 году, Л. Н. оштрафовалъ поручицу А. П. Артюхову за незаконное удержаніе у себя бывшего двороваго и нанесеніе побоевъ его женѣ. Помѣщица упирала на неправильное толкованіе Толстымъ статьи 232-й Положенія и вызвала этимъ письмо Л. Н.

²⁾ П. Д. Голохвастовъ (1839—1892), сынъ попечителя московскаго учебнаго округа, занимался древней русской исторіей, преимущественно

изуч. русской древности. 6) Болотова. 7) Записки Щербатова. 8) Котошихинь. 9) Олеарусь. 10) Веберь. 11) Кабинетъ П. В. 12) Записки Басевича. 13) Путешествіе по Россіи англичанина. Вотъ сколько мнѣ нужно и у меня нѣтъ книгъ. Я и боюсь злоупотреблять вашей любезностью, да и очень мнѣ хочется имѣть эти книги. Тѣ, которыя я подчеркнулъ, мнѣ особенно нужны¹⁾. Хотѣлъ я нынче выгадать часокъ, чтобы повидаться съ вами, но не могъ. Мнѣ хотѣлось сказать вамъ кое-что. Можетъ быть, напишу или скажу при свиданіи, на которое рассчитываю съ большой радостью.

Гр. Л. Толстой.

№ 10.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Ясная Поляна, 1873 г.) Янв. 12.

Я нынче только получилъ ваши книги, многоуважаемый Павелъ Дмитріевичъ, и не могу васъ достаточно благодарить. Надѣюсь свидѣться съ вами до тѣхъ поръ, пока прочту то, что мнѣ нужно въ этихъ.

вопросомъ о земскихъ соборахъ. Его жена, Ольга Андреевна, оставила послѣ себя нѣсколько драматическихъ произведеній. П. Д. одно время увлекался изученіемъ русскихъ былинъ, стараясь открыть въ нихъ законы стиха, для чего предпринялъ рядъ научныхъ изслѣдованій.

Будучи чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьевѣ, П. Д. мечталъ о современномъ Земскомъ Соборѣ, но эта мечта такъ и не осуществилась. Особенное сближеніе семей Толстого и Голохвастова было въ періодъ увлеченія Л. Н.—ча народной поэзіей.

³⁾ Историкъ Мориць Поссельтъ разрабатывалъ исторію Петра; ему принадлежатъ труды: Петръ и Лейбницъ, Дневникъ Гордона и Жизнь Лефорта (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ).

¹⁾ Подборъ книгъ объясняется его тогдашнимъ планомъ написать сперва драму, потомъ романъ изъ эпохи Петра Великаго. Петровская эпоха начала интересовать Т—го около 1870 г., когда онъ увлекался драматической формой; тогда были и сдѣланы наброски начала драмы. Съ 1872 г. онъ думаетъ уже о большомъ романѣ, и вся осень и зима этого года ушли на подготовительныя работы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Къ веснѣ 1873 г., повидимому, сталъ складываться планъ романа, но дальше нѣсколькихъ началъ дѣло опять не пошло; Л. Н. разочаровался въ эпохѣ и въ личности Петра и лѣтомъ уже прекратилъ всѣ работы, тѣмъ болѣе, что въ мартѣ того же года была начата «Анна Каренина».

Долго ли вы пробудете въ Москвѣ? Есть ли надежда увидать васъ въ январѣ? Дай Богъ вамъ успѣха въ вашей работѣ. Такъ часто приходится говорить неискренно эти слова, что мнѣ хочется особенно подчеркнуть то, что я отъ всей души интересуюсь не только вашими трудами, но и всей вашей умственной дѣятельностью, которая имѣетъ большую будущность.

Я васъ не зову къ себѣ теперь, если не поздно будетъ,—въ февралѣ, потому что я всю зиму нынѣшнюю нахожусь въ самомъ тяжеломъ ненормальномъ состояніи.

Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь предъ представляющимся, отчаиваюсь, обнадеживаюсь и склоняюсь къ тому убѣжденію, что ничего, кромѣ муки, не выйдетъ. Надѣюсь къ февралю успокоиться. А теперь я себѣ такъ несносенъ, что другимъ долженъ быть невыносимъ ¹⁾. Такъ, пожалуйста, напишите свои планы на слѣдующей недѣлѣ; я по нимъ соображусь. А свидѣться и сблизиться съ вами мнѣ очень хочется.

Вашъ Л. Толстой.

№ 11.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Ясная Поляна, 1873 г.) Янв. 24.

Я становлюсь безсовѣстенъ. Не успѣлъ отказаться отъ вашего предложенія, какъ мнѣ уже понадобились 3 книги. Справился съ вашимъ предпоследнимъ письмомъ—двѣ изъ нихъ тамъ есть: Корба и Есипова раскольничьи дѣла. Если я вамъ не надоѣлъ, пришлите ихъ, пожалуйста. Третья книга—это Кирилова статистика, о которой упоминаетъ Устряловъ. Если она есть въ продажѣ, то (простите ради Бога), когда будете у Соловьева, возьмите у него на мой счетъ и пришлите мнѣ, пожалуйста. Я уже дошелъ въ своемъ изученіи времени до той степени (вы вѣрно это испытывали), что начинаешь вертѣться въ заколдованномъ кругу. Съ разныхъ сторонъ повторяютъ одно и то же и знаешь откуда. Неужели только?

Есть у меня еще надежда на родословныя. Не знаете ли, нѣтъ чего въ этомъ родѣ? Въ особенности Шереметьевы и Апраксины.

---

¹⁾ Тяжелое состояніе, повидимому, было вызвано неладившейся работой по тому же роману изъ времени Петра. (См. Бирюковъ, II, 199).

Съ другой стороны, я дошелъ до того періода, когда, начитавшись описаній того времени, всегда ложныхъ, съ пошлой европейской героичной точки зрѣнія, испытываешь одно біеніе на эту фальшь и, желая разорвать этотъ волшебный кругъ фальши, теряешь спокойствіе и внимательность, которыя такъ нужны.

Письмо ваше мнѣ было очень пріятно. Въ хорошія минуты я приблизительно то же думаю; но пріятно со стороны получить подтвержденіе. Я тоже хочу сказать вамъ отъ души совѣтъ; но мой не будетъ пріятенъ, хотя вы, вѣроятно, знаете сами то, что я скажу. Не живите въ Москвѣ. Для людей, которымъ предстоитъ упорный умственный трудъ, есть двѣ опасности: журналистика и разговоры. Противъ первой вы непромокаемы, какъ я думаю; но второе вамъ, кажется, опасно. Вы говорите хорошо, васъ слушаютъ охотно, потому что вамъ есть что говорить; но это бѣда. И чѣмъ умнѣе тѣ люди, съ которыми говоришь, тѣмъ хуже. Для умныхъ людей достаешь самую начинку изъ пирога, а этого-то и не надобно, чтобы они не нанюхали, какъ собаки кушанье, которое готовится къ празднику.

Должно быть скоро буду въ Москвѣ; и мнѣ нужно напомнить вашу адресъ, чтобы видѣться съ вами.

Мой адресъ всегда: Тула.

Вашъ Л. Толстой.

№ 12.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Москва, 1873 г.) Февр. 15.

Я пріѣхалъ вчера и цѣлый день думалъ, что успѣю заѣхать къ вамъ, но не успѣлъ. Нынче съ трехъ часовъ я свободенъ. Застану ли васъ дома, или не пріѣдете ли ко мнѣ?.

Дюссо, № 28.

Вашъ Л. Толстой.

№ 13.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Ясная Поляна, 1873 г.) Марта 1.

Уже середина 2-й недѣли, а отъ васъ, Павелъ Дмитриевичъ, нѣтъ слуха и телеграммы. Боюсь, уже не уѣхали ли вы въ деревню, наказавъ меня за то, что я не умѣлъ воспользоваться во-время вашей готовностью побывать у насъ. Это было бы очень

грустно. Въ деревнѣ мы бы переговорили о многомъ, занимающемъ насъ обоихъ, и успѣли бы узнать другъ друга лучше.

Если вы въ Москвѣ и не оставили своего намѣренія, то лучше всего сдѣлать такъ: выѣхать съ пассажирскимъ (кажется) въ 9 утра или около этого изъ Москвы, а со станціи Москвы послать телеграмму въ Козловку; тогда бы я выслалъ за вами въ Козловку въ 5 часу и вы бы пріѣхали къ намъ къ обѣду. Если же вамъ рано выѣзжать въ 9, то по курьерскому изъ Москвы въ 12 (полдень) и за вами выѣдутъ въ Тулу и вы пріѣдете къ намъ въ 8.

Надѣюсь, что до свиданья.

Вашъ Л. Толстой.

№ 14.

А. А. ФЕТУ.

(Ясная Поляна, 1873 г.) Авг. 25.

22-го мы благополучно пріѣхали изъ Самары и сгораемъ желаніемъ васъ видѣть. Спасибо, что не забываете насъ. По настоящему, нѣтъ времени нынче писать вамъ; но такъ боюсь, чтобы вы не проѣхали мимо насъ, что пишу хоть два слова. Несмотря на засуху, убытки, неудобства, мы всѣ, даже жена, довольны поѣздкой и еще больше довольны старой рамкой жизни и принимаемся за труды респективные. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ Л. Толстой.

№ 15.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Мартъ.

Вы, вѣрно, упрекаете меня, Павелъ Дмитріевичъ, просто въ невѣжествѣ; на ваши два столь пріятныя мнѣ письма и посылку книгъ я до сихъ поръ не отвѣтилъ. Я, по крайней мѣрѣ, несмотря на увѣренность, что наши хорошія и дружескія отношенія упрочились тѣми славными днями, которые мы провели вмѣстѣ, я ужаснулся, когда хватился, что я еще вамъ не отвѣ-

тилъ, не поблагодарилъ васъ за книги, а главное за вашъ прїѣздъ къ намъ. Произошло это оттого, что дней 10 тому назадъ, я написалъ вамъ длинное письмо; но написалъ въ немъ кое-что такое, что, обдумавши, рѣшилъ лучше не писать, и не послалъ письмо, а другого до сихъ поръ не написалъ. То, что я написалъ и не послалъ, относилось до меня, и я не послалъ потому, что было преждевременно. Радуюсь отъ души, что вы вырвались изъ Москвы и засѣли (вѣроятно, теперь уже) за работу. За какую? Пожалуйста, извѣстите, это меня очень интересуетъ.

Я больше всего, какъ вы знаете, сочувствую повѣсти и въ прозѣ, потомъ былинами для Шатилова¹⁾ и менѣе всего надѣюсь на драму. Впрочемъ, это ваше дѣло съ своей душой. Съ вашей искренностью, чистотой любви къ поэтической дѣятельности должно выйти хорошее. Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сдѣлайте мнѣ дружбу,—прочтите сначала всѣ повѣсти Бѣлкина. Ихъ надо изучать и изучать каждому писателю. Я на-дняхъ это сдѣлалъ и не могу вамъ передать того благодѣтельнаго вліянія, которое имѣло на меня это чтеніе.

Изученіе это чѣмъ важно? Область поэзіи безконечна, какъ жизнь; но всѣ предметы поэзіи предвѣчно распредѣлены по извѣстной іерархіи и смѣшеніе низшихъ съ высшими или принятіе низшаго за высшій есть одинъ изъ главныхъ камней преткновенія. У великихъ поэтовъ, у Пушкина, эта гармоническая правильность распредѣленія предметовъ доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтеніе даровитыхъ, но не гармоническихъ писателей (тоже музыка, живопись) раздражаетъ и какъ-будто поощряетъ къ работѣ и расширяетъ область; но это ошибочно; а чтеніе Гомера, Пушкина сжимаетъ область и, если возбуждаетъ къ работѣ, то безошибочно.

Жена благодаритъ за память и посылаетъ поклонъ. Прошу передать мой поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ. *Вашъ Л. Толстой.*

№ 16.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Апр. 11.

Очень, очень радъ былъ вашему письму, дорогой Павелъ Дмитричъ, и всему тому, что вы мнѣ пишете. Буду ждать васъ

¹⁾ I. H. Шатиловъ, предсѣдатель Общ. Сельск. Хозяйства.

непремѣнно, но напишите мнѣ за недѣлку, чтобы я могъ вамъ отвѣтить и извѣстить, что у насъ все благополучно. До сихъ поръ все хорошо, но я жду родовъ жены и почему-то боюсь очень этотъ разъ. Пожалуйста, и молодого Шатилова привезите съ собой; онъ мнѣ очень нравится. То, что вы пишете о своей работѣ, волнуетъ меня. Вы не повѣрите, какъ я желаю вамъ успѣха (не внѣшняго, — но вы понимаете меня) и почему-то боюсь эпопеи русскимъ стихомъ. Но посмотримъ и подумаемъ и будемъ говорить другъ другу правду — то, что думаемъ. Только отчаиваться вамъ никакъ и никогда не слѣдуетъ. Въ васъ все есть, чтобы сдѣлать что-нибудь замѣчательное. Но что — не знаю. Мы никуда нынѣшній годъ не намѣрены уѣзжать. И поэтому лѣтомъ вѣрно еще увидимся.

Пожалуйста, когда поѣдете ко мнѣ, захватите съ собой ваши бумаги, — все то, что вы сдѣлали или пытались сдѣлать по передѣлкѣ былинъ. — Уже по тому, что вы мнѣ пишете, я вижу, что вы многое сдѣлали и расчистили много въ этомъ лѣсу. Я и прежде признавалъ, что никто больше васъ не имѣетъ чутья къ этому дѣлу и какъ я не далеко по теперешнимъ своимъ занятіямъ отъ этого міра, я ни на минуту не забываю его значительности. Прошу передать мой душевный поклонъ вашей женѣ.

Урсова мнѣ говорить, что у нея былъ почти написанъ романъ.

Напечатанъ ли? И гдѣ?

Вашъ всей душой Л. Толстой.

№ 17.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Мая 2.

Пишу вамъ два слова, любезный Павелъ Дмитричъ, только чтобы сказать, что мы живы и здоровы — самъ-восемь, вмѣсто самъ-семь, и если вы и Шатиловъ не раздумали побывать у насъ, то очень рады будемъ вамъ, какъ и всегда.

Вашъ Л. Толстой.

№ 18.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Мая 18.

Я писалъ вамъ въ Славянскій Вазаръ, любезный Павелъ Дмитріевичъ, но, вѣроятно, вы не получили этого письма. Какъ же не желать вашего пріѣзда? Всегда и во всякое время. Пожалуйста, присылайте вашу рукопись. Вы не повѣрите, какъ мнѣ тяжело ваше довѣріе къ моему суду, именно потому, что я скажу навѣрное правду своего впечатлѣнія, но не обѣщаюсь сказать только правду, скажу и сверхъ того. Такъ, пожалуйста, пріѣзжайте. У насъ нынче полно народу. Но для васъ я найду не только удобный пріютъ, но и главное—досугъ воспользоваться вами сколько возможно. Жена родила сына благополучно, благодарю васъ за желанія; но теперь не совсѣмъ здорова.

Вашъ всей душой гр. Л. Толстой.

№ 19.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Іюль.

Очень радъ былъ узнать о васъ, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и еще болѣе радъ тому (и въ особенности жена), что вы не раздумали заѣхать къ намъ въ августѣ. Къ 15-му мнѣ очень, очень хочется пріѣхать къ Шатиловымъ и непременно пріѣду, если что-нибудь особенное не задержитъ. У насъ на-дняхъ случилось очень важное для нашей семейной жизни событіе. Нашего нѣмца при дѣтяхъ сманили въ управляющіе и на насъ съ женой, и такъ очень занятыхъ, навалилось много новой заботы; и мы ищемъ со всѣхъ сторонъ помощника или помощницу. Я вступилъ въ переговоры о чехѣ, котораго мы хотимъ выписать, но хотимъ тоже и швейцарку къ дѣвочкѣ. И взяли бы и швейцара гувернера, вмѣсто чеха. Я хотѣлъ писать Петрову въ Женеву, но не знаю его адреса, имени, отчества.

Вы меня очень обяжете, если напишете ему, какъ помните, вы были такъ добры, хотѣли, или пришлете мнѣ его адресъ. У насъ теперь нѣтъ никого, кромѣ няни-англичанки, и нужны и гувернеръ къ мальчикамъ, и гувернантка къ дѣвочкамъ. Я

вѣрю, что не только помощникъ въ воспитаніи дѣтей, но и кучеръ, который наймется,—предопредѣленъ, и потому не знаю, кого именно мнѣ нужно. Попадись отличная—само собою разумѣется, что качество одно—главное, чтобъ былъ хорошій человѣкъ,—отличная гувернантка, мы менѣе требовательны будемъ на учителя и наоборотъ. Я пишу это къ тому, что, кто знаетъ, у вашихъ друзей, знакомыхъ есть такой человѣкъ, тогда, пожалуйста, вспомните обо мнѣ.

Во всякомъ случаѣ до скорого свиданія. Напрасно вы не работаете надъ передѣлкойъ былинъ. Я этого жду и требую отъ васъ. Впрочемъ: *Faites ce que je dis, ne faites pas ce que je fais.* Мое печатаніе стоитъ и не могу себя заставить заниматься имъ лѣтомъ¹⁾. Прошу передать мой поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Вашъ Л. Толстой.

№ 20.

П. Д. ГОЛОХВASTOVY.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Июль.

Все время, пока я читалъ женѣ ваше послѣднее письмо, она прерывала меня благодарственными акафистами вамъ и Ольгѣ Андреевнѣ, къ которымъ я и присоединился. «Вотъ это понимаютъ, вотъ добрые, вотъ хорошіе люди»... и т. д. Я написалъ вамъ такъ, на всякій случай, чтобы душу излить, никакъ не ожидая, что вы такъ поможете мнѣ. Очень, очень вами благодарны. Одно жалко, что я не точно написалъ условія гувернантки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами говорили, мы убѣдились, что дѣвочкѣ нужна уже не нянька, а гувернантка, т.-е. женщина болѣе высшаго умственного строя, чѣмъ тѣ бонны, которыхъ берутъ только для языка и въ числѣ которыхъ попадаются очень плохія. Однимъ словомъ мы возьмемъ и такую, въ 300 р., если хорошая дѣвушка; но больше желаемъ такую, которая могла у насъ остаться при дѣвочкѣ лѣтъ 6 до ея полного возраста, т.-е. гувернантку рублей въ 600. Впрочемъ, все—судьба, и мы будемъ ее ждать въ письмѣ m-lle Elfrot.—Къ Бо-

¹⁾ Весной начало «Анны Карениной» было отдано Каткову для набора, но появились первыя главы лишь въ Январской кн. Р. В. 1875 г. болѣе полугода Т-ой правилъ корректуры.

чинскому я написал по вашему совѣту. Я писалъ въ разные стороны, но то, что вы пишете о томъ, котораго выписывали для вашей сестры, мнѣ очень нравится. Идеаль мой—это мужъ съ женой, бездѣтные—профессоръ, учитель, такіе, я знаю, бываютъ. Но кто предназначенъ, угадать нельзя, тѣмъ болѣе, что условія мои очень широки.

Только бы были нравственные люди, а жалованіе двумъ отъ 1000 до 2000. Во всякомъ случаѣ отъ всей души благодаримъ васъ и Ольгу Андреевну за вашу помощь. Я завтра ѣду въ Самару посмотрѣть, что родилось, и свести счеты. Я буду домой 14 августа, если Богъ дастъ, и тогда поѣду къ вамъ, къ Шатиловымъ. Если бы почему-нибудь не удалось, то я напишу. Одно, пожалуйста, во всякомъ случаѣ: не лишите насъ обѣщаннаго—увидѣть васъ у себя. Что вы не пишете о своей работѣ? Надняхъ у меня былъ Страховъ, пристрастилъ меня было къ моему роману, но я взялъ и бросилъ. Ужасно противно и гадко.

Вашъ Левъ Толстой.

№ 21.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Авг. 15.

Случилось то, чего я боялся, любезный Павелъ Дмитричъ, т.-е. что мнѣ не удалось пріѣхать къ Шатиловымъ въ 15-му и воспользоваться вашимъ обществомъ тамъ. Моя самарская поѣздка задержала меня, и я пріѣду въ Моховое послѣ.

Жена проситъ передать Ольгѣ Андреевнѣ свою великую благодарность за ея хлопоты о гувернанткѣ и надежду на то, что вы не раздумали сдѣлать намъ это великое удовольствіе—побывать у насъ.

Говоря по французски, мы дѣлаемъ себѣ изъ этого праздника и рассчитываемъ увидѣть васъ въ 20-хъ числахъ.

Телеграфировать намъ, если вы не успѣете написать, чтобы выслать коляску, можно въ Ясенки.

Пріѣздъ къ намъ можетъ быть по курьерскому въ Тулу въ 12 часовъ дня и по почтовому, который приходитъ въ Ясенки въ 11 часовъ вечера. Для насъ оба одинаково удобны. Выбирайте, какой для васъ удобнѣе.

Корректуры мои, какъ онѣ мнѣ ни постылы, теперь къ вашимъ услугамъ. Передайте нашъ поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ и благодарность.

Вашъ Л. Толстой.

207866

Центральная городская
публичная библиотека
им. М. Горького

№ 22.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Сент. 15:

Очень благодаренъ вамъ, дорогой Павелъ Дмитричъ, за ваши оба письма, на которыя я не успѣлъ отвѣтить. Мы были у Дьяковыхъ и я тамъ получилъ послѣднее письмо. Не могу сказать, чтобъ я былъ радъ извѣстію о положеніи вашихъ дѣлъ. Это только отсрочка, а неопредѣленность такъ мучительна. О Новосильскомъ имѣніи я навелъ справки и видѣлъ Мясного и отослалъ ему вопросные пункты. Когда получу отвѣтъ, пришлю вамъ. Онъ говорилъ о цѣнѣ такъ, что, я полагаю, за 45 тыс. отдадутъ. И по всему, что я узналъ, я вамъ очень совѣтую купить. Шатиловъ писалъ вамъ (онъ мнѣ говорилъ), что не совѣтуетъ купить, не слушайте его.

Получили ли вы книги ваши, за которыя еще разъ очень благодарю, и все ли онѣ цѣлы. Некрасова я забылъ уложить, пришлю послѣ. Мы вчера вернулись отъ Дьяковыхъ и принимаемся за свою постоянную трудовую жизнь и съ большой радостью. Гувернера и гувернантки все еще у насъ нѣтъ. Даниловичъ мнѣ не нравится, несмотря на то, что вы его покровительствуете, но письмо ваше о немъ и всѣхъ отношеніяхъ его съ семействомъ Васильчикова—прелестъ. Такъ я вижу все это и переживаю. Былъ я у Леонтьева за гувернеромъ и говорилъ о вашей статѣ о русскомъ стихѣ. Онъ очень желаетъ напечатать ее. Если вы найдете лучше, то хорошо, но не зарывайте ее въ какія-то древности¹⁾. Что дѣлать, журнала не гадкаго нѣтъ, и «От. Зап.» гадки своей гадостью, и «Р. В.» своей, противоположной той гадости, а середины пѣтъ. Очень надѣмся на гувернантку черезъ посредство m-lle Elfrot и очень благодаримъ. Передайте нашъ поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ и пишите былины; я этимъ, вмѣсто покорнаго слуги, заключаю и буду заключать мои къ вамъ письма, пока вы не напишете.

Левъ Толстой.

---

¹⁾ Изслѣдованіе Голохвастова появилось позднѣе въ Памятникахъ Общ. Люб. Древн. Письменности.

№ 23.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1874 г.) Ноябрь.

Давно не писалъ вамъ, Павелъ Дмитричъ, и теперь собираюсь написать только нѣсколько словъ. Замучали хлопоты, заботы, а главное, болѣзни въ семьѣ: то жена, то дѣти. Таня дочь недѣлю тому назадъ упала затылкомъ на паркетъ и была при смерти. Теперь внѣ опасности, но ключица сломана и я завтра везу ее въ Москву. Жена въ лихорадкѣ и маленькій въ сыпи. Самъ не знаю, корь или оспа. Хлопоты все же больше педагогическія, и теорія, и практика. За романъ я не берусь. У меня къ вамъ двѣ-три просьбы: 1) вы говорили какъ-то, что Леонидъ знатокъ житій и готовъ помочь составленію чтенія для народа.

Не будетъ ли онъ такъ милостивъ составить списокъ наилучшихъ, наинароднѣйшихъ житій изъ Макарьевскихъ, Дмитрія Рост. и изъ Патерика. Я хочу попытаться не передѣлать, а выбрать для народнаго чтенія и издать. 2) М-лле Elfröt что сдѣлала? У насъ есть старушка, но ненадежна. 3) Составьте мнѣ къ новому изданію Азбуки сколько можете и хотите былинъ. Хоть бы краткую или главную часть И л ъ и, которая бы составляла отдѣльное.

Вашъ всей душой Л. Толстой.

Нашъ поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

№ 24.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1875 г.) Мартъ.

Наконецъ получилъ отъ васъ вѣсточку, любезный Павелъ Дмитріевичъ, и очень этому радъ. Еще радуюсь тому полуобѣщанію, которое вы дѣлаете въ письмѣ, — побывать у насъ. Я нынѣшній годъ очень плохъ здоровьемъ. Простудился и почти всю зиму не выходилъ изъ дома; кромѣ того у насъ заболѣлъ страшной мозговой болѣзнью меньшей грудной ребенокъ и умеръ. Женѣ было очень тяжело. Работы же у меня въ эту зиму было и есть очень много, — романъ, новая азбука, которая теперь печатается, другія еще работы и особенное дѣло, практическое,

которое я веду въ нашемъ уѣздѣ и результаты котораго необыкновенно хороши¹⁾.

Я писалъ архимандриту Леониду очень ужъ давно и не получилъ отвѣта. При случаѣ спросите, пожалуйста, у него. Я ужъ боюсь, не написалъ ли я что нибудь неловко, не оскорбилъ ли невольнo чѣмъ.

Имѣнье продается въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, у самой полустанціи Бастыева, 8 часовъ ѣзды отъ Москвы. Сколько мнѣ помнится, десятинъ 250. Знаю, что вы не хотите земли; но если вы желаете, купите это. Просятъ, кажется, рублей 90 за дес. Домъ, садъ, вода, мебель, лошади, скоть. Обжитое, хорошенькое мѣстечко. Продаетъ г-жа Алфѣрова. Я у нея покупаю другое имѣнье, прилегающее къ моему чернскому. Я купилъ по 80 руб. Земля хуже и никакой усадьбы и постройки.

Очень сожалѣемъ о нездоровьи Ольги Андреевны. Надѣюсь, что теперь она ужъ совершенно здорова и работаетъ въ уединеніи надъ продолженіемъ прекраснаго начала романа. Пожалуйста, кончайте, и главное, печатайте свою статью о русскомъ стихѣ; кромѣ успѣха—быстраго или медленнаго, этого я не знаю,—ничего быть не можетъ. А вамъ надо ее сбыть, а намъ, литературѣ, нужно ее имѣть. Страховъ мнѣ писалъ о васъ и вашей статьѣ.

И то и другое произвело на него такое же впечатлѣніе, какъ и на меня т.-е. самое пріятное и серьезное. Я этому очень порадовался.

Вашъ Л. Толстой.

№ 25.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1875 г., осень).

Мы недѣли двѣ какъ пріѣхали, дорогой Павелъ Дмитричъ, и я обрадовался, узнавъ почеркъ вашего письма; по очень огорчился, узнавъ о нездоровьи Ольги Андреевны. Надѣюсь, что то улучшение, о которомъ вы пишете, дошло до совершеннаго выздоровленія. Надѣюсь, что мнѣ придется побывать въ Москвѣ и увидеть васъ.

---

¹⁾ «Практическое дѣло»—устройство учительской семинаріи въ Ясной Полянѣ, которымъ Л. Н. былъ занятъ въ эти годы; осенью 1876 г. въ имѣніи уже отдѣльвалось помѣщеніе для нея; въ мартѣ слѣдующаго года Т—ой хлопочетъ о директорѣ. Дальше прекращаются извѣстія объ этомъ неосуществившемся предпріятіи.

Конецъ сентября мнѣ приходится провести очень непріятно—присяжнымъ въ Сергіевскѣ¹⁾). Желая вамъ отъ всей души успѣха въ вашей работѣ. Нѣтъ ничего хуже, какъ сообщать другъ другу свои планы художественной работы.

Если бы вы могли въ разговорѣ рассказать то, что вы хотите выразить въ своей драмѣ, вамъ не зачѣмъ было бы и писать ее. И потому я навѣрно и не понялъ того, что вы хотите сдѣлать. Художественное произведеніе есть плодъ любви. Но любовь безъ дѣлъ мертва. Сдѣлайте дѣло любви, и мы полюбимъ то, что вы любите.

Надѣюсь, что до свиданья.

Вашъ Л. Толстой.

Передайте, пожалуйста, мой душевный поклонъ и желанія выздоровленія и продолженія начатаго романа Ольгѣ Андреевнѣ.

№ 26.

П. Д. ГОЛОХВASTОВУ.

(Ясная Поляна, 1876 г., весна).

Благодарю васъ, дорогой Павелъ Дмитричъ, что вспомнили обо мнѣ,—нехорошо было только то, что извѣстія вы даете о себѣ недобрыя; во-первыхъ, то, что, какъ вижу, вы не работаете, не ушли съ ушами въ работу. Это одна настоящая манера. Я не хочу даже знать, что вамъ работать. Это все равно. Я знаю только то, что есть вещи, которыя вы знаете, а другіе не знаютъ, поэтическія или филологическія, научныя или художественныя, только вамъ надо эти самыя вещи высказать и, чтобы это сдѣлать, надо уйти съ ушами въ работу. А этого вы не дѣлаете и это не хорошо. Во-вторыхъ, то, что вы живете за границей и въ Италіи. Вы не повѣрите, что я скорѣе бы сталъ жить въ Мамадышахъ, чѣмъ въ Венеціи, Римѣ, Неаполѣ; на этихъ городахъ и на жизни въ нихъ лежитъ такое условное, неизмѣнно одинаковое величіе и изящество, а для меня такая пошлость, что мнѣ тошно думать о нихъ, а читать о нихъ (недавно Страховъ прислалъ свою статью объ Италіи и искусствѣ) невыносимо.

Хуже всего то, что Ольга Андреевна болѣетъ; ужаснѣе болѣзни жены для здороваго мужа не можетъ быть положенія.

---

¹⁾ Очевидно, на выѣздной сесіи Тульск. Окр. Суда въ с. Сергіевскомъ Крапив. уѣзда.

Я нынѣшній годъ испыталъ и продолжаю испытывать это состояніе. Жена была опасно больна. Всю зиму хворала, слабѣла и теперь опять въ постели и всякую минуту трепещешь, что положеніе ухудшится. Для меня это положеніе мучительно, въ особенности, потому, что я ни вѣрю ни въ докторовъ, ни въ медицину, ни въ то, чтобъ людскія средства могли на волосъ измѣнить состояніе здоровья, т.-е. жизни человѣка.

Вслѣдствіе этого убѣжденія, котораго я не могу измѣнить въ себѣ, я беру всѣхъ докторовъ, слѣдую всѣмъ ихъ предписаніямъ и не могу имѣть никакого плана. Весьма похоже, что мы скоро поѣдемъ за границу и, вѣроятно, въ Италію, которая мнѣ такъ противна, но менѣе, чѣмъ Германія. Въ Европѣ, мнѣ кажется, что я могъ бы жить только въ Англіи, но оттуда для здоровья уѣзжаютъ и туда незачѣмъ ѣхать. Вообще, болѣзнь жены, смерть тетушки, которая скончалась у насъ нынѣшнюю зиму¹⁾, и смерть вновь родившейся дѣвочки, все это сдѣлало нынѣшнюю (зиму) очень для меня тяжелою. Утѣшаютъ только дѣти, которыя, слава Богу, хорошо растутъ, и работа, въ которую я ухожу по уши.

Перваго утѣшенія у васъ нѣтъ, а второе вы должны себѣ устроить.

Главное же желаю для нея самой, такъ же какъ и для васъ, чтобы Ольга Андреевна была здорова.

До свиданья. Пожалуйста, пишите, хотя изрѣдка.

Искренно любящій васъ Л. Толстой.

№ 27.

П. Д. ГОЛОХВASTOVУ.

(Ясная Поляна, 1876 г.) Мая 16.

Очень радъ былъ узнать, что вы вернулись въ Россію, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и не забыли меня.

Мы за границу не собираемся еще, но здоровье жены, породавшее меня въ началѣ весны, опять пугаетъ меня и угрожаетъ разстроить обычный ходъ нашей жизни. Она пьетъ воды, но въ водахъ, по моему мнѣнію, дорога не жидкость, а условія

¹⁾ Рѣчь идетъ о П. И. Юшковой, у которой жилъ юный Т—ой въ Казани.

(1862 г.)

Многъ кто знаетъ книгу Петра Вурми-
-шова Д. В. о казанъ изрѣченіи съсѣдствъ
14 въ 1850 тѣхъ годахъ, когда дворянъ Пьера
-ирихъ былъ въобразенъ, какъ Вурмишъ въ
-вѣхъ: нунъ творилъ, твердо въ само
-вѣрствѣнъ себя отъ себя бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ
-вѣдѣнъ и сумасшедшій казанъ, казанъ, казанъ
-въ книгѣ Д. казанъ изрѣченіи, въ книгѣ
-Джа 1, Вурмишъ казанъ изрѣченіи, въ книгѣ
-Джа 1, Вурмишъ казанъ изрѣченіи, въ книгѣ
-Джа 1, Вурмишъ казанъ изрѣченіи, въ книгѣ

Отрывокъ изъ „Декабристовъ“.

Этотъ неизвѣстный до сихъ поръ отрывокъ нелегко поддается точному хронологическому приуроченію. Онъ содержитъ определенное указаніе на тѣсную связь неоконченнаго романа съ «Войной и Миромъ». Герой «Декабристовъ», названный въ напечатанной первой главѣ Петромъ Ивановичемъ Лабазовымъ, здѣсь уже носитъ имя, отчество и фамилию Пьера Безухова. Поэтому можно предположить, что нашъ отрывокъ набросанъ въ началѣ 60-хъ гг., но послѣ извѣстной намъ первой главы, когда фигура Пьера Безухова уже встала въ воображеніи Толстого и, не пригодившись для брошеннаго замысла, перешла въ новый романъ. Возможна и другая гипотеза: эти строки относятся къ концу 70-хъ гг.—времени второй попытки взяться за «Декабристовъ», и указываютъ на планъ — сдѣлать «Декабристовъ» непосредственнымъ продолженіемъ «Войны и Мира» съ тѣмъ же героемъ во главѣ.

спокойствія и отсутствіе заботъ, при которыхъ ихъ пьютъ, и я совѣтую ей и буду совѣтовать ея доктору посылать ее на воды за границу. Она не желаетъ этого, потому что сестра ея Т. А. Кузьминская пріѣхала съ Кавказа и гостить у насъ съ семействомъ, но я буду настаивать и недѣли черезъ двѣ мы съ нею вмѣстѣ поѣдемъ въ Москву для свиданія съ докторомъ. И послѣ этого только вопросъ о томъ, гдѣ и какъ мы проведемъ лѣто, для насъ рѣшится.

Само собою разумѣется, что мы всегда рады васъ видѣть въ Ясной, но при неопредѣленности нашего положенія надо спланировать еще разъ. Притомъ еще въ 1-хъ числахъ іюня я поѣду въ Воронежскую губернію. Я писалъ вамъ въ Венецію и писалъ, что очень радуюсь окончанію вашей работы. Къ сожалѣнію, не могу того же сказать о работѣ Ольги Андреевны; я чувствую, что имѣю неосновательное предубѣжденіе противъ драмъ историческихъ—и въ этомъ дѣлѣ не судья. Я жалѣю вдвойнѣ: о томъ, что не могу дѣлать драмы и еще больше о томъ, что, судя поэтому, прекрасное начало романа—оставлено. Передайте, пожалуйста, нашъ съ женою поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ и отъ меня вашему брату¹⁾. Я надѣюсь и отъ всей души желаю, чтобы его обстоятельства поправились. Мы, кажется, совсѣмъ не похожи характерами, но онъ мнѣ всегда въ высшей степени симпатиченъ.

Вашъ Л. Толстой.

№ 28.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1876 г., конецъ лѣта).

На-дняхъ вернулся изъ Самары и Оренбурга, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и получилъ ваше милое письмо. Очень было бы обидно, если бы не пришлось увидѣться; но наше положеніе и планы слѣдующіе.

Я послѣ продолжительной и тяжелой поѣздки, усталый и не совсѣмъ здоровый, намѣренъ безвыѣздно сидѣть дома и на-верстывать потерянное лѣтомъ время, т.-е. много и усердно работать, жена же, только дожидавшаяся моего возвращенія, на-

---

¹⁾ Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ.

дняхъ уѣзжаетъ, т.-е. около 27, въ Москву на нѣсколько дней для отысканія и выбора гувернантки для дочери.

Малыя дѣти—малыя заботы, большія дѣти... Я никогда не думалъ, чтобы воспитаніе дѣтей, т.-е. доведеніе ихъ только до того, чтобы они были такіе же, какъ и всѣ, давало столько труда и отнимало столько времени.

Жена очень сожалѣетъ, если вслѣдствіе этого она будетъ лишена удовольствія принять Ольгу Андреевну; но если бы вашъ пріѣздъ сошелся съ ея возвращеніемъ, то мы бы очень рады были васъ видѣть.

Вы пишете объ обязательномъ обученіи и о противодѣйствіи этому. Вы не повѣрите, какъ съ годами, съ семьей и общественными обязанностями все больше и больше чувствуешь несоответственность силъ съ предстоящимъ дѣломъ: дѣла все больше и больше, а силъ все меньше.

Во всякомъ случаѣ прошу вѣрить въ мою искреннюю дружбу.

Вашъ Л. Толстой.

Нашъ душевный привѣтъ Ольгѣ Андреевнѣ.

№ 29.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВУ.

(Ясная Поляна, 1877 г.) Ноября 23.

Очень радъ былъ, Павелъ Дмитріевичъ, получить отъ васъ вѣсточку. Я часто поминаю васъ и всегда съ очень пріятнымъ чувствомъ. Живемъ мы все по старому, только жена несовсѣмъ здорова и я живу праздно.

Вамъ съ вашей энергіей и съ тѣми запасами, которые въ васъ есть, грѣхъ лѣниться и откладывать. Статья Буслаева мнѣ очень нравится. Я пробѣжалъ ее и перечту еще, но писать объ этомъ предметѣ не буду. ¹⁾

Передайте нашъ съ женою поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Дружески жму вашу руку.

Л. Толстой.

---

¹⁾ Разумѣется статья «Значеніе романа въ наше время». Широкій взглядъ Буслаева на роль романа могъ нравиться Толстому, но кто возьметъ эту статью въ книгѣ «Мои досуги», долженъ помнить, что Толстой читалъ ее въ томъ видѣ, какъ она была произнесена авторомъ въ качествѣ доклада въ Общ. Люб. Рос. Слов., безъ прибавленій 1885 г., въ которыхъ есть осужденіе Толстому за моралистическое направленіе его въ началѣ 80-хъ годовъ.

Съ портрета 1874 года.

Письмо № 30 (стр. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 38) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

№ 31.

ГУБЕРНСКОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯН-
СТВА **Ө. А. СВЪЧИНУ.**

16 декабря 1882 г.

По незаявленію мною своевременно отказа баллотироваться по дворянскимъ выборамъ я былъ избранъ сего декабря предводителемъ по Крапивенскому уѣзду. Не желая служить, покорно прошу ваше превосходительство исходатайствовать мое увольненіе.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

П. И. БИРЮКОВУ.

(1885 г., середина июня).

Напрасно вы, П. И., не слушаете своего Мефистофеля¹⁾: онъ все говорить дѣло. Если бы вы его слушали и доводили бы до конца свой разговоръ съ нимъ, то у васъ никогда бы не было тѣни сомнѣнія и раздвоенія, которое я считаю самой опасной и жалкой душевной болѣзнию. Онъ говоритъ: «вѣрь твоему разсудку и непреложнымъ законамъ его логики, взгляни на кровавую исторію человѣчества, пропадающую въ безконечности и, вѣроятно, не имѣющую конца». Это—самое важное, что и нужно всегда имѣть въ виду. Еще онъ говоритъ вамъ: «Напрасно ты думаешь водворить благо какимъ-то (тутъ неясно, какой способъ онъ отрицаетъ), безтолковымъ дѣтскимъ путемъ; обними вооруженнымъ наукою разумомъ весь безпредѣльный міръ и не думай нарушать законъ причины и слѣдствія и развитія. Ты властень направлять дѣйствіе этихъ законовъ во благо себѣ и другимъ: изучай ихъ, чтобы умѣть пользоваться ими». Это все онъ прекрасно говоритъ. Я только это и говорю и думаю. И не знаю, за что вы называете «гадиной» такой разумный голосъ. Ему только одному и надо слѣдовать.

Прежде всего надо узнать, какіе изъ всѣхъ законовъ, управляющихъ міромъ, во-первыхъ, самые важные, а во-вторыхъ (главное), какими я призванъ пользоваться, т.-е. такіе, приложеніе которыхъ мнѣ наиболѣе доступно. И по этимъ соображеніямъ установить правильную очередь въ изученіи законовъ и приложеній ихъ: прежде понять и научиться пользоваться тѣми законами, которые мнѣ наиболѣе доступны и отъ которыхъ болѣе зависитъ счастье мое и другихъ и которые поэтому для меня болѣе обязательны; потомъ, узнавъ эти законы и прилагая ихъ, заняться слѣдующими по очереди (въ смыслѣ доступности и обязательности) и т. д. до самыхъ послѣднихъ законовъ, доступныхъ уму человѣка. И потому голосъ совер-

---

¹⁾ Въ началѣ своего знакомства съ Толстымъ, П. И. Бирюковъ письменно обратился ко Л. Н.-чу съ недоумѣніями по поводу нѣкоторыхъ «проклятыхъ» вопросовъ и какъ бы жаловался на своего и с к у с и т е л я (критическій анализъ), разрушившаго и обездѣнившаго многое изъ прежнихъ духовныхъ цѣнностей довѣрчивой юности. По этому поводу и говорить Л. Н. въ своемъ отвѣтномъ письмѣ П. И. Бирюкову.

шенно справедливо говорить вамъ: «обними весь безпредѣльный міръ вооруженнымъ наукою...» Наука только въ томъ и состоитъ, чтобы знать эту очередь, знать, что мы можемъ и должны знать прежде, послѣ и то, чего мы не можемъ знать. Справедливо говорить и то, что всякій другой путь есть дѣтская мечта. Обновленіе міра посредствомъ спектральнаго анализа или любви есть одинаково дѣтская мечта. Не мечта есть только дѣятельность, сообразная непреложнымъ законамъ разума. Голосъ тоже совѣтуетъ вамъ помнить исторію человѣчества, исполненную страданій и насилій. И въ этомъ я съ нимъ согласенъ. Это надо всегда помнить. Помнить то, что эти страданія уменьшались и уменьшаются въ человѣчествѣ только благодаря дѣятельности разума, вооруженнаго наукою (подразумѣвая подъ наукой не считаніе козявокъ, звѣздъ, телефонъ и спектральный анализъ, а очередное по возможности, доступности и обязательности изученіе законовъ міра). И что такъ какъ я существо, одаренное тѣмъ средствомъ, которое уменьшаетъ страданіе, я и долженъ прилагать его, тѣмъ болѣе, что это приложеніе доставляетъ человѣку, мнѣ—единственное благо, свободное, неуничтожаемое смертью.

Л. Толстой.

№ 33.

ПРОФ. А. М. ИВАНЦОВУ-ПЛАТОНОВУ¹⁾.

(1885 г.)

Александръ Михайловичъ!

Сейчасъ получилъ отъ жены статью и ваши примѣчанія. Я еще больше полюбилъ васъ, прочтя ваши примѣчанія. Я увидалъ изъ нихъ, какъ христіанское чувство любви къ истинѣ

---

¹⁾ Въ 1885 г. графиней Софьей Андреевной Толстой предпринято было новое изданіе полнаго собранія сочиненій своего мужа. Л. Н. желалъ включить въ это изданіе и тѣ свои произведенія, въ которыхъ выразились завѣтныя стремленія его души. Онъ зналъ, что это встрѣтитъ препятствія и, ради пользы дѣла, готовъ былъ помириться со многимъ. Вслѣдствіе этого онъ и обратился съ просьбой къ тогдашнему профессору московскаго университета протоіерею А. М. Иванцову-Платонову, пользовавшемуся заслуженной славой серьезнаго, отзывчиваго и достойнѣйшаго человѣка,—проредактировать произведенія, касающіяся-религіозныхъ вопросовъ, съ правомъ выпускать или оговаривать въ нихъ тѣ мѣста,

и къ единенію людей проникаеть васъ и какъ вы постоянно умѣете, не поступаясь своимъ міросозерцаемъ, удерживать это единеніе съ людьми. На всѣ исключенія, сдѣланныя вами, я, разумѣется, согласенъ. Въ первую минуту мнѣ какъ-будто жалко было нѣкоторыя мѣста, но потомъ, вспомнивъ, что обнародованіе этого писанія можетъ быть полезно хоть одному, двумъ людямъ (что подтверждаетъ ваше сочувствіе), я устыдился этого чувства. Разумѣется, надо будетъ написать нѣсколько словъ предисловія, указавъ на значеніе вашихъ примѣчаній (з а ч е р к н у т о и и с п р а в л е н о: «примѣчаній читателя»). Лучше бы было, если бы можно было назвать васъ—прямо сказать, что я воспользовался вашей обязательностью (я бы написалъ—вашимъ согласіемъ въ основныхъ положеніяхъ, если бы вы позволили) и предоставилъ вамъ тѣ исключенія и тѣ примѣчанія, которыя вы найдете нужнымъ сдѣлать для большинства читателей, въ руки которыхъ попадетъ эта книга. Я бы сказала тогда, что я сдѣлала это совѣмъ не въ видахъ, такъ сказать, политическихъ, т.-е. какъ уловку, чтобы прошла моя книга, но сдѣлала это потому, что, хотя и не раздѣляя всего вашего религіознаго міровоззрѣнія, я счастливъ тѣмъ, что въ томъ, что я считаю основой христіанства, я нахожусь въ полномъ согласіи съ вами, и потому могъ искренно просить васъ вычеркнуть или оговорить примѣчаніями то, что составляетъ особенность моего субъективнаго міросозерцація. Не знаю, что выйдетъ изъ этого, но я во всякомъ случаѣ очень благодаренъ вамъ.

Искренно любящій и уважающій васъ

Левъ Толстой.

которыя могли бы показаться съ точки зрѣнія православной церкви неудобными, снабдивъ своими примѣчаніями въ видѣ «примѣчаній читателя». По этому поводу и было написано вышеприведенное письмо.

Добросовѣстно исполнительный А. М. Иванцовъ-Платоновъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ своей отвѣтственной задачѣ и составилъ цѣлую тетрадь «примѣчаній читателя». Но,—увы!—всѣмъ этимъ благимъ стремленіямъ не пришлось осуществиться по такъ, называемымъ н е з а в и с я щ и м ъ о б с т о я т е л ь с т в а м ъ того времени. И рукопись А. М. Иванцова-Платонова съ примѣчаніями къ религіознымъ статьямъ Толстого, представляющая сама по себѣ значительный интересъ, до сихъ поръ лежитъ неприкосновенной въ Московскомъ Историческомъ музеѣ вмѣстѣ съ другими бумагами Л. Н-ча.

Я долгимъ и тяжелымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что аргументировать съ людьми, которые не видятъ того, чего они не могутъ не видѣть,—безполезно, потому что такіе люди руководимы въ своимъ разсужденіяхъ не исканіемъ правды, а защитой своего положенія, своего прошедшаго и настоящаго. Аргументировать съ такими людьми все равно, что доказывать строителю, который, поставивъ домъ, въ которомъ онъ полагаетъ всю свою гордость и жизнь, и найдя, что углы его дома не прямые, не хочетъ знать и видѣть того, что прямой уголъ есть $\frac{1}{2}$ угловъ по одну сторону прямой.

Ему нужно, чтобы тотъ уголъ, который онъ построилъ, считая прямымъ, былъ бы прямой, и потому онъ, умный, серьезный человѣкъ, не хочетъ и не можетъ понять свойствъ прямого угла. То же и съ тѣми возраженіями, которыя я слышу постоянно противъ такой же несомнѣнной и очевидной нравственной истины—непротивленія злу насиліемъ,—съ двухъ враждебныхъ другъ другу сторонъ: правительственной консервативной и революціонной. Одна сторона начала строить тупой уголъ, другая по этому самому стала строить острый. Обѣ стороны негодуютъ другъ на друга, а еще болѣе на угольникъ, который показываетъ имъ, что обѣ неправы. Вы защищаете противъ очевидности и самихъ себя тотъ уголъ, который вы завели и который не сходится съ прямымъ, который вы очень хорошо знаете. И потому я не стану доказывать вамъ того, что вы знаете такъ же, какъ и я; но только попрошу васъ на время усомниться въ томъ, что все, что вы дѣлали, было то самое, что должно было дѣлать, и что то самое, что вы намѣрены дѣлать, есть то, что должно быть, и съ этой отвлеченной точки взглянуть хотя бы на доводы вашего письма и ясную, прямую цѣль ихъ.

Доводы ваши сводятся къ тому, что человѣкъ во имя любви къ людямъ можетъ и д о л ж е н ъ убивать людей, потому что есть какія-то для меня таинственныя или самыя непонятныя разсужденія, во имя которыхъ люди всегда и убивали другъ-друга; тѣ самыя, по которымъ Каиафа нашель, что выгоднѣе убить одного Христа, чѣмъ погубить цѣлый народъ.

Цѣль же всѣхъ доводовъ есть оправданіе убійства. Вы даже какъ-будто негодуете на то, что есть люди, утверждающіе, что никогда не надо убивать, точно такъ же, какъ я встрѣчалъ негодующихъ на людей, которые утверждаютъ, что женъ и дѣтей не надобно бить.

Человѣчество живетъ, нравственное сознаніе растетъ въ немъ, и оно доживаетъ сначала до того, что сознаетъ нравственную невозможность ѣсть своихъ родителей, потомъ убивать излишнихъ дѣтей, потомъ убивать плѣнныхъ, потомъ держать рабовъ, потомъ битьемъ приводить въ согласіе своихъ семейныхъ и потомъ—одно изъ главныхъ пріобрѣтеній чело-вѣчества—невозможность убійствомъ и вообще насиліемъ достигать своего совокупнаго блага. Есть люди, дожившіе до этой стадіи нравственнаго сознанія,—есть люди, не дожившіе до нея.

Спорить и доказывать другъ другу нечего. Какъ бы убѣдительно ни доказывали мнѣ, что я достигну большаго блага для своихъ дѣтей и для всего чело-вѣчества, если я поучу плетью своего сына, я никакъ не могу этого сдѣлать, какъ и не могу убивать. Я знаю только то, что, какъ я не могу драться, бить дѣтей, я не могу убивать. И спорить не о чемъ. Одно могу сказать, что тѣмъ, которые хотятъ защищать насиліе и въ особенности убійство, не слѣдуетъ говорить о любви, какъ людямъ, хотящимъ доказать, что острый уголъ ихъ зданія—прямой, не слѣдуетъ говорить о перпендикулярности сторонъ, потому что, утверждая это, они сами себя отрицаютъ. Если уже говорить о любви, то никакіе примѣры разбойниковъ никакъ не приведутъ къ необходимости убійства другого, а приведутъ только къ самому простому и неизбѣжному выводу изъ любви — къ тому, что чело-вѣкъ защититъ другого своимъ тѣломъ, отдастъ свою жизнь, а никакъ ужъ не возьметъ жизнь другого.

Я не хотѣлъ было доказывать, но какъ будто начинаю доказывать. Ну и пускай. Письмо ваше не только заинтересовало, но и тронуло меня: подъ толстой корой (простите меня) вашихъ суетвѣрій я увидалъ серьезный умъ и доброе сердце, и мнѣ бы хотѣлось братски подѣлиться съ вами тѣмъ пониманіемъ жизни, которое даетъ мнѣ благо.

Вы прекрасно говорите о томъ, что основная заповѣдь есть заповѣдь любви, но неправильно говорите, что всякія частныя

заповѣди могутъ нарушать ее. Вы тутъ неправильно смѣшиваете двѣ разныя вещи: заповѣдь—не ѣсть свинины и хотя бы заповѣдь—не убивать. Первая можетъ быть въ разногласіи съ любовью, потому что не имѣетъ предметомъ любви. Но вторая есть только выраженіе той степени сознанія, которой достигло человѣчество въ опредѣленіи любви. Любовь очень опасное слово. Вы знаете, что во имя любви въ семьѣ совершаются самыя злыя поступки, во имя любви къ отечеству еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству—самыя страшныя ужасы. Что любовь даетъ смыслъ жизни человѣческой,—давно извѣстно, но въ чемъ любовь? Этотъ вопросъ, не переставая, рѣшается мудростью человѣчества, и рѣшается всегда отрицательнымъ путемъ: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило подъ фирмой любви, не есть любовь. Убивать людей—не любовь, мучить ихъ, бить ихъ во имя чего бы то ни было, предпочитать однихъ другимъ,—тоже не любовь. И заповѣдь—«не противиться злу насиліемъ»—есть такая заповѣдь, указывающая тотъ предѣлъ, на которомъ прекращается дѣятельность любви. И въ этомъ дѣлѣ можно итти впередъ, но не назадъ, какъ вы хотите.

Вѣдь выходитъ удивительное дѣло: вы, человѣкъ, признающій то, что смыслъ жизни въ служеніи другимъ во имя любви, вы негодуете на то, что вамъ указанъ вѣрный и несомнѣнный путь этого служенія, въ родѣ того, что человѣкъ негодовалъ бы на то, что опредѣленъ среди мелей и подводныхъ камней вѣрный путь для его плаванія. «Зачѣмъ это стѣсненіе? Можетъ случиться, что мнѣ надобно будетъ сѣсть на мель». Развѣ не то же самое вы говорите, когда возмущаетесь на то, что нельзя убивать убивающаго воображаемаго разбойника. «Ну, а если нельзя иначе?» Ну, а если нельзя иначе, какъ сѣсть на мель? Можетъ-быть, я сяду на мель, но я не могу не радоваться тому, что у меня есть путь, и не могу не стремиться всѣми силами души итти по немъ.

Вы приводите сравненіе о томъ, что правило «не противиться злу насиліемъ» подобно правилу не бросать дѣтей въ окно, а между тѣмъ это можетъ понадобиться, и потому дѣлаете заключеніе, что положеніе о томъ, что не надо бросать дѣтей въ окно, неправильно. Но вѣдь это прямо противъ васъ. Положеніе это вполне правильно и необходимо. Настаивать на томъ, что нельзя запрещать бросать дѣтей въ окна, потому

что надобность эта может встрѣтиться при пожарѣ, вѣдь можетъ только тотъ, для кого нужно вообще мучить дѣтей, тому, кто занять такой дѣятельностью, при которой эта необходимость безпрестанно встрѣчается. Простите меня, вѣдь это такъ и есть въ нашемъ случаѣ. И это-то ужасно! Вы, несомнѣнно умный человѣкъ, идете прямо противъ здраваго смысла и, несомнѣнно добрый и самоотверженный человѣкъ, отстаиваете насилие и убійство.

Насилие и убійство возмутило васъ, и вы увлеклись естественнымъ чувствомъ: положимъ, стали противодѣйствовать насилию и убійству насиліемъ и убійствомъ. Такая дѣятельность, хотя и близкая къ животной, неразумная, не имѣетъ въ себѣ ничего бессмысленнаго и противорѣчиваго; но какъ только правительства или революціонеры хотятъ оправдать такую дѣятельность разумными основаніями, тогда является ужасающая бессмыслица, и необходимо нагроможденіе софизмовъ, чтобы не видна была бессмысленность такой попытки. Оправданія такого рода всегда основываются на предположеніи того воображаемаго разбойника, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, который убиваетъ и мучаетъ невинныхъ, и этотъ то воображаемый звѣрь, какъ будто постоянно находящійся въ процессѣ убиванія невинныхъ, и служить основаніемъ разсужденій всѣхъ насильниковъ о необходимости насилія. Но вѣдь такой разбойникъ есть самый исключительный, рѣдкій и даже невозможный случай. Многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, какъ я прожилъ 60 лѣтъ, никогда не встрѣтивъ этого фиктивного разбойника въ процессѣ совершенія своего преступленія. Зачѣмъ же я буду правило своей жизни основывать на этой фикціи?

Разсуждая о дѣйствительной жизни, а не о фикціи, мы видимъ совсѣмъ другое: мы видимъ людей, и даже самихъ себя, совершающихъ самыя жестокія дѣла, во-первыхъ, не одиночно, какъ воображаемый разбойникъ, а всегда въ связи съ другими людьми, и не потому, что мы звѣри, не имѣющіе ничего человѣческаго, а потому, что мы находимся въ заблужденіяхъ и соблазнахъ. Мало того, разсуждая о жизни, мы видимъ, напротивъ, что самыя жестокія дѣла, какъ побоища людей, динамиты, висѣлицы, гильотины, одиочныя тюрьмы, собственность, суды, власть и всѣ ея послѣдствія, всѣ происходятъ не отъ воображаемаго разбойника, а отъ тѣхъ людей,

которые основывают свои правила жизни на нелѣпой фикціи воображаемаго звѣря-разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ своихъ и другихъ людей, изъ которыхъ одно изъ самыхъ жестокихъ состоитъ въ томъ, чтобы во имя воображаемаго зла совершить дѣйствительное; и потому такой человѣкъ, направивъ свою дѣятельность на причину зла, на искорененіе заблужденій въ себѣ и другихъ, и посвятивъ на это свои силы, увидитъ передъ собой такую огромную и плодотворную дѣятельность, что никакъ не пойметъ даже, зачѣмъ ему для его дѣятельности фикція о разбойникѣ, на котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ никогда не наткнется. Если же и наткнется, то сдѣлаетъ и по отношенію къ разбойнику, по всѣмъ вѣроятіямъ, совсѣмъ другое, чѣмъ тотъ, который всю свою жизнь, еще никогда не видавъ разбойника, злобится на него.

Теперь я прошу и васъ простить меня, если я написалъ что-либо рѣзкое, и постараюсь понять меня тамъ, гдѣ я неточно выражался, а главное—вѣрить, что побужденіе мое при писаніи этого письма было одно—любовь и уваженіе къ вамъ и, желаніе быть вамъ полезнымъ.

Л. Толстой.

№ 35.

Д-РУ ФРЕЮ¹⁾.

(1886 г.).

Все недоразумѣніе виждется на томъ, что вы, говоря о религіи, совсѣмъ не то понимаете подъ нею, что понимали Конфуцій, Лао-тзе, Будда, Христосъ. У васъ религію надо выдумать или по крайней мѣрѣ придумать—и такую, которая хорошо бы дѣйствовала на людей и сходилась бы съ наукой и

---

¹⁾ Политическій дѣятель В. К. Гейнцъ, извѣстный подъ именемъ доктора Фрея, эмигрировавшій нѣкогда въ Америку и вернувшійся въ 1885 г. въ Россію горячимъ поборникомъ позитивизма, написалъ Л. Н. Толстому большое, въ 10 листовъ, письмо съ безпощадной критикой толстовскихъ религіозныхъ воззрѣній, а затѣмъ и самъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну въ надеждѣ увлечь Толстого всеразрѣшающимъ ученіемъ Конта. Толстой отнесся къ своему гостю радушно и внимательно. У нихъ были горячія, одушевленныя бесѣды съ братскими поцѣлуями. Уѣхалъ

которая бы совокупляла и обнимала все, согрѣвая людей, поощряя ихъ къ добру, но не нарушала бы ихъ жизни. Я же понимаю (льщу себя надеждой, что не я одинъ) религію совсѣмъ не такъ. Религія есть сознание тѣхъ истинъ, которыя общи, понятны всѣмъ людямъ во всѣхъ положеніяхъ, во всѣ времена и несомнѣнны какъ $2 \times 2 = 4$. Дѣло религіи есть нахождение и выраженіе этихъ истинъ, и когда истина эта выражена, то она неизбѣжно измѣняетъ жизнь людей. И потому то, что вы называете схемой—не есть вовсе произвольное утверждение кого-нибудь, а есть выраженіе тѣхъ законовъ, которые всегда неизмѣнны и чувствуются всѣми людьми. Дѣло религіи подобно дѣлу геометріи. Отношеніе катетовъ къ гипотенузѣ всегда было, и люди знали, что есть какое-то; но когда Пиагоръ указалъ и доказалъ его, то оно стало достояніемъ всѣхъ. И говорить, что схема нравственности нехороша, потому что она исключаетъ другія схемы, все равно, что говорить, что теорема отношенія катетовъ къ гипотенузѣ нехороша, потому что она нарушаетъ другія ложныя предположенія.—Оспаривать схему (какъ вы называете), истину (какъ я называю) Христа нельзя тѣмъ, что она не подходитъ къ выдуманной религіи человечества и исключаетъ другія схемы (по-вашему), ложь (по-моему), а ее надо оспаривать, прямо доказавъ, что она не истина. Религія слагается не изъ набора словъ, который можетъ хорошо дѣйствовать на людей; религія слагается изъ простыхъ, очень видныхъ, ясныхъ, несомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ, которыя выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій, и таковы истины Христа. Если бы я нашелъ такія истины у Каткова, я сейчасъ же невольно бы ихъ принялъ. На этомъ вашемъ непониманіи того, что я, да и всѣ люди религіозные считаютъ религіей, и на желаніи поставить на мѣсто этого извѣстную форму пропаганды, зиждется недоразумѣніе.

Л. Толстой.

изъ Ясной Поляны докторъ Фрей очарованнымъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ личности Толстого и создалъ себѣ иллюзію близкаго торжества позитивизма въ Ясной Полянѣ. Оставалось только закрѣпить великую побѣду письменнымъ документомъ.

По этому поводу д-ръ Фрей и обратился къ воображаемому союзнику съ рядомъ тезисовъ. Но Толстой въ своемъ отвѣтѣ, набросанномъ на письмѣ д-ра Фрея, не оставилъ ужъ и признака надежды на расцвѣтъ позитивизма въ Ясной Полянѣ.

THE HISTORY OF THE

Вечернія повѣсти.

Витоліна (зачеркнуто)
Алавитина
Толівина (зачеркнуто)

Мятель 12 февраля 1800 года.

(Съ портрета 1880 г.)

Съ портрета
1880 г.

Вечернія повѣсти.

Въ Мятель 12 февраля 1800 года.
К. Толівина.

Мятель 12 февраля 1800 года.

Всю ночь мы сидимъ въ Мятели
12 февраля. Вѣтеръ сильный.
Всю ночь мы сидимъ въ Мятели.

Всю ночь мы сидимъ въ Мятели
12 февраля. Вѣтеръ сильный.
Всю ночь мы сидимъ въ Мятели.

Всю ночь мы сидимъ въ Мятели
12 февраля. Вѣтеръ сильный.
Всю ночь мы сидимъ въ Мятели.

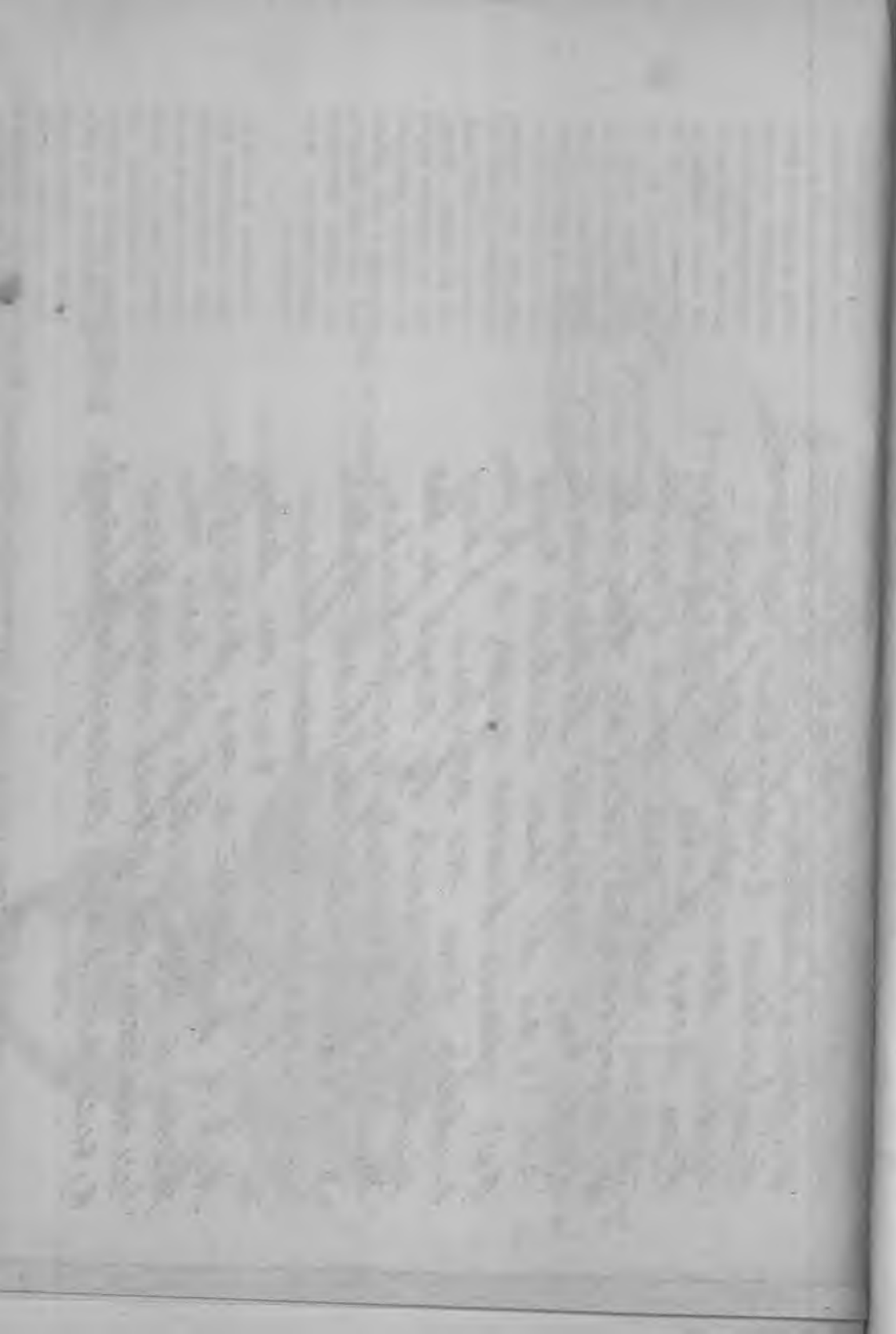
Вишавъ да въстаетъ...
 # Огня имъ тамъ...
 трагическимъ словомъ...
 едимъ вы туче не...
 Вотъ то знаешь...
 Праси что въ...
 не одобряемъ...
 а не...
 м. с. &...
 въ...
 смелъ...
 Огнь...
 въ...
 что...
 въ...
 въ...

человекъ, но человекъ
 комъ, чѣмъ онъ прежде
 не былъ.

Всё, кто знаетъ П. Мян-
 шина, знали, что онъ
 былъ здоровый, не безо-
 бразный, скорѣе краси-
 вый малый, хорошо во-
 спитанный, т. е. (не въ
 томъ смыслѣ, что онъ
 зналъ много наукъ, а
 въ томъ смыслѣ, что не
 обтиралъ ротъ рукой,
 не ѣлъ съ ножа, не вхо-
 дилъ въ комнату съ за-
 сунутыми въ карманы
 панталонъ руками—что
 гораздо (для меня) важ-
 нѣе въ жизни). Знали,
 что онъ кончилъ курсъ
 въ какомъ-то факульте-
 тѣ, какъ и всё, забывъ
 все, что тамъ читалось,
 но усвоивъ нѣкоторую
 университетскую само-
 увѣренность.

Отрывокъ начатой по-
 вѣсти неизвѣстнаго вре-
 мени. Нѣкоторое слабое
 основание отнести его къ
 концу 70-хъ гг. даетъ
 то обстоятельство, что
 цифра года въ заголовкѣ
 переправлена изъ 1879.
 Справа и слѣва въ круж-
 кахъ помѣчены детали

и сцены замесла, несвязаны и не дающія понятія о планѣ, притомъ нелегко разбираемая. Мы прочли надъ: «Свиданье»,
 «не всталъ», «Бурлабай», «перьяны въ мужика»; справа: «Бурлабай Гуль», «Атракситъ—цыган(ка?)», «Ипротъ—счастли»

№ 36.

МИЛОМУ ЮНОШѢ N.

(1886 г.)

Письмо ваше, не смотря, а вслѣдствіе вашей молодости, такъ сердечно и такъ серьезно, что, какъ ни трудно и неудобно мнѣ отвѣчать на него короткимъ письмомъ, я все-же попытаюсь это сдѣлать.

Вы пишете, что вамъ не нужна защита необходимости вѣры, что вы признаете эту необходимость.

Это прекрасно! Благодарите за это Бога. У васъ есть то, чего никто не можетъ дать.

Какъ сказалъ Христось: «Никто не придетъ ко мнѣ, какъ только тотъ, кого привлечетъ Отецъ».

Но вы говорите: «во что мнѣ вѣрить?»

Вы говорите: «Христіанство, но какое?»

Можетъ быть два представленія: Христось—Богъ, Сынъ Бога, сошедшій на землю, чтобы спасти и просвѣтить людей, и Христось—человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, въ которомъ высшая божественная мудрость, жившій 1800 лѣтъ тому назадъ и положившій такое ученіе, которое охватило человѣчество, перерабатывало и перерабатываетъ его.

Допустимъ сначала второе предположеніе, которое мною никогда вполне не допускалось и которое, я думаю, и вамъ непріятно допускать. Допустимъ его.

Христось—великій мудрецъ и учитель не только на словахъ, но мудрецъ и учитель въ жизни и смерти.

Есть ли какая-нибудь возможность исказить ученіе такого человѣка?

Какъ исказить, положимъ, ученіе Сократа?

Пусть искажаютъ и перетолковываютъ его, какъ хотятъ. Тотъ, кто пойметъ духъ ученія Сократа, тотъ безъ всякихъ усилий и безъ труда откинетъ искаженія и оставитъ то, что составляетъ сущность ученія.

Вѣдь великій учитель только потому и великъ, что онъ простъ, ясенъ, не двусмысленъ и не подверженъ искаженіямъ, какъ брилліантъ не можетъ быть стертъ ничѣмъ, болѣе слабымъ, чѣмъ онъ.

По той же причинѣ и различныхъ толкованій великаго учителя не можетъ быть. Онъ тѣмъ и великъ, что все разбросанное, все расплывающееся привелъ къ единству.

Какъ же можетъ его ученіе распасться на разныя секты?

Если распадается на разныя секты великое ученіе, то это значитъ только то, что распадается что-то такое ложное, называемое именемъ великаго ученія, но не самое ученіе.

Если бы великое (признаваемое мною великимъ) ученіе представлялось мнѣ искаженнымъ или распадающимся на множество сектъ, что бы я могъ сдѣлать иное, какъ не взять самое ученіе, самое близкое къ учителю, въ которомъ больше всего его собственныхъ словъ и не начать читать его, вникая въ его смыслъ.

Если ученіе искажено и распалось на много толковъ, то одно изъ двухъ: или самое ученіе ничтожно, или я не знаю великаго ученія.

И потому, въ случаѣ второго предположенія, того, что Христось—мудрый человекъ, необходимо совершенно свободно читать Евангеліе четырехъ Евангелистовъ, и безъ самоувѣренности и безъ ложной радости читать эту книгу, какъ мы читаемъ книги мудрецовъ. И тогда тотчасъ же скажется величіе ученія, отпадутъ сами собою искаженія и станетъ очевидно, что распаденіе на толки происходитъ не въ самомъ ученіи, а въ искусственной области, находящейся внѣ его.

Необходимость самому просто и наивно читать четырехъ Евангелистовъ, выдѣляя изъ нихъ слова самого Христа, будетъ еще очевиднѣе при первомъ предположеніи.

Христось-Богъ сошелъ разъ во все продолженіе жизни міра на землю, чтобы открыть людямъ ихъ спасеніе. Сошелъ Онъ по любви къ людямъ. Жилъ и училъ, и умеръ, любя людей.

Мы съ вами—люди. Мы страдаемъ, мучимся, ища спасенія и не находимъ его. Зачѣмъ же сходилъ Христось въ міръ?

Тутъ что-то не то.

Развѣ могъ Богъ, сойдя въ міръ для насъ, забыть насъ съ вами?

Или Онъ не умѣлъ такъ сказать, чтобы намъ было понятно?

А онъ говорилъ, и мы имѣемъ передъ собой Его слова. Они передъ нами точно тѣ же, какими они были передъ тѣми, которые слушали его проповѣдь на горѣ.

Отчего же тѣ всѣ поняли, и не сказали, что это неясно, не требовали у него разъясненій, а все поняли и сказали, что они никогда не слышали ничего подобнаго, что Онъ учитъ, какъ *ἐξουσίαν ἔχων*, власть имѣющій.

Отчего же намъ не понятно, и мы боимся, что распадемся на секты?

Очевидно, оттого, что мы слушаемъ не Его, а тѣхъ, которые стали на Его мѣсто.

Такъ что и въ первомъ предположеніи остается одно—внимать Его словамъ съ дѣтской простотой, какъ ребенокъ слушаетъ мать, съ полной увѣренностью, что мать, любя его, сумѣетъ сказать ему все ясно и понятно, и что только одна мать скажетъ ему истинную правду и все, что нужно для его блага.

Стоить только начать такъ читать, откинувъ, хотя на-время, сначала всякія соображенія о томъ, что другими считается божественнымъ, справедливымъ, законнымъ, чтобы стало совершенно ясно, что Богъ не обманулъ насъ, что Онъ точно далъ намъ спасеніе и открылъ намъ истину, такъ же несомнѣнно и понятно, какъ открываются намъ математическія истины, когда мы познаемъ ихъ.

При такомъ чтеніи открывается духъ ученія Христа, т.-е. то общее начало, которое проникаетъ все и которое будетъ руководить въ пониманіи или непониманіи темныхъ мѣстъ. Я говорю «непониманіи» потому, что непониманіе темныхъ мѣстъ для человѣка, проникнутаго духомъ ученія, не мѣшаетъ ясному, полному пониманію ясныхъ мѣстъ.

Темное мѣсто означаетъ для человѣка, проникнутаго духомъ ученія, только то, что писаніе на бумагѣ есть дѣло рукъ человѣческихъ и подвержено ошибкамъ, но никакъ не можетъ ввести его въ заблужденіе о значеніи мѣстъ ясныхъ.

Только человѣкъ, ищущій буквы, а не духа, можетъ приписывать произвольное значеніе, часто противное духу ученія, темнымъ мѣстамъ. Темныя мѣста не могутъ мѣшать пониманію ученія: слишкомъ много ясныхъ, божественныхъ и не подверженныхъ никакимъ перетолковываніямъ, и всѣхъ связанныхъ между собою однимъ началомъ и непосредственно-восторженнымъ сознаніемъ истины, отзывающихся въ сердцѣ каждаго человѣка, чтобы темныя мѣста могли мѣшать пониманію.

Мѣшаетъ пониманію другое, то, что сказано въ Евангеліи: «и не шли къ свѣту, потому что дѣла ихъ были злы».

Мѣшаетъ пониманію ученія Христа то, что дѣла того міра, среди котораго мы выросли и живемъ,—міра, имѣющаго дер-

зость называть себя христіанскимъ, что дѣла этого міра очень злы, и мы не хотимъ видѣть того, что обличаетъ насъ; что требуется отъ насъ отреченіе отъ того, что мы возлюбили, требуется отъ насъ того креста, который Христось признаетъ необходимымъ условіемъ жизни своего ученика.

Ученіе Христа такъ же просто, ясно и несомнѣнно, какъ и то, что всѣ прямые углы равны между собой, но я видѣлъ чело-вѣка, построившаго кривой домъ, и потому отрицавшаго эту истину.

Чтобы понять ученіе Христа, надо прежде всего сказать себѣ, что то, что я изучаю, это—высшій законъ, законъ Бога, и что потому я этимъ закономъ мѣряю всѣ другіе законы, какіе я знаю, а не наоборотъ, не отыскивать въ законѣ Бога то что подтверждаетъ человѣческіе законы, а впередъ уже признать его священнымъ.

Только тотъ пойметъ ученіе Христа, кто, прежде изученія его, ясно установитъ въ своей душѣ значеніе того, чего онъ ищетъ; тотъ, кто признаетъ священнымъ только свою душу, какъ душу человѣческую, и ея отношеніе къ Богу.

Насъ пріучили къ тому, что мы можемъ быть христіанами,—такъ, само собой, съ крещенія, т.-е. почти съ рожденія, безъ труда, безъ отреченія отъ себя.

Христось сказалъ (Лук. гл. XIV, ст. 33-й):

«Кто не отречется отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть моимъ ученикомъ».

Но такихъ христіанъ не было, не бываетъ и не можетъ быть.

Царство Божіе силою берется всегда, и иначе не можетъ быть. Нельзя служить Богу и мамонѣ, нельзя быть немножко христіаниномъ, держаться христіанства для удовольствія, для приличія, для утѣшенія въ тяжелыя минуты жизни.

Христіанство есть ученіе о жизни истинной.

Христось говоритъ: «вѣрующій въ меня получилъ жизнь, не вѣрующій не имѣетъ жизни». И потому вѣра въ Христа измѣняетъ всю жизнь чело-вѣка и налагаетъ на него то, что называется крестомъ.

Крестъ этотъ представляется чѣмъ-то тяжелымъ и страшнымъ для людей невѣрующихъ, для вѣрующихъ же крестъ этотъ тотчасъ же становится благомъ.

Не знаю, сказалъ ли я что-нибудь нужное вамъ? Боюсь, что нѣтъ, а очень бы желалъ, потому что полюбилъ васъ по

вашему письму. Я думаю, что вы достанете нѣкоторыя мои писанія о религіозныхъ вопросахъ, и тогда вамъ можетъ уясниться то, что не понятно теперь.

Ищите и найдете. Вѣдь это такъ просто!

Всѣ потребности, заложенныя въ человѣкѣ, получаютъ удовлетвореніе. Какъ же можетъ быть, чтобы высшая потребность вѣры не имѣла его.

Стоитъ только откинуть ложныя представленія.

№ 37.

Г. * * *

(Вторая половина 80-хъ годовъ).

Недовольство собою, сознание несоотвѣтственности жизни съ требованіемъ сердца знаю по себѣ и одно, о чемъ прошу васъ, не говорите объ этомъ, не думайте объ этомъ, не напоминайте объ этомъ самому себѣ.

Это все равно, что путешественнику, идущему въ Іерусалимъ, постоянно думать о томъ, какъ онъ много прошелъ и какъ много еще остается ему идти.

Эти мысли могутъ только ослабить его энергію.

Думать надо о ближайшей верстѣ, если уже нужно думать о будущемъ.

Само собою разумѣется, это относится къ тѣмъ, которые точно идутъ.

Если бы даже случилось, что изъ нихъ кто заблудится и и очутится снова на прежнемъ мѣстѣ, на томъ мѣстѣ, съ котораго вышелъ, то это никакъ не должно обезкураживать его. Лучше узнать дорогу и все таки поидеть.

Китайская мудрость говорить: «возобновляй самъ себя каждый день сначала и опять сначала».

Мнѣ это очень нравится, и я стараюсь это дѣлать, и съ меня довольно и того знанія, что, оглянувшись, я вижу, что иду впередъ, а не назадъ. Этого знанія мнѣ достаточно, чтобы бодро жить, съ увѣренностью, что я на настоящей дорогѣ.

Сколько я прохожу въ день, это—другой вопросъ. Стараюсь больше, но часто случается, что пройду меньше и теряю время, отдыхаю, часто отдыхаю, и стою, когда могъ бы идти.

Не спускайте на спячку,—она должна быть, какъ сонъ.

Недовольство собою—не другими, мнѣ кажется, должно быть, и я часто утѣшаюсь тѣмъ, что не совсѣмъ еще пропалъ, что постоянно недоволенъ собою. Но я знаю, чѣмъ я недоволенъ—своими опредѣленными гадостями, въ избавленіи отъ которыхъ никто мнѣ помочь не можетъ и работа надъ которыми составляетъ мою жизнь. О средѣ же, въ которой я живу, о внѣшнихъ условіяхъ моей жизни, я не забочусь, потому что знаю опытомъ, что та или другая среда, тѣ или другія условія жизни вытекаютъ изъ моей большей или меньшей близости къ Христу и истинѣ.

Я живу такъ, какъ я живу, не потому, что меня застало просвѣтлѣніе въ тяжелыхъ, трудныхъ условіяхъ (какъ я думалъ прежде), а оттого, что я дурень. На сколько я лучше буду и бываю, на столько лучше среда и внѣшнія условія. Если бы я былъ святъ, среда и условія внѣшнія были бы идеальны, я бы жилъ такъ, какъ я представляю себѣ жизнь учениковъ Христа, т.-е. нищимъ, бродягою, слугою всѣмъ, и я не отчаиваюсь и теперь, потому что это—все-таки въ моей власти.

Стать лучше, ближе къ истинѣ вслѣдствіе внѣшнихъ условій такъ же нельзя, какъ нельзя сѣсть на палку, взяться за нее руками и поднять себя.

Внѣшнія условія жизни, формы жизни, единеніе,—все это послѣдствія внутренняго совершенства, приближенія къ Христу.

Ищите царства Божія, которое внутри васъ есть, и правды его, а остальное приложится вамъ.

№ 38.

СУПРУГАМЪ N.

(1887 г., январь).

Не могу удержаться, не сказать вамъ: будьте оба осторожны, внимательны больше всего другого къ взаимнымъ отношеніямъ, чтобы не закрались привычки раздраженія, отчужденности.

Не легкое дѣло стать одною душою и однимъ тѣломъ. Надо постараться. Но и награда за старанье большая.

А средство я знаю одно, главное: ни на минуту изъ-за любви супружеской не забывать, не утрачивать любви и уваженія, какъ человѣкъ къ человѣку.

Пусть будутъ отношенія, какъ мужъ съ женою,—но въ основѣ всего, чтобы были отношенія, какъ къ постороннему, къ ближнему,—эти-то отношенія—главное.

Въ нихъ—держава.

№ 39.

РОМАНЪ РОЛЛАНУ¹⁾.

(1887 г., окт. 4).

Дорогой братъ!

Я получилъ ваше первое письмо. Оно тронуло мое сердце. Я читалъ его со слезами на глазахъ. Я намѣревался отвѣчать на него, но не имѣлъ времени, тѣмъ болѣе, что—не говоря уже о трудности для меня писать по-французски—мнѣ пришлось бы отвѣчать очень подробно на ваши вопросы, большая часть которыхъ основана на недоруазумѣннн.

Вы спрашиваете: Почему ручной трудъ является однимъ изъ существенныхъ условій нашего истиннаго счастья? Нужно ли добровольно лишать себя умственной дѣятельности, занятій науками и искусствами, которыя кажутся вамъ несовмѣстимыми съ ручнымъ трудомъ?

¹⁾ Письмо это помѣщается въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Толстого въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, безъ обращеній къ лицу, въ видѣ статьи («Ручной трудъ и умственная дѣятельность»). Романъ Ролланъ, профессоръ исторіи музыки въ Сорбоннѣ, авторъ нѣсколькихъ книгъ въ области искусства, особенно выдвинулся въ послѣдніе годы оригинальной серіей романовъ, объединенныхъ однимъ героемъ («Jean Chri stophe; серія занимаетъ 10 томовъ, изъ которыхъ 8 уже появились»). Нѣсколько разъ авторъ упоминаетъ здѣсь о Толстомъ, заставляя даже своего героя обращаться письменно къ нему (въ *Les Amies*), при чемъ видно нѣсколько критическое отношеніе автора къ взглядамъ Толстого на искусство; тѣмъ не менѣе въ пріемахъ творчества Роллана, совершенно свободныхъ отъ установленныхъ традицій французскаго романа, въ широкомъ и жизненномъ пониманіи искусства (герой—композиторъ новаторъ), въ строгомъ осужденіи искусственной изолированности литературы и музыки отъ естественныхъ интересовъ жизни,—во всемъ этомъ чувствуется, если не вліяніе Толстого, то родственное съ нимъ стремленіе къ широкому идеалу общечеловѣческой солидарности на основѣ любви и симпатіи. Въ текущемъ (1911) году онъ напечаталъ въ *La Revue de Paris* большую статью о Толстомъ (около 150 стр.), вышедшую теперь отдѣльной

Я отвѣчалъ на эти вопросы, какъ умѣлъ, въ книгѣ, озаглавленной: Такъ что же намъ дѣлать?—которая, какъ я слышалъ, была переведена на французскій языкъ. Я никогда не считалъ ручной трудъ самостоятельнымъ принципомъ, а всегда считалъ его самымъ простымъ и естественнымъ приложеніемъ нравственнаго принципа,—такимъ приложеніемъ, которое прежде всего представляется уму всякаго искренняго человѣка.

Ручной трудъ въ нашемъ развращенномъ обществѣ—въ обществѣ такъ-называемыхъ образованныхъ людей—является обязательнымъ для насъ единственно потому, что главный недостатокъ этого общества состоялъ и до сихъ поръ состоитъ въ освобожденіи себя отъ этого труда и въ пользованіи, безъ всякой взаимности, трудомъ бѣдныхъ, невѣжественныхъ несчастныхъ классовъ, являющихся рабами, подобными рабамъ древняго міра.

Первымъ доказательствомъ искренности людей, принадлежащихъ къ этому обществу и исповѣдующихъ христіанскіе,

---

книгой. Въ этой прекрасной работѣ, основанной на обширномъ матеріалѣ (широко использованы письма), авторъ между прочимъ говоритъ, что Толстой сыгралъ огромную, опредѣляющую роль въ развитіи того поколѣнія во Франціи, которое вступало въ жизнь въ концѣ 80-хъ годовъ. Вспоминая себя и своихъ сверстниковъ по высшей школѣ, онъ говоритъ: «Для всѣхъ насъ Толстой былъ дверью, открывавшейся въ неизмѣримый міръ, откровеніемъ жизни. Кругомъ, въ нашихъ семьяхъ, въ глубинѣ провинціи мощный голосъ, долетѣвшій съ крайнихъ предѣловъ Европы, вызывалъ тѣже симпатіи, подчасъ неожиданныя. Помню съ какимъ удивленіемъ услышалъ я однажды, что Нивернезскіе обыватели моей родины, почти ничего не читающіе и вовсе не интересующіеся искусствомъ, съ глубокимъ оживленіемъ толковали о «Смерти Ивана Ильича»... Для большинства изъ насъ его книги были тѣмъ же, чѣмъ «Вертеръ» для своего времени: волшебнымъ зеркаломъ нашего могучаго стремленія къ любви и нашихъ слабостей, нашихъ надеждъ, и ужасовъ и разочарованій... Намъ было мало лишь наслаждаться его творчествомъ: мы его переживали, оно становилось нашей плотью и кровью. Мы проникались его страстнымъ чувствомъ жизни, юностью его сердца, отсутствіемъ иллюзій, безпощаднымъ ясновидѣніемъ, его непрестаннымъ memento mori, его мечтами о братской любви и всеобщемъ мирѣ, его грознымъ изобличеніемъ лживости нашей цивилизаціи»...

Приводимое письмо служитъ отвѣтомъ на обращеніе къ нему Роллана какъ разъ въ пору молодого увлеченія Толстымъ цѣлаго кружка французовъ.

философскіе или гуманитарные принципы, является стараніе выйти, насколько возможно, изъ этого противорѣчія.

Самымъ простымъ и находящимся всегда подъ рукой способомъ для достиженія этого является прежде всего ручной трудъ, обращенный на заботы о своей личности. Я никогда не повѣрю искренности христіанскихъ, философскихъ и гуманитарныхъ убѣжденій человѣка, кото зарыиваетъ служанку выносить его ночной горшокъ.

Самое простое и самое короткое нравственное правило состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше заставлять другихъ служить себѣ и какъ можно больше самому служить другимъ,— требовать отъ другихъ какъ можно меньше и давать другимъ какъ можно больше.

Это правило, дающее нашему существованію разумный смыслъ, и вытекающее изъ него счастье, разрѣшаетъ такъ же и всѣ затрудненія, въ томъ числѣ и то, которое возникаетъ передъ вами: что остается на долю умственной дѣятельности, науки, искусства?

На основаніи этого правила, я только тогда могу быть счастливымъ и удовлетвореннымъ, когда я имѣю твердое убѣжденіе, что моя дѣятельность полезна другимъ. Удовлетвореніе тѣхъ, для которыхъ я дѣйствую, является уже прибавкой, добавочнымъ счастіемъ, на которое я не рассчитываю и которое не можетъ вліять на выборъ мною моихъ поступковъ. Мое твердое убѣжденіе въ томъ, что то, что я дѣлаю, не есть ничто бесполезное и не есть зло, а есть благо для другихъ, является поэтому главнымъ условіемъ моего счастья.

Вотъ это-то неволью и побуждаетъ нравственнаго и искренняго человѣка предпочитать ручной трудъ труду научному и художественному. Книга, которую я пишу и для которой я нуждаюсь въ трудѣ наборщиковъ; симфонія, которую я сочиняю и для которой я нуждаюсь въ музыкантахъ; опыты, которые я произвожу и для которыхъ я нуждаюсь въ трудѣ тѣхъ, которые дѣлаютъ наши лабораторные приборы; картина, которую я пишу и для которой я нуждаюсь въ тѣхъ, которые дѣлаютъ краски и полотно,— всѣ эти вещи могутъ быть полезны людямъ, но могутъ также—какъ это и бываетъ по большей части—быть совершенно бесполезны и даже вредны. И вотъ, пока я дѣлаю всѣ эти вещи, польза которыхъ весьма сомнительна и для которыхъ я долженъ еще заставлять работать другихъ, меня со всѣхъ сторонъ окружаетъ множество дѣлъ, которыя нужно сдѣлать,

которыя несомнѣнно полезны другимъ и для которыхъ мнѣ не нужно ничьей помощи: понести тяжесть, чтобы помочь уставшему; обработать поле, хозяинъ котораго заболѣлъ; перевязать рану. Но не будемъ говорить объ этихъ безчисленныхъ дѣлахъ, которыя насъ окружаютъ, для которыхъ не нужно ничьей помощи и которыя доставляютъ непосредственное удовлетвореніе тѣмъ, для пользы которыхъ вы ихъ дѣлаете. Посадить дерево, выкормить теленка, вычистить колодезь,—вотъ дѣла, несомнѣнно, полезныя другимъ и которыя всякій искренній человѣкъ не можетъ не предпочесть тѣмъ сомнительнымъ занятіямъ, о которыхъ въ нашемъ мірѣ проповѣдуютъ, какъ о самомъ возвышенномъ и самомъ благородномъ человѣческомъ призваніи.

Призваніе пророка есть высокое и благородное призваніе. Но мы знаемъ, что представляютъ собой священники, считающіе себя пророками единственно потому, что это имъ выгодно и что они имѣютъ возможность выдавать себя за таковыхъ.

Не тотъ пророкъ, который получаетъ воспитаніе пророка, а тотъ, кто имѣетъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, что онъ есть пророкъ, долженъ имъ быть и не можетъ не быть имъ. Такое убѣжденіе рѣдко и можетъ быть доказано только тѣми жертвами, которыя человѣкъ приноситъ своему призванію.

То же самое относится къ истинной наукѣ и къ истинному искусству. Какой-нибудь Лулли, который на свой страхъ бросаетъ службу на кухнѣ, чтобы предаться игрѣ на скрипкѣ, приносимыми имъ жертвами доказываетъ свое призваніе. Но ученикъ консерваторіи или студентъ, единственная обязанность которыхъ изучать то, что имъ преподаютъ, не имѣютъ даже возможности оказать свое призваніе: они просто пользуются положеніемъ, которое кажется имъ выгоднымъ.

Ручной трудъ есть обязанность и счастье для всѣхъ; умственная дѣятельность есть дѣятельность исключительная, которая становится обязанностью и счастьемъ только для тѣхъ, кто имѣетъ соотвѣтственное призваніе. Призваніе можетъ быть указано и доказано только въ томъ случаѣ, когда ученый или художникъ жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и своимъ благосостояніемъ, чтобы слѣдовать своему призванію. Человѣкъ, который продолжаетъ исполнять обязанность поддержанія своего существованія трудами рукъ своихъ и, несмотря на то, лишая себя отдыха и сна, находитъ возможность мыслить и производительно работать въ умственной области,—этимъ доказываетъ

свое призваніе. Тотъ же, который освобождаетъ себя отъ общей всѣмъ людямъ нравственной обязанности и, поды предлогомъ своей склонности къ наукамъ и искусствамъ, устраиваетъ себѣ жизнь паразита,—тотъ никогда не произведетъ ничего, кромѣ ложной науки и ложнаго искусства.

Произведеніе истинной науки и истиннаго искусства суть продукты приносимой человѣкомъ жертвы, а никакихъ не тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Но что станется съ наукой и искусствами?—сколько разъ мнѣ приходилось слышать этотъ вопросъ отъ людей, которымъ не было никакого дѣла ни до наукъ, ни до искусствъ, и которые не имѣли даже мало-мальски яснаго представленія о томъ, что такое науки и искусства! Можно было бы подумать, что эти люди ничѣмъ такъ не дорожатъ, какъ благомъ человѣчества, которое, по ихъ понятіямъ, состоитъ въ развитіи того, что они называютъ науками и искусствами.

Но какъ это случилось, что нашлись люди столь безумные, что они отрицаютъ полезность наукъ и искусствъ? Существуютъ ремесленники, существуютъ земледѣльцы. Никому не приходило на умъ оспаривать ихъ полезность, и никогда рабочему не прійдетъ въ голову доказывать полезность своего труда. Онъ производитъ; его продуктъ необходимъ и представляетъ собой благо для другихъ. Имъ пользуются, и никто не сомнѣвается въ его полезности; тѣмъ болѣе никто ея не доказываетъ.

Дѣятели наукъ и искусствъ находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Какъ же это случилось, что находятся люди, которые изо всѣхъ силъ стараются доказать ихъ полезность?

Дѣло въ томъ, что истинные дѣятели наукъ и искусствъ не присвоиваютъ себѣ никакихъ правъ; они отдають произведенія своего труда; эти произведенія оказываются полезными, и они нисколько не нуждаются въ какихъ-либо правахъ и въ доказательствахъ, подтверждающихъ ихъ права. Но огромное большинство тѣхъ, которые называютъ себя учеными и художниками, очень хорошо знаютъ, что то, что они производятъ, не стоитъ того, что они потребляютъ, и вотъ единственная причина, почему они такъ усиленно стараются—подобно священникамъ всѣхъ временъ—доказать, что ихъ дѣятельность необходима для блага человѣчества.

Истинная наука и истинное искусство всегда существовали и всегда будутъ существовать, подобно всѣмъ другимъ видамъ

человѣческой дѣятельности, и невозможно и бесполезно оспаривать или доказывать ихъ необходимость.

Ложная роль, которую играютъ въ нашемъ обществѣ науки и искусства, происходитъ отъ того, что такъ называемые образованные люди, сопровождаемые учеными и художниками, составляютъ привилегированную касту, подобно священникамъ. И эта каста имѣетъ всѣ недостатки, свойственные всѣмъ кастамъ. Недостатокъ касты въ томъ, что она позоритъ и унижаетъ тотъ самый принципъ, во имя котораго она организовалась. Вмѣсто истинной религіи получается ложная религія; вмѣсто истинной науки—ложная наука, то же и по отношенію къ искусству. Недостатокъ касты въ томъ, что она давитъ на массы и, сверхъ того лишаетъ ихъ того самаго, что предполагалось распространить между ними. А самый главный недостатокъ касты заключается въ утѣшительномъ для ея членовъ противорѣчии того принципа, который они исповѣдуютъ, съ ихъ образомъ дѣйствія.

За исключеніемъ тѣхъ, которые защищаютъ нелѣпый принципъ науки для науки и искусства для искусства, сторонники цивилизаціи вынуждены утверждать, что наука и искусство представляютъ собой большое благо для человѣчества.

Въ чемъ заключается это благо? Каковы суть тѣ признаки, по которымъ можно было бы отличить благо, добро отъ зла? Сторонники науки и искусства тщательно избѣгаютъ отвѣта на эти вопросы. Они даже утверждаютъ, что опредѣленіе добра и красоты невозможно. «Добро вообще, говорятъ они, добро, красота, не можетъ быть опредѣлено». Но они лгутъ.

Во всѣ времена человѣчество въ своемъ поступательномъ движеніи только то и дѣлало, что опредѣляло добро и красоту. Но это опредѣленіе не нравится этимъ людямъ. Оно вскрываетъ ничтожество или даже вредныя, противныя добру и красотѣ, послѣдствія того, что они называютъ своими науками и своими искусствами. Добро и красота опредѣлены много вѣковъ тому назадъ. Брамины, мудрые буддисты, китайскіе, еврейскіе, египетскіе мудрецы, греческіе стоики опредѣлили ихъ, а Евангеліе дало имъ самое точное опредѣленіе.

Все, что соединяетъ людей, есть добро и красота; все, что разъединяетъ ихъ, есть зло и безобразіе.

Всѣмъ извѣстна эта формула. Она начертана въ нашемъ сердцѣ.

Добро и красота для человѣчества есть то, что соединяетъ людей. Итакъ, если бы сторонники наукъ и искусствъ дѣйствительно имѣли въ виду благо человѣчества, они знали бы, въ чемъ состоитъ благо человѣка, и, зная это, они занимались бы только тѣми науками и тѣми искусствами, которые ведутъ къ этой цѣли. Не было бы юридическихъ наукъ, военной науки, политической экономіи и финансовой науки, такъ какъ всѣ эти науки не имѣютъ другой цѣли, кромѣ благосостоянія однихъ народовъ въ ущербъ другимъ. Если бы благо было, дѣйствительно, критеріумомъ наукъ и искусствъ, никогда изысканія точныхъ наукъ, совершенно ничтожныя по отношенію къ истинному благу человѣчества, не приобрѣли бы того значенія, которое они имѣютъ, и особенно не приобрѣли бы такого значенія произведенія нашихъ искусствъ, едва лишь годныя на то, чтобы разсѣять скуку праздныхъ людей.

Человѣческая мудрость не заключается въ познаніи вещей. Есть безчисленное множество вещей, которыхъ мы не можемъ знать. Не въ томъ мудрость, чтобы знать, какъ можно больше. Мудрость человѣческая въ познаніи того порядка, въ которомъ полезно знать вещи; она состоитъ въ умѣннн распрѣдѣлять свои знанія соотвѣтственно степени ихъ важности.

Между тѣмъ, изъ всѣхъ наукъ, которыя человѣкъ можетъ и долженъ знать, главнѣйшая есть наука о томъ, какъ жить, дѣлая какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра; и изъ всѣхъ искусствъ главнѣйшее есть искусство умѣть избѣгать зла и творить добро съ наименьшей, по возможности, затратой усилий. И вотъ оказывается, что между всѣми искусствами и науками, имѣющими притязаніе служить благу человѣчества, важнѣйшая изъ наукъ и важнѣйшее изъ искусствъ не только не существуютъ, но и исключены изъ списка наукъ и искусствъ.

То, что въ нашемъ мнрѣ называютъ науками и искусствами, есть не что иное, какъ огромный *h u m b u g*, великое суевѣріе, въ которое мы обыкновенно впадаемъ, какъ скоро мы освобождаемся отъ стараго церковнаго суевѣрія.

Чтобы ясно увидать путь, которому мы должны слѣдовать, надо начать съ начала,—надо снять тотъ капюшонъ, въ которомъ мнѣ тепло, но который закрываетъ мои глаза.

Искушеніе велико. Мы родимся, и затѣмъ, при помощи труда или скорѣе при помощи нѣкоторой умственной ловкости, мы постепенно поднимаемся по ступенькамъ лѣстницы и оказываемся посреди привилегированныхъ, посреди жрецовъ цивилизаціи и

культуры, и надо имѣть—какъ это надо и брамину или католическому священнику—большую искренность и большую любовь къ истинѣ и къ добру, чтобы усомниться въ тѣхъ принципахъ, которымъ мы обязаны нашимъ выгоднымъ положеніемъ. Но для серьезнаго человѣка, который, подобно вамъ, ставитъ себѣ вопросъ жизни,—нѣтъ выбора. Чтобы приобрести ясный взглядъ на вещи, онъ долженъ освободиться отъ того суевѣрія, въ которомъ онъ живетъ, хотя это суевѣріе ему и выгодно. Это—*utile sine qua non*. Безполезно разсуждать съ человѣкомъ, который упорно держится за извѣстное вѣрованіе, хотя бы только на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ.

Если его мысль не вполне свободна отъ всего предвзятаго, сколько бы онъ ни разсуждалъ, онъ ни на шагъ не приблизится въ истинѣ. Его предвзятое вѣрованіе остановитъ и исказитъ все его разсужденія. Есть вѣра религіозная, есть и вѣра въ нашу цивилизацію. Онѣ совершенно сходны. Католикъ говоритъ: «Я могу разсуждать, но только въ предѣлахъ того, чему меня учить наше писаніе и наше преданіе, обладающія полной, неизмѣнной истиной.» Вѣрующій въ цивилизацію говоритъ: «Мое разсужденіе останавливается передъ данными цивилизаціи, науки и искусства. Наша наука представляетъ собой совокупность истиннаго человѣческаго знанія. Если она еще не обладаетъ всей истиной, то она будетъ обладать ею. Наше искусство съ его классическими преданіями есть единственное истинное искусство». Католики говорятъ: «Существуетъ внѣ человѣка одна вещь въ себѣ, какъ говорятъ нѣмцы: это церковь». Люди нашего міра говорятъ: «Существуетъ внѣ человѣка одна вещь въ себѣ: цивилизація». Намъ легко видѣть ошибки разсужденія религіозныхъ суевѣрій, потому что мы не раздѣляемъ этихъ суевѣрій. Но вѣрующій въ какую-нибудь положительную религію, даже католикъ, вполне убѣжденъ въ томъ, что есть только одна истинная религія,—именно та, которую онъ исповѣдуетъ; и ему даже кажется, что истинность его религіи можетъ быть доказана разсужденіемъ. Точно такъ же и для насъ, вѣрующихъ въ цивилизацію: мы вполне убѣждены въ томъ, что существуетъ только одна истинная цивилизація,—именно наша, и намъ почти невозможно усмотрѣть недостатокъ логики во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ, которыя стремятся доказать, что, изъ всѣхъ временъ и изъ всѣхъ народовъ, только наше время и тѣ нѣсколько милліоновъ человѣкъ, которые живутъ на полуостровѣ, называемомъ

Европой, находятся въ обладаніи истинной цивилизаціей, состоящей изъ истинныхъ наукъ и истинныхъ искусствъ.

Чтобы познать истину жизни, которая столь проста, нѣтъ надобности въ чемъ-нибудь положительномъ, въ какой-нибудь философіи, въ какой-нибудь глубокой наукѣ; нужно только одно отрицательное свойство: не имѣть суевѣрій.

Надо привести себя въ состояніе ребенка или Декарта и сказать себѣ: я ничего не знаю, ничему не вѣрю и хочу только одного: познать истину жизни, которую мнѣ нужно прожить.

И отвѣтъ уже данъ вѣка тому назадъ, и этотъ отвѣтъ простъ и ясенъ.

Мое внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что мнѣ нужно благо, счастье, для меня, для меня одного. Разумъ говоритъ мнѣ: всѣ люди, всѣ существа желаютъ того же самого. Всѣ существа, ищущія, подобно мнѣ, личнаго счастья, раздавятъ меня: ясно, что я не могу обладать тѣмъ счастьемъ, котораго я желаю; а между тѣмъ, въ стремленіи къ счастью заключается вся моя жизнь. Не имѣя возможности обладать счастьемъ, не стремиться къ нему, это значить не жить.

Разсужденіе говоритъ мнѣ, что, при такомъ устройствѣ міра, при которомъ всѣ существа стремятся только къ своему собственному благу, я—существо, желающее того же самого—не могу достигнуть блага; я не могу жить. И, однако, несмотря на это столь ясное разсужденіе, мы живемъ, и мы стремимся къ счастью. Мы говоримъ себѣ: я только въ такомъ случаѣ могъ бы достигнуть блага, быть счастливымъ, если бы всѣ другія существа любили меня болѣе, чѣмъ они любятъ самихъ себя. Это вещь невозможная. И, несмотря на это, мы всѣ живемъ; и вся наша дѣятельность, наше стремленіе къ богатству, къ славѣ, къ власти, есть не что иное, какъ попытка заставить другихъ полюбить насъ больше, чѣмъ они любятъ самихъ себя. Богатство, слава, власть даютъ намъ подобіе такого порядка вещей; и мы почти довольны, мы повременамъ забываемъ, что это только подобіе, а не дѣйствительность. Всѣ существа любятъ самихъ себя больше, чѣмъ они любятъ насъ, и счастье невозможно. Есть люди—и число ихъ увеличивается со дня на день—которые, не будучи въ состояніи разрѣшить это затрудненіе, застрѣливаются, говоря, что жизнь есть только одинъ обманъ.

И однако, рѣшеніе задачи болѣе чѣмъ просто и навязывается само собой. Я только тогда могу быть счастливъ, если въ этомъ

міръ будетъ существовать такое устройство, что всѣ существа будутъ любить другихъ больше, чѣмъ самихъ себя. Весь міръ былъ бы счастливъ, если бы всѣ существа не любили бы самихъ себя, а любили бы другихъ.

Я существо человѣческое, и разумъ открываетъ мнѣ законъ счастья всѣхъ существъ. Я долженъ слѣдовать закону моего разума,—я долженъ любить другихъ болѣе, чѣмъ я люблю самого себя.

Стоитъ только человѣку сдѣлать это разсужденіе, и сейчасъ жизнь представится ему въ иномъ видѣ, чѣмъ раньше. Всѣ существа истребляютъ другъ друга; но всѣ существа любятъ другъ друга и помогаютъ другъ другу. Жизнь поддерживается не истребленіемъ, но взаимнымъ сочувствіемъ существъ, которое сказывается въ моемъ сердцѣ чувствомъ любви. Какъ только я началъ понимать ходъ вещей въ этомъ мірѣ, я увидалъ, что одно только начало взаимнаго сочувствія обуславливаетъ собой прогрессъ человѣчества. Вся исторія есть не что иное, какъ все большее и большее уясненіе и приложеніе этого единственнаго принципа солидарности всѣхъ существъ. Разсужденіе, такимъ образомъ, подтверждается опытомъ исторіи и личнымъ опытомъ.

Но и помимо разсужденія, человѣкъ находитъ въ своемъ внутреннемъ чувствѣ самое убѣдительное доказательство истинности этого разсужденія. Наибольшее, доступное человѣку, счастье, самое свободное, самое счастливое его состояніе есть состояніе самоотреченія и любви. Разумъ открываетъ человѣку единственно возможный путь счастья, и чувство устремляетъ его на этотъ путь.

Если мысли, которыя я пытался вамъ передать, покажутся вамъ неясными, не судите ихъ слишкомъ строго. Я надѣюсь, что вы когда-нибудь прочтете ихъ въ болѣе ясномъ и болѣе точномъ изложеніи. Я хотѣлъ только дать вамъ понятіе о моемъ взглядѣ на вещи ¹⁾.

Л. Толстой.

A MONSIEUR ROMAIN ROLLAND.

1887, octobre 4.

Cher frère!

J'ai reçu votre première lettre. Elle m'a touché le coeur. Je l'ai lue les larmes aux yeux. J'avais l'intention d'y répondre, mais je n'en ai pas eu le temps, et, d'autant plus, qu'outre les difficultés que j'éprouve à écrire en

¹⁾ Переводъ съ французскаго А. В.

français, il m'aurait fallu écrire très longuement pour répondre à vos questions, dont la plupart sont basées sur un malentendu.

Aux questions que vous faites: pourquoi le travail manuel s'impose à nous comme l'une des conditions essentielles du vrai bonheur? Faut-il se priver volontairement de l'activité intellectuelle, des sciences et des arts qui vous paraissent incompatibles avec le travail manuel?

A ces questions j'ai répondu comme je l'ai pu dans le livre intitulé *Que faire?* qui, à ce qu'on m'a dit a été traduit en français. Je n'ai jamais envisagé le travail manuel comme un principe, mais comme l'application la plus simple et naturelle du principe moral, celle qui se présente la première à tout homme sincère.

Le travail manuel, dans notre société dépravée,—la société des gens dits civilisés,—s'impose à nous uniquement par la raison que le défaut principal de cette société a été, et est jusqu'à présent, celui de se libérer de ce travail et de profiter, sans leur rendre la pareille, travail des classes pauvres, ignorantes et malheureuses, qui sont esclaves, comme les esclaves du vieux monde.

La première preuve de la sincérité des gens de cette société, qui professent des principes chrétiens, philosophiques ou humanitaires, est de tâcher de sortir autant que possible de cette contradiction.

Le moyen le plus simple et qui est toujours sous main y parvenir est le travail manuel qui commence par les soins de sa propre personne. Je ne croirai jamais à la sincérité des convictions chrétiennes, philosophiques et humanitaires d'une personne qui fait vider son pot de chambre par une servante.

La formule morale la plus simple et courte, c'est de se faire servir par les autres aussi peu que possible, et de servir les autres autant que possible. D'exiger des autres le moins possible et de leur donner le plus possible.

Cette formule, qui donne à notre existence un sens raisonnable, et le bonheur qui s'ensuit, résout en même temps toutes les difficultés, de même que celle qui se pose devant vous: la part qui doit être faite à l'activité intellectuelle, la science, l'art.

Suivant ce principe, je ne suis heureux et content que quand, en agissant, j'ai la ferme conviction d'être utile aux autres. Le contentement de ceux pour lesquels j'agis est un extra, un surcroît de bonheur sur lequel je ne compte pas, et qui ne peut influer sur le choix de mes actions.—Ma ferme conviction que ce que je fais n'est ni une chose inutile, ni un mal, mais un bien pour les autres, est, à cause de cela la condition principale de mon bonheur.

Et c'est cela qui pousse involontairement un homme moral et sincère à préférer, aux travaux scientifiques, le travail manuel: l'ouvrage que j'écris, pour lequel j'ai besoin du travail des imprimeurs; la symphonie que je compose, pour laquelle j'ai besoin des musiciens; les expériences que je fais, pour lesquels j'ai besoin du travail de ceux qui font les instruments de nos laboratoires; le tableau que je peins pour lequel j'ai besoin de ceux qui font les couleurs et la toile;—tous ces travaux peuvent être utiles aux

autres, mais ils peuvent être aussi, comme ils le sont pour la plupart,— des choses complètement inutiles et même nuisibles. Et voilà que pendant que je fais toutes ces choses dont l'utilité est fort douteuse, et pour produire lesquelles je dois encore faire travailler les autres, j'ai devant et autour de moi des choses à faire sans fin, et qui toutes sont indubitablement utiles aux autres, et pour produire lesquelles je n'ai besoin de personne:—un fardeau à porter, pour celui qui est fatigué; un champ à labourer pour un propriétaire qui est malade; une blessure à panser; mais sans parler de ces milliers de choses à faire qui nous entourent, qui n'ont besoin de l'aide de personne, qui produisent un contentement immédiat dans ceux pour le bien desquels vous les faites:—planter un arbre, élever un veau, nettoyer un puits—sont des actions indubitablement utiles aux autres, et qui ne peuvent ne pas être préférées par un homme sincère aux occupations douteuses qui, dans notre monde, sont prêchées comme la vocation la plus haute et la plus noble de l'homme.

La vocation d'un prophète est une vocation haute et noble. Mais nous savons ce que sont les prêtres qui se croient prophètes, uniquement parce que c'est leur avantage, et qu'ils ont la possibilité de se faire passer pour tels.

Un prophète n'est pas celui qui reçoit l'éducation d'un prophète, mais celui qui a la conviction intime de ce qu'il est et doit, et ne peut ne pas être. Cette conviction est rare, et ne peut être éprouvée que par les sacrifices qu'un homme fait à sa vocation.

De même pour la vraie science et l'art véritable. Un Lulli qui, à ses risques et périls, quitte le service de la cuisine pour jouer du violon, par les sacrifices qu'il fait, fait preuve de sa vocation. Mais l'élève d'un conservatoire, un étudiant, dont le seul devoir est d'étudier ce qu'on leur enseigne, ne sont même pas en état de faire preuve de leur vocation: ils profitent simplement d'une position qui leur paraît avantageuse.

Le travail manuel est un devoir et un bonheur pour tous; l'activité intellectuelle est une activité exceptionnelle, qui ne devient un devoir et un bonheur que pour ceux qui ont cette vocation. La vocation ne peut être connue et prouvée que par le sacrifice que fait le savant ou l'artiste de son repos et de son bien-être pour suivre sa vocation. Un homme qui continue à remplir son devoir, celui de soutenir sa vie par le travail de ses mains, et, malgré cela, prend sur les heures de son repos et de son sommeil pour penser et produire dans la sphère intellectuelle, fait preuve de sa vocation. Celui qui se libère du devoir moral de chaque homme, et, sous le prétexte de son goût pour les sciences et les arts, s'arrange une vie de parasite, ne produira jamais que de la fausse science et du faux art.

Les produits de la vraie science et du vrai art sont les produits du sacrifice, mais pas de certains avantages matériels.

Mais que deviennent les sciences et les arts?—Que de fois j'ai entendu cette question, faite par des gens qui ne se souciaient ni des sciences, ni des arts, et n'avaient même pas une idée un peu claire de ce que c'était que les sciences et les arts! On dirait que ces gens n'ont rien tant à cœur que le bien de l'humanité qui, d'après leur croyance, ne peut être produit que par le développement de ce qu'ils appellent des sciences et des arts.

Mais comment se trouve-t-il qu'il y ait des gens assez fous pour contester l'utilité des sciences et des arts? Il y a des ouvriers manuels, des ouvriers agriculteurs. Personne ne s'est jamais avisé de contester leur utilité; et jamais ouvrier ne se mettra en tête de prouver l'utilité de son travail. Il produit; son produit est nécessaire et un bien pour les autres. On en profite et personne ne doute de son utilité. Et encore moins, personne ne la prouve.

Les ouvriers des arts et des sciences sont dans les mêmes conditions. Comment se trouve-t-il qu'il y ait des gens qui s'efforcent de tout leur pouvoir de prouver leur utilité?

La raison est que les véritables ouvriers des sciences et des arts ne s'arrogent aucuns droits; ils donnent les produits de leur travail; ces produits sont utiles, et ils n'ont aucun besoin de droits et de preuves à leurs droits. Mais la grande majorité de ceux qui se disent savants et artistes savent fort bien que ce qu'ils produisent ne vaut pas ce qu'ils consomment, et ce n'est qu'à cause de cela qu'ils se donnent tant de peines, comme les prêtres de tous les temps, pour prouver que leur activité est indispensable au bien de l'humanité.

La science véritable et l'art véritable ont toujours existé et existeront toujours comme tous les autres modes de l'activité humaine, et il est impossible et inutile de les contester ou de les prouver.

Le faux rôle que jouent dans notre société les sciences et les arts provient de ce que les gens soi-disant civilisés, ayant à leur côté les savants et les artistes, sont une caste privilégiée comme les prêtres. Et cette caste a tous les défauts de toutes les castes. Elle a le défaut de dégrader et de rabaisser le principe en vertu duquel elle s'organise. Au lieu d'une vraie religion, une fausse. Au lieu d'une vraie science, une fausse. De même pour l'art. Elle a le défaut de peser sur les masses, et, pardessus cela, de les priver de ce qu'on prétend propager. Et le plus grand défaut, celui de la contradiction consolante du principe qu'ils professent avec leur manière d'agir.

En exceptant ceux qui soutiennent le principe inepte de la science pour la science et de l'art pour l'art, les partisans de la civilisation sont obligés d'affirmer que la science et l'art sont un grand bien pour l'humanité.

En quoi consiste ce bien? Quels sont les signes par lesquels on puisse distinguer le bien du mal? Les partisans de la science et de l'art ont gardé de répondre à ces questions. Ils prétendent même que la définition du bien et du beau est impossible. «Le bien en général, disent-ils, le bien, le beau, ne peut être défini». Mais ils mentent.

De tout temps, l'humanité n'a pas fait autre chose dans son progrès que de définir le bien et le beau. Mais cette définition ne leur convient pas; elle démasque la futilité, si ce n'est les effets nuisibles, contraires au bien et au beau, de ce qu'ils appellent leurs sciences et leurs arts. Le bien et le beau est défini depuis des siècles. Les Brahmanes, les sages des Bouddhistes, les sages des Chinois, des Hébreux, des Egyptiens, les stoïciens grecs l'ont défini, et l'Evangile l'a défini de la manière la plus précise.

Tout ce qui réunit les hommes est le bien et le beau, tout ce qui les sépare est le mal et le laid.

Tout le monde connaît cette formule. Elle est écrite dans notre cœur.

Le bien et le beau pour l'humanité est ce qui unit les hommes. Eh bien, si les partisans des sciences et des arts avaient en effet pour motif le bien de l'humanité, ils n'auraient pas ignoré le bien de l'homme, et, ne l'ignorant pas, ils n'auraient cultivé que les sciences et les arts qui mènent à ce but. Il n'y aurait pas de sciences juridiques, de science militaire, de science d'économie politique, ni de finances, qui n'ont d'autre but que le bien-être de certaines nations au détriment des autres. Si le bien avait été, en effet, le criterium de la science et des arts, jamais les recherches des sciences positives, complètement futiles par rapport au véritable bien de l'humanité, n'auraient acquis l'importance qu'elles ont, ni surtout les produits de nos arts, bons pour tout au plus désennuyer les oisifs.

La sagesse humaine ne consiste point dans le savoir des choses. Car il y a une infinité de choses qu'on peut savoir, et connaître le plus de choses possible ne constitue pas la sagesse. La sagesse humaine consiste à connaître l'ordre des choses qu'il est bon de savoir, consiste à savoir ranger ses connaissances d'après leur importance.

Or, de toutes les sciences que l'homme peut et doit savoir, la principale, c'est la science de vivre de manière à faire le moins de mal et le plus de bien possible, et, de tous les arts, celui de savoir éviter le mal et produire le bien avec le moins d'efforts possible. Et voilà qu'il se trouve que parmi tous les arts et les sciences qui prétendent servir au bien de l'humanité, la première des sciences et le premier des arts par leur importance non seulement n'existent pas, mais sont exclus de la liste des sciences et des arts.

Ce qu'on appelle dans notre monde les sciences et les arts ne sont qu'un immense *h u m b u g*, une grande superstition dans laquelle nous tombons ordinairement dès que nous nous affranchissons de la vieille superstition de l'Eglise.

Pour voir clair la route que nous devons suivre, il faut commencer par le commencement,—il faut relever le capuchon qui me tient chaud, mais qui me couvre la vue.

La tentation est grande. Nous naissons, et ou bien par le travail, ou plutôt par une certaine adresse intellectuelle, nous nous hissons sur les marches de l'échelle, et nous nous trouvons parmi les privilégiés, les prêtres de la civilisation, de la *K u l t u r*, comme disent les Allemands, et il faut comme pour un prêtre Brahmane ou catholique, beaucoup de sincérité et un grand amour du vrai et du bien pour mettre en doute les principes qu vous donnent cette position avantageuse. Mais pour un homme sérieux qui comme vous, se pose la question de la vie, — il n'y a pas de choix. Pour commencer à voir clair, il faut qu'il s'affranchisse de la superstition dans laquelle il se trouve, quoiqu'elle lui soit avantageuse. C'est une condition *s i n e q u a n o n*. Il est inutile de discuter avec un homme qui tient à une certaine croyance, ne fut-ce que sur un seul point.

Si le champ du raisonnement n'est pas complètement libre, il aura beau discuter, il aura beau raisonner, il n'approchera pas d'un pas de la vérité. Son point fixe arrêtera tous les raisonnements et les faussera tous. Il y a la foi religieuse, il y a la foi de notre civilisation. Elles sont tout à fait ana-

logues. Un catholique se dit: «Je puis raisonner, mais pas au delà de ce que m'enseigne notre Ecriture et notre tradition, qui possèdent la vérité entière, immuable». Un croyant de la civilisation dit: «Mon raisonnement s'arrête devant les données de la civilisation, la science et l'art. Notre science, c'est la totalité du vrai savoir de l'homme. Si elle ne possède pas encore toute la vérité, elle la possédera. Notre art avec ses traditions classiques est le seul art véritable». Les catholiques disent: «Il existe hors de l'homme une chose en soi, comme disent les Allemands: c'est l'Eglise». Les gens de notre monde disent: «Il existe hors de l'homme une chose en soi: la civilisation». Il nous est facile de voir les fautes de raisonnement des superstitions religieuses, parce que nous ne les partageons pas. Mais un croyant religieux, un catholique même, est pleinement convaincu qu'il n'y a qu'une seule vraie religion, la sienne; et il lui paraît même que la vérité de sa religion se prouve par le raisonnement. De même pour nous, les croyants de la civilisation: nous sommes pleinement convaincus qu'il n'existe qu'une seule vraie civilisation, la nôtre; et il nous est presque impossible de voir le manque de logique de tous nos raisonnements, qui ne tendent qu'à prouver que de tous les âges et de tous les peuples, il n'y a que notre âge et les quelques millions d'hommes, habitant la péninsule qu'on appelle l'Europe, qui se trouvent en possession de la vraie civilisation, qui se compose de vraies sciences et de vrais arts.

Pour connaître la vérité de la vie qui est tellement simple, il ne faut pas quelque chose de positif:—une philosophie, une science profonde;—il ne faut qu'une qualité négative:—ne pas avoir de superstition.

Il faut se mettre dans l'état d'un enfant, ou d'un Descartes, se dire:—Je ne sais rien, je ne crois rien, et ne veux pas autre chose que connaître la vérité de la vie, que je suis obligé de vivre.

Et la réponse est toute donnée depuis des siècles, et est simple et claire.

Mon sentiment intérieur me dit qu'il me faut le bien, le bonheur pour moi, pour moi seul. La raison me dit: tous les hommes, tous les êtres désirent la même chose. Tous les êtres qui sont comme moi à la recherche du bonheur individuel vont m'écraser:—c'est clair, je ne peux pas posséder le bonheur que je désire; mais la recherche du bonheur, c'est ma vie. Ne pouvoir posséder le bonheur, ne pas y tendre, ce n'est pas vivre.

Le raisonnement me dit que dans l'ordre du monde où tous les êtres ne désirent que leur bien à eux, moi, un être désirant la même chose, ne peut avoir de bien; je ne peux vivre.—Mais malgré ce raisonnement si clair, nous vivons et nous cherchons le bonheur. Nous nous disons: je n'aurais pu avoir le bien, être heureux, que dans le cas où tous les autres êtres m'aimeraient plus qu'ils ne s'aiment eux-mêmes. C'est une chose impossible. Mais malgré cela, nous vivons tous; et toute notre activité, notre recherche de la fortune, de la gloire, du pouvoir, ne sont que des tentatives de se faire aimer par les autres plus qu'ils ne s'aiment eux-mêmes. La fortune, la gloire, le pouvoir nous donnent des semblants de cet état de choses; et nous sommes presque contents, nous oublions par moments que ce n'est qu'un semblant, mais non la réalité. Tous les êtres s'aiment eux-mêmes plus qu'ils ne nous aiment et le bonheur est impossible. Il y a

des gens—et leur nombre augmente de jour en jour—qui, ne pouvant résoudre cette difficulté, se brûlent la cervelle en se disant que la vie n'est qu'une tromperie.

Et cependant, la solution du problème est plus que simple, et s'impose de soi-même. Je ne peux être heureux que s'il existe dans ce monde un ordre tel que tous les êtres aiment les autres plus qu'ils ne s'aiment eux-mêmes.

Le monde entier serait heureux si les êtres ne s'aimaient pas eux-mêmes, mais aimaient les autres.

Je suis un être humain, et la raison me donne la loi du bonheur de tous les êtres. Il faut que je suive la loi de ma raison,—que j'aime les autres plus que je m'aime moi-même.

L'homme n'a qu'à faire ce raisonnement pour que la vie se présente à lui tout d'un coup sous un tout autre aspect qu'elle ne se présentait auparavant. Les êtres se détruisent; mais les êtres s'aiment et s'entr'aident. La vie n'est pas soutenue par la destruction, mais par la réciprocité des êtres qui se traduit dans mon cœur par le sentiment de l'amour. Depuis que j'ai pu entrevoir la marche du monde, je vois que ce n'est que le principe de la réciprocité qui produit le progrès de l'humanité. Toute l'histoire n'est autre chose que la conception de plus en plus claire et l'application de cet unique principe de la solidarité de tous les êtres. Le raisonnement se trouve corroboré par l'expérience de l'histoire et par l'expérience personnelle.

Mais outre le raisonnement l'homme trouve la preuve la plus convaincante de la vérité de ce raisonnement dans son sentiment intime. Le plus grand bonheur que l'homme connaisse, l'état le plus libre, le plus heureux, est celui de l'abnégation et de l'amour. La raison découvre à l'homme la seule voie du bonheur possible, et le sentiment l'y pousse.

Si les idées que je tâche de vous communiquer ne vous paraissent pas claires, ne les jugez pas trop sévèrement. J'espère que vous les lirez un jour exposées d'une manière plus claire et plus précise. J'ai voulu seulement vous donner une idée de ma manière de voir.

L. Tolstoï.

№ 40.

Г - НУ X.

(1887 г. ?)

Я понимаю, мнѣ кажется, васъ обоихъ и очень желалъ бы помочь вамъ тѣмъ, чтобы извлечь изъ вашихъ отношеній то, что въ нихъ мучительно и тревожно, оставивъ то, что въ нихъ хорошаго и радостнаго. Она совершенно права, говоря о томъ, что исключительная любовь не только не есть любовь къ Богу, но мѣшаетъ любви къ Богу. Но эта исключительная любовь, та, которую вы испытываете къ ней, есть фактъ и такой же несомнѣнный и съ которымъ такъ же нельзя не считаться, какъ съ присутствіемъ тѣла и свойствами характера, которыхъ нельзя уничтожить. Надо, признавъ существованіе факта, сдѣлать такъ,

чтобы взять отъ него все хорошее и откинуть все дурное. Хорошее есть сознание любви, того, что любимъ, любима, и любимъ, любима не эгоистически, а для того, чтобы помогать другъ другу служить дѣлу Божию. Это—радость. Но чтобы это была радость, надо хорошенько стерилизовать ее отъ превеличенія влюбленности (а вы въ этомъ грѣшны), отъ исключительной и вытекающей изъ нея требовательности, ревности и всякой гадости, прикрывающейся хорошими именами. Практическій мой совѣтъ: не копайтесь въ своихъ чувствахъ, не передавайте все другъ другу (это не скрытность, а воздержанность), а пишите о себѣ, объ общемъ дѣлѣ. То же, что вы любите ее исключительно, и она васъ,—она знаетъ и вы знаете, и потому знаете всѣ мотивы вашихъ поступковъ и словъ. Есть предѣлъ высказыванія чувствъ, который не надо переходить, а вы перешли его. Предѣлъ этотъ такой, за которымъ всякая передача чувствъ становится не радостью, а тягостью.

Пользуйтесь той радостью любви, которую вамъ послалъ Богъ, не называя, что это—любовь, т.-е. желаніе блага не себѣ, а другому. И какъ скоро это будетъ точно любовь, т.-е. желаніе блага ей, такъ и уничтожится все то, что въ этомъ чувствѣ есть мучительнаго и для васъ и для нея.

Любовь не можетъ быть вредной, но только бы она была любовь, а не волкъ эгоизма въ овечьей шкурѣ любви. Только стоитъ спросить себя: готовъ ли я для его, ея блага, никогда не видать его, ея, прекратить съ нею, съ нимъ сношенія. Если нѣтъ, то это волкъ, и его надо бить и убить. Я знаю вашу религіозную душу и потому увѣренъ, что вы побѣдите волка, если онъ есть.

Да, всѣхъ любить нельзя равно. И большое счастье полюбить хоть одного особенно, но только полюбить его, ее, а не себя, не свое наслажденіе, испытываемое при общеніи съ нимъ, съ нею.

№ 41.

Г - Н У ***.

(Вторая половина 80-хъ гг.)

... Не думаю, чтобы вамъ нужно было сближеніе съ женщинами, особенное духовное общеніе съ ними. Съ ними только тогда общеніе хорошо и радостно, когда въ сознаніи своемъ ничѣмъ не отличаешь ихъ по ихъ полу отъ всѣхъ людей.

Нужно вамъ, мнѣ кажется, больше всего трудъ, трудъ, который поглотилъ бы все ваши силы.

Мнѣ понравилась недавно присланная мнѣ брошюрка Сток-гемъ о «Творческой жизни», какъ она озаглавила ее. Она говорить, что когда у человѣка проявляется, кромѣ всехъ его обычныхъ отравленій, еще потребность половая, то онъ долженъ знать, что это потребность творческая, которая только въ самомъ низшемъ проявленіи выражается половой похотью; это есть творческая способность, и отъ воли и старанія, упорнаго старанія, зависитъ перевести ее въ другую, физическую или, лучше всего, духовную дѣятельность.

Я думаю, что, дѣйствительно, это есть сила, участвующая въ дѣлѣ Божіемъ—установленія Царства Божія на землѣ; при половомъ актѣ это есть только передача другимъ—дѣтямъ—возможности участія въ дѣлѣ Божіемъ; при воздержаніи и дѣятельности прямого служенія Богу это есть высшее проявленіе жизни. Переходъ труденъ, но онъ возможенъ и совершается на нашихъ глазахъ сотнями и тысячами людей.

Осилите—будетъ хорошо; не осилите—женитесь,—будетъ не такъ хорошо, но и не дурно.

Дурно, какъ Павелъ говорить, разжигаться, дурно носиться съ этимъ ядомъ, всасывая его всею кровью.

Не вѣрьте только себѣ въ томъ, что въ сближеніи съ женщинами есть что-то особенно хорошее, смягчающее. Все это обманъ похоти. Въ сближеніи съ женщиной, какъ и со всякимъ человѣкомъ, много радостнаго, но особенно радостнаго въ женскомъ сближеніи ничего нѣтъ; а что есть, то обманъ чувственности, очень скрытой, но все-таки чувственности.

Вы спрашиваете: какое средство для борьбы со страстью? Въ числѣ маленькихъ средствъ, въ родѣ труда, поста, самое дѣйствительное средство есть бѣдность, неимѣніе денегъ, внѣшній видъ нищеты, такое положеніе, при которомъ очевидно, что ты не можешь быть привлекателенъ для никакой женщины. Главное же и единственное средство, которое я знаю, есть неустанность борьбы, сознание того, что борьба не есть случайное, временное состояніе, а постоянное, неизмѣнное условіе жизни.

№ 42.

Н. Я. ГРОТУ.

(1887 г.)

Письмо ваше очень радостно для меня; благодарю васъ за него. Я сейчасъ ѣду. Адресъ Страхова: Публ. библіотека. Съ нимъ человѣку серьезному нельзя расходиться.

Любящій васъ *Л. Толстой*.

№ 43.

В. Г. ЧЕРТКОВУ.

(1888 г.), февраля 9.

«...Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболѣзную тому, что его сочиненія запрещены: во-первыхъ, это писатель,—какъ писатель художественный,—если не выше, то уже навѣрное равный нашимъ первымъ писателямъ; а во-вторыхъ, если бы онъ вошелъ въ духовную плоть молодыхъ поколѣній съ 50-хъ годовъ, то у насъ не было бы революціонныхъ нигилистовъ.

«Доказывать несостоятельность революціонныхъ теорій — нужно только читать Герцена,—какъ казнится всякое насиліе именно самимъ дѣломъ, для котораго оно дѣлается. Если бы не было запрещенія Герцена, не было бы динамита и убійства, и висѣлицъ, и всѣхъ расходовъ, усилій тайной полиціи, и всего того ужаса, и всего того зла правительства и консерваторовъ...

«Очень поучительно читать его теперь. И хорошій, искренній человѣкъ.

«Человѣкъ,—выдающійся по силѣ, уму, искренности,—случайно могъ безъ помѣхи дойти по ложному пути до болота и увязнуть и закричать: не ходите! И что жъ? Оттого, что человѣкъ этотъ говоритъ о правительствѣ правду, говоритъ, что то, что есть,—не есть то, что должно быть,—опытъ и слова этого человѣка старательно скрываютъ отъ тѣхъ, которые идутъ за нимъ.

«Чудно и жалко. А, должно быть, такъ должно быть, и это къ лучшему».

№ 44.

Г - Н У N.

(1888 г.), май.

...Знаете, какъ кубики съ картинками укладываютъ?

Одинъ пойметъ картинку по одной парѣ кубиковъ, другой по другой парѣ. Но только бы удалось ему сложить первую пару,—то доберется и до всей.

Я опытомъ знаю и умѣю теперь различать людей, которые переставляютъ кубики наобумъ, отъ тѣхъ, которые сложили осмысленно два, и потому наѣрное узнаютъ всю картину, — узнаютъ ее не нынче, такъ завтра, и все ту же единственную и вѣчную картину.

И потому я, читая ваши разногласія со мною, даже не волнуюсь, а впередъ знаю, что у насъ одна, неизбѣжная и вѣчная картина.

И потому я во всемъ согласенъ съ вами не оттого, что нарочно хочу согласиться, а оттого, что разногласіе наше происходитъ только оттого, что вы съ одной стороны сводите кубики, а я съ другой,—но кубики тѣже.

Съ тѣми, которые не начали сводить еще и которые увѣряютъ, что они то-то и то-то видятъ, я впередъ не согласенъ. Съ тѣми же, которые впередъ говорятъ, что ничего не выйдетъ и не можетъ выйти, съ тѣми мнѣ больно, на тѣхъ мнѣ сердиться хочется, и я сдерживаюсь.

№ 45.

Г - Н У В. Г. Ч.

(1889 г.), февр. 28.

Я вотъ что хотѣлъ сказать: всегда говорятъ, когда человѣкъ не достигъ того, къ чему стремился, не проведъ прямую въ точности кратчайшую между двумя точками, или даже когда проведъ совсѣмъ кривую и ломаную, вмѣсто прямой, говорятъ, что онъ дѣлаетъ компромиссъ, и огорчаются этимъ. Но тутъ происходитъ путаница, и въ самыхъ важныхъ понятіяхъ. Искренній, настоящій, живой человѣкъ никогда иначе и ходить не можетъ, какъ по кривой или ломаной, только бы она вела къ цѣли, а не въ сторону отъ нея. Отступленіе въ первомъ случаѣ отъ идеала не преступно, но неизбѣжно и не есть сдѣлка (компромиссъ) въ смыслѣ нехоро-

шаго чего-то. Сдѣлка есть признаніе впередъ того, что всего закона, что вполнѣ «прямой» я сейчасъ исполнить не могу, и только такая сдѣлка дурна. Напримѣръ, впередъ признать, что насиліе, собственность, разводъ и т. п. иногда нужны. Только тогда-то человѣкъ идетъ въ сторону и является путаница. Положимъ, я знаю и вѣрю, что собственности никогда, нигдѣ, никакой я не могу имѣть, точно такъ же насилія, точно такъ же покиданія жены и нечистоты плотской,—и живу. Живу и, судя по прошедшему и по наблюденію другихъ, могу предположить, что я не осилю всего, что я согрѣшу, но надѣюсь, прошу Бога и рѣшаюсь итти прямо. Хочу итти прямо и грѣшу. Является грѣхъ, который я такимъ знаю, въ которомъ каюсь, но не дѣлаю сдѣлки, обмана передъ Богомъ. А обманъ этотъ много хуже грѣха, это хула на св. Духа. И ясно, почему отъ перваго буду страдать я, и страданіе мое будетъ мнѣ на пользу, будетъ часъ за часомъ, день за днемъ приближать меня къ Богу. А отъ второго—будутъ страдать другіе, и они, и я,—мы все дальше будемъ уходить отъ Него. Вотъ такъ думаю, оно какъ будто старое, но мнѣ было ново.

№ 46.

М. В. ПИХТИНУ ¹⁾.

(1889 г.), весна.

У меня къ вамъ просьба, которую, по тому, чтѣ я знаю о Васъ, Вы не откажетесь исполнить. Изъ Батума ѣдутъ къ своимъ мужьямъ духоборамъ, поселеннымъ въ Якутской области, ихъ жены. До Иркутска онѣ ѣдутъ на свои средства; отъ Иркутска же до Якутска онѣ должны будутъ арестоваться и итти этапомъ.

---

¹⁾ Весною въ 1889 г. въ Якутскую область отправились къ сосланнымъ мужьямъ духоборки. Благодаря хлопотамъ Л. Н-ча, въ Иркутскѣ духоборкамъ предоставили цѣлый домъ, а иркутяне снабдили ихъ деньгами, яйцами, куличами и др. припасами.

Духоборки прибыли въ Иркутскъ на Пасху, а въ маѣ мѣсяцѣ должны были, за неимѣніемъ средствъ, «арестоваться» и слѣдовать въ Якутскую область этапнымъ порядкомъ. Но и здѣсь имъ помогъ Левъ Николаевичъ. Онъ навелъ справки о пароходствѣ на Ленѣ и, узнавъ, кто изъ пароходо-владѣльцевъ наиболѣе отзывчивъ, написалъ вышеприведенное письмо представителю фирмы А. И. Громовой, М. В. Пихтину, который и оказалъ духоборкамъ большія услуги, облегчивъ ихъ участь въ пути и на мѣстѣ поселенія.

Если бы имъ былъ данъ бесплатный проѣздъ на пароходахъ, идущихъ по Ленѣ, это было бы большое благодѣяніе. Объ этомъ-то я и позволю себѣ просить Васъ.

№ 47.

Г-НУ И. Г.

(Ясная Поляна 1889 г.), авг. 7.

Мысль ваша мнѣ не только понятна, но и очень близка.

Заповѣди «люби Бога и ближняго» всегда кажутся сначала неясными, неточными, разрозненными, и только на известной ступени (которую я недавно проходилъ) сознаешь не только связь, но единство обѣихъ заповѣдей.

Сначала кажется, что центръ тяжести въ любви къ ближнему, и что любовь къ Богу только риторическая фигура. Но потомъ наступаетъ просвѣтлѣніе, т.-е. поднимаешься на точку повыше, съ которой видишь, и ясно, что сущность заповѣди, какъ и сказано, въ одной любви къ Господу Богу твоему, а другая только подобная ей. (Я бы перевелъ: подобіе, тѣнь ея, неизбежное послѣдствіе, могущее служить повѣркой первой. Есть тѣнь—есть и предметъ.)

Любовь къ Богу—направленіе, а выраженіе его внѣшнее есть любовь къ ближнему.

Любовь къ ближнему одна сама по себѣ и не имѣетъ смысла. Зачѣмъ мнѣ любить ближняго, когда я себя люблю?

Только любовь къ Богу твоему имѣетъ тотъ смыслъ, который вполнѣ удовлетворяетъ и при которомъ ни о чемъ дальше спрашивать нельзя. Люблю я себя, и если въ себѣ я люблю находящагося во мнѣ Бога моего, только тогда все ясно, и разрѣшается та задача потребности и эгоизма, и самоотверженія, которые борются въ душѣ проснуващагося человѣка.

Богъ мой любить всѣхъ людей, и только потому я люблю людей, что люблю Его. И только тогда я люблю истиннаго Его, когда я люблю людей, потому что онъ любитъ людей и весь міръ.

Любовь къ ближнему, какъ и сказано въ посланіи Іоанна, есть повѣрка того, что я знаю и люблю Бога; но это, т.-е. любовь къ ближнему, не включаетъ въ себѣ всего того, что вытекаетъ изъ любви къ Богу своему: изъ нея вытекаетъ многое и многое, мень-

шее любви, и многое и многое большее любви къ ближнему. Меньшее видимо и понятно, но большее чувствуется, хотя и не можетъ быть ясно выражено.

М е н ь ш е е есть почитаніе Бога своего, уваженіе къ Нему, соблюденіе чистоты своей, соблюденіе справедливости по отношенію къ ближнему (не дѣлать зла), проявленіе Его (да свѣтитъ свѣтъ вашъ), признаніе того же Бога въ другихъ и многое другое, что вытекаетъ изъ сознанія своей божественности.

Б о л ь ш е е любви къ ближнему есть то послѣдствіе отъ любви къ своему Богу, которое не выражается здѣсь въ любви къ ближнему, но должно выразиться тамъ, за предѣлами моего духовнаго зрѣнія. Человѣкъ, одинъ безвѣстно погибшій ради любви къ своему Богу, знающій и любящій своего Бога, знаетъ, что эта любовь есть одна истинная дѣйствительность и потому, если бы онъ и не видалъ послѣдствій дѣйствія этой дѣйствительности, онъ не можетъ сомнѣваться въ этомъ дѣйствіи, хотя оно за предѣлами его взора духовнаго.

Я не сомнѣваюсь (все Евангеліе Іоанна говоритъ объ этомъ), о томъ, что сказано (гл. VI, 38, 39, 40), что дѣло мое творить волю Отца, воля же Отца въ томъ, чтобы не погубить ничего изъ того, что Онъ мнѣ далъ, но воскресить это вложенное въ насъ божественное начало. То же сказано и въ притчѣ о талантахъ. И это опредѣленіе смысла жизни, состоящаго въ томъ, чтобы исполнять волю Отца, именно ту, чтобы соблюсти, взрастить и воскресить ту искру Божію, которая вложена въ меня, или иначе въ томъ, чтобы любить Бога своего всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ разумѣніемъ своимъ, это опредѣленіе самое широкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для меня самое ясное и радостное.

Разница для меня этого взгляда и прежняго та, что установленіе Царства Божія на землѣ черезъ любовь къ ближнему, которое прежде представлялось мнѣ почти цѣлью, теперь представляется только однимъ изъ безконечнаго ряда послѣдствій любви къ своему Богу.

Послѣдствія эти въ установленіи Царства Божія видимы и намъ даны, какъ повѣрка и руководство, вотъ въ родѣ, какъ компасъ, но никакъ не какъ цѣль.

Это все равно, какъ если бы мореплаватель не сказалъ бы, что цѣль его приплыть въ извѣстную или въ неизвѣстную страну, а сказалъ бы, что цѣль его та, чтобы на кораблѣ во все время его

плаванія стрѣлка стояла подь такимъ-то угломъ къ направленію сѣвера.

Богу моему непремѣнно нужны тѣ условія, при которыхъ устанавливается Царство Божіе, но послѣдствія эти далеко недостаточны для Него. Они составляютъ безконечно малую часть всѣхъ послѣдствій, которыя (говоря во времени) вытекаютъ изъ этой любви.

Л. Толстой.

№ 48.

П. М. ТРЕТЬЯКОВУ.

(1889 г., конецъ года (?))

Спасибо за доброе письмо ваше, почтенный П. М.¹⁾

Что я разумѣю подь словами «картина Ге составитъ эпоху въ исторіи христіанскаго искусства»? Слѣдующее:

Католическое искусство выражало преимущественно святыхъ, Мадонну и Христа, какъ Бога. Такъ это шло до послѣдняго времени, когда начались попытки изображать Его, какъ историческое лицо.

Но изобразить, какъ историческое лицо, то лицо, которое признавалось вѣками и признается теперь милліонами людей Богомъ, неудобно: неудобно потому, что такое изображеніе вызываетъ споръ. А споръ нарушаетъ художественное впечатлѣніе. И вотъ я вижу много всякихъ попытокъ выйти изъ затрудненія. Одни прямо съ задоромъ спорили,—таковы у насъ картины Верещагина, даже и Ге: «Воскресеніе»; другіе хотѣли трактовать эти сюжеты, какъ историческіе, у насъ Ивановъ, Крамской, опять Ге: «Тайная вечеря», третьи хотѣли игнорировать всякій споръ, а просто брали сюжетъ, какъ всѣмъ знакомый и заботились только о красотѣ (Дорэ, Полѣновъ), и все не выходило дѣло.

Потомъ еще были попытки свести Христа съ неба, какъ Бога, и съ пьедестала историческаго лица на почву красивой обыден-

---

¹⁾ Л. Н. принималъ горячее участіе въ судьбѣ картины художника Н. Н. Ге «Что есть истина» (Христосъ передъ Пилатомъ), см. письмо къ Кенану № 54. П. М. Третьякова убѣждалъ Л. Н. приобрести картину Ге для Третьяковской галлерей. По этому поводу и возникла между ними переписка.

ной жизни, придавая этой обыденной жизни религиозное освѣщеніе, нѣсколько мистическое. Такова Ге: «Милосердіе» и французскаго художника: Христось въ видѣ священника, босой, среди дѣтей и др. И все не выходило.

И вотъ Ге взялъ самый простой и теперь понятный послѣ того, какъ онъ его взялъ, мотивъ: Христось и Его ученіе не на однихъ словахъ, а и на дѣлѣ, въ столкновеніи съ ученіемъ міра, т.-е. тотъ мотивъ, который составлялъ тогда и теперь составляетъ главное значеніе явленія Христа,—и значеніе не спорное, такое, съ которымъ не могутъ не быть согласны и церковники, признающіе его Богомъ, и историки, признающіе Его важнымъ лицомъ въ исторіи, и христіане, признающіе главное въ Немъ—Его практическое ученіе.

На картинѣ изображенъ съ совершенной исторической вѣрностью тотъ моментъ, когда Христа водили, мучили, били, таскали изъ одной кутузки въ другую, отъ одного начальства къ другому и привели къ губернатору, добрѣйшему малому, которому нѣтъ дѣла ни до Христа, ни до евреевъ, ни еще менѣе до какой-то истины, о которой ему, знакомому со всеми ученіями и философіями Рима, толкуеть этотъ оборванецъ, ему дѣло только до высшаго начальства, чтобы не ошибиться передъ нимъ. Христось видитъ, что передъ нимъ заблудшій человѣкъ, заплывшій жиромъ; но Онъ не рѣшается отвергнуть его по одному виду и потому начинаетъ высказывать ему сущность своего ученія, но губернатору не до того, онъ говоритъ: «какая такая истина» и уходитъ. И Христось съ грустью смотритъ на этого непроницаемаго человѣка.

Таково было положеніе тогда, такое положеніе тысячи, милліонъ разъ повторяется вездѣ, всегда между ученіями истины и представителями сего міра. И это выражено на картинѣ. Это вѣрно исторически и вѣрно современно, и потому хватаетъ за сердце всякаго того, у кого есть сердце.

Ну, вотъ такое отношеніе къ христіанству и составляетъ эпоху въ искусствѣ, потому что такого рода картинъ можетъ быть бездна, и будетъ.

№ 49.

Г - Н У В - В У.

(1890 г.), февр. 6.

Выяснить то, что въ газетномъ извѣстїи несправедливо,¹⁾ не считаю возможнымъ въ письмѣ, да это и не нужно. Одно только вамъ нужно, это знать, продолжаю ли я также смотрѣть на жизнь и стараюсь ли я такъ жить, какъ я высказывалъ въ своихъ писанїяхъ. На этотъ вопросъ я отвѣчаю, что чѣмъ болѣе я подхожу къ плотской смерти, тѣмъ несомнѣннѣе для меня истинность высказаннаго мною взгляда на жизнь, тѣмъ настоятельнѣе для меня требованїя моей совѣсти и тѣмъ радостнѣе мнѣ имъ слѣдовать. Вотъ тутъ-то я боюсь, судя по первому отвѣту вашему на мое письмо и по сегодняшнему письму, что у васъ другимъ, чѣмъ у меня, опредѣляется исполненїе требованїй совѣсти. Каждый изъ насъ, познавъ истину, застаётъ себя въ извѣстномъ, далекомъ отъ истины, мірскомъ положенїи, въ связяхъ, узлами завязанныхъ и мертвыми петлями, нашими грѣхами, затянутыхъ связяхъ съ людьми міра. И человѣку, познавшему истину, прежде всего представляется, что главное, что онъ долженъ дѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы сейчасъ же, во что бы то ни стало, выйти изъ тѣхъ условїй, въ которыхъ онъ находится, и поставить себя въ такія условїя, находясь въ которыхъ, было бы ясно видно, что я живу по закону Христа, и жить въ этихъ условїяхъ, показывая людямъ примѣръ истинной христіанской жизни. Но это не такъ: требованїя совѣсти не состоятъ въ томъ, чтобы быть въ томъ или другомъ положенїи, а въ томъ, чтобы жить, не нарушая любви къ Богу и ближнему. Христіанинъ всегда будетъ стремиться къ чистой отъ грѣха жизни, всегда избересть такую жизнь, если для достиженїя ея не будутъ требоваться отъ него дѣла, разрушающїя любовь; но дѣло въ томъ, что никогда человѣкъ не бываетъ такъ мало связанъ своими и чужими грѣхами съ прошлымъ, чтобы быть въ состоянїи, не нарушая любви къ Богу и ближнему, сразу вступить въ такое внѣшнее положенїе.

---

¹⁾ Служащїй на Кавказскихъ желѣзн. дор., г. В—въ, обратился ко Л. Н.—чу съ различными моральными вопросами и, между прочимъ, съ просьбою дать разъясненїе о напечатанномъ въ газетахъ извѣстїи, будто Л. Н. присутствовалъ во фракѣ на какомъ-то великосвѣтскомъ балу, участвовалъ въ танцахъ и т. п.

Съ портрета 1892 года.

Всякій христіанинъ среди мірскихъ людей находится въ такихъ условіяхъ, что для того, чтобы ему приблизиться къ этому положенію, ему надо прежде распутывать узлы своихъ прежнихъ грѣховъ, которыми онъ связанъ съ людьми, и потому главная и первая задача его въ томъ, чтобы по закону любви къ Богу и ближнему распутывать эти узлы, а не затягивать ихъ, и главное, не дѣлать больно тѣмъ, съ кѣмъ онъ связанъ. Дѣло христіанина не въ какомъ-нибудь извѣстномъ положеніи, въ положеніи землевладѣльца и т. п., а въ исполненіи воли Бога. Воля же Бога въ томъ, чтобы на всѣ требованія жизни отвѣчать такъ, какъ того требуетъ любовь къ Богу и людямъ, и потому опредѣлять близость или отдаленность себя и другихъ отъ Христа никакъ нельзя по тому положенію, въ которомъ находится человѣкъ, и по тѣмъ поступкамъ, которые онъ совершаетъ.

№ 50.

И. Н. Г.

(1890 г.), мартъ 22.

Я писалъ вамъ въ дурномъ, слабомъ состояніи духа и потому, что написалъ, то неясно, и не доказалъ главнаго, къ чему вель. Вель же я къ тому, что для того, чтобы жить, надо непременно идти впередъ въ такомъ дѣлѣ, которому нѣтъ конца, и въ совершеніи котораго нѣтъ помѣхи. И такое дѣло есть только одно: совершенствованіе любви. Работа же, извѣстное положеніе есть только въ извѣстномъ случаѣ послѣдствіе любви. Работа и извѣстное низкое экономическое положеніе есть послѣдствіе и потому провѣрка истинной любви. Отсутствие работы и высокое обезпеченіе экономическаго положенія обличаютъ не искренность, не правдивость, а слабости человѣка и потому имѣютъ значеніе отрицательное. Но положительнаго не имѣютъ никакого значенія. Опасное дѣло и самое обычное. Молитва—слѣдствіе стремленія обращенія къ Богу, самое законное дѣйствіе,—ставится цѣлью—и является обрядность, убивающая нравственную жизнь; милосердіе, помощь ближнему, какъ слѣдствіе любви къ Богу, самое законное дѣйствіе,—становится цѣлью—и является филантропизмъ. Бѣдность, нищета, отсутствіе собственности, какъ послѣдствіе непротивленія насилиемъ и отреченія отъ обезпеченія,—самое законное состояніе,—

ставится условіемъ, цѣлью—и является фформальная бѣдность буддистовъ, монаховъ. То же и съ работой. Если она—послѣдствіе отреченія отъ обезпеченности и желанія служить другимъ—становится цѣлью,—она непремѣнно приведетъ къ заблужденію. Главное же, главное, душа въ душу говорю вамъ, милый другъ, единственная цѣль безконечная, всегда достижимая и достойная силъ, данныхъ намъ, это—увеличеніе любви. Увеличеніе же любви достигается однимъ опредѣленнымъ усиліемъ: очищеніемъ своей души отъ всего личнаго, похотливаго, враждебнаго. «Душа человѣка—христіанка», т.-е. ей не только свойственно, но сущность ея есть любовь, и потому, чтобы увеличить, усилить любовь, надо только очищать, шлифовать ее, какъ стекло, собирающее лучи. Насколько будетъ шлифованнѣе и чище, настолько будетъ сильнѣе пропускать и изливать свѣтъ и тепло любви. И этому дѣлу нѣтъ конца, нѣтъ препятствій, нѣтъ предѣловъ радости и нѣтъ ничего добраго, того, что долженъ человѣкъ сдѣлать, что бы не входило частью въ это дѣло, т.-е. въ дѣло очищенія души, и, вслѣдствіе того, увеличенія любви. Вы это знаете, милый другъ, знаете эту радость потому, что шли по этому пути и теперь, вѣроятно, идете въ глубинѣ своего сознанія. Я же, чѣмъ ближе подхожу къ плотской смерти, тѣмъ яснѣе это вижу и познаю не однимъ созерцательнымъ, но и дѣйствительнымъ опытнымъ путемъ: учусь не только къ присутствующимъ, живымъ людямъ, но и къ отсутствующимъ, къ животнымъ, къ умершимъ подавлять въ себѣ всякій отгѣнокъ презрѣнія, насмѣшки, раздражительности, не только враждебности; и удивительно: по мѣрѣ достиженія получаешь и награду въ ясности мысли, жизнерадостности и плодотворности и скорости работы. Въ этомъ дѣлѣ, вы, вѣроятно, знаете это, нелюбовь къ одному человѣку парализуетъ силы жизни, точно такъ же, какъ нелюбовь, ненависть ко всему роду человѣческому. Стекло замутится и не пропускаетъ свѣта отъ одной капли грязи такъ же, какъ и отъ бочки.

№ 51.

Л. Ю. ТРУШЕВОЙ.

(1890 г., сент. 26.)

Не совѣтую вамъ поступать на фельдшерскіе курсы. Не совѣтую вообще искать средствъ дѣлать добро. Прежде всего

надо искать средствъ перестать дѣлать зло, которымъ полна наша жизнь. И нѣтъ лучшаго средства дѣлать самое плодотворное добро, какъ переставать дѣлать зло. А то исканіе возможности сдѣлать большое добро, воображеніе о томъ, что мы готовимся къ нему или дѣлаемъ его, лишаетъ насъ ясности нашего взгляда на зло нашей жизни. Для себя, по крайней мѣрѣ, я дѣлаю такъ, и съ тѣхъ поръ, какъ дѣлаю такъ, т.-е. стараюсь уменьшать зло въ моей жизни, жизнь моя полна и меня не мучаетъ сознаніе бесполезности ея. Человѣкъ—доброе существо, и если только онъ не дѣлаетъ дурное, онъ дѣлаетъ хорошее. Идеаль христіанскій есть V, VI, VII гл. Матѳея. Сливайте съ ними свою жизнь, приближайте ее къ этому идеалу и вамъ хватитъ работы на всю жизнь.

Л. Толстой.

№ 52.

Г - Н У В. Ч.

(1890 г.)

Если не напишу сейчасъ, то никогда не отвѣчу на ваше письмо я получилъ его вчера ночью и сейчасъ утромъ прочелъ его. Вы даете три примѣра своей несостоятельности: 1) злобу къ людямъ, 2) несоотвѣтствіе жизни съ пониманіемъ жизни и 3) сомнѣніе въ будущей вѣчной жизни.

Первое—злобу къ людямъ, безсиліе не только любви, но прощенія—я испытывалъ и испытываю сильнѣе всего и страдаю отъ этого больше всего. Утѣшаюсь тѣмъ, что въ этомъ Богъ помогаетъ мнѣ, и есть перерывы злобы, есть просвѣты сознанія свыше вины, грѣховъ и потому прекращенія осужденія и даже проявленія жалости тамъ, гдѣ была злоба. Я увѣренъ, что и вамъ Богъ дастъ эти минуты, эти искры огня. А если есть искра, то будетъ тепло и свѣтъ.

Скажу, что есть для меня тотъ труть, на которомъ я ловлю эти искры, и которымъ пытаюсь разжигать свое сердце. Главное—покаяніе. Не огульное покаяніе: «грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ», или еще хуже—покаяніе того, что я весь въ грѣхахъ, родился въ грѣхѣ, что ни ступлю, то грѣхъ. Это признаніе, собравъ, запекши въ одну кучу всѣ грѣхи, какъ бы отдѣляетъ ихъ отъ меня и лишаетъ меня той неизбѣжной душевной пользы, которая мило-

сердіемъ Божиимъ приложена къ каждому грѣху, какъ противоядіе къ яду.

Покаяніе не въ томъ, чтобы каяться вообще за всю прошедшую жизнь, а въ томъ, чтобы видѣть въ своей душѣ слѣды, остатки (хорошо еще, какъ слѣды и остатки) прежнихъ грѣховъ, определенныхъ, понятныхъ, совершенныхъ тогда-то и тогда-то грѣховъ, и по этимъ остаткамъ живо представить себѣ всю прежнюю да и теперешнюю порочность и дикость по каждой статьѣ особенно.

Для того, чтобы перестать злиться на человѣка, чтобы примириться, простить, если есть чтò прощать, даже пожалѣть и полюбить его, надо что? Лучше всего вспомнить свой грѣхъ передъ нимъ такой же, какъ его. Это особенное счастье, и тогда сразу исцѣленіе, но это рѣдко случается (хотя и то кажется, что рѣдко, потому что мы плохо ищемъ), и потому надо искать подобный же или хотя равный, еще лучше худшій грѣхъ передъ другимъ. И если это сдѣлать искренно, серьезно и живо вспомнить свою мерзость—простишь, примиришься и, Богъ дастъ, пожалѣешь и полюбишь. Разумѣется, помилуй Богъ, притворяться, что любишь и жалѣешь, это хуже ненависти. Но избави Богъ тоже не уловить и не раздуть эту искру жалости и любви къ врагу, божеской любви, когда Богъ пошлетъ тебѣ искру ея. Вѣдь драгоценнѣе ея ничего нѣтъ. У насъ ужасная привычка забывать, забывать свое зло, свои грѣхи. И нѣтъ болѣе коренного средства забыть грѣхъ—какъ огульное покаяніе. Всѣ грѣхи скопляются въ одну какую-то непроницаемую массу, съ которой нечего дѣлать, и когда понадобится для своего употребленія,—свой грѣхъ, такой хорошенькій, который бы искупилъ грѣхъ согрѣшающихъ противъ меня, и не найдешь. А этотъ музей надо держать въ порядкѣ, чтобы сейчасъ найти, что и когда нужно, и чтобы всѣ они, предметы-грѣхи, были порознь, не закрывали бы одинъ другого и являлись бы въ самомъ внушительномъ видѣ. Не забывать надо, а помнить, всегда помнить свои грѣхи, чтобы ими смягчать осужденіе чужихъ; я думаю, что главная разница добраго человѣка отъ злого та, что добрый помнитъ все сдѣланное имъ злое, а забываетъ, не видитъ добраго, а злой—наоборотъ.

Но вы скажете: отчего я не иду впередъ? Отчего я все такой же, какой былъ? Благодарите Бога за то, что вы такъ чувствуете. Плохо, когда человѣкъ говоритъ себѣ: я сталъ лучше, чѣмъ былъ: вотъ не курю, не блужу, не сержусь даже,—даю десятину, не такъ, какъ прежде, и не такъ, какъ мытарь. Помогите намъ Богъ

быть всегда недовольными и не видѣть тѣхъ шаговъ, которые мы дѣлали (если дѣлали), приближаясь къ Нему. Эти шажки замѣтны только тогда, когда, когда мы дѣлаемъ то, чего не должно, сравниваемъ себя съ прежнимъ собою или съ другими. Мы должны стараться быть совершенны, какъ Отецъ, и потому сравнивать себя только съ Нимъ, т.-е. съ высшимъ безконечнымъ добромъ и истиной, и тогда нашихъ шажковъ мы не увидимъ. Поддержатъ насъ не эти лиллипутскіе шажки по пути добра, а только сознание того, что мы исполняемъ волю Бога. Воля же Бога въ томъ, чтобы мы, сдѣлавъ все, что можемъ, для уничтоженія несоотвѣтствія, сознавали бы, что мы сдѣлали то, чего нельзя было не сдѣлать, какъ работникъ съ хозяиномъ, вернувшійся съ поля.

Поразительно еще то, что это несоотвѣтствіе сознания и жизни, которое такъ смущаетъ многихъ, всегда у всѣхъ людей одно и то же: у самаго святого и самаго грѣшнаго человѣка. По себѣ я, по крайней мѣрѣ, знаю, что въ святыхъ минуты сознания на всякой точкѣ моего пути жизни несоотвѣтствіе и недовольство собой было одно и то же постоянное. Я не чувствовалъ его только тогда, когда опускался нравственно. Стало-быть, это не нѣчто особенное, а свойство истинной человѣческой жизни. Да, дьяволу нельзя сказать разумнымъ людямъ, которые грѣшатъ и знаютъ это: «вы совсѣмъ не грѣшите, убивая, блудя и т. п. Продолжайте жить такъ. Вамъ и всѣмъ будетъ хорошо». Люди не повѣряютъ. Вотъ онъ и придумываетъ такой обходъ, при которомъ выходило бы то же самое, т.-е. чтобы люди, грѣша, вѣрили бы, что они не грѣшатъ, и купались бы въ своихъ грѣхахъ, не замѣчая ихъ, вотъ онъ и говорить имъ: «Положимъ, что жизнь ваша, которая не приведетъ всѣхъ къ добру, и можетъ быть названа грѣховной. Положимъ, что вы грѣшите, живя такъ, какъ вы живете, но вѣдь безъ грѣха вы жить не можете, а между тѣмъ сознание грѣха слишкомъ тяжело, и Богъ не могъ хотѣть того, чтобы вы мучились постоянно этимъ сознаниемъ, и потому онъ далъ средство освобожденія отъ этого сознания, средство это—жертвы, которыя вы принесите или за васъ приносятъ, вообще искупительная жертва».

Мы такъ давно приучены къ этому, такъ съ молокомъ всосалось намъ это представленіе о жизни такой, въ которой мы можемъ быть спокойны и довольны собой, что то самое естественное, неизбѣжное состояніе живой души человѣческой, въ

которомъ мы чувствуемъ, что мы стремимся отъ худшаго къ лучшему, т.-е. несоотвѣтствіе жизни съ сознаниемъ представляется намъ чѣмъ-то исключительнымъ.

Такъ вотъ по первому пункту могу вамъ сказать то, что мнѣ указалъ Богъ. Не прощайте себѣ, тогда будете прощать другимъ.

Второе — несоотвѣтствіе жизни съ тѣмъ, что она, вы говорите, должна быть, а можно прямо сказать — съ тѣмъ, что она будетъ, есть признакъ жизни: жолудь не соотвѣтствуетъ дубу, цыпленокъ курицѣ, кающійся грѣшникъ святому. Во всѣхъ происходитъ движеніе отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ худшаго къ лучшему, отъ меньшаго къ большому, все это неточно, — происходитъ жизнь. И вотъ къ этой-то жизни есть троякое отношеніе: 1) жизнь идетъ, и существо, какъ жолудь, младенецъ, иногда даже человѣкъ, не чувствуетъ, не сознаетъ этого движенія, и не помогаетъ и не препятствуетъ ему; 2) человѣкъ сознаетъ это движеніе, видитъ то, къ чему онъ идетъ, и торопитъ это движеніе, спѣшитъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться. Мальчикъ хочетъ быть взрослымъ. воображаетъ, что если онъ надѣнетъ мундиръ, будетъ ѣздить на охоту, пить и ругаться, то онъ будетъ мужчиною. То же происходитъ и въ духовной жизни: человѣкъ видитъ, что онъ идетъ къ добру, къ освобожденію отъ грѣха къ святости, и воображаетъ, что если онъ принесетъ жертву, если онъ увѣритъ себя, что жертва эта принесена, что онъ очищенъ отъ грѣха, то что онъ освободится отъ грѣха и достигнетъ святости. Это ужасный путь. Какъ мальчикъ развращается, желая быть тѣмъ, что онъ не есть, такъ и человѣкъ, желающій духовно быть тѣмъ, что онъ не есть; 3) человѣкъ видитъ, куда онъ идетъ, знаетъ, что несоотвѣтствіе его жизни съ его сознаниемъ есть условіе его жизни, и всѣми силами старается уменьшить въ своей жизни это несоотвѣтствіе, зная, что это не есть его личное дѣло, а дѣло его Отца, того, который его послалъ сюда такимъ, какимъ онъ есть, и вложилъ въ его сознание то, какимъ онъ долженъ быть и будетъ. И человѣкъ, зная, что это несоотвѣтствіе не есть ничто особенное случившееся, но законъ всякой жизни, безъ котораго невозможно никакое движеніе и приближеніе къ вѣчному и безконечному совершенству, Богу, человѣкъ, зная это, видитъ въ этомъ несоотвѣтствіи условіе своей жизни и блага.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы у человѣка не было разумнiя и вытекающаго изъ него сознанiя несоотвѣтственности его жизни съ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, и жизнь бы была такою, какою она была, когда онъ былъ неразумнымъ грѣшникомъ (вѣдь всѣ проходятъ черезъ грѣхъ, не одни мы съ вами), ему было бы хуже, не зачѣмъ бы было жить, не было бы никакой жизни. Я себѣ часто представляю героя исторiи, которую хотѣлось бы написать: человѣкъ воспитанный, положимъ, въ кружкѣ революціонеровъ, сначала революціонеръ, потомъ народникъ, социалистъ, православный, монахъ на Аѳонѣ, потомъ атеистъ, семьянинъ, потомъ духоборецъ, все начинаетъ, все бросаетъ, не кончая. Люди надъ нимъ смѣются. Ничего онъ не сдѣлалъ и безвѣстно помираетъ гдѣ-нибудь въ больницѣ. И, умирая, думаетъ, что онъ даромъ погубилъ свою жизнь. А онъ-то святой.

Третье сомнѣнiе о томъ, что все, что вы думаете и чувствуете о вѣчной жизни, не есть ли плодъ безсознательнаго самообмана, вытекающаго изъ страха передъ призрачностью жизни? Вы пишете, что не можете ясно высказать этого состоянiя. Его и нельзя высказать. Это состоянiе есть только признакъ чего-то недодѣлавшагося въ душѣ. Вѣдь, если нѣтъ ничего, надо жить и веселиться. Но вы не можете долше этого. Если все это злой обманъ, призракъ, то надо застрѣлиться или молчать. Вы тоже не можете такъ. Если же есть Богъ, то надо откинуть, прорвать все то, что раздѣляетъ насъ съ Нимъ. То, что вы дѣлаете и слѣдуетъ.

Онять ужасная уловка дьявола, это легкомысленная, ни на чемъ не основанная ложная вѣра въ будущую, а не вѣчную жизнь. Я думаю, что если бы не было ложнаго ученiя о будущей жизни, никто никогда не усумнился бы въ вѣчной жизни, той, про которую вамъ такъ ясно сказала (умершая) Оля, такъ несомнѣнно жившая ею.

Опять дьяволу никакъ нельзя сказать, что вѣчной жизни нѣтъ, когда есть только одна вѣчная жизнь, и другой мы знать не можемъ, и Оля живетъ ею. Опять онъ придумываетъ штуку: плотская смерть это—переходъ черезъ рѣку, пропасть на другой берегъ, переходъ несомнѣнно твердый, прямо на пути и нельзя ни миновать его, ни усумниться въ прочности его и въ томъ, что онъ ведетъ къ благу. И вотъ дьяволъ надстраиваетъ мостъ, который кончается обрывомъ, ведетъ совсѣмъ не туда, куда надо, и заводитъ людей туда подъ предлогомъ, что по его мосту

легче перейти. И, стоя на его мосту и видя передь собой пропасть, вѣришь, что нѣтъ жизни. Я это испыталъ, не вѣрьте ему. Если есть сомнѣніе, то только потому, что вы хорошенько не разувѣрились въ жизни будущей личности. Это его, дѣволовъ, обманъ.

Жизнь вѣчная—какъ баллонъ. Газъ это не наша сила, а Божья, которая тянетъ кверху. Веревки, привязывающія—это заблужденія, а балласть—пристрастія, своя воля, а не Божья. Если привязь перерѣзана, то держать балласть. Насколько его выбросимъ, настолько полетимъ.

Л. Толстой.

№ 53.

В. М. ГРИБОВСКОМУ ¹⁾.

(1890 г.)

Дорогой Вячеславъ Михайловичъ!

Мысли изданія пароднаго журнала нельзя не сочувствовать, но, во-первыхъ, я очень занятъ теперь другими дѣлами, и времени до смерти уже мало, во-вторыхъ, главное, изданіе хорошаго по направленію народнаго журнала у насъ будетъ не изданіемъ, а танцованіемъ на канатѣ, конецъ котораго можетъ быть только двухъ родовъ—оба печальные—компромиссы съ совѣстью или запрещеніе.

Журналъ нуженъ такой, который просвѣщаль бы народъ, а сидящее надъ литературой знаетъ, что просвѣщеніе народа губительно для него, и очень тонко видитъ и знаетъ, что просвѣщаетъ, т.-е. что ему вредно, и все это запрещаетъ, дѣлая видъ, что озабочено просвѣщеніемъ, это—самый страшный обманъ и надо не попадаться на него и разрушать его.

Вотъ написать краткій критическій обзоръ Священнаго Писанія, что вы дѣлали—хорошее дѣло. Картину Ге ²⁾ я считаю картиной, составляющей эпоху въ живописи.

¹⁾ Въ концѣ 80-хъ годахъ минувшаго вѣка въ кружкѣ лицъ, собиравшихся въ Петербургѣ у представителя новаго идейнаго книгоиздательства «Посредникъ», П. И. Бирюкова, возникла мысль о созданіи въ Россіи общедоступнаго народнаго журнала. На этихъ собраніяхъ принимали участіе и выдающіеся писатели: Н. Лѣсковъ, Влад. Соловьевъ и др. Но особенно горячее участіе принималъ въ этомъ начинаніи молодой ученый, В. М. Грибовскій, который и обратился ко Л. Н.—чу съ письмомъ по поводу народнаго журнала.

²⁾ Христосъ передъ Пилатомъ.

Прощайте. Желаю вамъ всего хорошаго—главное, спокойной и плодотворной работы, такой, которой бы никто не мѣшалъ и не могъ мѣшать—это работа надъ собой. Она же самая бываетъ плодотворная въ смыслѣ воздѣйствія на другихъ: такъ мѣръ устроенъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 54.

Д. КЕНАНУ.

My dear mr. K.

(1890 г.)

Несмотря на англійское обращеніе, смѣло пишу вамъ по-русски, увѣренный въ томъ, что вы съ вашимъ прекраснымъ знаніемъ русскаго языка не затруднитесь понять меня. Не помню, отвѣчалъ ли я на ваше послѣднее письмо; если я этого не сдѣлалъ, то надѣюсь, что вы за это не сердитесь на меня. Съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами познакомился, я много и много разъ былъ въ духовномъ общеніи съ вами, читая ваши прекрасныя статьи въ «Century»...

Разговорился я о томъ, что интересуется васъ и не можетъ не интересоваться меня; цѣль же моего этого письма вотъ какая: нынѣшней зимой появилась на Петербургской выставкѣ картина передвижниковъ картина Н. Ге—Христосъ передъ Пилатомъ, подъ названіемъ «Что есть истина» (Іоан. XVIII, 38). Не говоря о томъ, что картина написана большимъ мастеромъ (профессоръ акад.) и извѣстнымъ своими картинами—самая замѣчательная «Тайная вечеря»—художникомъ, картина эта, кромѣ мастерской техники, обратила особенное вниманіе всѣхъ силою выраженія основной мысли и новизною и искренностью отношенія къ предмету. Какъ вѣрно говорить, кажется, Swift, что: we shall find that to be the best fruit which the birds have piching at, картина эта вызвала страшныя нападки. До такой степени, что ее сняли съ выставки и запретили показывать. Теперь одинъ адвокатъ (я не знаю его) рѣшилъ на свой счетъ и рискъ везти картину въ Америку, и вчера я получилъ письмо о томъ, что картина уѣхала. Цѣль моего письма та, чтобы обратить ваше вниманіе на эту, по моему мнѣнію, составляющую эпоху въ исторіи христіанской живописи, картину, и если она, какъ я почти увѣренъ, произведетъ на васъ то же впечатлѣніе, какъ

на меня, то я хочу просить васъ содѣйствовать пониманію ея американской публикой—растолковать ее. Смысль картины, на мой взглядъ, слѣдующій. Въ историческомъ отношеніи она выражаетъ ту минуту, когда Иисуса послѣ безсонной ночи, во время которой его связаннаго водили изъ мѣста въ мѣсто и били, привели къ Пилату. Пилатъ живеть только интересами метрополи и, разумѣется, съ презрѣніемъ и нѣкоторой гадливостью относится къ тѣмъ смутамъ, да еще реллигознымъ, грубаго суевѣрнаго народа, которымъ онъ управляетъ. Тутъ то происходитъ разговоръ (Іоан. XVIII, 33, 38), въ которомъ добродушный губернаторъ хочеть опуститься en bon prince до варварскихъ интересовъ своихъ подчиненныхъ. И, какъ это свойственно важнымъ людямъ, составилъ себѣ понятіе о томъ, о чемъ онъ и спрашиваетъ, и самъ впередъ говорить, не интересуясь даже отвѣтами. Съ улыбкой снисхожденія (я полагаю)—все говорить: такъ ты царь! Иисусъ измученъ, и одного взгляда на это выхоленное, самодовольное, отупѣвшее отъ роскошной жизни лицо достаточно, чтобъ понять ту пропасть, которая ихъ раздѣляетъ, и невозможность или страшную трудность для Пилата понять его ученіе. Но Иисусъ помнить, что и Пилатъ человѣкъ и братъ, заблудшій, но братъ, и что онъ не имѣеть права не открывать ему ту истину, которую онъ открываетъ людямъ, и онъ начинаетъ говорить (37). Но Пилатъ останавливаетъ его на словѣ—истина. Что можетъ оборванный нищій сказать ему, другу и собесѣднику римскихъ поэтовъ и философовъ, сказать объ истинѣ? Ему не интересно дослушивать, что ему можетъ сказать этотъ еврей, и даже немножко непріятно, что этотъ бродяга можетъ вообразить, что онъ можетъ поучать римскаго вельможу, и потому онъ сразу останавливаетъ его и показываетъ ему, что объ этомъ словѣ и понятіи и с т и н а думали люди поумнѣе, поученѣе и поутопченнѣе его и его евреевъ и давно уже рѣшили, что нельзя знать, что такое истина, что и с т и н а—пустое слово. И сказавъ: «что есть истина?» и повернувшись на каблукъ, добродушный и самодовольный губернаторъ уходитъ къ себѣ. А Иисусу жалко человѣка и страшно за ту пучину лжи, которая отдѣляетъ его и такихъ людей отъ истины, и это выражено на его лицѣ. Достоинство картины, по моему мнѣнію, въ томъ, что она правдива (реалистична, какъ говорятъ теперь) въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова. Христосъ не такой, какого пріятно бы было видѣть, а именно

такой, какимъ долженъ быть человѣкъ, котораго мучили цѣлую ночь и ведутъ мучить. И Пилать такой, какимъ долженъ быть губернаторъ. Эпоху же въ христіанской живониси эта картина производитъ потому, что она устанавливаетъ новое отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ. Это не есть отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ, какъ къ историческимъ событіямъ, какъ это требовали многіе и всегда неудачно, потому что отреченіе Наполеона или смерть Елизаветы представляютъ нѣчто важное по важности лицъ изображаемыхъ; но Христось въ то время, когда дѣйствовалъ, не былъ не только важенъ, но даже и замѣтенъ, и потому картины изъ его жизни никогда не будутъ картинами историческими. Отношеніе къ Христу, какъ къ Богу, произвело много картинъ, высшее совершенство которыхъ давно уже позади насъ. Въ настоящее время дѣлаютъ попытки изобразить нравственное пониманіе жизни и ученія Христа. И попытки эти до сихъ поръ были неудачны. Ге же нашель въ жизни Христа такой моментъ, который важенъ былъ тогда для него, для его ученія и который точно такъ же важенъ теперь для всѣхъ насъ и повторяется вездѣ и во всемъ мірѣ, въ борьбѣ нравственного, разумнаго сознанія человѣка, проявляющагося въ не блестящихъ сферахъ жизни, съ преданіями утонченнаго, добродушнаго и самоувѣреннаго насилія, подавляющаго это сознаніе. И такихъ моментовъ много, и впечатлѣніе, производимое изображеніемъ такихъ моментовъ, очень сильно и плодотворно. Вотъ какъ я разболтался. Истинно уважающій и любящій васъ...

Л. Толстой.

№ 55.

КНЯЗЮ Д. А. Х.

(1890 г. ?)

Третьяго дня получилъ ваше письмо, Д. А., и сейчасъ опять перечель его. Постараюсь отвѣтить на главное содержаніе его, какъ я его понимаю. Что жъ за бѣда, что общины распались? Если бы мы считали, что общины эти образецъ того, какъ должно осуществиться въ мірѣ ученіе Христа и какъ установить Царствіе Божіе, тогда бы это было ужасно: тогда распаденіе общины показало бы несостоятельность ученія Христа; но такъ

вѣдь не смотрѣли на эти общины не только мы со стороны, но и участвовавшіе въ нихъ. (Если кто смотрѣлъ такъ, то распадѣніе исправитъ этотъ ложный взглядъ, и потому распадѣніе въ этомъ смыслѣ даже полезно.) Общины эти были извѣстной формой жизни, которую избрали нѣкоторые люди въ своемъ движеніи по пути, указанномъ Христомъ. Другіе люди избрали другія формы (или другіе люди были поставлены въ другія условія), какъ вы, я, Ге и всѣ люди, идущіе по тому же пути. И, какъ вы сами пишете, что, какъ ни хороши поселенія отдѣльныя, они хороши, пока нужны,—всякія формы, какъ формы, непремѣнно переходныя, какъ волны. Если общины распались, то только потому, что люди, жившіе въ нихъ, выросли изъ своей оболочки и разорвали ее. И этому можно только радоваться. Я пишу теперь отчасти объ этомъ, и, разумѣется, въ письмѣ не выскажешь всего ясно, но попытаюсь, а вы помогите—понимайте и неясно сказанное.

Христіанство есть движеніе по пути, указанному Христомъ—истиною къ совершенству полному Отца Небеснаго. И христіанство тѣмъ болѣе христіанство, чѣмъ болѣе оно движеніе, чѣмъ ускореннѣе это движеніе. Такъ что начальникъ мытарей Закхей, весь жившій въ свои похоти, вдругъ рѣшившій отдать,—въ этотъ моментъ больше христіанинъ, чѣмъ ученики, спрашивавшіе, какія имъ будутъ награды за ихъ вѣрность; разбойникъ на крестѣ, блудница, мытарь—больше, чѣмъ фарисей. Всякій человекъ, на какой бы онъ низкой ступени ни стоялъ, можетъ быть христіаниномъ, двигаться и можетъ ускорить это движеніе до безконечности (замѣтьте, ничто не трогаетъ насъ, не радуетъ насъ такъ сильно, какъ эти движенія, когда грѣшникъ кается—потерянная овца, монета), и на какой бы высокой ступени праведности человекъ ни стоялъ, онъ можетъ перестать двигаться, перестать быть христіаниномъ. Ничто же не останавливаетъ такъ движенія, какъ извѣстная форма, какъ оглядываніе на себя, сознание себя на извѣстной ступени (вѣдь это сознание и есть форма: «чтобы лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая» и «не надежеть для Ц. Б. взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ»...) Это самое дѣлали и дѣлаютъ всѣ Церкви. Что есть Церковь? Прочтите въ катехизисѣ—въ православномъ, и католическомъ, и лютеранскомъ. Онѣ другъ друга отрицаютъ и каждая утверждаетъ, что она въ истинѣ. Такъ что строгое, точное опредѣленіе Церкви—это люди, утверждающіе про себя,

что то пониманіе истины и исполненіе ея, которое они себѣ усвоили, есть единое правильное. А это вѣдь говоритъ всякій человѣкъ, который признаетъ ту форму, которую онъ избралъ, единой правильной. Это стремленіе людей создавать форму и признавать ее правильной, хотя бы это и не доходило до жестокости церковной, есть главное препятствіе христіанству—это треніе. И задача людей, идущихъ за Христомъ,—уменьшать это треніе сколь возможно. Формъ для слѣдованія по пути Христа, какъ точекъ на бесконечной линіи, бесконечное количество и ни одна не важнѣе другой. Важна быстрота движенія. А быстрота движенія въ обратномъ отношеніи къ возможности опредѣленія точекъ.

Еще: вы говорите, что вамъ не нравится слово и понятіе самосовершенствованіе и также не нравится совершенствованіе: оно слишкомъ неопредѣленно и широко. Я это понимаю. Я объ этомъ самомъ,—а это имѣетъ связь съ вопросами объ общинахъ и о формахъ—думалъ такъ (притча о садовникахъ). Жизнь истинная дана человѣку подь двумя условіями: 1) чтобы онъ дѣлалъ добро людямъ (добро же есть только одно—увеличивать любовь въ людяхъ—накормить голоднаго, посѣтить больного и т. д.,—все это только для того, чтобы увеличить любовь въ людяхъ), а 2) чтобы онъ увеличивалъ данную е му силу любви. Одно обусловливаетъ другое: добрыя дѣла, увеличивающія любовь въ людяхъ, только тогда таковы, когда при совершеніи ихъ я чувствую, что во мнѣ увеличивается любовь, когда я дѣлаю ихъ любя, съ умиленіемъ; увеличивается же во мнѣ любовь (я совершенствуюсь) только тогда, когда я дѣлаю добрыя дѣла и вызываю любовь въ другихъ людяхъ. Такъ что, если я дѣлаю добрыя дѣла и остаюсь холоденъ, или если совершенствуюсь и думаю, что увеличиваю въ себѣ любовь, а это не вызываетъ любви въ людяхъ (другой разъ еще вызываетъ зло), то это не то. Только тогда—и мы всё это знаемъ—я навѣрно знаю, что то, когда и я люблю больше и люди дѣлаются отъ этого любовнѣе (между прочимъ это доказательство того, что любовь есть единая сущность—Богъ одинъ во всѣхъ—раскрывавая его въ себѣ, раскрываетъ Его въ другихъ, и наоборотъ).

Такъ вотъ я думаю, что всякое устройство, всякое опредѣленіе, всякая остановка сознанія на какомъ-нибудь состояніи есть преобладаніе заботы объ увеличеніи въ себѣ любви, самосовершенствованіе безъ добрыхъ дѣлъ. Самая грубая форма

такая есть стояніе на столбу, но всякая форма есть болѣе или менѣе такое стояніе. Всякая форма отдѣляетъ отъ людей, слѣдовательно, и отъ возможности добрыхъ дѣлъ и вызванія въ нихъ любви. Таковы и общины, и это ихъ недостатокъ, если признать ихъ постоянной формой. Стояніе на столбу и ухаживаніе въ пустыню и житѣе въ общинѣ, можетъ быть, нужно временно людямъ, но какъ постоянная форма—это очевидный грѣхъ и неразуміе. Жить чистой, святой жизнью на столбу или въ общинѣ нельзя, потому что человѣкъ лишень одной половины жизни—общенія съ міромъ, безъ котораго его жизнь не имѣетъ смысла. Чтобы жить постоянно такъ, надо обманывать себя, потому что слишкомъ ясно, что какъ невозможно въ потокѣ мутной рѣчки выдѣлать какимъ-нибудь химическимъ процессомъ кружокъ чистой воды, такъ невозможно среди всего міра, живущаго насиліемъ для похоти, жить одному или однимъ святымъ. Вѣдь надо купить или нанять землю, корову, надо войти въ отношеніе съ вѣншнимъ міромъ не-христіанскимъ. А въ этихъ-то отношеніяхъ самое важное и нужное. Уйти отъ нихъ нельзя, да и не слѣдуетъ. Какъ вообще бываетъ нельзя дѣлать того, что не слѣдуетъ. Можно только обманывать себя. Вѣдь все дѣло ученика Христа—установить наихристіаннѣйшія отношенія съ этимъ міромъ.

Представьте себѣ, что всѣ люди, понимающіе ученіе истины, какъ мы, собрались бы вмѣстѣ и поселились бы на островѣ. Неужели это была бы жизнь? И представьте себѣ, что весь міръ, всѣ люди идутъ волей-неволей по одному и тому же пути, по которому идемъ мы; но люди, понимающіе такъ же, какъ и мы, стоящіе на той же ступени (теперь), разбросаны по всему міру, и мы имѣемъ радость встрѣчаться съ ними, узнавать ихъ и ихъ работы. Развѣ это не лучше? И это-то самое и есть.

Вы говорите: нельзя любить Ирода. Не знаю. Но знаю и вы знаете, что надо его любить; знаю и вы знаете, что если я не люблю его, то мнѣ больно, у меня нѣтъ жизни (I Посл. Іоан. III, 14), и потому надо стараться работать и можно.

Я представляю себѣ человѣка, прожившаго среди любящихъ его всю жизнь въ любви, по не любившаго Ирода, и другого, который всѣ силы употребилъ на любовь къ Ироду и оставался равнодушень къ любящимъ его и 20 лѣтъ не любилъ, а на 21-мъ полюбилъ Ирода и заставилъ Ирода полюбить себя и другихъ людей,—не знаю, кто лучше. «И если любите любящихъ васъ, что особенное дѣлаете?»... _____

Л. Толстой.

№ 56.

Г-ну X.

(1890 г. (?))

Я внимательно перечелъ два раза оба ваши письма и понимаю все отдѣльно, но не понимаю общаго духа всего, не понимаю мотива вашего недовольства. Вы говорите: единеніе, но единеніе возможно только въ истинѣ. Для того, чтобы найти единеніе съ людьми, не нужно итти навстрѣчу другъ другу, навстрѣчу людямъ, а нужно всѣмъ итти къ Богу или истинѣ. Тамъ только единеніе и не съ тѣмъ, съ кѣмъ я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единеніе, а съ тѣми, кто пришелъ туда же, куда и я.

Я себя представляю міръ огромнымъ храмомъ, въ которомъ свѣтъ падаетъ сверху, въ самой серединѣ. Чтобы сойтись, надо всѣмъ итти на этотъ свѣтъ, и тамъ мы всѣ, приходя съ разныхъ сторонъ, всѣ сойдемся и съ совсѣмъ неожиданными людьми. И въ томъ-то радость.

Такъ вотъ этого единенія и этими средствами мы можемъ и должны искать и помогать въ этомъ другъ другу нельзя. То же, что вы говорите о необходимости формы жизни, совершенно справедливо, но мало сказать—необходимость, надо сказать—неизбѣжность формы. Если кто живетъ отдѣльно или люди живутъ вмѣстѣ матеріально или только духовно вмѣстѣ (какъ я понимаю, что живу со всѣми и вы съ другими), то непремѣнно есть форма этой жизни. И смотрѣть на эту форму, опредѣлять ее очень неудобно, да и вредно. Другіе пускай смотрятъ и опредѣляютъ форму, въ которой я живу, а мнѣ надо жить.

Еще вы не хорошо говорите, что когда придетъ нищій, некогда справляться, увеличивается ли любовь и т. д. Вѣдь вы знаете, что я сказалъ это не для того, чтобы, если есть сомнѣніе въ своей дѣятельности, по этой мѣркѣ прикинуть свою дѣятельность. И потому скажу, взявъ вашъ же примѣръ, что если насыпать ковшъ съ досадою или если тотъ, кому насыпаютъ ковшъ, ожидаетъ не ковшъ, а мѣру и принимаетъ его съ досадою, то дѣятельность эта неправильная.

Можетъ быть, я ошибаюсь и отвѣчаю вамъ на то, что вы не спрашиваете. Тогда простите. Писалъ любя, думая о васъ и желая, если бы могъ, быть вамъ полезенъ. *Л. Толстой.*

№ 57.

Г-НУ КАНТОРУ.

(1890 г. (?))

Письмо ваше мнѣ было очень пріятно. То, что вы думаете о противленіи злу, совершенно вѣрно, какъ вы и сами знаете. Иногда грустно думать, что наше общество находится въ такомъ глубокомъ мракѣ, что нужны большія усилія—тѣ самыя, которыя вы употребили и которыя не многіе способны дѣлать, чтобы вырваться, съ одной стороны, изъ сѣтей формальнаго, ложнаго христіанства, съ другой—изъ революціоннаго либерализма, владѣющаго печатью, и понять самыя простыя истины, въ родѣ $2 \times 2 = 4$, въ области нравственной, т.-е. что не нужно дѣлать того самаго зла, съ которымъ борешься. Вѣдь все это, кажущееся сложнымъ положеніе о непротивленіи злу и возраженіе противъ него сводится къ тому, что вмѣсто того, чтобы понимать, что сказано: зломъ или насиліемъ не противься злу или насилію, понимается (мнѣ даже кажется—нарочно), что сказано: не противься злу, т.-е. потакай злу, будь къ нему равнодушень, тогда какъ противься злу, бороться съ нимъ есть единственная внѣшняя задача христіанства, и что правило о непротивленіи злу сказано какъ правило, какимъ образомъ бороться со зломъ самымъ успѣшнымъ образомъ. Сказано: вы привыкли бороться со зломъ насиліемъ, отплатой. Это нехорошее, дурное средство. Самое лучшее средство—не отплатой, а добромъ. Въ родѣ того, какъ если бы кто бился отворять дверь наружу, когда она отворяется внутрь, и знающій сказалъ бы: не туда толкайте, а сюда тяните. Но вѣдь это такъ только въ нашемъ, очень культурно-отсталомъ обществѣ. Въ Америкѣ, напримеръ, вопросъ этотъ 50 лѣтъ тому назадъ разработанъ со всѣхъ сторонъ и совѣстно говорить про это, въ родѣ того, какъ доказывать теперь Коперникову систему тѣмъ, которые бы ее оспаривали, какъ оспаривали Галилея. Такъ, съ одной стороны, говорю, иногда грустно на наше невѣжество, а съ другой—видишь пользу этого. Тотъ, кто, какъ вы, самъ своимъ умомъ пробьетъ эту кору лжи и непониманія, тотъ имѣетъ задатки болѣе твердаго пониманія и всего того, что связано съ этимъ положеніемъ, чѣмъ тотъ, кому бы это разжевали и въ ротъ положили.

Въ одномъ вы только не правы,—это въ томъ, что вы робѣете итти за разсужденіемъ въ вопросъ о бѣшеныхъ. Въ идеѣ нельзя допускать ни малѣйшаго компромисса. Компромиссъ выйдетъ неизбѣжно въ практикѣ (какъ вы вѣрно говорите), и потому тѣмъ меньше можно допустить компромиссовъ въ теоріи. Если я хочу провести линію близко къ математической прямой, я ни на секунду не долженъ допускать того, что прямая можетъ быть не кратчайшее разстояніе между двумя точками. Если я допущу, что бѣшеннаго можно запереть, то я долженъ допустить и то, что его должно убить. А то что же онъ будетъ мучиться? Возьмите примѣръ съ бѣшеной собаки, и ее нельзя ни запереть, ни убить.

Если я допущу, что очень бѣшеннаго можно запереть, то и меня и васъ можно и нужно окажется для кого-нибудь запереть. И не бойтесь, какъ вы испугались, разсуждать на этомъ пути. Если можно запираетъ, то будетъ насиліе, отъ котораго теперь стонетъ міръ: въ Россіи 100 тысячъ заключенныхъ; а если нельзя, то что же будетъ такого страшнаго? То, что бѣшенный убьетъ меня, васъ, мою дочь, вашу мать? Да что же тутъ такого страшнаго? Умереть мы всѣ можемъ и должны. А дурнаго дѣлать мы не должны. Но, во-первыхъ, бѣшеные рѣдко убиваютъ, а если убиваютъ, то вѣдь предметъ, который надо жалѣть, которому надо помогать, не я, котораго еще только можетъ убить бѣшенный, а онъ, навѣрное изуродованный, страдающій, и помогать надо ему, думать о немъ. Если бы люди не позволяли себѣ для своей безопасности запираетъ и убивать тѣхъ бѣшенныхъ и такъ называемыхъ преступниковъ, то они бы позаботились о томъ, чтобы не образовывались вновь бѣшеные и преступники. А то я знаю случай совершенно дикаго человѣка, нищаго 45-ти лѣтъ, который бродяжничалъ съ дочерью и не ночевалъ зимой въ избахъ и изнасиловалъ свою дочь; другой случай—мальчика 11-ти лѣтъ, убившаго сестру 5-ти лѣтъ и сдѣлавшаго изъ ея жира свѣчу, чтобы при воровствѣ отворялись всѣ запоры; третій случай—моего ученика школы, отданнаго въ ученики, споенаго средой, допившагося до болѣзни мозга и для спокойствія своихъ домашнихъ и окружающихъ отданнаго въ сумасшедшій домъ и тамъ умершаго. Всѣ мы знаемъ Скублинскую. Ну и вотъ ихъ всѣхъ посудятъ, потомъ запрутъ, чтобы они намъ не мѣшали готовить еще такихъ же, и мы говоримъ, что жестоко бы было оставить ихъ на волѣ. Нѣтъ, если бы они были на волѣ,

у насъ не было бы дикихъ людей, ходящихъ подъ проволоками телефононь, не было бы мальчиковъ, дѣлающихъ свѣчи изъ жира сестеръ, не было бы допивающихся до бѣшенства дикарей, не было бы Скублинскихъ.

Очень радъ буду прочесть то, что вы написали о моемъ разсказѣ ¹⁾).

Я на-дняхъ написалъ къ нему послѣсловіе, которое оказалось необходимымъ написать: такъ ужъ смѣло притворились люди, что они не понимаютъ того, что тамъ написано.

Помогай вамъ Богъ итти по тому пути, на которомъ вы стали: онъ—единственный.

Л. Толстой.

№ 58.

В. С. СОЛОВЬЕВУ.

(1890 г. (?))

Я впередъ знаю, что если вы, Владиміръ Сергѣевичъ, выразите то, что вы думаете объ этомъ предметѣ¹⁾, то вы выразите и мои мысли и чувства, потому что основа нашего отвращенія отъ мѣры угнетенія еврейской національности одна и та же: сознаніе братской связи со всѣми народностями и тѣмъ болѣе съ евреями, среди которыхъ родился Христосъ, и которые такъ много страдали и продолжаютъ страдать отъ языческаго невѣжества такъ называемыхъ христіанъ.

№ 59.

С Е К Т А Н Т У Н .

(1890 г. (?))

Вы спрашиваете меня о скопцахъ: о томъ, справедливо ли сужденіе о скопцахъ, что они дурные люди, и справедливо ли скопцы понимаютъ Евангеліе, 19. Мѣ., на основаніи этой главы, стиха 12, оскоряя себя и другихъ.

---

¹⁾ Крейцера соната.

¹⁾ По поводу еврейскаго вопроса въ Россіи.

На первый вопрос мой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что дурныхъ людей нѣтъ, и всѣ люди одного Отца дѣти, и всѣ братья, и всѣ равны — не лучше и не хуже одни другихъ. Судя же по тому, что я слышалъ о скопцахъ, то живутъ они нравственною и трудовою жизнью. На второй же вопросъ о томъ, вѣрно ли они понимаютъ Евангеліе, на основаніи его оскоряя себя и другихъ, съ полной увѣренностью отвѣчаю, что понимаютъ они Евангеліе невѣрно и, оскоряя себя и въ особенности другихъ, совершаютъ поступки, прямо противныя истинному христіанству. Христосъ проповѣдуетъ цѣломудріе, но цѣломудріе достойно, какъ и всякая добродѣтель, когда оно достигается усиленіемъ воли, поддержаннымъ вѣрою, а не тогда, когда оно достигается невозможностью грѣха. Все равно, если бы человѣкъ, для того, чтобы не объѣдаться, произвелъ бы въ себѣ болѣзнь желудка или, чтобы не драться, связалъ бы себѣ руки, или, чтобы не ругаться, вырѣзалъ бы себѣ языкъ. Богъ сотворилъ человѣка, какимъ онъ есть, вдунулъ божественную душу въ плотское тѣло для того, чтобы эта душа покоряла себѣ похоти тѣла (въ этомъ вся жизнь человѣческая), а не для того, чтобы уродовать тѣло, поправляя дѣло Божіе.

Если люди влекутся къ половому общенію, то это происходитъ для того, чтобы то совершенство, котораго не достигло одно поколѣніе, было бы возможно достигнуто въ слѣдующемъ. Удивительная въ этомъ отношеніи премудрость Божія: человѣку предписано совершенствоваться: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Вѣрный признакъ совершенства есть цѣломудріе — истинное цѣломудріе, — не на дѣлѣ только, но и въ душѣ, т.-е. и полное освобожденіе отъ половой похоти. Если бы люди достигли совершенства и стали бы цѣломудренны, родъ человѣческій прекратился бы и не зачѣмъ ему было бы жить на землѣ, потому что люди стали бы какъ ангелы, которые не женятся и замужъ не идутъ, какъ сказано въ Евангеліи. Но пока люди не достигли совершенства, они производятъ потомство, и потомство это совершенствуется и достигаетъ того, чего велѣлъ достигать Богъ, и все ближе и ближе приближаются къ совершенству. Если же люди поступили бы такъ, какъ скопцы, то родъ человѣческій прекратился бы и никогда не достигъ бы совершенства, не исполнилъ бы воли Бога.

Это одна причина, по которой я считаю, что скопцы поступаютъ неправильно; другая—та, что евангельское ученіе даетъ

людямъ благо, и Христось говорить: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко», и запрещаетъ всякое насиліе надъ людьми; и потому нанесеніе ранъ и страданій, даже хотъ бы и не другимъ (что уже есть явный грѣхъ), а себѣ, есть нарушеніе христіанскаго закона.

Третья причина въ томъ, что скопцы явно неправильно толкуютъ 12 ст. 19 гл. Матѣ. Вся рѣчь съ начала 19-й главы идетъ о бракѣ, и Христось не только не запрещаетъ бракъ, но запрещаетъ разводъ, т.-е. перемѣну женъ. Христось и въ бракѣ требуетъ наибольшаго цѣломудрія—того, чтобы люди держались одной жены. Когда же ученики (ст. 10) сказали Ему, что такъ очень трудно воздерживаться, т.-е. обходиться одной женой, Онъ говоритъ имъ, что, хотя и не всѣ могутъ такъ воздерживаться, какъ воздерживаются тѣ, которые родились скопцами, или тѣ, которые, какъ евнухи, оскотлены людьми, но что есть такіе, которые сами сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго, т.-е. духомъ побѣдили въ себѣ похоть, и что вотъ такими-то надо стараться быть. То, что подъ словами: такіе, которые сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго, надо разумѣть духовную побѣду надъ плотью, а не тѣлесное оскотленіе, видно изъ того, что, гдѣ говорится про тѣлесное оскотленіе, говорится: оскотлены отъ людей, а гдѣ говорится о побѣдѣ духа надъ плотью, говорится: сдѣлали сами себя скопцами.

Такъ я думаю и такъ понимаю стихъ 12, но долженъ прибавить, что, если бы вамъ казалось необъяснительно толкованіе буквы, надо помнить, что только духъ живить. Насильственное или даже добровольное оскотленіе противно всему духу христіанскаго ученія.

№ 60.

Г-НУ N. N.

(1890 г. (?))

Я бы хотѣлъ написать ему ¹⁾ въ томъ смыслѣ, какъ и я понимаю, что дѣторожденіе въ бракѣ не есть блудъ; но хотѣлось бы лучше обдумать это, чтобы написать основательно, потому что и въ мнѣніи о томъ, что плотское общеніе, хотя бы и съ женой, ради одной похоти грѣховно, есть правда. Я думаю, что оскотле-

---

¹⁾ Сектанту, защищающему принципы скопчества. См. письмо № 59.

ніе себя есть такой же грѣхъ, какъ и плотское общеніе ради похоти. Такъ же, какъ я думаю, что одинаковый грѣхъ объѣдаться, какъ и уморить себя голодомъ или отравиться. Законна пища для тѣла такая, при которой человѣкъ можетъ служить другимъ людямъ, и законно плотское общеніе такое, при которомъ продолжается родъ человѣческій.

Скопцы правы, когда они говорятъ, что сожитіе съ женой, если оно дѣлается безъ духовной любви, только для похоти, и—потому не во-время, что это блудъ, но они неправы въ томъ, что общеніе съ женой для рожденія дѣтей и въ духовной любви—грѣхъ. Это не грѣхъ, а воля Божія.

Оскопленіе, по-моему, въ родѣ вотъ чего. Скажемъ, жилъ бы человѣкъ невоздержанно и имѣлъ бы привычку изъ своего хлѣба курить вино и варить пиво и напиваться, и почувствовалъ бы человѣкъ, что это дурно и грѣхъ, и вмѣсто того, чтобы бросить дурную привычку и научиться на дѣло—на кормъ людей и животныхъ—употреблять свой хлѣбъ, рѣшилъ бы, что одно средство избавиться отъ грѣха—это сжечь свой хлѣбъ, и такъ бы и сдѣлалъ. И вышло бы то, что грѣхъ въ немъ остался бы тотъ же, и сосѣди его все такъ же варили вино и пиво, а только бы онъ не могъ кормить ни себя, ни семью, ни добрыхъ людей.

Не даромъ Христосъ хвалилъ дѣтей, говорилъ, что ихъ—Царство Небесное, что то, что скрыто отъ мудрыхъ, открыто имъ. Мы и сами это знаемъ: не было бы дѣтей, не рождались бы вновь дѣти, не было бы и надежды на Царство Божіе на землѣ. Только на нихъ вся надежда. Мы уже изгажены, и трудно намъ очиститься, а вотъ съ каждымъ поколѣніемъ, въ каждой семьѣ—новыя невинныя, чистыя души, которыя могутъ остаться таковыми. Мутна и грязна рѣка, да ключей много чистыхъ вливаются въ нее, и есть надежда, что вода очистится.

Вопросъ этотъ большой, и я радъ подумать о немъ. Знаю только одно: что одинаково скверно и грѣховно похотливый блудъ и оскопленіе. Но второе—оскопленіе—хуже. Въ блудѣ нѣтъ гордости, а есть стыдъ, а въ оскопленіи нѣтъ стыда у людей, а они еще гордятся тѣмъ, что сразу нарушили законъ Божій для того, чтобы не подпасть соблазну и не бороться. Сердце свое надо оскопить, тогда внѣшнее оскопленіе не будетъ нужно, а внѣшнее оскопленіе не спасаетъ отъ соблазна. Попадаютъ на этотъ обманъ люди потому, что уничтожить въ сердцѣ похоть блудную одну никакъ нельзя, надо уничтожить всякую похоть,

надо возлюбить Бога такъ, чтобы возненавидѣть всю прелесть міра, и это путь длинный; а тутъ какъ будто сразу короткимъ путемъ можно избавиться отъ самаго явнаго и постыднаго грѣха, да горе-то въ томъ, что короткимъ путемъ этимъ часто никуда не придешь, а только въ болото.

№ 61.

Г - Н У ***.

(1890 г.?)

...Безъ вѣры нельзя жить. Вѣра состоитъ въ томъ, чтобы знать, зачѣмъ мы живемъ. Вотъ это постарайтесь узнать. Это важнѣе всего на свѣтѣ. Но постарайтесь найти это сами, а не повѣрить кому-нибудь на слово. Для того же, чтобы узнать самому, надо испытывать вѣру, какъ говорилъ Христосъ: Испытайте ученіе, и тогда увидите, правда ли оно...

Мою вѣру я высказываю во всѣхъ моихъ писаніяхъ послѣднихъ лѣтъ, сущность ея упишется здѣсь:

Вѣра моя въ томъ, что жизнь наша принадлежитъ не намъ, а Богу, который насъ послалъ въ жизнь, и потому цѣль нашей жизни должна состоять въ томъ, чтобы дѣлать его волю. Воля же его въ томъ, чтобы любовно поступать съ другими, такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою, для того, чтобы въ мірѣ борьба и ненависть замѣнялись согласіемъ и любовью.

Вотъ и все. Испытайте жить по этой вѣрѣ, и вы увидите, справедлива ли она.

Дай вамъ Богъ истиннаго блага, а другого нѣтъ, какъ жить по Его волѣ. И благо это большое,—больше всѣхъ другихъ благъ...

№ 62.

Н. Я. ГРОТУ.

(1891 г.)

Простите, пожалуйста, дорогой Николай Яковлевичъ, за то, что на черновой первой гранкѣ сдѣлалъ отмѣтки. Остальныя я старался написать такъ, чтобы не затруднить васъ.

Я во всякомъ случаѣ зайду къ вамъ и, если вы найдете болѣе удобнымъ читать правленные, то снесу въ типографію.

Л. Толстой.

№ 63.

Н. Я. ГРОТУ.

(1891 г., окт. 27.)

Благодарю за увѣдомленіе. Очень жаль, что такъ вышло. Задержка неприятна. Но все къ лучшему. Мы сейчас ѣдемъ въ Данк. уѣздъ. Пишу со станціи. Пришлите, пожалуйста, и поскорѣе корректуры¹⁾. Адресъ: Рязанской губ., Данк. уѣздъ. Почтовая станц. Чернава. Бѣгичевка и т. д.

Вашъ Л. Толстой.

№ 64.

Н. Я. ГРОТУ.

(1891 г., ноябрь 6.)

Посылаю заказной бандеролью поправленные корректуры²⁾. Очень бы просилъ внести поправки. Я думаю, что успѣете, если только будетъ печататься. Мы живемъ очень хорошо. Утѣшаемся мыслью, что нужны. Ждемъ васъ. Дружески жму вашу руку.

Л. Толстой.

№ 65.

Г-НУ ***.

(1892 г., январь.)

Переносился душою въ ваше положеніе и страдалъ вмѣстѣ съ вами за этого конвойнаго, который заряжаетъ на людей ружье и готовъ убить и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ ученіе Христа.

Я особенно живо чувствую это, потому что, не переставая, второй годъ стараюсь проникнуть эту тайну, вдумываюсь въ эти явленія, живу въ нихъ.

---

¹⁾ Статья о голодѣ.

²⁾ Статья о голодѣ.

На-дняхъ, ѣхавши въ Бѣгичевку, я съѣхался съ экстреннымъ поѣздомъ солдатъ съ розгами и боевыми патронами, ѣхавшихъ усмирять тѣхъ голодныхъ, съ которыми мы жили послѣдній годъ. И ѣхали все такіе же, какъ вашъ конвойный, но только съ той разницей, что уже понимаютъ то, что они дѣлаютъ, это видно по ихъ бѣгающимъ глазамъ и по тому, что они сами признаютъ, что имъ стыдно.

Близко Царствіе Божіе—при дверяхъ.

Я не могу не думать этого и буду умирать съ этимъ сознаниемъ и жить; главное то, что мнѣ осталось жить, хочу жить такъ, чтобы содѣйствовать этому осуществленію.

Очень можетъ быть, что я дѣлаю не то, что нужно для этого, можетъ быть, я заблуждаюсь; но знаю, что только въ такой жизни, которая осуществляетъ Царство Божіе, въ исканіи Царства Божьяго и правды для меня весь смыслъ жизни. Знаю, что тоже для васъ, и когда вижу, какъ теперь, что вы, ища существованія Царства Божьяго и правды Его, вступаете не въ борьбу (борьбы нѣтъ для идущаго христіанскимъ путемъ—все разступается передъ нимъ), но подвергаетесь всей силѣ искушенія, волнуясь за васъ, люблю васъ особенной, восторженной любовью.

Соблазны съ двухъ сторонъ: ослабѣть, отречься (этого я не боюсь за васъ) и возгордиться своею силою. Я знаю, что вы лучше меня знаете этотъ соблазнъ и бережетесь его, но говорю, что думаю и чувствую за васъ.

Сила та, которою мы побѣждаемъ и побѣдимъ, не наша, а сила Отца, и чѣмъ больше мы себя устранимъ, тѣмъ дѣйствительнѣе эта сила.

№ 66.

М. В. АЛЕХИНУ.

(1891 г.)

Очень радъ былъ получить Ваше письмо, Митрофанъ Васильевичъ.

Съ мнѣніемъ вашимъ о томъ, что многимъ людямъ нужно было уединеніе и постъ для укрѣпленія и испытанія себя, я совершенно согласенъ, но думаю (вѣроятно и вы тоже), что это не можетъ быть правиломъ: однимъ нужны уединеніе и постъ, прежде чѣмъ другія испытанія, другимъ нѣтъ. При одинаково

искреннемъ стремленіи къ добру и истинѣ, пути, по которымъ идутъ къ нимъ люди, могутъ быть совершенно различны.

Мнѣ кажется, что одна изъ главныхъ причинъ несогласія людей, это та, что каждый, идя по своему извѣстному пути къ цѣли, и видя другого, идущаго по другому пути къ той же цѣли (а путей столько же, сколько радіусовъ), склоненъ настаивать на томъ, что истинный путь только тотъ, по которому онъ идетъ. Вообще же статья о постникахъ была мнѣ интересна, потому что въ послѣднее время пришлось много читать и думать объ обжорствѣ, (прекрасная англійская книга о томъ, что съ древнѣйшихъ временъ, съ Пифагора до нашихъ дней писалось о вегетаріанствѣ, вообще о воздержаніи,—переводится у насъ), и я думаю, что одинъ изъ главныхъ грѣховъ, самый распространенный и едва ли не коренной, на которомъ вырастаетъ куча другихъ, есть обжорство—гортано и чревобѣсіе: желаніе долго и какъ можно болѣе пріятно поѣсть.

Въ статьѣ о постникахъ много суевѣрнаго, преувеличеннаго и самый мотивъ постничества, состоящій въ казненіи своего тѣла, и въ надеждѣ черезъ постничество усилить духовную свою силу—мнѣ кажется невѣрнымъ. Но сущность дѣла та, что человекъ ѣсть теперь большей частью во много разъ больше, чѣмъ это нужно для наилучшаго проявленія его силъ (подъ силами я разумѣю наивыгоднѣйшее отношеніе, для человѣческой дѣятельности, духовныхъ и физическихъ силъ) и что поэтому всѣмъ полезно постничество, сознательное уничтоженіе чревобѣсія, т.-е. приученіе себя къ наименьшему количеству пищи, при которомъ достигается наивыгоднѣйшее состояніе.

Наивыгоднѣйшее же это состояніе достигается, я думаю, при потребленіи гораздо меньшаго количества пищи, чѣмъ вообще это считается нужнымъ.

Вы говорите, что побѣдить пищевую похоть вамъ было легче всего, для меня же напротивъ. И я думаю, что пищевая похоть связана тѣсно съ половую и служить основой ея.

Вы, можетъ быть, скажете: «что считать наивыгоднѣйшимъ отношеніемъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ? и что это понятіе относительное». Я не возьмусь теперь опредѣлить абсолютно, какое это должно быть отношеніе, но для себя знаю его и думаю, что каждый знаетъ. Я знаю въ себѣ то состояніе, которое ближе всего подходитъ къ тому, въ которомъ я всегда желалъ бы быть: большая ясность мысли, способность переноситься въ состояніе

другого—понимать его, и легкость физическая, подвижность, отсутствіе сознанія своего тѣла.

И вотъ извѣстная мѣра пищи удаляетъ или приближаетъ меня къ этому состоянію. Если я перепочу, мой желудокъ чувствуетъ мною,—нѣтъ ясности мыслей, нѣтъ и сочувствія, хотя и есть подвижность. Если я переѣмъ, то теряется все: и ясность мысли, и сочувствіе, и даже подвижность. И потому я всегда найду ту степень, которая нужна и она всегда ниже обычно принимаемой большинствомъ пищи.

Если вамъ покажется, что я напрасно толкую о такомъ предметѣ, то простите, я считаю этотъ предметъ, изъ практическихъ приложений къ жизни, несомнѣнно самымъ важнымъ.

Ваше міросозерцаніе я болѣе или менѣе понимаю, но говорю болѣе или менѣе потому, что вполне выразить свой взглядъ на жизнь невозможно. Мы понимаемъ міросозерцаніе другъ друга не вслѣдствіе того, что мы его выразимъ въ общей связи, а больше вслѣдствіе разныхъ случайныхъ выраженій согласія, сочувствія по разнымъ вопросамъ.

Итакъ я знаю васъ и ваши взгляды по рассказамъ Исаака¹⁾, Ге²⁾, вашего брата³⁾ и знаю, что мы одному вѣримъ и одно любимъ. Нѣтъ ли у насъ извѣстій отъ брата? Я получилъ отъ него недавно письмо изъ подъ Одессы и отвѣчалъ, но еще не имѣю отвѣта,

Люблщій васъ Левъ Толстой.

Передайте мой привѣтъ Д. А.⁴⁾. Не возьмется ли онъ переводить часть книги, о которой я пишу?

№ 67.

В. СЫСОЕВУ⁵⁾.

(Бѣгичевка, Рязан. г., 1892 г.) февр.

Вы меня спрашиваете про буддійское понятіе «карма». Во снѣ мы живемъ почти точно такъ же, какъ и на яву. Паскаль говорить, кажется, такъ: «если бы мы видѣли себя во снѣ по-

1) Фейнерманъ.

2) Сынъ художника.

3) Аркадій Васильевичъ.

4) Хилкову.

5) Народный учитель В. Сысоевъ обратился ко Л. Н-чу съ просьбою о разъясненіи сущности буддійскаго понятія К а р м ы.

стоянно въ одномъ и томъ же положеніи, а на яву въ различныхъ, то мы считали бы сонъ за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ». Это не совсѣмъ справедливо. Дѣйствительность отличается отъ сна тѣмъ, что она дѣйствительнѣе, реальнѣе. Такъ что я бы сказалъ такъ: если бы мы не знали жизни болѣе дѣйствительной, чѣмъ сонъ, то мы сонъ считали бы вполне жизнью и никогда не усомнились бы въ томъ, что это не настоящая жизнь.

Теперь вся наша жизнь отъ рожденія до смерти со своимн снами не есть ли, въ свою очередь, сонъ, который мы принимаемъ за дѣйствительную жизнь и въ дѣйствительности которой мы не сомнѣваемся только потому, что мы не знаемъ другой, болѣе дѣйствительной жизни? Я не только думаю, но убѣжденъ, что это такъ.

Какъ сны въ этой жизни суть состоянія, во время которыхъ мы живемъ впечатлѣніями, мыслями, чувствами предшествовавшей жизни, такъ точно теперешняя наша жизнь есть состояніе, во время котораго мы живемъ «каrhoй» предшествующей, болѣе дѣйствительной жизни, и во время котораго мы набираемъ силу, вырабатываемъ «карму» для послѣдующей той болѣе дѣйствительной жизни, изъ которой мы вышли. Какъ сновъ мы переживаемъ тысячи въ этой нашей жизни, такъ и эта наша жизнь есть одна изъ тысячъ такихъ жизней, въ которыя мы вступаемъ изъ той болѣе дѣйствительной, реальной, настоящей жизни, изъ которой мы выходимъ, вступая въ эту жизнь, и возвращаемся, умирая. Наша жизнь есть одинъ изъ сновъ той, болѣе настоящей жизни, и такъ далѣе, до безконечности, до одной послѣдней, настоящей жизни — жизни Бога.

Рожденіе и появленіе первыхъ представленій о мірѣ—это засыпаніе и самый сладкій сонъ; смерть—это пробужденіе. Ранняя смерть—это человекъ разбудили, но онъ не выспался. Старческая смерть—это выспался, но уже спалъ слабо и самъ пробудился. Самоубійство—это кошмаръ, который разрушаешь тѣмъ, что вспоминаешь, что ты спишь, дѣлаешь усиліе и просыпаешься. Человекъ, живущій одною этою жизнью, не предчувствующій другой, это—крѣпкій сонъ безъ сновидѣній, это—полуживотное состояніе. Чувствовать во снѣ то, что происходитъ вокругъ тебя, спать чутко, быть готовымъ каждую минуту

проснуться, это—сознавать хоть смутно ту другую жизнь, изъ которой вышелъ и въ которую идешь.

Во снѣ человѣкъ—всегда эгоистъ и живетъ одинъ, безъ участія другихъ, безъ связи съ ними. Въ той жизни, которую мы называемъ дѣйствительностью, уже больше связи съ другими, уже есть что-то похожее на любовь къ ближнему. Въ той же, изъ которой мы вышли и куда идемъ, эта связь еще тѣснѣе, любовь уже не только нѣчто желанное, но и дѣйствительное. Въ той, для которой и эта жизнь—сонъ, связь и любовь еще больше, и мы въ этомъ снѣ уже чувствуемъ, что тамъ, можетъ быть, и будетъ. Основа всего уже есть въ насъ и проникаетъ всѣ сны.

Желалъ бы, чтобы вы поняли меня, я не то, что забавляюсь, придумываю: я вѣрю въ это, вижу несомнѣнно, знаю, что я, умирая, буду радостнымъ, что я пристану къ тому, болѣе реальному міру.

№ 68.

Г - Н У ***.

(1892 г.), февраль.

Все время, читая письмо его, я говорилъ: «аминь».

Меня удивляетъ, какъ человѣкъ, такъ глубоко и трезво понимающій ученіе Христа, какъ онъ, можетъ ожидать чего-нибудь отъ насилія и слугъ его. Это ужасный обманъ! Въ родѣ обмана денегъ. Кажется, что царь и деньги все могутъ сдѣлать.

Прямо сказать человѣку, не имѣющему яснаго понятія о томъ, что добро, что ни царь, ни деньги не могутъ сдѣлать добра, представляется страннымъ.

«Какъ? у человѣка не было хлѣба, я за деньги купилъ, и онъ сталъ сытъ. Или—люди сидѣли въ тюрьмѣ, царь велѣлъ выпустить, развѣ это не добро?»

Не добро, потому что, если бы не было денегъ и всего, что связано съ ними, у человѣка не могло бы не быть хлѣба, и если бы не было царя и того, что связано съ нимъ, никто бы и не сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Удивительное дѣло! Если бы у меня еще было сомнѣніе о томъ, можно ли деньгами дѣлать добро, то теперь, на деньги

покупая хлѣбъ и кормя нѣсколько тысячъ человѣкъ, я уже совершенно убѣдился въ томъ, что, кромѣ зла, деньгами ничего сдѣлать нельзя.

Вы скажете: «зачѣмъ же вы продолжаете дѣлать?»

Затѣмъ, что не могу вырваться и затѣмъ, что, кромѣ самаго тяжелаго состоянія, ничего не испытываю и потому думаю, что дѣлаю это не для удовлетворенія личности.

Тяжесть не въ трудѣ, трудъ, напротивъ, радостенъ и увлекаетъ, и не въ занятіи, къ которому не лежитъ сердце, а во внутреннемъ постоянномъ сознаніи стыда передъ самимъ собою.

Пожалуйста, не ищите въ этихъ словахъ моихъ какого-нибудь общаго смысла, я пишу просто *au courant de la plume*, человѣку родственному по духу, который, знаю, съ намека пойметъ меня, пойметъ то, что я чувствую.

Мнѣ бываетъ очень тяжело или неловко скорѣе то, что часто слишкомъ расположенные ко мнѣ люди принимаютъ меня въ серьезъ, отыскивая и требуя полного соответствія между словами моими и поступками.

«Какъ же вы говорите то, а дѣлаете вотъ что?»

Да я не святой и никогда не выдавалъ себя за святого, я человѣкъ увлекающійся и говорящій иногда, вѣрнѣе даже всегда, не вполне то, что думаю и чувствую, не потому что не хочу сказать, а не умѣю, часто преувеличиваю, просто ошибаюсь.

Это въ словахъ. Въ поступкахъ еще хуже.

Я вполне слабый, съ порочными навыками человѣкъ, желающій служить Богу истины, но постоянно свихивающійся.

Какъ только на меня смотрятъ, какъ на человѣка, который не можетъ ошибаться, то всякая моя ошибка является или ложью или лицемѣріемъ.

Если же понимать меня, какъ слабого человѣка, то несогласіе словъ съ поступками будетъ признакъ слабости, а не лжи и лицемѣрія. И тогда я представляюсь тѣмъ, что я точно есть: плохимъ, но искренне, всей душой желавшимъ всегда, и теперь желающій быть вполне хорошимъ, то-есть хорошимъ слугою Бога.

№ 69.

Г. Р. С. А. ТОЛСТОЙ¹⁾.

(Бѣгичевка, Ряз. г., 1892 г.), февраль.

По тону письма вижу, что я въ чемъ-то провинился и мнѣ передъ кѣмъ-то надо оправдаться.

Этотъ тонъ надо не допускать.

Я пишу, что думаю и то, что не можетъ нравиться ни правительству, ни властнымъ классамъ, уже 12 лѣтъ и пишу не нечаянно, а сознательно и не только оправдываться въ этомъ не намѣренъ, но надѣюсь, что тѣ, которые желаютъ, чтобы я оправдывался, постараются если не оправдаться, то очиститься отъ того, въ чемъ не я, а вся жизнь ихъ обвиняетъ.

Въ частномъ же этомъ случаѣ происходитъ слѣдующее: правительство устраиваетъ цензуру нелѣпую, незаконную, мѣшающую появиться мыслямъ людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, невольно происходитъ то, что вещи эти въ искаженномъ видѣ являются за границей.

Правительство приходитъ въ волненіе и, вмѣсто того, чтобы открыто и честно разобрать дѣло, прячется за цензуру, вмѣстѣ

---

¹⁾ Въ 1891 и 1892 гг. главная дѣятельность Толстого была сосредоточена на организаціи помощи голодающимъ. Непосредственная близость къ народной нуждѣ дала его отзывчивой душѣ много жгучихъ впечатлѣній, которыми онъ и воспользовался для статьи о голодѣ. Увы, его правдиво-горячая статья увидѣла свѣтъ въ Россіи («Недѣля» Гайдебурова) въ страшно ампутированномъ и обезцвѣченномъ видѣ. Но корреспонденту англійскихъ газетъ г. Диллону удалось добыть корректуру всей толстовской статьи и напечатать ее въ Англии, какъ бы съ обратной стороны: сгруппировавъ только самыя сильныя мѣста. При переводѣ на англійскій языкъ, нѣкоторыя выраженія, исключенныя «Недѣлей» по независящимъ обстоятельствамъ, получили сгущенный характеръ. «Московскія Вѣдомости» «переперевели» толстовскую статью на русскій языкъ, въ свою очередь сгустивъ при переводѣ колоритъ нѣкоторыхъ выраженій, и забили тревогу. Московская администрація почему-то приняла толстовскую статью въ перепереводѣ «Московскихъ Вѣдомостей» такъ близко къ сердцу, что даже предувѣдомила семью Толстыхъ о возможныхъ произойти суровыхъ репрессіяхъ, если Левъ Николаевичъ не напишетъ объясненія по поводу случившагося недоразумѣнія съ его статьей. По этому поводу графиня Софья Андреевна и писала изъ Москвы своему мужу въ Рязанскую губернію, упомянувъ въ своемъ письмѣ, что нѣкоторые изъ представителей московской знати, въ видѣ протеста противъ Льва Николаевича, уничтожили его портреты.

съ тѣмъ еще чѣмъ-то обижается и дозволяетъ себѣ обвинять еще другихъ, а не себя.

То же, что я писалъ въ статьѣ о голодѣ, есть часть того, что я 12 лѣтъ подъ рядъ на всѣ лады пишу и говорю и буду говорить до самой смерти, и что говорить со мною все, что есть просвѣщеннаго и честнаго во всемъ мірѣ, что говорить сердце каждаго неиспорченнаго человѣка, и что говорить то Христіанство, которое исповѣдуютъ тѣ, которые ужасаются.

Можно молчать. Если даже не молчать, то можно обвинять не «Московскія Вѣдомости», которыя вовсе не интересны, и не людей, а тѣ условія жизни, при которыхъ возможно все то, что возможно у насъ.

Замѣть при этомъ, что есть мои писанія въ тысячахъ экземпляровъ на разныхъ языкахъ, въ которыхъ изложены мои взгляды, и вдругъ, по какимъ-то таинственнымъ письмамъ, появившимся въ англійской газетѣ, всѣ вдругъ поняли, что я за птица.

Вѣдь это смѣшно.

Только тѣ невѣжественные люди, изъ которыхъ самые невѣжественные это тѣ, что составляютъ ....., могутъ не знать того, что я писалъ и думалъ; только они могутъ думать, что такіе взгляды, какъ мои, могутъ въ одинъ день вдругъ перемѣниться и сдѣлаться революціонными.

Вѣдь это смѣшно. И разсуждать съ такими людьми для меня и унизительно и оскорбительно.

Боюсь, что будутъ обвинять меня въ гордости, но это будетъ несправедливо. Не гордость, а тѣ основы, которыми живу, не могутъ подгибаться подъ требованія нехристіанскихъ людей.

Я отстаиваю не себя и оскорбляюсь не за себя, а за тѣ основы, которыми я живу.

Пишу же заявленіе ¹⁾ и подписываюсь потому, что, какъ справедливо пишетъ Гротъ, истину всегда нужно возстановлять, если это можно.

Тѣ же, которые рвутъ портреты, совершенно напрасно ихъ имѣли.

Л. Толстой.

---

¹⁾ (См. «Письма Л. Н. Толстого». Изданіе «Книги» т. I, письмо № 169).

№ 70.

Д. Р. КУДРЯВЦЕВУ¹⁾.

(1892 (?)

Дорогой братъ!

Я получилъ вашу книгу²⁾ и прочелъ ее частью съ удовольствіемъ, вспоминая тѣ ходы мысли и тѣ чувства, которыя я переживалъ, когда высказывалъ собранныя тамъ мысли, частью съ досадой и сожалѣніемъ, что такъ неясно выражено то, что хотѣлось высказать.

Я давно уже борюсь съ тщеславіемъ и самолюбіемъ и настолько побѣдиль ихъ, что уже не испытываю непріятнаго чувства при мысли о томъ, что меня осудятъ за слишкомъ смѣлое, необдуманное и часто даже недостаточно обоснованное высказываніе мыслей, тѣмъ болѣе, что согласенъ съ вами въ томъ, что кое-что изъ собраннаго тамъ дѣйствительно можетъ быть на пользу людямъ.

Я бы никакъ не издалъ такой книги, но разъ она издана, я ничего не имѣю противъ нея и только благодарю васъ за высказываемое вами сочувствіе.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 71.

Г-НУ ***.

(1893 г., февраль.)

Вопросъ вашъ о томъ, какъ и куда лучше употребить свои силы, былъ бы очень труденъ, если требовалось бы дать на него одно безошибочное рѣшеніе; по рѣшеній его можетъ быть столько же, сколько предположеній, и всѣ могутъ быть, и даже навѣрно будутъ ошибочны, какъ и все, что дѣлаютъ люди.

---

¹⁾ Д. Р. Кудрявцевъ, помѣщикъ Херсонской губерніи, былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ распространителей толстовскихъ идей въ 80-хъ годахъ. Онъ ректографировалъ статьи Л. Н-ча и разсылалъ ихъ всѣмъ желающимъ.

²⁾ Сборникъ мыслей Л. Н-ча, сгруппированныхъ Кудрявцевымъ, подъ общимъ заглавіемъ «Спѣлые колосья». Женевское изданіе Эллипина.

Да! обрывать одну нуту и затягивать другую, и такъ до гроба, и съ тѣмъ умереть.

И скажу вамъ, что думаю, вполнѣ:—такова жизнь,—прекрасная, дарованная намъ однимъ жизнью.

И такъ точно жили и живутъ всѣ лучшіе люди, и такъ жилъ Христосъ, и такъ завѣщаль жить намъ.

Прекрасна эта жизнь тѣмъ, что, во-первыхъ, обрывая одну нуту, болѣе связывающую и болѣе крѣпкую, затягиваешь другую, менѣе связывающую и крѣпкую, тѣмъ идешь впередъ къ освобожденію,—и въ этомъ радость.

Но не въ этомъ все дѣло, и оглядываться на это не хорошо и не должно. Главное въ томъ, что за одно съ этимъ обрываніемъ нуты и медленнымъ задерживаніемъ движенія чувствуешь, что этимъ самымъ, своимъ личнымъ умомъ дѣлаешь другое дѣло,—дѣло установленія царства Божія на землѣ. И лучше такой жизни я ничего не желаю и не придумаю желать.

Теперь отвѣчу на остальные ваши вопросы.

Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы пошелъ къ М. и, не то, что устраивалъ бы тамъ что, а работалъ бы тамъ съ нимъ; при этомъ, можетъ-быть, что-нибудь сложилось бы: пришелъ бы еще кто, а можетъ-быть, и ничего бы не сложилось,—это меня бы не занимало. Говорю я это по личному чувству. Это было бы мнѣ самое пріятное. Но какъ вамъ?

Дѣлать изъ двухъ хорошихъ или хоть не дурныхъ дѣлъ, по моему, всегда надо самое пріятное, потому что его лучше будешь дѣлать, да и вообще, большая пріятность есть отчасти признаковъ назначенія отъ Бога.

Другой вопросъ тотъ, что бы я желалъ для себя, чтобы вы сдѣлали?

Я желалъ бы для себя, чтобы вы отправились на Кавказъ помогать молоканамъ. Вы имъ, на мой взглядъ, можете помочь и укрѣпить, и просвѣтить ихъ,—а это мнѣ хочется.

Но именно потому, что мнѣ это хочется, оно не имѣетъ никакого вѣса.

Третій отвѣтъ тотъ, что надо какъ можно меньше предпринимать, а отвѣчать на тѣ требованія, какія предъявлены тутъ же, сейчасъ.

Четвертый и самый правильный, по моему, отвѣтъ, хотя онъ и кажется общимъ и неопредѣленнымъ, тотъ, что служить Богу надо не на той или этой горѣ, а въ духѣ и истинѣ.

По смыслу этого отвѣта все значеніе во внутренней дѣятельности, при которой всякій внѣшній выборъ становится безразличнымъ, и человѣкъ склоняется къ тому, другому или десятому поступку, т.-е. такому, который и не предвидѣлъ даже, не выбиралъ, а дѣлаетъ это незамѣтно, само собою.

№ 72.

И. А. БУНИНУ.

(1893 г., февр.)

Очень радъ былъ получить отъ васъ извѣстіе, дорогой Иванъ Алексѣевичъ, въ особенности тому, что вы устроились въ Полтавѣ. Надѣюсь, что вы духомъ спокойнѣе, чѣмъ когда я васъ видѣлъ послѣдній разъ. Ничто бы столько не должно было успокаивать насъ въ минуты волненій и тревогъ, какъ опытъ того, какимъ образомъ прежде казавшіеся сложными и затянутыми узлы просто и легко распутывались временемъ.

Важны только свои поступки и духовныя причины, вызывающія ихъ.

Пріѣзжать вамъ, я думаю, не стоитъ: вы предлагаете только на короткое время; у насъ же достаточно сотрудниковъ съ тѣми, которыхъ мы уже пригласили и ждемъ. А вамъ для короткаго времени не зачѣмъ бросать службу. Желаю вамъ всего лучшаго.

Л. Толстой.

№ 73.

И. А. БУНИНУ.

(1894 г., февр. 23).

Очень радъ былъ получить ваше письмо, Иванъ Алексѣевичъ, радъ потому также, что наше свиданіе въ Москвѣ было очень короткое, и я боялся, что недостаточно внимательно отнесся къ вамъ. Не ждите отъ жизни ничего; лучше того, что у васъ есть теперь, и момента болѣе серьезнаго и важнаго, чѣмъ тотъ, который вы теперь переживаете, не можетъ быть, потому что настоящее, надѣюсь, въ вашей власти. Не думайте то же о формѣ жизни, болѣе желательной: всѣ безразличны. Лучше только та, въ ко-

торой требуется наибольшее напряженіе духовной силы. А я думаю, что это напряженіе духовной любовной силы очень нужно вамъ для того, чтобы удержать хорошія отношенія съ Н., вмѣстѣ съ тѣмъ не переставая въ мысляхъ и дѣлахъ идти впередъ въ дѣлѣ христіанскаго совершенствованія и служенія Богу.

Смерть Дрожжина и отнятіе дѣтей у Хилкова суть два важныхъ событія, которыя призываютъ всѣхъ насъ къ большей нравственной требовательности къ самимъ себѣ.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 74.

Н. С. ЛѢСКОВУ.

(Ясная Поляна, 1894 г., августъ.)

Дорогой Николай Семеновичъ!

Боюсь, что работа, за которую я взялся и о которой вы пишете ¹⁾, мнѣ не по силамъ. До сихъ поръ, несмотря на упорное занятіе ею, я очень мало подвинулся. Я думаю, что я захотѣлъ слишкомъ многого: изложить въ краткой, ясной, неоспоримой и неспорной и доступной самому неученому человѣку формѣ—истину христіанскаго міровоззрѣнія,—замыселъ слишкомъ гордый, безумный.

И оттого до сихъ поръ ничего нѣтъ такого, что бы не стыдно было показать людямъ. Впрочемъ, въ такомъ дѣлѣ должно быть все или ничего. И до сихъ поръ, да и вѣроятно, навсегда останется ничего. Хотя для меня лично работа эта очень полезна: она и поучаетъ, и смиряетъ, и я не бросаю ее.

О Ге я не переставая думаю, не переставая чувствую его, чему содѣйствуетъ то, что его двѣ картины: «Судъ» и «Распятіе» стоятъ у насъ, и я часто смотрю на нихъ, и что больше смотрю, то больше понимаю и люблю.

Хорошо бы было, если бы вы написали о немъ. Должно быть, и я напишу. Это былъ такой большой человѣкъ, что мы всѣ, если будемъ писать о немъ съ разныхъ сторонъ,—мы едва ли сойдемся, т.-е. будемъ повторять другъ друга.

---

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о статьѣ «Христіанство и патриотизмъ».

Радъ знать, что здоровье ваше относительно лучше. Если не увидимся здѣсь, чего бы очень желалъ, то увидимся,—не увидимся, а сообщимся,—тамъ, т.-е. не тамъ, а внѣ земной жизни. Я вѣрю въ это общеніе, и тѣмъ больше, чѣмъ больше тотъ человекъ, объ общеніи съ которымъ думаю, вступилъ здѣсь уже въ область духовной жизни. Самъ въ одну дверь уже вступаешь или заглядываешь въ эту область внѣвременнаго, внѣпространственнаго бытія и видишь или чувствуешь, что и другой вступаетъ или заглядываетъ въ нее. Какъ же не вѣрить, что соединишься съ нимъ?

Прощайте пока, дружески жму вашу руку.

Левъ Толстой.

№ 75.

Н. С. ЛѢСКОВУ.

(1894 г., августъ.)

Дорогой Николай Семеновичъ, сейчасъ получилъ ваше письмо и спѣшу отвѣтить. Предлагая вамъ писать о Ге, я никакъ не думалъ о томъ, чтобы вы отдали свое писанье Стасову или чѣмъ-либо стѣснялись въ выраженіи вашихъ воспоминаній и мыслей. Я разумѣлъ, что вы напечатаете гдѣ-нибудь въ журналѣ и очень радуюсь тому, что вы это сдѣлаете.

Спасибо вамъ за поддержку въ моей работѣ. Я очень цѣню ваше мнѣніе. Работа подвигается. Будьте радостны.

Валій Л. Толстой.

№ 76.

БАРОНЕССѢ Р.¹⁾

(1894 г. Ноябрь).

Вы спрашиваете меня:

1. Слѣдуетъ ли людямъ, не особенно выдающимся умственно, искать выраженія въ словахъ постигнутыхъ ими истинъ внутренней жизни?

2. Стоитъ ли добиваться въ своей внутренней жизни полной сознательности? и

---

¹⁾ г. Файнерманъ сообщаетъ Тенерано («Живыя рѣчи Толстого»), что письмо это разсылалось по общинамъ послѣдователей Толстого и породило много толковъ и споровъ: на Толстого оцолчались за его «раціонализмъ».

3. Чѣмъ намъ руководствоваться въ минуты борьбы и колебанія, чтобы узнать, говорить ли въ насъ дѣйствительно наша совѣсть или разсужденіе, подкупленное нашей слабостью? (Третій вопросъ этотъ я выразилъ для краткости своими словами, надѣюсь, не измѣнивъ его смысла).

Три вопроса эти, по моему мнѣнію, сводятся къ одному— второму, потому что если не слѣдуетъ добиваться полной сознательности своей внутренней жизни, то и не слѣдуетъ, и невозможно будетъ выразить словами постигнутыя нами истины и въ минуты колебанія нечѣмъ будетъ руководиться для того, чтобы узнать, говорить ли въ насъ наша совѣсть или ложное разсужденіе. Если же слѣдуетъ добиваться наибольшей, доступной разуму человѣка (какой бы ни былъ этотъ разумъ) сознательности, то и слѣдуетъ выражать словомъ постигнутыя нами истины, и этими то самими, доведенными до полной сознательности и выражаемыми истинами и слѣдуетъ руководиться въ минуты борьбы и колебанія. И потому я отвѣчаю на коренной вопросъ вашъ положительно, именно, что всякій человѣкъ для исполненія своего назначенія на землѣ и для достиженія истиннаго блага (что всегда сходится) долженъ всегда всѣ силы своего ума напрягать на уясненіе для самого себя тѣхъ религіозныхъ основъ, которыми онъ живетъ, т.-е. смысла своей жизни.

Я часто встрѣчалъ между безграмотными рабочими-землекопами, которымъ приходится вычислять кубическія мѣры, распространенное убѣжденіе, что математическое вычисленіе обманчиво и что не надо довѣрять ему. Оттого ли, что они не знаютъ математики, или оттого, что люди, математически вычислявшіе для нихъ, часто умышленно или неумышленно обманывали ихъ, но мнѣніе о недостаточности и негодности для опредѣленія мѣръ математики установилось между безграмотными рабочими и сдѣлалось для большинства несомнѣнной истиной, которую они даже не считаютъ нужнымъ доказывать. Такое же мнѣніе установилось и между людьми,—смѣло скажу— нерелигіозными,—мнѣніе о томъ, что разумъ не можетъ рѣшать вопросовъ религіозныхъ, что приложеніе разума къ этимъ вопросамъ есть главная причина заблужденій, что рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ разумомъ есть преступная гордость.

Я говорю это къ тому, что выраженное въ вашихъ вопросахъ

сомнѣніе о томъ, нужно ли добиваться сознательности въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ, можетъ быть основано только на этомъ предположеніи, именно о томъ, что разумъ не можетъ быть примѣненъ къ рѣшенію вопросовъ религиозныхъ. А между тѣмъ такое предположеніе столь же странно и очевидно ложно, какъ и предположеніе о томъ, что вычисленіе не можетъ рѣшать вопросовъ математическихъ.

Человѣку дано прямо отъ Бога только одно орудіе познанія себя и своего отношенія къ міру,—другого нѣтъ,—и орудіе это—разумъ, и вдругъ ему говорятъ, что разумъ онъ можетъ употреблять на уясненіе своихъ домашнихъ, семейныхъ, хозяйственныхъ, политическихъ, научныхъ, художественныхъ вопросовъ, но только не на уясненіе того, для чего онъ данъ ему. Оказывается, что для уясненія самыхъ важныхъ истинъ, тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ вся жизнь его, человѣкъ никакъ не долженъ употреблять разумъ, а долженъ познавать эти истины помимо разума, тогда какъ помимо разума человѣкъ ничего познать не можетъ. Говорятъ: познавай откровеніемъ, вѣрою; но вѣдь и вѣрить человѣкъ не можетъ помимо разума. Если человѣкъ вѣритъ въ то, а не въ другое, то только потому, что разумъ его говоритъ ему, что въ это не надо вѣрить, а въ это надо вѣрить. Сказать, что человѣкъ не долженъ руководиться разумомъ, это все равно, что человѣку, въ темномъ подземельи несущему лампочку, сказать, что для того, чтобы ему выбраться изъ подземелья и найти путь, надо потушить лампочку и руководиться не свѣтомъ, а чѣмъ-то другимъ.

Но, можетъ быть, скажутъ, какъ и вы говорите въ своемъ письмѣ, что не всѣ люди одарены большимъ умомъ и особенной способностью выражать свои мысли, и поэтому неумѣлое выраженіе своихъ мыслей о религіи можетъ повести къ заблужденію. На это отвѣчу словами Евангелія: «что скрыто отъ мудрыхъ, открыто младенцамъ». И изреченіе это не есть преувеличеніе и не парадоксъ, какъ принято судить о тѣхъ изреченіяхъ Евангелія, которыя намъ не нравятся, а это—утвержденіе самой простой и несомнѣнной истины о томъ, что каждому существу въ мірѣ данъ законъ, которому существо это должно слѣдовать, и для познанія этого закона даны каждому существу соотвѣтственные для этого органы. И потому каждый человѣкъ одаренъ разумомъ, и въ разумѣ этомъ открытъ каждому человѣку законъ, которому онъ долженъ слѣдовать. Скрыть этотъ законъ

только отъ тѣхъ людей, которые не хотятъ слѣдовать ему, а для того, чтобы не слѣдовать закону, отрекаются отъ разума и вмѣсто того, чтобы для познанія истины пользоваться даннымъ для этого разумомъ, пользуются для этого взятыми на вѣру указаніями такихъ же, какъ и они, людей, отказывающихся отъ разума.

Законъ же, которому долженъ слѣдовать человѣкъ, такъ простъ, что онъ доступенъ каждому ребенку, тѣмъ болѣе, что человѣку не приходится вновь открывать законъ своей жизни. Люди, прежде него жившіе, открыли и выразили его, и человѣку нужно только повѣрить ихъ своимъ разумомъ, принять или не принять тѣ положенія, которыя онъ находитъ выраженными въ преданіи, т.-е. не—какъ это совѣтуютъ дѣлать люди, желающіе не исполнять закона—преданіемъ повѣрять разумъ, а, напротивъ, разумомъ повѣрять преданіе. Преданія могутъ быть отъ людей и ложныя, а разумъ навѣрно отъ Бога и не можетъ быть лживъ. И потому для познанія и выраженія истины не нужны никакія особенныя выдающіяся способности, нужно только вѣрить въ то, что разумъ есть не только высшее божественное свойство человѣка, но и единственное орудіе познанія истины.

Особенный умъ и дарованія нужны бываютъ не для познанія и изложенія истины, а для придумыванія и изложенія лжи. Разъ отступивъ отъ указаній разума, не повѣривъ ему, а повѣривъ на слово тому, что выдается за истину, люди нагромождаютъ и принимаютъ на вѣру обыкновенно въ видѣ законовъ, откровеній, догматовъ такія сложныя, неестественныя и противорѣчивыя положенія, что для того, чтобы изложить ихъ и связать ихъ съ ложью, нужны дѣйствительно большая тонкость ума и особенное дарованіе. Только стоитъ представить себѣ человѣка нашего міра, воспитаннаго на религіозныхъ основахъ какого бы то ни было христіанскаго вѣроисповѣданія,—католическаго, православнаго, протестантскаго, который захочетъ уяснить себѣ религіозныя основы, привитыя ему съ дѣтства, и захочетъ связать ихъ съ жизнью,—какую сложную умственную работу онъ долженъ продѣлать, чтобы примирить всѣ противорѣчія, находящіяся въ привитомъ ему воспитаніемъ исповѣданіи: Богъ—творецъ и благой—сотворилъ зло, казнить людей и требуетъ искупленія и т. п.; и мы исповѣдуемъ законъ любви и прощенія и казнимъ, воюемъ, отнимаемъ у нищихъ собственность и т. п., и т. п.

Такъ вотъ для распутыванія этихъ-то неразрѣшимыхъ противорѣчій или, скорѣе, скрытія ихъ отъ себя, нужно много ума и особенныхъ дарованій; но для того, чтобы узнать законъ своей жизни, или, какъ вы выражаетесь, привести въ полную сознательность свою вѣру, не нужно никакихъ особенныхъ умственныхъ дарованій,—нужно только не допускать ничего противнаго разуму, не отрицать разумъ, религіозно беречь свой разумъ и вѣрить только ему. Если смыслъ его жизни представляется человѣку неяснымъ, то это доказываетъ не то, что разумъ не годится для уясненія этого смысла, а только то, что допущено на вѣру слишкомъ много неразумнаго и надо откинуть все то, что не подтверждается разумомъ.

И потому отвѣтъ мой на коренной вопросъ вашъ о томъ, нужно ли добиваться сознательности въ своей внутренней жизни, тотъ, что это—самое нужное и важное дѣло, которое мы можемъ дѣлать въ жизни. Нужно и важно оно потому, что единственный разумный смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли пославшаго насъ въ эту жизнь Бога. Воля же Бога познается не какимъ-либо необыкновеннымъ чудомъ, написаніемъ божественнымъ пальцемъ закона на скрижаляхъ, или составленіемъ черезъ посредство Святого Духа непогрѣшимой книги, или непогрѣшимостью какого-либо святого лица, или собранія людей, а только дѣятельностью разума всѣхъ людей, передающихъ другъ другу и дѣломъ, и словомъ все болѣе и болѣе уясняющіяся ихъ сознанію истины. Познаніе это никогда не бывало и не будетъ полное, а постоянно увеличивается по мѣрѣ движенія человѣчества: чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе мы познаемъ волю Бога и, слѣдовательно, то, что мы должны дѣлать для исполненія ея. И потому я думаю, что уясненіе каждымъ человѣкомъ (какимъ бы онъ самъ и другіе его ни считали маленькимъ: маленькіе-то и бываютъ большими) всей той религіозной истины, которая доступна ему, и выраженіе ея словами (такъ какъ выраженіе словами есть одинъ несомнѣнный признакъ полной ясности мысли) есть одна изъ главныхъ и священныхъ обязанностей человѣка.

Очень радъ буду, если мой отвѣтъ хотя отчасти удовлетворитъ васъ.

Л. Толстой.

Г-ЖЪ П. НОВИЦКОЙ¹⁾.

(1894 г., декабрь.)

Дѣло, которое мы призваны дѣлать въ жизни,—двойное, хотя и достигается однимъ и тѣмъ же дѣйствиємъ: вѣдншее дѣло состоитъ въ томъ, чтобы своею жизнью содѣйствовать установленію Царства Божія на землѣ, т.-е. замѣнѣ вражды, борьбы и разъединенія согласіемъ, взаимною помощью и единеніемъ,—такого состоянія, при которомъ копья были бы перекованы на серпы и т. д. Содѣйствовать этому служенію истинѣ мы можемъ правдивостью въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ; внутреннее дѣло состоитъ въ совершенствованіи себя, въ приближеніи къ Богу. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Для того же, чтобы постоянно совершенствоваться, нужно увеличивать въ себѣ любовь, т.-е. расширять кругъ своей любви, любить не за то, что намъ пріятно, а любить, какъ Богъ любитъ существа,—только затѣмъ, чтобы желать и доставлять имъ благо. Для того же, чтобы увеличивать въ себѣ любовь, нужно только не мѣшать ей проявляться и расти. Она всегда сама собой стремится къ увеличенію. Мѣшаютъ же увеличенію любви соблазны. Соблазны состоятъ въ ложномъ ученіи о томъ, что благо животной личности можетъ быть цѣлью жизни. И потому, для увеличенія любви надо разрушать ложь, т.-е. служить истинѣ, быть правдивымъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, такъ что обѣ цѣли—и содѣйствіе установленію Царства Божія, и внутреннее совершенство, увеличеніе любви—достигаются однимъ и тѣмъ же служеніемъ истинѣ. Оно же, это служеніе истинѣ, даетъ людямъ такое благо, которое замѣняетъ всѣ тѣ мнимыя радости соблазновъ, которыя оно исключаетъ. И не надо думать, что жизнь, посвященная служенію истинѣ, есть жизнь мрачная, несчастная, исполненная лишеній. Напротивъ, такая жизнь имѣетъ за себя болѣе вѣроятій счастья, даже земного, чѣмъ жизнь мірская, имѣющая цѣлью благо животной личности. Такая жизнь не исключаетъ всѣхъ самыхъ доступныхъ всѣмъ радостей, доставляемыхъ и природой, и веселіемъ, и пѣніемъ, и

¹⁾ Письмо это было напечатано г-жей П. Новицкой въ «Вопросахъ философ. и психолог.», какъ бы въ видѣ возраженія на статью А. Козлова «Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого», возраженіе въ томъ смыслѣ, что А. Козловъ невѣрно освѣтилъ міропониманіе Л. Н. Толстого.

СТРАНИЧКА ИЗЪ РАЗСКАЗА «О. СЕРГІЙ».

За это время онъ узналъ о смерти своей матери и о выходѣ замужъ Маріи. Оба извѣстія онъ принялъ равнодушно. Все вниманіе — всѣ интересы его были сосредоточены на своей внутренней жизни. На 4-мъ году его монашества архіерей особенно обласкалъ его и старецъ сказалъ ему, что онъ не долженъ будетъ отказываться, если его назначать на высшія должности. И тогда монашеское честолюбіе, то самое, которое такъ противно было въ монахахъ, поднялось въ немъ. Его назначили въ близкій къ столицѣ монастырь. Онъ хотѣлъ отказаться, но старецъ велѣлъ ему принять назначеніе. Онъ принялъ назначеніе, простился съ старцемъ и переѣхалъ въ монастырь (зачеркнуто: время шло незамѣтно быстро. За это время умерла его мать и къ концу 7-го года умеръ его наставникъ настоятель. Смерть эта прекрасная спокойная). Переходъ этотъ въ столичный монастырь былъ важнымъ событіемъ въ жизни Сергія. (Зачеркнуто: на мѣсто прежняго назначенъ новый настоятель.) Соблазновъ всякаго рода было много и всѣ силы Сергія были направлены на это*). Кромѣ того великъ соблазнъ для Сергія состоялъ въ томъ, что игуменъ этого монастыря, свѣтскій, ловкій человѣкъ, дѣлавшій духовную карьеру, былъ въ высшей степени антипатиченъ Сергію. Какъ ни бился съ собой Сергій, онъ не могъ преодолѣть этой антипатіи.

Онъ смирялся, но въ глуби души, не переставая, осуждалъ. И дурное чувство это разразилось. (Зачеркнуто: случилось это вотъ какъ:)

---

*) Знакъ для выноски, которой нѣтъ.

дружбой, и общеніемъ съ людьми и животными, только бы эти радости не противорѣчили любви къ истинѣ.

Вотъ вкратцѣ мои отвѣты на ваши вопросы. Очень былъ бы радъ, если-бъ они удовлетворили васъ.

Левъ Толстой.

№ 78.

Н. Я. ГРОТУ.

(Москва, 1894 г.)

Не зашелъ къ вамъ потому, что получилъ вашу записку послѣ прогулки.

Я напечатаю замѣтки въ «Русскомъ Богатствѣ»¹⁾. Буду живъ, завтра зайду къ вамъ.

Л. Толстой.

№ 79.

Н. Я. ГРОТУ.

(1894 г.)

Очень радъ былъ получить отъ васъ вѣсточку, Николай Яковлевичъ, и главное тому, что вы продолжаете такъ же энергично работать все въ томъ же направленіи²⁾.

Я не могу ни одобрять, ни не одобрять тотъ методъ³⁾, который вы намѣрены употребить для доказательства вашего тезиса, потому что я невольно самъ былъ приведенъ къ этому самому приему противъ извращенія понятій жизни: да это и всегда былъ одинъ и тотъ же приемъ всѣхъ людей, серьезно мыслящихъ.

Истина съ самыхъ древнихъ временъ очищается кирпичомъ, какъ самовары. Она свѣтла, но чтобы быть еще свѣтлѣе, ее, должно-быть, надо сначала запачкать кирпичомъ и послѣ этой операции она дѣлается свѣтлѣе. Истина доступна дѣтямъ и скрыта отъ мудрствующихъ, т.-е. сами мудрствующіе замазываютъ ее. Но мудрствующіе паносятъ на нее кирпичъ и имъ надо потерять ее. Теперь же наши матеріалисты паносили такого чудеснаго кирпича съ грязью, что изъ-подъ него она должна выйти особенно

¹⁾ Рѣчь шла, вѣроятно, о статьѣ «Къ вопросу о свободѣ совѣсти». Журналъ «Русское Богатство» редактировался тогда писателемъ Л. Е. Оболенскимъ, къ которому Л. Н. относился съ особеннымъ благожелательствомъ.

²⁾ Работа о свободѣ воли.

³⁾ Доказательство извѣстной идеи путемъ опроверженія доводовъ, отрицающихъ ее.

ясна. Желая вамъ какъ можно успѣшнѣе сдѣлать эту операцію, и вы можете ее дѣлать, потому что знаете, какимъ долженъ быть самоваръ. Одно только—не жалѣйте кирпича и счищайте весь до тла.

Я съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ вами, не переставалъ работать надъ своимъ писаніемъ¹⁾ и не могу оторваться. Очень, очень буду радъ васъ видѣть. Мои кланяются вамъ, и я вашей женѣ.

Л. Толстой.

№ 80.

Н. Я. ГРОТУ.

(Ясенки, 1894 г.)

Спасибо за ваше письмо и замѣчанія²⁾, дорогой Николай Яковлевичъ. Первую фразу объ Аристотелѣ я хотѣлъ измѣнить по вашимъ указаніямъ, но прилаживался, прилаживался—и не могъ. Оставьте ее, какъ есть. Вѣдь я это самое думаю. Вы скажете: я не знаю Аристотеля. Да не знаю-то я его потому, что тамъ нѣтъ того, что мнѣ пужно знать. А знаю болѣе недалекаго(?) отъ него—Лао-дзы и Конфуція, и не могъ ихъ не узнать.

Надо бы сказать «по ложной постановкѣ вопроса», но вѣдь тутъ слишкомъ много бы пришлось разъяснять. Во всякомъ случаѣ, каждый не можетъ не видѣть, просто съ исторической точки зрѣнія, что между Аристотелемъ и Буддой, Христомъ—бездна. И не оттого, что этихъ обоготворили, а тѣхъ нѣтъ; а ихъ обоготворили, а Аристотеля не обоготворили потому, что между ними бездна въ постановкѣ вопроса и въ содержательности ученія. Остальныя поправки ваши превосходны и не могу достаточно васъ благодарить за нихъ, особенно имѣя въ виду ваше занятое время и продолжительность предстоящей работы.

Примѣчаніе, о которомъ вы говорите, что оно неясно, я не помню (я отвѣчаю вамъ со станціи, куда я пришелъ за письмами, чтобъ не задержать), но, если милость ваша будетъ, выкиньте его, если оно неясно.

Если я, придя домой, прочтя это примѣчаніе, пожалѣю его, то напишу вамъ. Передайте поклонъ мой вашей женѣ. Надѣюсь, всѣ ваши здоровы.

Вашъ Л. Толстой.

---

¹⁾ Объ искусствѣ.

²⁾ По поводу статьи объ искусствѣ.

№ 81.

А. Э. КОНИ.

(1894 г.)

Вы, можетъ-быть, слышали про возмутительное дѣло, совершенное надъ женою X., у которой отняли дѣтей и отдали матери ея мужа¹⁾. Она хочетъ подать прошеніе, егоей написалъ ея своякъ, но мнѣ оно не нравится. Самъ я не только не сумѣю написать лучше, но считаю и бесполезнымъ и нехорошимъ учтиво просить о томъ, чтобы люди не ѣли другихъ людей. Но вы именно тотъ человѣкъ, который, глубоко чувствуя всю возмутительность неправды, можетъ и умѣетъ въ принятыхъ формахъ обличать ее.

№ 82.

А. Э. КОНИ.

(1894 г.)

Если вамъ почему-либо нельзя ничего сдѣлать для этого хорошаго молодого человѣка, то, пожалуйста, не стѣсняйтесь и не трудитесь мнѣ отвѣчать. Я знаю, что вы и безъ моей просьбы помогли бы ему, и думаю, что вы и для меня пожелаете сдѣлать, что можно, поэтому впередъ знаю, что если не сдѣлаете, то только потому, что нельзя.

№ 83.

Н. С. ЛѢСКОВУ.

(1894 г.)

Началь было продолжать одну художественную вещь, но повѣрите ли, совѣстно писать про людей, которыхъ не было и которые ничего этого не дѣлали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повѣсти отживаютъ, или я отживаю? Испытываете ли Вы что-нибудь подобное?

Еще началь объ искусствѣ и наукѣ. И это очень и очень забираетъ меня и кажется мнѣ очень важнымъ.

Л. Толстой.

¹⁾ Рѣчь идетъ о дѣтяхъ князя Д. А. Хилкова, отобранныхъ у родителей по ходатайству матери князя Хилкова, не раздѣлявшей свободныхъ вѣзрачій своего сына.

*Письмо № 84 (стр. 128 и 129) уничтожено по приговору
Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г. . .*

№ 85.

Д Ж О Н У К Е Н В О Р Т И ¹⁾.

Дорогой другъ!

(1895 г., мартъ 24.)

Получилъ ваше письмо и книгу и брошюру. Книга превосходно переведена и издана. Я перечелъ ее. Въ ней много недостатковъ, которыхъ я не сдѣлалъ бы, если бы писалъ ее теперь, но исправлять ее уже не могу. Главный недостатокъ въ ней—излишнія филологическія тонкости, которыя никого не убѣждаютъ, что такое-то слово именно такъ, а не иначе надо понимать, а напротивъ даютъ возможность, опровергать частности, подрывать довѣріе ко всему. А между тѣмъ истинность общаго смысла такъ несомнѣнна, что тотъ, кто не будетъ развлекаться подробностями, неизбѣжно согласится съ нимъ.

Брошюра ваша превосходна, особенно конецъ. Давно пора сказать народу то условіе, при которомъ онъ достигаетъ блага. Глядя на страданія народа, всегда страшно предъявлять къ нему еще тяжелыя требованія. А это необходимо, и вы сдѣлали это прекрасно.

Теперь скажу вамъ о томъ проектѣ, который въ послѣднее время занимаетъ меня. Въ послѣднее время я съ нѣсколькихъ сторонъ получилъ предложенія денегъ, съ просьбой употребить ихъ на полезное для людей дѣло. вмѣстѣ съ этимъ у меня все больше и больше накапливается матеріала: статей, книгъ, брошюръ:

¹⁾ Англійскій методистскій пасторъ Джонъ Кенворти, горячій почитатель Л. Н. Толстого и ревностный поборникъ его идей, издавалъ и распространялъ въ Англии толстовскія религиозныя статьи, основалъ толстовскій журналъ «Новый Порядокъ» и толстовскую земледѣльческую общину подъ названіемъ «Братская церковь»—въ двухъ часахъ отъ Лондона, въ мѣстности Пэрлей (Purleigh).

русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ,—удивительна въ этомъ отношеніи безжизненность французовъ—одного и того же направленія и духа, указывающихъ на невозможность продолженія существующаго порядка вещей и на необходимость измѣненія его, и измѣненія не старыми, оказавшимися недѣйствительными средствами,—насильственнымъ низверженіемъ существующаго порядка, или попытками постепеннаго измѣненія его посредствомъ участія въ существующемъ правительствѣ, а религіознымъ усиленіемъ отдѣльныхъ личностей, какъ это отлично выражено въ вашемъ письмѣ. Говорю же не свою программу, а только выражаю одинъ несомнѣнный признакъ, общій всѣмъ тѣмъ статьямъ и книгамъ, которыя я получаю. То и другое обстоятельство: предложеніе денегъ и накопленіе книгъ и статей одного и того же характера, и часто очень сильныхъ по мысли и по выраженію, побуждаетъ меня вернуться къ давно уже занимавшей меня мысли—основать въ Европѣ, въ свободномъ государствѣ, въ Швейцаріи, на примѣръ, международно не журналъ, а изданіе подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, въ одной и той же формѣ книгъ и брошюръ на 4-хъ языкахъ: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ, въ которомъ бы печатались самымъ дешевымъ образомъ всѣ сочиненія: 1-е—уясняющія истинный смыслъ человѣческой жизни; 2-е—указывающія несогласіе нашей жизни съ этимъ смысломъ, и 3-е—средства согласованія того и другого. Общее заглавіе всему ряду изданія можно бы дать: «Возрожденіе» или что-нибудь подобное. Если можете мнѣ прислать еще нѣскольковашихъ книгъ, какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ брошюръ, пришлите мнѣ.

Л. Толстой.

№ 86.

Х У Д О Ж Н И К У Н.

(Ясная Поляна, 1895 г., іюнь 13.)

Очень благодаренъ за присылку портрета. Онъ напоминаетъ одно изъ выраженій лица нашего друга.¹⁾ И это пріятно вспоминать, пріятно мнѣ тоже знать, что, приславъ мнѣ этотъ портретъ, вы пожелали сдѣлать мнѣ пріятное. Я васъ тоже знаю и съ самой хорошей стороны по рассказамъ Ник. Ник. По французской поговоркѣ: друзья нашихъ друзей—наши друзья.

Еще разъ благодарю васъ.

Л. Толстой.

¹⁾ Н. Н. Ге.

№ 87.

А. Э. КОНИ.

(1895 г. август.)

... пишу я, правда, тотъ сюжетъ, который вы рассказывали мнѣ ¹⁾, но я такъ никогда не знаю, что выйдетъ изъ того, что я пишу, и куда оно меня заведетъ, что я самъ не знаю, что я пишу теперь...

Письмо № 88 (стр. 133, 134, 135 и 136) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г.

---

¹⁾ «Воскресеніе».

№ 89.

А. Э. КОНИ.

(1895 г.)

«Утѣшаю себя мыслью, что доктора всегда врутъ, и что ваше нездоровье не такъ серьезно, какъ они думаютъ. Впрочемъ, отъ всей души желаю вамъ—если у васъ этого нѣтъ—вѣры въ жизнь вѣчную и потому безстрашія передъ смертью, уничтожающаго главное жало всякой болѣзни».

№ 90.

Г - Н У ***.

(1895 г. (?).

Я съ удовольствіемъ постараюсь отвѣтить на вашу вопросъ, такъ какъ вижу, что онъ сдѣланъ совершенно искренно, и вопросъ самой первой важности и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который большинство людей не задаютъ себѣ, предполагая, что отвѣтъ на него или уже давно данъ, или невозможенъ. А вопросъ простой, необходимый, безъ котораго, казалось бы, жить нельзя. Вы спрашиваете: какая цѣль человѣческой жизни, зачѣмъ человѣкъ живетъ, или, иначе, зачѣмъ живу я?

Вы правы, что на вопросъ этотъ отвѣчаетъ только религія. Религія, истинная религія есть не что иное, какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. И религія, которую я исповѣдую,—христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ,—даетъ на этотъ вопросъ такой же простой и ясный отвѣтъ, какъ и самый вопросъ, если только слово цѣль замѣнить словомъ смыслъ.

Цѣль, конечная цѣль человѣческой жизни въ безконечномъ по времени и пространству мірѣ, очевидно, не можетъ быть доступна человѣку въ его ограниченности. Но смыслъ человѣче-

ской жизни, т.-е. зачѣмъ онъ живетъ и что онъ долженъ дѣлать, непремѣнно долженъ быть понятенъ человѣку, такъ же понятенъ, какъ понятно его назначеніе работнику на большомъ заводѣ.

Смысль человѣческой жизни, понятный человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать Царство Божіе на землѣ, т.-е. содѣйствовать замѣнѣ себялюбиваго, ненавистническаго, насильническаго, неразумнаго устройства жизни устройствомъ жизни любовнымъ, братскимъ, свободнымъ и разумнымъ.

Средство же достиженія этого, т.-е. отвѣтъ на вопросъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, состоитъ въ томъ, что, какъ сказано въ Евангеліи, составляетъ весь законъ и пророки: «поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою».

Отвѣтъ, какъ видите, очень простъ, но намъ кажется неясенъ, потому что и наша животная природа, и воспитаніе, и ложное религиозное ученіе приучаютъ насъ къ тому, что смыслъ жизни не въ служеніи Богу и ближнему, а въ нашемъ личномъ счастьи. Привыкнувъ жить только для себя и для своего личнаго счастья, намъ кажется трудно перенести цѣль своей жизни изъ себя въ служеніе Богу. Но какъ ни трудно это, это возможно, и чѣмъ больше мы приучаемъ себя къ этому, тѣмъ это становится естественнѣе, тѣмъ болѣе, что исполняя волю Бога, мы тѣмъ самымъ достигаемъ наивысшаго личнаго блага, которое мы прежде ставили цѣлью своей жизни; какъ то же сказано въ евангеліи: «Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ». Живя личной жизнью, мы ищемъ только этого остального, т.-е. личнаго счастья, и не достигаемъ его и не содѣйствуемъ установленію Царства Божія, а, напротивъ, противодѣйствуемъ ему. Ища же Царства Божія и правды его, мы получаемъ это остальное, т.-е. счастье, если только подъ счастьемъ мы разумѣемъ не какія-либо нами излюбленныя внѣшнія блага, а духовныя—спокойствіе, свободу и радость.

Пишу вамъ не то, до чего дошелъ я разсужденіями, а то, до чего дошелъ опытомъ: жить для исполненія воли Бога возможно. Если не можешь жить такъ всегда, то все-таки можешь жить такъ въ нѣкоторыя лучшія минуты. Если же въ этомъ положишь смыслъ жизни, то все чаще и чаще будешь жить такъ. А чѣмъ чаще будешь жить такъ, тѣмъ больше будешь испытывать разумность и радость такой жизни. И само собой будешь привлеченъ къ такой жизни.

Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть, никакія знанія не могутъ найти ее. Законъ направленія, путь жизни? Да. На это отвѣчаетъ религія, мудрость, если хотите, отвѣчаетъ тѣмъ, что показываетъ ложность всѣхъ тѣхъ путей, которые не совпадаютъ съ однимъ истиннымъ. Отрицаніемъ ложныхъ направленій она указываетъ и освѣщаетъ единый, истинный путь. На этомъ пути кое-что видно, есть ближайшія цѣли, которыя укажетъ наука, но никакъ не она покажетъ этотъ путь.

По слабости своей, по неполнотѣ подчиненія своей всей жизни разуму я ставлю и ставилъ себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣчать на него. Если бы я вполнѣ слился съ жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ закономъ міра, я бы и не подумалъ объ этомъ. Но, не приписывая имъ важности, долженъ сказать, что это мечтанія, которыя волей-неволей приходятъ въ голову.

Мнѣ представлялось такъ: законъ жизни органической есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе, любовь. На жизни органической, жизни борьбы рождается жизнь разумная и связана съ ней. Цѣль очевидная: уничтожить борьбу и ввести единеніе, гдѣ былъ раздоръ. Сначала между людьми, потомъ между людьми и животными, потомъ между животными и растеніями.

Цѣль давно уже такая поставлена. Еврейскій Мессія есть не что иное. Чтобъ перековать копыя на орала и чтобъ ягненокъ лежалъ со львами.

Вотъ цѣль, подобная этой, мерещится мнѣ, но я не дорожу ею: знаю, что она далеко не исчерпаетъ всего. Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути. А для вѣрности пути я знаю, что первое условіе то, чтобы идти по немъ всѣмъ существомъ.

Л. Толстой.

Письмо № 91 (стр. 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148 и 149) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г. . . . .

. . . . .

. . . . .

РЕДАКТОРУ ЯПОНСКАГО ЖУРНАЛА
«ДИДАЙ-ЧОО-ЛЮ». Г-НУ ІОКОЮ¹⁾.

(1896 г., январь 27).

«Благодарю васъ за то, что вы мнѣ прислали вашу статью. Я съ радостью узналъ, что вы глубоко увѣрены въ возможности распространить ученіе Христа и намѣреваетесь проповѣдывать вашимъ соотечественникамъ христіанство, вылившееся въ нагорной проповѣди. Это великая цѣль, и я не знаю цѣли—

---

¹⁾ Къ Толстовскому письму, напечатанному въ «Дидай-Чоо-Лю», Іокою сдѣлалъ такое поясненіе:

«Въ 1894—95 годахъ я былъ студентомъ англійскаго университета, зачитывался «Исторіей революціи Англiи» Ланге и погружался въ чистья воды критики Канта.

«Какъ разъ въ это время у насъ, какъ теперь, громыхла война. Слышалась канонада Портъ-Артура. Получились телеграммы о побѣдахъ. Было жутко и радостно.

«Война кончилась. Началась война на бумагѣ. Появилось вмѣшательство трехъ державъ, состоялся договоръ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжурiи.

«И жуткое чувство радости, которое несли побѣды, смѣнилось періодомъ грустнаго разочарованія. Подавленный, разстроенный, я написалъ статью «Этическія мысли японскаго народа» и помѣстилъ ее въ «Международномъ Журналѣ Этики».

«Но мнѣ хотѣлось большаго. Я хотѣлъ услышать голосъ сочувствiя отъ того, къ голосу котораго прислушивается весь міръ. И вотъ я послалъ номеръ журнала съ моей статьей и письмо въ Москву къ графу Толстому.

«Графъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ. Но этотъ отвѣтъ былъ для меня полнѣйшею неожиданностью.

«Великій Толстой критикуетъ мою статью, отрицаетъ устои моего страстнаго патріотизма и убѣждаетъ меня, что пока не исчезнетъ вообще «патріотизмъ восточнаго міра», ожидать блага для человѣчества, въ его цѣломъ, невозможно.

«Отвѣтъ великаго мыслителя привелъ меня въ полное отчаяніе. Я невольно отказался отъ мысли продолжать дальше изученіе Толстого, стоящаго на точкѣ зрѣнія, діаметрально противоположной съ моей.

«Я спряталъ его письмо, даже не опубликовавъ его.

«Но вотъ теперь вспыхнула война съ Россіей...

«Я вынулъ письмо изъ ящика стола, перечиталъ его... И хотя я попрежнему не могу согласиться съ точкой зрѣнія графа Толстого, слишкомъ крайней, но я рѣшился напечатать его.

«Судите сами, читатели, насколько далеко заходилъ Толстой въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи. Мы не можемъ быть учениками его».

выше этой цѣли, ради которой человѣкъ могъ бы пожертвовать жизнью. Но давайте говорить искренно. Какъ въ вашей статьѣ, такъ и въ вашемъ письмѣ, вы еще не рѣшили, кому служить: Богу или мамонѣ. Желаете ли вы приобрести благосостояніе личное, семейное или государственное, или же только исполнить волю Божию, независимо отъ выгодъ человѣка, семьи или государства?

Вы говорите, что стараетесь уничтожить стѣну дѣленія племень, происходящую отъ различія религій и отъ крайняго развитія патріотизма.

Вы анализируете патріотизмъ и говорите, что существуетъ два патріотизма: одинъ умѣренный, хорошій и другой—черезчуръ сильный, плохой» ¹⁾).

Мы, хрістіане, которые вѣримъ въ ученіе Христа, вылившееся въ нагорной проповѣди, должны употреблять все наши силы, чтобы достигнуть этой цѣли и исполнить безкорыстно Его волю.

Я желаю вамъ, чтобы вы и ваши собратья, раздѣляющіе вашъ взглядъ, поступали такъ. Былъ бы очень радъ, если бы могъ вамъ быть чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Съ братской любовью

Левъ Толстой.

№ 93.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

Милый другъ Машенька!

(1896 г. 13 сентября.)

Ужасно жалѣю, что не удалось еще разъ повидаться съ тобой. Если бы я зналъ, что ты была еще въ Пироговѣ два дня тому назадъ,—я бы пріѣхалъ. Посылаю тебѣ книги для слѣпыхъ: «Отче нашъ», «Нагорная проповѣдь» и Евангеліе Іоанна. При каждой есть азбука. Передай ихъ отъ меня игуменѣ вмѣстѣ съ выраженіемъ моихъ чувствъ уваженія, благодарности и симпатіи. Я думаю, что ей пріятно будетъ читать. Выборъ книгъ не мой, а такія только и есть. Очень мнѣ интересно знать, какъ вы прожили это время съ Сережей. Нашла ли ты то же, что и я: перемѣну къ кротости и религіозности. Когда, какъ мы, стоишь близко къ концу этой жизни, такъ неестественно нарушать лю-

¹⁾ Послѣ этой фразы есть очевидно пропускъ, такъ какъ мысль рѣзко обрывается. Къ сожалѣнію мы не могли получить болѣе исправнаго текста.

бовъ и спорить, сердиться. Соня въ Москвѣ съ Мишей. Онъ перешелъ въ 6-й классъ. Завтра они приѣзжаютъ, а у насъ Лева съ женой (она совсѣмъ птенець) и Соня невѣстка, и Маня, и сейчасъ приѣзжаютъ Лизанька и Сережа.

Съ большимъ удовольствіемъ и умиленіемъ вспоминаю пребываніе у тебя. Передай мой привѣтъ всѣмъ монахинямъ знакомымъ. Цѣлую тебя.

Л. Толстой.

№ 94.

НАЧАЛЬНИКУ ЕКАТЕРИНОГРАДСКАГО
ДИСЦИПЛИНАРНАГО БАТАЛЬОНА.

(Ясная Поляна, 1896 г., ноября 1¹).

Милостивый Государь!

Простите меня пожалуйста за то, что обращаюсь къ вамъ безъ имени и отчества. Я не успѣлъ узнать этого, а между тѣмъ то, великой важности, какъ для меня, такъ и для васъ, дѣло, о которомъ мнѣ нужно писать вамъ, не терпитъ отлагательства.

Дѣло это есть пребываніе въ вашемъ батальонѣ Кавказскихъ духоборовъ, отказавшихся отъ военной службы.

Военное начальство, осудившее ихъ, и вы, исполняющіе надъ ними приговоръ суда, очевидно признаете поступокъ этихъ людей вреднымъ и считаете полезными тѣ мѣры строгости, которыя употреблены противъ этихъ людей: но есть люди—и ихъ очень много, къ которымъ принадлежу и я,—считающіе поступокъ духоборовъ великимъ подвигомъ, самымъ полезнымъ для человѣчества. Такъ же смотрѣли на такіе поступки люди древняго христіанскаго міра, и такъ же смотрятъ и будутъ смотрѣть на поступокъ духоборовъ истинные христіане новаго времени.

Такъ что взгляды на поступокъ духоборовъ могутъ быть совершенно различны. Въ одномъ только сходятся всѣ—какъ тѣ, которые считаютъ поступокъ духоборовъ добрымъ и полезнымъ, такъ и тѣ, которые считаютъ его вреднымъ,—а именно въ томъ, что люди, отказавшіеся отъ военной службы ради религіозныхъ убѣжденій и готовые нести за это всякія страданія

¹) Въ первомъ сборникѣ писемъ Л. Н. (Изд. «Книга» 1910 г.) подъ этимъ числомъ ошибочно помѣщено письмо къ другому начальнику дисциплинарнаго батальона по однородному поводу.

и даже смерть,—не порочные люди, но люди высоко нравственные, которые только по недоразумѣнію власти (недоразумѣніе, которое, вѣроятно, очень скоро будетъ исправлено), поставлены въ одно и то же положеніе, какъ самые порочные солдаты.

Я понимаю, что вы не можете взять на себя исправленіе ошибки или недоразумѣнія высшей власти, а, служа, исполняете обязанности службы. Конечно, это такъ; но кромѣ обязанностей службы, взятыхъ вами на себя произвольно и обязательныхъ для васъ только во время малаго промежутка вашей жизни,—у васъ, какъ и у каждаго человѣка, есть обязанности не временныя, но вѣчныя и наложенныя на васъ безъ вашей воли, и отъ которыхъ вы не можете освободить себя.

Вы знаете, кто эти люди и за что они страдаютъ, и, зная это, вы можете, не выходя изъ предѣловъ своихъ правъ и обязанностей, не вводить этихъ людей въ новое непослушаніе и не подвергать ихъ за это наказаніямъ, вообще пожалѣть ихъ и, сколько возможно, облегчить ихъ участь; и точно такъ же можете, умышленно закрывая глаза на отличіе этихъ людей отъ другихъ преступниковъ, замучить ихъ до смерти, какъ это и случилось въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ съ бывшимъ учителемъ. теперъ всеѣмъ извѣстнымъ Дрожжинымъ, погибшимъ тамъ мученикомъ своихъ христіанскихъ вѣрованій.

Въ первомъ случаѣ вы приобрѣтаете благодарность и благословеніе самихъ заключенныхъ, ихъ матерей, отцовъ, братьевъ и друзей, главное же, въ своей совѣсти найдете ни съ чѣмъ несравнимую радость добраго дѣла; во второмъ же случаѣ (я не говорю о самихъ заключенныхъ, потому что знаю, что они найдутъ утѣшеніе въ сознаніи того, что они смертью своей замечательвають свою вѣру), какія страшныя осужденія вы вызовете своей жестокостью въ родителяхъ, родныхъ и друзьяхъ тѣхъ, которые погибли бы подъ вашимъ начальствомъ, главное же, вы сами для себя въ этомъ случаѣ наживете такіе укоры совѣсти, которые не дадутъ вамъ возможности ни радости, ни спокойствія.

Вѣдь можно бы было говорить: «я не знаю и знать не хочу, за что присланы ко мнѣ эти люди, но разъ они присланы, они должны исполнять законныя требованія и т. п.», если бы вы точно не знали этого; но вѣдь вы знаете,—знаете хоть по этому моему письму,—что люди эти присланы за то, что они хотятъ исполнить законъ Бога, обязательный для васъ такъ же, какъ и для

нихъ,—законъ Бога, не только запрещающій убивать или истязать другъ друга, но предписывающій помогать другъ другу и любить.

И потому, если вы не сдѣлаете все, что можете, для того, чтобы облегчить участь этихъ людей, вы навлечете на себя не видное, но самое тяжелое несчастіе—сознаніе явнаго нарушенія извѣстной вамъ воли Бога, сознаніе непоправимаго, жестокаго, дурного дѣла.

Такъ вотъ почему дѣло, о которомъ я пишу вамъ, есть дѣло великой важности и спѣшное. Для меня же это дѣло великой важности потому, что, если бы я не сказалъ всего этого, я бы чувствовалъ себя виноватымъ передъ вами, передъ собою и передъ Богомъ.

Все на свѣтѣ можно поправить, только не безбожный и безчеловѣчный поступокъ, въ особенности, когда зналъ, что онъ безбоженъ и безчеловѣченъ, и все-таки совершилъ его.

Простите меня, пожалуйста, если я что сказалъ лишняго. Истинно передъ Богомъ говорю, что то, что я написалъ, я написалъ только потому, что считалъ это своей обязанностью передъ вами.

Я буду очень вамъ благодаренъ, если вы отвѣтите мнѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

Адресъ: Городъ Тула. Графу Льву Николаевичу Толстому.

№ 95.

РЕДАКТОРУ „ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

(1897 г., октябрь.)

Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года ко мнѣ пріѣхали самарскіе молокане съ просьбою помочь ихъ горю: у нихъ въ трехъ семьяхъ Бузулукскаго уѣзда, Алексѣевской волости, въ деревняхъ Землянкѣ и Антоновкѣ отобрали отъ родителей 5-хъ дѣтей возрастомъ отъ 11 до 2 лѣтъ.

Дѣти отобраны у нихъ на основаніи 39 ст. Уст. о пред. и прес. прест. Молокане эти подавали прошенія во всѣ инстанціи; я то же сдѣлалъ, что сумѣлъ, но всѣ наши ходатайства остались

безуспѣшными. И вотъ, въ половинѣ сентября эти люди опять пріѣхали ко мнѣ, умоляя какъ-нибудь помочь имъ выручить своихъ дѣтей.

Въ это самое время въ газетахъ шла оживленная полемика о томъ, дѣйствительно ли было предложено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы можно было отбирать дѣтей у раскольниковъ и сектантовъ: однѣ газеты доказывали, что такое предложеніе было сдѣлано и съ негодованіемъ осуждали его, другія горячо оправдывали членовъ съѣзда, отрицая возможность такого предложенія.

Изъ этой полемики русское общество, да и иностранцы, интересующіеся вопросами отношенія русскаго правительства къ сектамъ, должны понять, что хотя мы и не можемъ похвастаться полной вѣротерпимостью, все-таки, такія мѣры, какъ отнятіе дѣтей у родителей, не мыслимы въ русскомъ обществѣ, въ которомъ одно предположеніе о возможности ходатайства о такой мѣрѣ вызвало всеобщее негодованіе какъ либеральныхъ, такъ и самыхъ консервативныхъ и православныхъ органовъ печати. А между тѣмъ дѣти и не однихъ этихъ молоканъ, а, какъ мнѣ извѣстно, многихъ и многихъ сектантовъ и раскольниковъ отбираются отъ нихъ. И дѣлается это по закону, на основаніи 39 ст.,—такъ что членамъ съѣзда совсѣмъ не о чемъ ходатайствовать.

Возмущаться же, что люди ходатайствуютъ о томъ, что уже существуетъ и практикуется, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно.

Левъ Толстой.

№ 96.

КАВКАЗСКИМЪ ДУХОБОРАМЪ ¹⁾.

Любезные братья, страдающіе за ученіе Христа! 1897 г.

Братъ нашъ И. П. Н. заѣхалъ, по дорогѣ домой, ко мнѣ, и мнѣ захотѣлось написать вамъ то, что не я одинъ, но многіе

---

¹⁾ Положеніе кавказскихъ духоборовъ, отстаивавшихъ свои религиозные принципы передъ усердствовавшей кавказской администраціей, обострилось въ 1897 г. до крайней степени; казалось, конца не будетъ ненужнымъ испытаніямъ. Въ иностранной печати появился по этому

и многіе люди и у насъ и за границей знаютъ и думаютъ о васъ и боятся за васъ. Если Богъ велитъ, то мы пришлемъ вамъ, вашимъ дѣтямъ, женщинамъ и старымъ людямъ, больнымъ, сильную помощь; духовную же помощь мы и многіе, и здѣсь и за границей, мы получаемъ отъ васъ и просимъ васъ не оставлять насъ этою помощью. Помощь эта въ томъ, что вы первые показываете примѣръ хожденія по пути Христову; заднимъ легче, чѣмъ переднимъ. Вы идете передними, и многіе благодарятъ васъ за это. Христось сказалъ: «Меня гнали, будутъ гнать и васъ», такъ и сбывается; жалко малыхъ и старыхъ, а еще жалче гонителей: вѣдь они уже знаютъ теперь, что они гонятъ не васъ, а Христа, того самаго, который пришелъ спасать ихъ. Они видятъ свой грѣхъ, но такъ завязли въ немъ, что не могутъ отстать отъ него. Они дѣлаютъ свое дурное; помощи имъ Богъ опомниться и присоединиться къ намъ. Передавалъ мнѣ И. П. рассказы, какъ ваши братья, страдающіе за отказъ отъ участія въ дѣлахъ діавола, въ убійствѣ, поступили съ тѣми, которые не выдержали гоненій и согласились служить. Если тѣ, которые сами страдаютъ за Христово дѣло, просили прощенія у тѣхъ, которые не выдержали гоненій за тѣ страданія, которыя они понесли по примѣру и наученію братьевъ, то какъ же мнѣ, не удостоившемуся пострадать за Христово дѣло, надо выпрашивать прощенія у всѣхъ тѣхъ, кого мои слова и писанія повели къ страданіямъ?

Тотъ, кто страдаетъ за Христово дѣло не по наученію людей, а потому, что не можетъ поступить иначе передъ Богомъ, не нуждается въ людскихъ утѣшеніяхъ и поощреніяхъ, а тотъ, кто поступаетъ не для Бога, а для славы людской, тому тяжело, и его надо утѣшать и поддерживать и просить у него прощенія, если онъ пострадаетъ изъ-за насъ. И потому, братья, не упорствуйте въ своемъ отказѣ отъ государственной службы, если вы это дѣлаете для того, чтобъ не укоряли васъ въ слабости. Если можете дѣлать то, что отъ васъ требуютъ—дѣлайте, избавьте этимъ вашихъ слабыхъ женъ, дѣтей, больныхъ, старыхъ отъ мученій. Если не вселился въ человѣка духъ Христовъ, который

поводу рядъ статей, вызвавшихъ горячее сочувствіе къ героическому поведенію духоборовъ. Не осталось безучастнымъ и русское общество. Происходили собранія по поводу духоборовъ, организовалась матеріальная помощь и проч. По этому поводу и писалъ Л. Н. кавказскимъ духоборамъ.

не позволяеть ему дѣлать противное волѣ Бога, то всякій изъ васъ долженъ ради любви къ своимъ отказаться отъ прежняго и покориться; никто не осудить васъ за это. Такъ должны вы поступать, если можете. Если же духъ Христовъ вселился въ чело-вѣка и онъ живетъ не для себя, а для исполненія воли Бога, то онъ и радъ бы согласиться сдѣлать все для своихъ страдающихъ ближнихъ, да нельзя ему сдѣлать этого, какъ нельзя одному чело-вѣку поднять 100 пудовъ; а если такъ, то Христовъ духъ, который противится дѣламъ діавола, научить, какъ поступать, и утѣшить въ страданіяхъ и своихъ и близкихъ.

Многое хотѣлъ бы я сказать вамъ и узнать отъ васъ. Если Богъ велитъ—свидимся. Пока прощайте, братцы. Цѣлую васъ.

Братъ вашъ слабый, но любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 97.

ПИСЬМО КЪ ОБЩЕСТВУ ¹⁾.

(Москва, 19 марта 1898 г.)

«Населеніе въ 12 тысячъ чело-вѣкъ, христіанъ всемірнаго братства, какъ называютъ себя духоборы, живущіе въ Кавказѣ, находится въ настоящее время въ ужасномъ положеніи.

Не входя въ разсужденія о томъ, кто правъ: правительства ли, признающія совмѣстимость христіанства съ тюрьмами, казнями и, главное, войнами и приготовленіями къ нимъ, или духо-боры, признающіе для себя обязательнымъ христіанскій законъ, отрицающій всякое насиліе и тѣмъ болѣе убійство, и потому отказывающіеся отъ военной службы,—нельзя не видѣть, что противорѣчіе это очень трудно разрѣшимо: никакое правитель-ство не можетъ допустить того, чтобы люди уклонялись отъ обя-занностей, исполняемыхъ всѣми, и тѣмъ подрывали самыя основы государственности; духоборы же, съ своей стороны, не могутъ отказаться отъ того закона, который они считаютъ бо-жественнымъ и потому обязательнымъ въ своей жизни.

¹⁾ Когда кавказскіе духоборы послѣ долгихъ мытарствъ получили, наконецъ, разрѣшеніе на выселеніе за границу, Л. Н. Толстой обратился съ письмомъ къ представителямъ русскаго общества объ оказаніи духо-борамъ матеріальной помощи, непосредственнаго руководства въ незнакомой имъ странѣ. И русское общество чутко откликнулось на этотъ призывъ.

Правительства до сихъ поръ находили выходъ изъ этого противорѣчія или въ томъ, чтобы заставить отказывающихся по религіознымъ убѣжденіямъ отъ военной службы нести болѣе тяжелыя, чѣмъ военная служба, обязанности, но такія, которыя не были бы противны ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ дѣлается въ Россіи по отношенію къ менонитамъ (ихъ заставляютъ срокъ ихъ службы проводить на казенныхъ работахъ), или въ томъ, чтобы, не признавая законности религіознаго отказа, наказывать неисполняющихъ общаго закона государства заключеніемъ въ тюрьмы на срокъ ихъ службы, какъ это дѣлается въ Австріи съ назаренами. Но нынѣшнее русское правительство употребило противъ духоборовъ еще третій, казалось бы оставленный въ наше время, выходъ изъ этого противорѣчія. Оно, кромѣ того, что подвергаетъ самымъ тяжелымъ страданіямъ самихъ отказывающихся, заставляетъ еще систематически страдать отцовъ, матерей, дѣтей отказывающихся, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы пытками этихъ невинныхъ семей поколебать рѣшимость несогласныхъ ихъ членовъ. Не говоря о сѣченіяхъ, карцерахъ и всякаго рода истязаніяхъ, которымъ подвергались отказавшіеся духоборы въ дисциплинарныхъ батальонахъ, отъ чего многіе умерли, и объ ихъ ссылкѣ въ худшія мѣста Сибири, не говоря о 200 запасныхъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ томившихся въ тюрьмахъ и теперь разлученныхъ съ семьями и сосланныхъ попарно въ самыя дикія мѣстности Кавказа, гдѣ они, не имѣя заработковъ, буквально мрутъ съ голода, не говоря объ этихъ наказаніяхъ самихъ виновныхъ въ отказѣ отъ службы, семьи духоборовъ систематически разоряются и уничтожаются. Всѣ они лишены права отлучаться отъ своихъ мѣстъ жительства и усиленно штрафуются и запираются въ тюрьмы за неисполненіе самыхъ странныхъ требованій начальства: за называніе себя не тѣмъ именемъ, которымъ велѣно имъ называть себя, за поѣздку на мельницу, за посѣщеніе матерью своего сына, за выходъ изъ деревни въ лѣсъ для собиранія дровъ, такъ что послѣднія средства прежде богатыхъ жителей быстро истощаются. Четыреста же семей, выселенныхъ изъ своихъ жилищъ и поселенныхъ въ татарскихъ и грузинскихъ деревняхъ, гдѣ они должны нанимать себѣ помѣщенія и кормиться за деньги, не имѣя ни земли ни заработковъ, находятся въ такомъ тяжеломъ положеніи, что въ продолженіе 3-хъ лѣтъ ихъ выселенія четвертая часть ихъ, въ осо-

Съ портрета 1898 года.

бенности старики и дѣти, уже вымерла отъ нужды и болѣзней.

Трудно думать, чтобы такое систематическое уничтоженіе цѣлага 12-тысячнаго населенія входило въ планы русскаго правительства. Очень вѣроятно, что высшія власти не знаютъ того, что совершается въ дѣйствительности, а если и догадываются, то не желаютъ знать подробностей, чувствуя, что имъ нельзя допустить продолженія такихъ дѣлъ, а между тѣмъ совершается то, что для нихъ нужно.

Но несомнѣнно то, что въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ кавказское начальство систематически мучаетъ не только самихъ отказывающихся, но и ихъ семьи и такъ же систематически разоряетъ всѣхъ духоборовъ и замариваетъ до смерти тѣхъ, которые выселены.

Всѣ ходатайства за духоборовъ и всякая помощь имъ до сихъ поръ приводили только къ изгнанію изъ Россіи тѣхъ, которые пытались помочь духоборамъ. Кавказское правительство окружило заколдованнымъ кругомъ цѣлое непокорное ему населеніе, и населеніе это понемногу вымираетъ. Еще 3—4 года, и отъ духоборовъ никого не осталось бы.

Такъ бы это было, если бы не случилось обстоятельства, очевидно непредвидѣннаго кавказскимъ начальствомъ. Обстоятельство это то, что въ прошломъ году императрица-вдова пріѣзжала на Кавказъ къ сыну, и духоборамъ удалось подать ей прошеніе, въ которомъ духоборы просятъ позволить имъ выселиться всѣмъ вмѣстѣ въ какія-нибудь дальнія мѣста, а если этого нельзя, то за границу. Императрица передала прошеніе вышнимъ властямъ, высшія власти признали возможнымъ дать разрѣшеніе духоборамъ выѣхать изъ Россіи.

Казалось бы, вопросъ разрѣшился, и найденъ выходъ изъ тяжелаго для обѣихъ сторонъ положенія. Но это только кажется.

Въ томъ положеніи, въ которомъ находятся теперь духоборы, выселеніе для нихъ невозможно: у нихъ теперь нѣтъ для этого средствъ и, будучи заперты въ своихъ поселеніяхъ, они не могутъ приступить къ этому дѣлу. Они были богаты, но за послѣдніе годы большая часть ихъ средствъ отнята у нихъ судами, штрафами и ушла на прокормленіе выселенныхъ братьевъ; обдумать же совмѣстно и рѣшить условія своего переселенія, такъ какъ ихъ не выпускаютъ изъ мѣста ихъ жительства и къ нимъ никого не допускаютъ, имъ нѣтъ никакой возможности. При-

лагаемое письмо лучше всего обрисовывает то положеніе, въ которомъ находятся они теперь.

Вотъ что пишетъ мнѣ уважаемый среди духоборовъ человекъ:

«Извѣщаю васъ о томъ, что мы подавали прошеніе на имя Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она его передала въ сенатъ, сенатъ рѣшилъ и передалъ на распоряженіе князя Голицына. Справку при семь предлагаю вамъ.

«Я 10-го февраля ѣздилъ въ г. Тифлисъ и видѣлся тамъ съ братомъ Синджономъ ¹⁾, но свиданіе наше было очень краткое,—сейчасъ же арестовали меня и его. Меня посадили въ тюрьму, а его сейчасъ же отправили обратно въ Англию.

«Я заявилъ полицеймейстеру, что я пріѣхалъ по дѣлу къ губернатору. Онъ сказалъ: «Пока посадимъ въ тюрьму, а потомъ доложимъ губернатору». 12-го заключили меня въ тюрьму, а 18-го меня водили подъ конвоемъ изъ двухъ солдатъ къ губернатору. Правитель канцеляріи спросилъ меня:

— За что тебя арестовали?

Я сказалъ: «Не могу знать».

— Ты вѣдь на-дняхъ былъ въ Сигнахѣ?

— Да, былъ.

— А сюда зачѣмъ пріѣхалъ?

— Намѣренъ видѣть губернатора. Мы лѣтомъ подавали прошеніе на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Абастуманѣ; я получилъ черезъ сигнахскаго уѣзднаго начальника отвѣтъ на прошеніе, я просилъ копію, онъ мнѣ отказалъ, говоря, что безъ губернатора не можетъ,—поэтому я и пріѣхалъ».

«Онъ доложилъ губернатору, губернаторъ позвалъ меня; я разъяснилъ ему все, какъ было дѣло. Онъ сказалъ: «Ты вмѣсто меня скорѣе свидѣлся съ англичаниномъ». Я сказалъ: «Англичанинъ тоже нашъ братъ».

«Губернаторъ со мною хорошо разговаривалъ и совѣтовалъ намъ переходить въ самомъ короткомъ времени за границу и сказалъ: «Всѣ можете переходить, только тѣ не могутъ, которые принадлежатъ къ нынѣшнему призыву», т.-е. «любовые».

«А меня приказалъ освободить отъ ареста и отправить обратно въ Сигнахъ. Мы въ настоящее время собираемся на совѣтъ,

---

¹⁾ Англійскій капитанъ, привезшій духоборамъ деньги, собранныя кванкерами.

будемъ съ помощью Божіей стараться о переходѣ въ Англию или въ Америку. И въ этомъ дѣлѣ братски просимъ васъ пойти намъ на помощь.

«Извѣщаемъ васъ о положеніи нашихъ братьевъ. Петру Васильевичу Веригину объявили еще на пять лѣтъ остаться на мѣстѣ. Братьевъ Карсской области ежемѣсячно цѣнять ¹⁾ попрежнему и отлучку изъ предѣловъ воспрещаютъ, и за неисполненіе этого заключаютъ въ тюрьмы отъ одной до двухъ недѣль. Болѣзни продолжаютъ все попрежнему, но смертныхъ случаевъ меньше стало. Въ матеріальномъ отношеніи братья имѣютъ нужду, особенно въ Сигнахскомъ уѣздѣ, а въ прочихъ уѣздахъ тамъ живутъ посвободнѣе».

А вотъ справка:

«По поводу ходатайства, принесеннаго на Августѣйшее Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны имя духоборами-постниками, выселенными въ 1895 г. изъ Ахалкалакского въ другіе уѣзды Тифлисской губерніи, о сгруппированіи означенныхъ духоборовъ-постниковъ на жительствѣ въ одномъ поселеніи съ освобожденіемъ отъ воинской повинности или же о разрѣшеніи всѣмъ имъ выселиться за границу, послѣдовало распоряженіе:

«1) Освобожденіе ихъ отъ воинской повинности не удовлетворено и 2) духоборы-постники, за исключеніемъ, конечно, находящихся въ призывномъ возрастѣ и не исполнившихъ воинской повинности, могутъ быть увольняемы за границу при условіи: а) полученія заграничнаго паспорта въ установленномъ порядкѣ, б) выѣзда изъ предѣловъ Россіи на собственный счетъ и в) выдачи при выѣздѣ подписки о невозвращеніи впредь въ предѣлы «Имперіи», имѣя въ виду, что въ случаѣ неисполненія сего послѣдняго пункта виновный подвергается высылкѣ въ отдаленныя мѣстности. Ходатайство же ихъ о сгруппированіи на жительствѣ въ одномъ селеніи не уважено.

Настоящая справка, по приказанію г. тифлискаго губернатора, выдается одному изъ подавшихъ упомянутое ходатайство духоборовъ-постниковъ Василию Потапову, вслѣдствіе личной его о томъ просьбы, заявленной губернатору. Февраля 21 дня 1898 г., гор. Тифлисъ. Подлинную подписали: правитель.

---

¹⁾ Значитъ то, что при всякомъ случаѣ штрафуютъ.

канцеляріи тифліскаго губернатора Н. Н. И. д. старшаго помощника его Михайловъ».

Людымъ позволяють выѣхать, но предварительно ихъ разорили, такъ что имъ не на что выѣхать, и условія, въ которыхъ они находятся, таковы, что имъ нѣтъ возможности узнать мѣстъ, куда имъ выселиться, какъ и при какихъ условіяхъ возможно это сдѣлать и нельзя даже воспользоваться помощью извнѣ, такъ какъ людей, которые хотятъ помочь имъ, тотчасъ же высылають, ихъ же за всякую отлучку сажаютъ въ тюрьму.

Такъ что если этимъ людымъ не будетъ подана помощь извнѣ, они такъ и разорятся и вымрутъ всѣ, несмотря на полученное ими разрѣшеніе выселиться.

Я случайно знаю подробности гоненій и страданій этихъ людей, нахожусь съ ними въ сношеніяхъ, и они просятъ меня помочь имъ, и потому считаю своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ добрымъ людымъ какъ русскаго, такъ и европейскаго общества, прося ихъ помочь духоборамъ выйти изъ того мучительнаго положенія, въ которомъ они находятся. Я обратился въ одной изъ русскихъ газетъ къ русскому обществу—еще не знаю, будетъ или не будетъ мое заявленіе напечатано, и обращаюсь теперь еще и ко всѣмъ добрымъ людымъ англійскаго и американскаго народа, прося ихъ помощи, во-первыхъ, деньгами, которыхъ нужно много для одной перевозки на дальнее разстояніе 10.000 человекъ, и, во-вторыхъ, прямымъ непосредственнымъ руководствомъ въ трудностяхъ предстоящаго переселенія людей, не знающихъ языковъ и никогда не выѣзжавшихъ изъ Россіи.

Полагаю, что высшее русское правительство не будетъ препятствовать такой помощи и умѣрять излишнее усердіе кавказскаго управленія, не допускающаго теперь никакого общенія съ духоборами.

До тѣхъ же поръ предлагаю свое посредничество между людымъ, желающими помочь духоборамъ и войти въ сношеніе съ ними, такъ какъ до сихъ поръ мои сношенія съ ними не прерывались.

Адресъ мой: Москва, Хамовническій пер., 21.

Левъ Толстой.

№ 98.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ NN.

(1898 г. Май (?))

Письма съ угрозами ¹⁾ разумѣется не дѣйствуютъ; только непріятно въ томъ смыслѣ, что есть люди, напрасно ненавидящіе. А умирать постоянно готовишься, и это дѣло. Я недавно думалъ (и это рекомендую вамъ), что когда здоровъ, то стараешься получше жить во вѣ, а когда нездоровъ, то учишься получше умирать. Впрочемъ, эти письма не имѣютъ даже и этого достоинства: они такъ глупо написаны, что очевидно предназначены только для пуганья.

«Все хочется написать и все забываешь, что надо написать на сердцѣ своемъ, и что, если тамъ будетъ твердо написано, то ужъ отпечатается тамъ, гдѣ нужно».

...«Ужъ очень важно, нужно передъ Богомъ изъ послѣднихъ силъ тянуть тотъ возъ, въ который мы подпряглись, вслѣдъ за Христомъ. Надѣюсь, что вы не припишете это самогнѣнію, а тому, что въ этомъ только жизнь—нести это иго и бремя по мѣрѣ своихъ силишекъ. И «силишки» говорю не изъ ложной скромности, а для того, чтобы знать, что все дѣло огромно, что я не только не увижу осуществленія его, но даже, можетъ быть, и не почувствую, что возъ тронулся, а все-таки, только въ этомъ мое и всѣхъ насъ дѣло, и дѣло это больше, чѣмъ большое или малое,—это дѣло Божіе. Главное, говорю это для того, чтобы не руководиться внѣшнимъ успѣхомъ, котораго, вѣроятно, не увидишь, а внутреннимъ сознаниемъ, которое не обманетъ»...

...«Огорчаетъ и заставляетъ страдать все больше и больше равнодушіе, жестокость, озлобленіе людей... Одно мучительно ужасно видѣть—это раздоръ, нелюбовь существъ, на минутку соединившихся въ этой жизни; а болѣзнь, близость смерти, (спасибо ей за это) уничтожаетъ эти нелѣпые раздоры, непониманіе другъ друга и сближаетъ людей».

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1898 г. Л. Н. получилъ два анонимныхъ письма съ угрозою убить его за его религіозныя писанія.

№ 99.

Г - Н У В. Ч.

(1898 г. середина іюля (?))

...«Такъ какъ выяснилось теперь, какъ много еще недостаетъ денегъ для переселенія духоборовъ, то я думаю вотъ что сдѣлать.

У меня есть неоконченныя повѣсти. «В о с к р е с е н і е» и другія. Я послѣднее время занимался ими. Такъ вотъ я хотѣлъ бы продать ихъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ въ англійскія или американскія газеты и употребить вырученное на переселеніе духоборовъ. Повѣсти эти написаны въ моей старой манерѣ, которую я теперь не одобряю. Если я буду исправлять ихъ, пока останусь доволенъ, я никогда не кончу. Обязавшись же отдать ихъ издателю, я долженъ буду выпустить ихъ *tels quels*. Такъ случилось со мной съ повѣстью «Казакъ»: я все не кончалъ ее; но тогда проигралъ деньги и для уплаты передалъ въ редакцію журнала. Теперь же случай гораздо болѣе законный. Повѣсти же сами по себѣ, если и не удовлетворяютъ теперешнимъ требованіямъ моимъ отъ искусства,—не общедоступны по формѣ,—то по содержанію не вредны и даже могутъ быть полезны людямъ. И потому думаю, что хорошо, продавъ ихъ какъ можно дороже, напечатать теперь, не дожидаясь моей смерти, и передать деньги въ комитетъ для переселенія духоборовъ».

№ 100.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ NN.

(1898 г., осень).

...Я —не знаю, хорошо или дурно—очень пристально занятъ «В о с к р е с е н і е мъ». Многое важное надѣюсь высказать. Оттого такъ и увлекаюсь. Мнѣ кажется иногда, что въ «В о с к р е с е н і и» будетъ много хорошаго, нужнаго, а иногда,—что я предаюсь своей страсти.

«Я теперь рѣшительно не могу ничѣмъ другимъ заниматься, какъ только «В о с к р е с е н і е мъ». Какъ ядро приближается къ землѣ все быстрѣе и быстрѣе, такъ у меня теперь, когда почти конецъ: я не могу ни о чемъ,—нѣтъ не не могу,—могу и даже думаю,—но не хочется ни о чемъ другомъ думать, какъ объ этомъ.

№ 101.

А. Э. КОНИ.

(1898 г.)

...Та, о заступничествѣ за которую я васъ прошу,—молоденькое и наивное, какъ ребенокъ, существо, такъ же похожее на заговорщика и такъ же опасное для государства, какъ похожъ я на завоевателя и опасенъ для спокойствія Европы. Вотъ я и снова къ вамъ съ просьбой. Но что же дѣлать? Noblesse (des sentiments) oblige, а кромѣ того мнѣ не къ кому обратиться въ Петербургѣ.

№ 102.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ NN.

(1898 г.)

... Знаю, что у васъ есть то, что поддерживаетъ въ трудныя минуты жизни,—вѣра въ жизнь вѣчную, крошечную часть которой составляетъ эта жизнь, важная только тѣмъ, чтобы въ ней не измѣнить признанной нами волѣ Божьей. Знаю это, но знаю и то, что невозможно всегда поддерживать себя въ томъ духѣ, въ которомъ видишь и помнишь только Бога и Его законъ; знаю, что послѣ подъема духовнаго бываютъ упадки. И вотъ въ эти-то минуты упадка духа хотѣлось бы быть съ вами, чтобы вмѣстѣ страдать и вмѣстѣ подниматься и помогать другъ другу.

Всегда мнѣ въ тяжелыя минуты памятны слова Христа: «н е н а э т о т ь л и ч а с ь я п р и ш е л ь ?» И эти слова всегда поддерживаютъ меня, если удастся вспомнить ихъ во-время. Трудныя минуты тѣмъ должны быть дороги намъ, что для нихъ то,—для того, чтобы мы какъ должно пережили ихъ,—для нихъ-то мы и жили, и набирались силы всю предыдущую жизнь. «Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ...»

...Меня всегда очень поддерживаетъ мысль о томъ, что то, что мнѣ трудно, и есть та ступень, до которой я дошелъ, и на которую мнѣ надо поставить ногу, чтобы подняться.

...Я, слава Богу, живу хорошо, т.-е. лучше, чѣмъ прежде; больше согласія и любви съ людьми и больше покорности волѣ Божьей. Нелюбовь вѣдь только отъ непокорности.

Письмо № 103 (стр. 167, 168, 169, 170, 171 и 172) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г. . . . .

№ 104.

N. N

(О Т Р Ы В О К Ъ).

(Москва, 1899 г., февр. 5.)

...Нездоровится, слабость большая физическая и умственная. Только чувствуешь, что пропасть дѣла нужно дѣлать, что время идетъ, и ничего не дѣлаешь, чувствуешь себя неспособнымъ дѣлать, и хочется спрятаться куда-нибудь, чтобы никто тебя не нашель и не трогаль.

№ 105.

РЕДАКЦИИ «РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ».

(1899 г., февраля 28.)

Послѣ моего отчета 1898 года получены мною пожертвованія для пострадавшихъ отъ неурожая по 15-е февраля с. г. отъ разныхъ лицъ, всего 1.164 р. 55 к., въ томъ числѣ:

Отъ Н. Г. Чепелкина 62 р. 50 к., Серпуховской городской земской больницы 8 р. 10 к., редакціи В о с т о ч н а г о О б о з р ѣ н і я 25 р. 50 к., М. В. Полянской 100 р., конторы газеты Р и ж с к і й В ѣ с т н и к њ 44 р. 45 к., акц. Общ. Сѣверн. ткацк. мануф. 39 р., Яндинскаго волостного правленія 10 р., О. Э. Лбовой 100 р., Д. Н. Жбанкова 40 р., 55 к., служащихъ Курской психіатрической больницы 19 р. 50 к., Бахир. богадѣльни 10 р., неизвѣстнаго 100 р., Муромцева 50 р., М. З. Гулевой 50 р., настоятеля Луковской церкви 10 р., Мебіусъ 50 р., М. Свищевской 100 р., отъ дѣтей Т. 35 р.

Кромѣ того, изъ Англіи на имя моей жены отъ г. Фредерика Гринъ для пострадавшихъ отъ неурожая 936 р. 60 к.

Итого 2.101 р. 15 к.

Оставалось отъ прошлаго года 3.379 р., итого 5.480 р. 15 к. Въ продолженіе 1898 и 1899 гг. употреблено мною соотвѣтственно желанію жертвователей для помощи нуждающихся 1.476 р. Изъ остальныхъ 4.004 р. посылаю 3,101 р. самарскому

кружку для помощи нуждающимся на имя Ал. Ст. Пругавина. Остающиеся 903 р. такъ же какъ и нѣкоторыя не полученные еще съ почты и не выписанныя пожертвованія направлю или въ Казанскую губернію, изъ которой ожидаю свѣдѣній отъ поѣхавшаго туда знакомаго, или опять же въ самарскій кружокъ. Не имѣя возможности самому ѣхать на мѣста, я прошу жертвователей обращаться прямо къ людямъ, запятымъ распредѣленіемъ помощи: кн. С. И. Шаховскому или А. С. Пругавину, письмо котораго ко мнѣ прилагаю. Письмо это уничтожаетъ всякую возможность сомнѣнія о существованіи нужды въ той мѣстности, которая описывается. Нужда должна быть очень тяжелая.

Левъ Толстой.

№ 106.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1899 г., мара 2.)

«Дорогой Александръ Степановичъ!

Письмо ваше напечатаю и посылаю па дѣло вашего кружка 3.101 р. изъ находившихся въ моемъ распоряженіи пожертвованій.

Помогай Богъ вамъ и вашимъ сотоварищамъ.

Уважающій и любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 107.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1899 г., май.)

«Дорогой Александръ Степановичъ, посылаю вамъ одну тысячу рублей изъ жертвуемыхъ черезъ меня для нуждающихся и прошу васъ передать ихъ въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности и наиболѣе практическія руки. Очень благодарю васъ и вашихъ сотоварищей за выраженные мнѣ чувства, которыхъ я не заслуживаю къ сожалѣнію.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 108.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1899 г., іюня 9.)

Посылаю вамъ, дорогой Александръ Степановичъ, 600 р. изъ жертвованныхъ черезъ меня. Тутъ есть 461 р. 68 к. изъ Ревельской гимназіи, предназначенныя для Самарской и Саратовской, и 23 р. исключительно для дѣтей Алексѣевского¹⁾. Будьте добры размѣстить ихъ по назначенію. Радуюсь успѣху вашей дѣятельности.

Левъ Толстой.

№ 109.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ N. N.

(Москва, 1899 г., осень.)

...Я очень поглощенъ своей работой. И постоянно, когда только увижу корректуру отъ Маркса²⁾, мнѣ тошно и больно.

...Самимъ же писаніемъ постоянно такъ занятъ, что влагаю въ него всѣ силы. Еще другія идутъ ко мнѣ душевныя движенія; но, слава Богу, вижу свѣтъ и все больше и больше. Все чаще и чаще чувствую себя не хозяиномъ своей жизни, а работникомъ, и не думаю о томъ, что выйдетъ изъ того, что дѣлаю, а только о томъ, что дѣлаю и какъ. Часто и большей частью на душѣ хорошо, и чувствую себя однимъ, но не одинокимъ.

...Сейчасъ прочелъ «Листки Свободнаго Слова»³⁾... Все время читаешь и думаешь: какъ бы сдѣлать, чтобы всѣ, или хоть какъ можно больше людей прочли. Кажется,—вѣроятно я ошибаюсь,—что на всякаго непредубѣжденнаго, не вполне испорченнаго человѣка должно чтеніе это произвести неотразимое впечатлѣніе.

...Жизнь нашего круга такъ дурна, такъ противна нашему нравственному сознанію, что мы склонны видѣть въ людяхъ, живущихъ другою жизнью, чѣмъ мы, проявленіе всего того, что намъ недостаетъ⁴⁾.

1) Село Бузулукскаго уѣзда, сосѣднее съ Патровкой.

2) Печатался въ «Нивѣ» ром. «Воскресеніе».

3) Заграничное изданіе, въ которомъ печатались произведенія Толстого, не могуція появиться въ Россіи.

4) Л. Н. имѣлъ въ виду духоборовъ.

Я никогда не вѣрилъ, чтобы населеніе въ семь, восемь тысячъ человѣкъ могло вдругъ стать все на степень высшаго христіанскаго сознанія. Естественно, что между ними должны быть люди очень нравственно высокіе, средніе и низкіе. То, что общественное мнѣніе между ними требуетъ высокой христіанской жизни, доказываетъ то, что людей высокой нравственности между ними больше, чѣмъ бываетъ обыкновенно. И то хорошо и радостно.

То, что въ число переселенцевъ попали «мясники»¹⁾,—очень жалко вообще для духоборовъ, такъ какъ это роняетъ ихъ въ общемъ мнѣніи; но хорошо для людей этой партіи, потому что и имъ, какъ и всѣмъ намъ, неизбежно идти по тому пути, по которому идутъ лучшіе духоборы.

№ 110.

КАНАДСКИМЪ ДУХОБОРАМЪ.

Дорогіе братья!

(1899 г., ноября 6.)

Посылаю вамъ собранныя деньги. Я полагаю, что хорошо бы было считать эти деньги, такъ же какъ и другія средства, которыя вы получаете отъ добрыхъ людей и отъ работающихъ братьевъ, общимъ достояніемъ и не дѣлить по душамъ, а давать больше тѣмъ, у кого больше нужда. Ваши старички, вмѣстѣ съ вашими друзьями, помогутъ вамъ распредѣлять.

Слышалъ я, что вы много перенесли нужды и теперь страдаете. Помогите вамъ Богъ перенести посылаемое вамъ испытаніе въ томъ же христіанскомъ духѣ покорности волѣ Бога, смиренія и братолюбія, въ которомъ вы жили на Кавказѣ, показывая людямъ примѣръ христіанской жизни. Всѣ мірскія дѣла—и радости, и горести, и богатство, и нищета—проходятъ, не оставляя слѣда, только дѣла наши, добрыя или злыя, оставляютъ вѣчный слѣдъ и въ мірѣ, помогая или препятствуя установленію царства Божія, и въ нашей душѣ, приближая или удаляя отъ Бога.

Спаси васъ Богъ за ваше добро.

Любящій васъ братъ Л. Толстой.

---

¹⁾ «Мясники»—названіе, подъ которымъ извѣстны духоборы, такъ называемой, «малой партіи», которые не воздерживаются ни отъ мясной пищи, ни отъ воинской повинности, ни вообще отъ исполненія противныхъ духоборческимъ вѣрованіямъ правительственныхъ требованій.

№ 111.

НЕИЗВѢСТНОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ¹⁾.

(1899 г., ноября 28).

Неизвѣстный молодой и любезный другъ, получилъ ваше письмо въ то время, какъ лежу больной въ постели, но все-таки хочу хоть нѣсколькими словами отвѣтить вамъ, такъ оно, ваше письмо, искренно, задушевно и мнѣ радостно. Одно только пугаетъ меня, это—ваша большая молодость; не то, чтобы я думалъ, что молодость мѣшаетъ вамъ вполне и правильно понять самыя нужныя для жизни истины; напротивъ, по вашему письму я вижу, что вы вполне усвоили себѣ и совпадаете съ центромъ, и вслѣдствіе этого и всѣми радіусами съ истиннымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Но меня пугаетъ ваша молодость потому, что еще много изъ соблазновъ мірской жизни вами не извѣдано, вы не успѣли увидать тщету ихъ, и они могутъ увлечь васъ и заставить отказаться отъ истины; и еще потому, что подъ вліяніемъ горячности молодости, вы можете сдѣлать ложныя шаги по истинному направленію и вслѣдствіе этого разочароваться въ самомъ направленіи. Подобные случаи, къ несчастью, часто бывали. Такъ вы задаете, напримѣръ, мнѣ вопросъ, что вамъ дѣлать, какъ практически устроить свою жизнь?

Вамъ кажется, что до тѣхъ поръ, пока ваши новые взгляды не осуществились въ видимыхъ проявленіяхъ, вы не исполнили своего дѣла, какъ бы отступили отъ своей обязанности. Не торопитесь накладывать новыя формы на свою жизнь, употребляйте только всѣ силы души на то, чтобы новые взгляды проникли все ваше существо и руководили всѣми малѣйшими поступками вашими; а если это будетъ, то старыя формы жизни неизбежно измѣнятся,—хотя мы никакъ не можемъ предвидѣть, во что,—и установятся новыя.

Это подобно тому, какъ часто, растапливая костеръ или печь, слишкомъ рано и много накладывая дровъ на плохо разгорѣвшіяся подтопки, тушишь послѣдній огонь, вмѣсто того, чтобы разжечь его.

---

¹⁾ Молодой французъ, Л., переселившійся въ Россію и живущій земледѣльческимъ трудомъ на Кавказѣ.

Въ вашемъ частномъ случаѣ я, разумѣется, ничего практическаго не могу посовѣтовать вамъ; практическая форма вашей жизни пойдетъ по равнодѣйствующей между вашими привычками и требованіями окружающей среды и вашими убѣжденіями. Одно очень совѣтую вамъ: это помнить, что болѣе и что менѣе главно; самое же главное при вашихъ теперешнихъ взглядахъ это то, чтобы увеличивать любовь вокругъ себя, тѣмъ болѣе не нарушать ту, которая существуетъ. И потому, если при осуществленіи вашихъ плановъ представится вопросъ: оставаться ли противъ своей воли въ условіяхъ, противныхъ вашимъ убѣжденіямъ или, выйдя изъ нихъ, нарушить любовь, то всегда лучше избирать первое.

Въ числѣ книгъ моихъ, которыя вы читали, вы не упоминаете о «Христіанскомъ ученіи». Я бы вамъ прислалъ его, но не имѣю въ настоящую минуту, а думаю, что оно можетъ вамъ быть полезно. Я думаю, что вы можете приобрести его, равно и другія запрещенныя мои писанія, изъ Англіи отъ Черткова по слѣдующему адресу: Англія, England, Essex, Maldon, Purleigh. W. Tchertkof.

Вы угадали, что мнѣ радостно узнать о томъ, что у меня есть друзья на Дальнемъ Востокѣ. Главное же то, что писанія мои, доставившія мнѣ такъ много счастья, доставляютъ такое же и другимъ, хотя и рѣдкимъ людямъ.

Любящій васъ *Левъ Толстой*.

Я не разъясняю вамъ тѣ, вѣрно указанные вами, противорѣчія въ моихъ сочиненіяхъ: нѣкоторыя я бы и могъ разъяснить, другія же такъ и остаются противорѣчіями, объясняемыми тѣмъ, что разныя вещи писаны въ разное время и соотвѣтствуютъ разнымъ міровоззрѣніямъ. Главное же надо помнить, что буква мертва, а духъ живить.

Письма №№ 112 и 113 (стр. 179, 180, 181, 182 и 183) уничтожены по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г.

№ 114.

КЪ г. N. N.

(Москва, 1899 г., дек. 17).

...Я отослалъ третьяго дня послѣднія главы «В о с к р е с е н і я», которыми я недоволенъ, но чувствую, что дѣло это кончено, и съ радостью и надеждой колеблюсь въ выборѣ работы...

...О студенческомъ движеніи думаю тоже, что успѣхъ протеста молодежи надо приписать тому, что онъ былъ миролюбивый, только отрицательный (неучастія), — тотъ самый протестъ, который одинъ можетъ побѣдить насиліе...

...Здоровье еще не хорошо. Вчера была маленькая *gêchûte*, нынче гораздо лучше.

Удивительно и радостно мнѣ, что я очень полюбилъ болѣзнь — то состояніе, которое, разрушая эту форму, приготовляетъ къ вступленію въ новую; прямо жалко выздоравливать. Это въ первый разъ я испытывалъ въ эту болѣзнь и очень радъ этому. Сдѣйствовали много этому тѣ въ послѣднее время все больше и больше занимающія меня и уясняющіяся мысли о жизни, въ которой смерть есть только одинъ изъ эпизодовъ, которыя я надѣюсь изложить ясно. Можетъ быть, онѣ помогутъ и другимъ людямъ такъ же, какъ помогаютъ мнѣ и жить, и, идя ей навстрѣчу, ожидать такую не страшную, а радостную смерть.

Очень мнѣ хорошо, и со мной много любимыхъ и любящихъ людей...

№ 115.

Къ N. N.

(Отрывокъ).

(Москва, 1899 г., дек. 31).

...Перемѣнъ и добавленій въ «В о с к р е с е н і и» я не буду, да я думаю, и не могу дѣлать: пуповина отрѣзана. Двѣ небольшія работы загораживаютъ мнѣ дорогу къ другимъ работамъ, если только будутъ силы для нихъ...

№ 116.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1899 (?))

«Александръ Степановичъ, мой хорошій знакомый и очень хорошій человекъ, Оома Осиповичъ Массарикъ,—профессоръ философи въ Прагѣ,—желаетъ по моему совѣту познакомиться съ вами. Увѣрень, что вы понравитесь и будете полезны другъ другу.

Вашъ Л. Толстой.

Письмо № 117 (стр. 186, 187, 188 и 189) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г. . . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

№ 118.

А. В. В Л А С О В У¹⁾.

(1900 г., февр. 18).

Любезный братъ Андрей Васильевичъ! Очень радъ былъ получить ваше письмо. Напрасно вашъ сынъ думаетъ, что нельзя по-

---

¹⁾ А. В. Власовъ былъ сосланъ въ побѣдоносцевскія времена въ Сибирь за свои религіозныя убѣжденія и, потерявъ такимъ образомъ свободу и молодость, нашель подъ старость одно утѣшеніе: письма Л. Н. Толстого, которыя были его единственнымъ достояніемъ, потому что онъ жилъ въ глубокой бѣдности.

нать того, что вы пишете. Я все понимаю и со всѣмъ согласенъ и желалъ бы, чтобы ученые люди также ясно и понятно писали. Особенно мнѣ дорого въ вашемъ разсужденіи то, что вы понимаете, что и Евангеліе надо читать съ выборомъ... Въ самомъ Евангеліи сказано, что буква мертва, а духъ живить. Дорого мнѣ въ вашемъ разсужденіи то, что вы ставите во главу всего то, что должно стоять во главѣ всего, а именно: разумъ человѣчскій, который старше всѣхъ книгъ и библии, отъ котораго и произошли всѣ библии, безъ котораго ничего понять нельзя и который данъ каждому изъ насъ не черезъ Моисея или Христа, или апостоловъ, или черезъ церковь, а прямо данъ отъ Бога каждому изъ насъ и одинаково всѣмъ. И потому ошибка можетъ быть во всемъ, но только не въ разумѣ. И разойтись люди могутъ только тогда, когда они будутъ вѣрить разнымъ предписаніямъ человѣческимъ, а не единому, у всѣхъ одинаковому и всѣмъ непосредственно отъ Бога данному разуму. Всѣ идолопоклонники и лжеучители всегда проповѣдуютъ то, что надо не вѣрить разуму, потому что онъ будто бы у каждаго особенный и приведетъ къ разногласію, а надо вѣрить всѣмъ тому, чему они учатъ (одинъ одному, другой другому,—христіанинъ, магометанинъ, буддистъ и всѣ ихъ секты). Но эта ложь и есть та самая хула на святого духа, которая хуже всякихъ другихъ хуленій. Ложныя разсужденія, тѣ самыя, которыя развели въ мірѣ ложные учителя, приведутъ къ разногласію и раздору, а разумъ, если онъ не извращенъ, не можетъ привести къ разногласію, потому что, какъ у всѣхъ людей тѣло одинаковое, у всѣхъ руки, ноги, уши, глаза, такъ и разумъ у всѣхъ одинъ, и только одинъ разумъ всѣхъ соединяетъ.

Какъ рѣчь только пойдетъ о томъ, какъ креститься: двумя или тремя перстами, или о томъ, переходить ли хлѣбъ и вино въ кровь и тѣло, или это должно твориться въ воспоминаніе, или о томъ происходитъ ли святой духъ отъ отца и сына, или отъ одного отца, или о томъ, былъ ли Христосъ Богъ или человѣкъ, или о томъ, есть ли Богъ личное существо или безличное,—такъ люди раздѣляются и спорятъ и даже ненавидятъ другъ друга за то, что одни не вѣрятъ такъ же, какъ и другіе. Но если мы будемъ держаться только того, что согласно съ разумомъ каждаго человѣка, а именно то, что пришли мы въ этотъ міръ не по своей волѣ и не по своей волѣ уйдемъ изъ него, а по чьей-то высшей волѣ и что поэтому и жить намъ надо въ этомъ мірѣ по той волѣ, которая привела насъ

въ міръ и выведеть изъ него. Воля же эта, какъ намъ говорить разумъ, въ томъ, чтобы мы любили другъ друга, поступали съ другими такъ, какъ хотимъ, чтобы другіе поступали съ нами. Разумъ говоритъ, что если бы всѣ жили такъ, то жизнь всѣхъ была бы самая хорошая и потому, если бы всѣ держались только этого то не было бы и разногласія въ вѣраxъ, и всѣ бы были согласны, и потому всякій человѣкъ для своего блага и для блага людей долженъ стараться разрушать всѣ разныя ложныя вѣры съ тѣмъ, чтобы всѣ соединились въ одной истинной вѣрѣ, данной всѣмъ людямъ для руководства въ жизни, въ свѣтѣ и разумѣ. Прежде всего надо вѣрить въ разумъ, а потомъ уже отбирать изъ писаній еврейскихъ, христіанскихъ и магометанскихъ, и буддійскихъ, и китайскихъ и свѣтскихъ современныхъ все то, что согласно съ разумомъ и откидывать все, что несогласно съ нимъ. Я очень радуюсь тому, что вы такъ же понимаете. Помогите вамъ Богъ продолжать такъ исповѣдывать и такъ жить. Посылаю вамъ то, что считаю возможнымъ послать и посылаю вамъ душевной твердости, спокойствія и радости въ истинѣ.

Пишите мнѣ.

Любящій васъ братъ *Левъ Толстой*.

№ 119.

Г - Н У N. N.

(Отрывокъ).

(1900 г., февр. 28).

... Слабъ я, главное, и потому неаккуратенъ въ перепискѣ, что чувствую упадокъ силъ,—не по существу, а по времени: я всю энергію сосредоточиваю на время работы. Въ остальное же время чувствую себя exhausted. Странное дѣло, это не только не ослабляетъ способность работы, но (можетъ быть, я грубо заблуждаюсь) чувствую, что усиливаетъ ее. По времени короче, но по интенсивности гораздо сильнѣе. Очень можетъ быть, что другіе будутъ иного мнѣнія, и для другихъ это такъ и будетъ, но для меня-то, я знаю, что это такъ. Часто бываетъ очень, очень хорошо, такъ хорошо, какъ никогда не бывало прежде...

№ 120.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1900 г.. (?) мартъ 10.)

«Дорогой Александръ Степановичъ!

Письмо это вамъ передать Юлія Михайловна Комарова. Эта молодая дѣвушка желаетъ работать въ дѣлѣ помощи народу. Я знаю по опыту, какъ бываетъ хорошъ, самоотверженъ и полезенъ трудъ такихъ особъ, и потому надѣюсь, что она будетъ нужна въ томъ дѣлѣ, на которое вы ее направите.

Вашъ *Левъ Толстой*».

№ 121.

А. В. ВЛАСОВУ.

(1900 г., авг. 2.)

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогой братъ Андрей В., сообщу ваши свѣдѣнія о Змѣиногорской жизни тѣмъ, кому они могутъ пригодиться. Пишу не своей рукой, потому что нездоровъ. Желая вамъ съ успѣхомъ служить дѣлу Божію. Думаю, что въ этомъ состоитъ наша жизнь: это тотъ самый хлѣбъ насущный, о которомъ мы просимъ въ молитвѣ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 122.

КЪ Н. Н.

(Отрывокъ).

(1900 г.,) сент. 1.

... «А н а р х и з м ъ»¹⁾ я получилъ въ двухъ экземплярахъ. Книга хорошая. Изложеніе моихъ взглядовъ въ высшей степени основательно и добросовѣстно. Я писалъ автору мое мнѣніе о книгѣ... Анархизмъ вступаетъ въ ту фазу, въ которой былъ социализмъ 30 лѣтъ тому назадъ: получаетъ въ мірѣ ученыхъ право гражданства.

---

¹⁾ Книга P. Eltzbacher'a «Der Anarchismus». Berlin. Gutentag, 1900 г.

№ 123.

КЪ N. N.

(Отрывокъ).

(1900 г., сент. 6.)

... Сейчас прочелъ «Мысли о Богѣ». Тамъ есть хорошее. Но изданіе ихъ преждевременно. Ихъ надо было издать послѣ смерти (недолго). А то очень страшно жить съ такой программой жизни. Сейчас подумалъ это и потомъ устыдился. Развѣ не все равно, если жить не передъ людьми, а передъ Богомъ. Передъ людьми жить очень хлопотно—всѣмъ потрафить, отъ всѣхъ заслужить доброе мнѣніе; скрыть отъ нихъ свои гадости очень трудно. А какъ покойно и легко передъ Богомъ. Передъ Нимъ трудиться скрывать и рисоваться нечего. Онъ знаетъ, каковъ я, и чего я стою. Это одно и большое преимущество служенія Богу, а не людямъ.

Еще, читая эти мысли, вспомнилъ то, что недавно думалъ объ этомъ. Думалъ то, что нельзя говорить: Богъ есть любовь или Богъ есть логосъ, разумъ. Черезъ любовь и разумъ мы познаемъ Бога, но понятія Бога не только не покрываются этими понятіями, но такъ же отличаются отъ Бога, какъ понятія глаза или зрѣнія отъ свѣта. Почти то же тамъ есть...

[№ 124.

КЪ N. N.

(Отрывокъ).

(1900 г., окт. 2.)

...У каждого свой особенный путь, но *tout chemin mène à Rome*, т.-е къ Богу, и всѣ наши бѣдствія только отъ распадѣнія съ Нимъ. Вы знаете, что у меня всегда есть дорогія мнѣ, потому что нужныя для моей жизни, мысли, которыми я руководствуюсь, лѣчусь, подкрѣпляюсь, какъ духовнымъ лѣкарствомъ. И всегда бываетъ такъ, какъ и съ матеріальнымъ лѣкарствомъ организмъ притерпится къ лѣкарству, и оно уже не дѣйствуетъ. Последнее же время больше мѣсяца у меня есть лѣкарство, удивительно помогающее и до сихъ поръ дѣйствующее...

У меня оно выражается—хотѣлъ сказать, готовится—такъ: я напоминаю себѣ, какъ могу чаще, что во мнѣ—божеское начало,—есть Богъ, такое существо, которое не можетъ ни огор-

чатся, ни сердиться, ни бояться, ни стыдиться, ни гордиться, а может только дѣлать то, что Богъ: «что отецъ дѣлаеть, то и сынъ»... только дѣлать добро людямъ,—любить. И вотъ, часто напоминая себѣ это въ спокойныя минуты, когда одинъ и можно молиться, приучаешь себя къ тому, чтобы вспоминать это, сознавать въ себѣ Бога въ трудныя минуты жизни, когда ты огорченъ, обиженъ, раздраженъ, испуганъ. И стоитъ только вспомнить, кто ты, и такое устанавливается спокойствіе,—если и не всегда любовь къ обидѣвшему или огорчившему, то ужъ навѣрное отсутствіе раздраженія, недоброты. Даже какое-то особенное, почти физическое чувство радости и успокоенія испытываешь...

№ 125.

КЪ N. N.

(Отрывокъ).

(1900 г., окт. 12.)

...Очень много хочется писать и художественнаго, и не художественнаго—а настоящаго, и все это, очевидно, не будетъ написано.

Нынче, читая о наказаніяхъ китайцевъ во имя христіанства, ужасно захотѣлось написать посланіе китайцамъ, въ которомъ сказать имъ, что тѣ христіане, которыхъ они знаютъ и которые ихъ мучаютъ,—самозванцы и клеветуютъ на христіанъ, а что Христосъ любилъ бы и помогаль бы имъ и т. п...

№ 126.

КЪ N. N.

(Отрывокъ).

(1900 г., окт. 14.)

...Качество этого письма будетъ нехорошо ужъ навѣрное каллиграфически, потому что я вчера, гуляя по грязи въ резиновыхъ калошахъ, упалъ на руку такъ сильно, что не владѣю ею для большихъ движеній и пишу съ трудомъ и съ особенными приспособленіями...

...Какъ бы не забыть: статья «Le mensonge Chinois» не моя¹⁾, и ничего не знаю о ней и ея не видалъ.

...Вы напоминаете о китайскомъ обращеніи. Спасибо вамъ... Я, кажется, писалъ вамъ, что главное въ этомъ, это, серьезно не только возмущающая, но больно оскорбляющая меня клевета на христіанство, которымъ я живу. Непріятно, что подъ моимъ именемъ печатають какую-нибудь неясную, слабую, пошлую статью; но каково же, когда подъ именемъ христіанства проповѣдуютъ самыя ужасныя требованія...

...Я совершенно здоровъ, и мнѣ очень хорошо на душѣ. Все больше и больше не то что убѣждаюсь, но всѣмъ существомъ чувствую нереальность этого міра,—того, въ которомъ мы живемъ. Не то что нереальность (что все это мечта, что его нѣтъ), а то, что онъ есть только одно изъ безчисленныхъ (если ужъ считать) проявленій жизни; а не то, что мы всё думали въ дѣтствѣ и юности, а многіе и до смерти, что это настоящій и единственный міръ и другого нѣтъ. Ужасно жить, думая такъ. Чтобы хорошо жить, радостно и спокойно въ этомъ мірѣ, надо чувствовать, что этотъ міръ одна точка, какъ точка настоящаго во времени или какого-нибудь мѣста въ пространствѣ. Надо непремѣнно чувствовать, какъ Эмерсонъ: «I can get along without it»²⁾.

№ 127.

Къ N. N.

(Отрывокъ).

(1900 г., ноября 8.)

...Статья «Le mensonge Chinois» очень слабая по тому—огромной важности—предмету, котораго касается, и, кромѣ того, церковная, восхваляющая миссіонеровъ, главныхъ виновниковъ всего. Буду благодаренъ вамъ за разоблаченіе обмана...

---

¹⁾ Во французскомъ журналѣ «Revue des Revues» появилась статья «Le mensonge Chinois» за подписью «Léon Tolstoy». Содержаніе и форма статьи вызвали въ адресатѣ сомнѣніе, что она написана Л. Н-чемъ.

²⁾ «Могу обойтись и безъ него» (матеріальнаго міра).

№ 128.

А. О. КОНИ.

(1900 г.)

Передадутъ вамъ это письмо сектантъ А. А. (полуслѣпой) и его провожатый. Въ сущности онъ мало располагаетъ къ себѣ, но не жалко ли, что его гонять за вѣру? Вѣроятно, вы почувствуете то же, что и я, и, если можете, избавите его гонителей отъ грѣха.

№ 129.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1900 г. (?))

Дорогой Александръ Степановичъ!

Письмо это передастъ вамъ Любовь Матвѣевна Лепоринская, фельдшерица, очень хорошо и съ самой хорошей стороны мнѣ известная. Трудлюбивая, умная, пріятная въ жизни, она хочетъ служить больнымъ въ вашей губерніи. Направьте ее, гдѣ нужны хорошіе люди.

Любящій васъ *Левъ Толстой*.

№ 130.

ЭЛЬЦБАХЕРУ ¹⁾.

(1900 г.)

Ваша книга дѣлаетъ для анархизма то же, что 30 лѣтъ тому назадъ было сдѣлано для социализма: она вводитъ его въ программу политическихъ наукъ.

Ваша книга чрезвычайно понравилась мнѣ. Она совершенно объективна, понятна и, насколько я могу судить, въ ней прекрасно обработаны источники.

Мнѣ кажется только, что я не анархистъ въ смыслѣ политическаго реформатора. Въ указателѣ вашей книги при словѣ «призваніе» сдѣланы ссылки на страницы сочиненій всѣхъ прочихъ разбираемыхъ вами авторовъ, но не встрѣчается ни одной ссылки на мои писанія. Не есть ли это доказательство того, что ученіе, которое вы приписываете мнѣ, но которое, на самомъ дѣлѣ, есть лишь ученіе Христа,—есть ученіе не политическое, а религіозное?

---

¹⁾ Автору книги «Анархизмъ».

В. И. С - В У ¹⁾.

(1901 г., февр. 1.)

Милый другъ В. И. Когда удосузжусь, напишу вамъ подробнѣе, а теперь хочется хоть нѣсколькими словами поблагодарить за ваше письмо... и отвѣтить на самое существенное.

Вы жалуетесь, тяготитесь своимъ полсженіемъ, а сколько людей, въ томъ числѣ и я, завидуютъ ему?

Положеніе ваше было бы дурно, если бы вы скрывали отъ себя свои недостатки, а вы не только видите, но и показываете ихъ людямъ, находящимся въ томъ же духовномъ состояніи, какъ и вы.

Не тяготитесь, милый другъ, а тяните до конца,—«претерпѣвый до конца спасенъ будетъ»—и только старайтесь быть кроткими и смиренными сердцемъ.

Тогда иго будетъ благо и бремя легко.

Въ такихъ отношеніяхъ, какъ та безпричинная злоба противъ васъ Н., единственное и всегда дѣйствительное средство успокоенія и избавленія себя отъ грѣха—это то, чтобы не считаться съ обидчикомъ, не думать о немъ, объ его винахъ, а чѣмъ больше онъ обижаетъ, тѣмъ больше забывать о немъ и переносить все вниманіе на себя съ одной мыслью, какъ бы въ этомъ испытаніи поступить наилучшимъ образомъ, не провалиться, а выдержать экзамень.

Какой хорошій кіевскій старикъ, подающій прошеніе. Этими людьми міръ стоитъ. Онъ такъ рѣшительно хочетъ уничтожить зло—ковшомъ море зла вычерпать, что зло испугается.

Передайте мою любовь всѣмъ вашимъ сожителямъ. Постараюсь написать еще, и вы пишите, не забывайте меня.

Любящій васъ сердечно

Л. Толстой.

---

¹⁾ В. И. С., членъ толстовской колоніи, удрученный несогласіями въ ея средѣ, написалъ объ этомъ письмо Л. Н. Толстому, въ которомъ между прочимъ описывалъ посѣщеніе колоніи «интереснымъ гостемъ»: высокимъ, сильнымъ старикомъ съ наружностью пророка, рѣшившимъ во что бы то ни стало уничтожить зло путемъ подачи прошенія царямъ, ибо онъ упорно вѣрилъ, что Богъ поставилъ царей на стражѣ добра. Видя же кругомъ множество царей и мало добра, онъ не смущался этимъ противорѣчіемъ и объяснялъ его тѣмъ, что цари не знаютъ о существованіи зла, такъ какъ окружены врагами народа. И вотъ задача этого страннаго фанатика: подать царю прошеніе лично и непосредственно.

№ 132.

КНЯЗЮ Л. Д. ВЯЗЕМСКОМУ¹⁾.

(Москва, 1901 г.,) марта 21.

Уважаемый князь Леонидъ Андреевичъ.

Мужественная, благородная и человѣколюбивая дѣятельность ваша 4-го марта передъ Казанскимъ соборомъ извѣстна всей Россіи.

Мы надѣмся, что вы такъ же, какъ и мы, относите выговоръ, полученный вами . . . . . за ту дѣятельность, только къ грубости и жестокости тѣхъ людей, которые обманываютъ . . . Вы сдѣлали доброе дѣло, и русское общество всегда останется вамъ благодарнымъ за него.

Вы предпочли отдаться чувству негодованія противъ грубаго насилія и требованіямъ человѣколюбія, а не условнымъ требованіямъ приличія и вашего полженія, и поступокъ вашъ вызываетъ всеобщее уваженіе и благодарность, которыя мы и выражаемъ вамъ этимъ письмомъ.

№ 133.

П. И. БИРЮКОВУ.

(Ясная Поляна, 1901 г., мая 5.)

Получилъ нынче ваше письмо, милый другъ Паша, и очень радъ, что вы и Паша²⁾ съ сочувствіемъ отнеслись къ моей мысли³⁾.

Въ основу всякаго воспитанія должно стать прежде всего то, что заброшено въ нашихъ школахъ: религіозное пониманіе жизни, и не столько въ формѣ преподаванія, сколько въ формѣ руководящаго начала всей воспитательной дѣятельности. Религіозное пониманіе жизни, которое, по-моему разумѣнію, можетъ и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболѣе кратко, будетъ такое: смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли того безконечнаго начала, котораго мы сознаемъ себя частью; воля же эта—въ соединеніи всего живого и прежде всего людей: въ братствѣ ихъ, въ служеніи другъ другу. Съ другого конца это же религіозное пониманіе жизни выразится такъ:

¹⁾ Письмо это было написано Толстымъ князю Вяземскому по поводу недобровольнаго выѣзда князя изъ Петербурга за его протестующее отношеніе къ извѣстной исторіи усмиренія молодежи въ Петербургѣ, на Каванской площади.

²⁾ Павла Николаевна, жена Бирюкова.

³⁾ О постановкѣ воспитательнаго дѣла.

дѣло жизни есть единеніе со всѣмъ живымъ—прежде всего, братство людей, служеніе другъ другу. И это такъ потому, что мы живы только въ той мѣрѣ, въ которой сознаемъ себя частью всего безконечнаго, законъ же безконечнаго есть это единеніе. Во всякомъ случаѣ, жизненное проявленіе религіознаго пониманія—единеніе всего, достигаемое любовью, есть, прежде всего, братство людей: оно—практической, центральный законъ жизни, и оно-то и должно быть поставлено въ основу воспитанія, и потому хорошо и должно быть развиваемо въ дѣтяхъ все то, что ведетъ къ единенію, и подавляемо все, что ведетъ къ обратному. Дѣти находятся всегда—и тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе—въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первую степень гипноза. И учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому ихъ состоянію. (Эта ихъ способность ко внушенію отдаетъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, что и какъ мы внушаемъ имъ). Такъ что учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершающееся двояко: сознательно и бессознательно. Все, чему мы обучаемъ дѣтей—отъ молитвъ и басенъ до танцевъ и музыки—все это—сознательное внушеніе; все то, чему независимо отъ нашего желанія подражаютъ дѣти,—въ особенности въ нашей жизни, въ нашихъ поступкахъ,—есть бессознательное внушеніе. Сознательное внушеніе—это обученіе, образованіе; бессознательное—это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ, или, какъ я назову это—просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія; второе жъ—невольнo, вслѣдствіе того, что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Люди, воспитатели, или, самое обыкновенное, скрываютъ свою жизнь и вообще жизнь взрослыхъ отъ дѣтей, ставя ихъ въ исключительныя условія (корпуса, институты, пансіоны и т. п.), или переводятъ то, что должно происходить бессознательно, въ область сознательнаго: предписываютъ нравственныя жизненныя правила, при которыхъ необходимо прибавлять: *fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais* ¹⁾. Отъ этого происходитъ то, что въ нашемъ обществѣ такъ несоотвѣтственно далеко ушло образованіе и такъ не только отстало, но совершенно отсутствуетъ истинное воспитаніе или просвѣщеніе. Если гдѣ оно и есть, то только въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ. А между тѣмъ изъ двухъ сторонъ воздѣйствія на дѣтей, бессознательнаго и сознательнаго, безъ вся-

¹⁾ Дѣлай то, что я говорю, но не дѣлай того, что я дѣлаю.

каго сравненія важнѣе и для отдѣльныхъ личностей и для общества людей—первое, т.-е. бессознательное нравственное просвѣщеніе. Живеть какаѣ-нибудь семья *gentier*, землевладѣльца, чиновника, даже художника, писателя буржуазной жизнью, жить, не пьянствуя, не распутничая, не бранясь, не обижая людей и хотеть дать нравственное воспитаніе дѣтямъ; но это такъ же невозможно, какъ невозможно выучить дѣтей новому языку, не говоря на этомъ языкѣ и не показывая имъ книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ. Дѣти будутъ слушать правила о нравственности, объ уваженіи къ людямъ, но бессознательно будутъ не только подражать, но и усвоятъ себѣ, какъ правило, то, что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другіе пачкать платье, горницы, ѣсть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религіозную основу жизни—братство людей, то нельзя не видѣть, что люди, живущіе на деньги, отобранныя отъ другихъ, и заставляющіе этихъ другихъ за эти деньги служить себѣ, живутъ безнравственной жизнью, и никакія проповѣди ихъ не избавятъ ихъ дѣтей отъ бессознательнаго безнравственнаго внушенія, которое или останется въ нихъ на всю жизнь, извращая всѣ ихъ сужденія о явленіяхъ жизни, или съ великими усиліями и трудомъ будетъ, послѣ многихъ страданій и ошибокъ, разрушено ими.

Итакъ, воспитаніе—бессознательное внушеніе,—есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно—страшно сказать,—чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что назвать хорошей жизнью?—спросятъ. Степеней хорошества безконечно много, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремленіе къ совершенствованію въ любви. Вотъ это самое, если есть въ воспитателяхъ и если этимъ заразятся дѣти, то воспитаніе будетъ не дурное.

Для того, чтобы воспитаніе дѣтей было успѣшно, надо, чтобы воспитывающіе люди, не переставая, воспитывали себя, помогали бы другъ другу все болѣе и болѣе осуществлять то, къ чему стремятся. Средствъ же для этого, кромѣ главнаго, внутренняго,—работы каждаго человѣка надъ своей душой—можетъ быть очень много. Надо искать ихъ, обдумывать, прилагать, обсуждать... Все это намеки на одну сторону дѣла,—воспитаніе. Теперь объ образованіи. Объ образованіи я думаю вотъ что: наука, ученіе есть не что иное, какъ передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда въ трехъ раз-

ныхъ направленіяхъ мысли,—думали: 1) философски-религіозно о значеніи своей жизни — религія, философія, 2) опытно, дѣлая выводы изъ извѣстнымъ образомъ обставленныхъ наблюдений,—естественныя науки: механика, физика, химія, фізіологія и 3) думали математически, дѣлая выводы изъ положеній своей мысли: математика и математическія науки. Всѣ эти три рода наукъ—настоящія науки. Нельзя поддѣлаться подъ знаніе ихъ, и не можетъ быть полужнанія: знаешь или не знаешь. Всѣ эти три рода наукъ космополитичны, всѣ онѣ не только не разъединяють, но соединяють людей. Всѣ онѣ доступны всѣмъ людямъ и удовлетворяють критерию братства людей. Науки же юридическія и спеціально историческія суть не науки, или науки вредныя и должны быть исключены. Но кромѣ того, что существуетъ три отрасли наукъ, существуетъ и три способа передачи этихъ знаній. (Пожалуйста, не думайте, что я подгоняю къ тремъ; мнѣ хотѣлось, чтобы было четыре или десять, но вышло по три).

Первый способъ передачи самый обычный: слова, но слова на разныхъ языкахъ, и потому является еще наука—языки, опять соотвѣтствующая критерию братства людей (можетъ-быть, нужно и преподаваніе эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способъ—это пластическое искусство, рисованіе или лѣпка,—наука о томъ, какъ для глаза передать то, что знаешь, другому. И третій способъ—музыка, пѣніе,—наука, какъ передать свое настроеніе, чувство.

Кромѣ этихъ 6-ти отраслей преподаванія, должна быть введена еще 7-я: преподаваніе мастерства и опять соотвѣтствующее критерию братства, т.-е. такое, которое всѣмъ нужно: слесарное, стлярное, плотничное, швейное... Такъ что преподаваніе распадается на 7 предметовъ.

Какую часть времени употребить на каждое, кромѣ обязательнаго труда для своего обслуживанія, рѣшить склонность каждаго ученика.

Мнѣ представляется такъ: преподаватели для себя распредѣляютъ часы, но ученики вольны приходять или нѣтъ. Какъ ни странно это кажется намъ, такъ уродливо поставившимъ образованіе, полная свобода обученія, т.-е. чтобы ученикъ, ученица сами бы приходили учиться, когда хотять—есть *conditio sine qua non*¹⁾ всякаго плодотворнаго ученія, такъ же, какъ *conditio sine qua non* питанія, есть то, чтобы питающемуся хотѣлось ѣсть.

---

¹⁾ Необходимое условіе.

Разница только въ томъ, что въ матеріальныхъ дѣлахъ вредъ отступленія отъ свободы сейчасъ же проявляется, сейчасъ же будетъ рвота или разстройство желудка, въ духовныхъ же вредныя послѣдствія проявятся не такъ скоро, можетъ-быть, черезъ года. Только при полной свободѣ можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ, а они—лучшіе ученики,—самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызванія отвращенія къ предметамъ, которые, если бы преподавать въ свое время и свободно, были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой специальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія. А то я буду говорить ученику, что не надо въ жизни насилія, а надъ нимъ буду совершать самое тяжелое,—умственное насиліе. Знаю я, что это трудно, но что же дѣлать, когда поймешь, что всякое отступленіе отъ свободы губительно для самаго дѣла образованія. Да и не такъ трудно, когда твердо рѣшишься не дѣлать глупаго. . . . .

Вашъ Л. Толстой.

№ 134.

ПЬЕТРО МАДЗИНИ.

(1901 г., сентября 9.)

Мой отвѣтъ на вашъ первый вопросъ о томъ: «что думаетъ русскій народъ о франко-русскомъ союзѣ?»—слѣдующій: Русскій народъ—настоящій народъ—не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о существованіи этого союза; но если бы даже онъ зналъ объ этомъ союзѣ, я увѣренъ, что, такъ какъ всѣ народы для него совершенно одинаковы, то его здравый смыслъ, а также его чувство человѣчности ему указали бы, что этотъ исключительный союзъ съ однимъ народомъ, предпочтительно предъ всякимъ другимъ,—не можетъ имѣть другой цѣли, какъ ту, чтобы вовлечь его во вражду, а быть-можетъ, и въ войны съ другими народами, и потому союзъ этотъ былъ бы ему въ высшей степени непріятенъ.

На вопросъ: «раздѣляетъ ли русскій народъ восторги французскаго народа?»—я думаю, что могу отвѣтить, что не только русскій народъ не раз-

дѣлаетъ этого восторга (если онъ и существуетъ на самомъ дѣлѣ— въ чемъ очень сомнѣваюсь), но если бы народъ зналъ обо всемъ, что дѣлается и говорится во Франціи по поводу этого союза, то онъ испыталъ бы скорѣе чувство недовѣрія и антипатіи къ тому народу, который безъ всякаго разумнаго основанія начинаетъ вдругъ проявлять къ нему внезапную и исключительную любовь.

Относительно третьяго вопроса: «каково значеніе этого союза для цивилизаціи вообще?»— я думаю, что въ правѣ предположить, что, такъ какъ союзъ этотъ не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ войны или угрозы войны, направленной противъ другихъ народовъ,—то онъ не можетъ не быть зловреднымъ. Что касается значенія этого союза для обѣихъ составляющихъ его національностей, то ясно, что какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ онъ былъ положительнымъ зломъ для обоихъ народовъ. Французское правительство, пресса и вся та часть французскаго общества, которая восхваляетъ этотъ союзъ, уже пошли и будутъ принуждены пойти на еще большіе уступки и компромиссы противъ традицій свободнаго и гуманнаго народа для того, чтобы представиться или на самомъ дѣлѣ быть согласными въ намѣреніяхъ и чувствахъ съ правительствомъ наиболѣе деспотичнымъ, отсталымъ и жестокимъ во всей Европѣ. И это было и будетъ большимъ ущербомъ для Франціи. Между тѣмъ какъ для Россіи этотъ союзъ уже имѣлъ и будетъ имѣть, если онъ продолжится, вліяніе еще болѣе пагубное. Со времени этого злополучнаго союза русское правительство, нѣкогда стыдившееся мнѣнія Европы и считавшееся съ нимъ, теперь уже болѣе не заботится о немъ и, чувствуя за собой поддержку этой странной дружбы со стороны націи, считающейся наиболѣе цивилизованной въ мірѣ,—становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе реакціоннымъ, деспотичнымъ и жестокимъ. Такъ что этотъ дикій и несчастный союзъ не можетъ имѣть, по моему мнѣнію, другаго вліянія, кромѣ самаго отрицательнаго на благосостояніе обоихъ народовъ, такъ же какъ и на цивилизацію вообще.

Л. Толстой.

№ 136.

И. М. ТРЕГУБОВУ¹⁾.

(Крымъ. Гаспра, 1901 г., декабря 2.)

«Листики»²⁾ я прочелъ, и листокъ о томъ, «какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа», прекрасенъ, и я обѣими руками подписываю его. Хорошъ и листокъ «О штундѣ».

Листокъ «Объ уличныхъ безпорядкахъ»—очень жалкій. Онъ, кромѣ того, что безнравствененъ,—непрактиченъ и просто глупъ. Если бы я былъ правительство, я бы печаталъ такіе листки на казенный счетъ и распространялъ въ миллионѣхъ экземпляровъ. Ничто болѣе основательно не можетъ подорвать или сдѣлать невозможнымъ довѣріе народа къ людямъ, раздѣляющимъ взгляды того, что тамъ написано, какъ такіе листки.

Безнравственно то, что предлагаетъ листокъ, потому что, если солдатъ доведенъ цѣлымъ рядомъ внушеній (гипноза) до того, что онъ поставленъ въ необходимость или убивать, или нести тяжкія страданія, и, кромѣ того, такъ затуманенъ, что не видитъ грѣха убійства,—человѣкъ, который бы послушалъ составителя листка, будетъ приготовляться къ убійству и совершать его, не вызванный къ этому ничѣмъ, кромѣ весьма сомнительныхъ утвержденій составителя листка, что отъ совершеннаго имъ убійства ему и его братьямъ будетъ лучше жить на свѣтѣ.

Непрактично то, что предлагаетъ листокъ, потому что немыслимо, чтобы безоружные, недисциплинированные люди могли отнять оружіе у вооруженныхъ и дисциплинированныхъ, и если бы, на что есть одинъ шансъ изъ тысячи, гдѣ-нибудь и случилось это, то эти, отнявшіе оружіе, были бы сейчасъ же задержаны настоящими войсками изъ другихъ мѣстъ.

Глупо же это потому, что готовится къ убійству тѣмъ людямъ, которые хотятъ освободиться отъ убійствъ и угрозъ убійства, значить дать своимъ врагамъ единственный законный

---

1) Ив. Мих. Трегубовъ, высланный въ 1887 г. за границу вмѣстѣ съ П. И. Бирюковымъ и В. Г. Чертковымъ за протестующій образъ дѣйствій по поводу отношенія русскаго правительства къ духоворамъ, принималъ очень дѣятельное и цѣнное участіе въ заграничныхъ изданіяхъ по религіознымъ вопросамъ.

2) «Свободные Листики», издававшіеся въ Женевѣ анонимнымъ кружкомъ лицъ.

поводъ употреблять противъ нихъ всевозможныя насилія и даже убійства и оправдывать всё, прежде совершенныя.

Заявлять о томъ, что я не солидаренъ съ людьми, раздѣляющими взгляды листка объ уличныхъ беспорядкахъ, я полагаю излишнимъ. Я скоро 30 лѣтъ со всѣхъ сторонъ повторяю одно и то же,—что все дѣло въ духовномъ состояннн людей, что всякое насиліе есть грѣхъ, а насиліе тѣхъ, которые борются противъ насилія, есть безуміе. И потому искренній человѣкъ не смѣшаетъ меня съ насильниками-революціонерами; а что неискренній можетъ взвести на всякаго какую ему нужно клевету—противъ этого ничѣмъ не оградись, да и не нужно.

Л. Толстой.

№ 137.

Г-Н У ***.

(1901 г.).

... Вы не понимаете, что значить слово «Богъ», и упоминаніе этого слова всегда раздражаетъ васъ. Изъ этого вы заключаете, что «пора человѣчеству перестать говорить о Богѣ, котораго никто не понимаетъ».

То, что васъ раздражаетъ употребленіе слова, значеніе котораго вы не понимаете, очень естественно. Это всегда такъ бываетъ. Выводъ же вашъ о томъ, что никто не понимаетъ того, что есть Богъ, потому что вы этого не понимаете, по меньшей мѣрѣ страненъ. То, что всегда все человѣчество употребляло это слово, нуждаясь въ этомъ понятіи, должно было бы навести васъ на мысль, что виновато не человѣчество, а вы—тѣмъ, что не понимаете того, что понимаетъ все человѣчество или огромное большинство, и что поэтому вамъ надо не совѣтовать человѣчеству перестать говорить о Богѣ, а самому постараться понять то, чего вы не понимаете.

Каждый человѣкъ, такъ же, какъ и вы, не можетъ не признавать себя частью чего-то безконечнаго. Вотъ это-то безконечное, котораго человѣкъ признаетъ себя частью, и есть Богъ.

Для людей непросвѣщенныхъ, къ которымъ принадлежитъ огромное большинство, такъ называемыхъ, ученыхъ, не понимающихъ ничего, кромѣ матеріи, Богъ будетъ безконечная въ пространствѣ и времени матерія. И такое представленіе о Богѣ бу-

деть очень нелѣпо, но все-таки у нихъ будетъ свой, хотя и нелѣпый, но все-таки Богъ. Для людей же просвѣщенныхъ, понимающихъ, что начало и сущность жизни не въ матеріи, а въ духѣ, Богъ будетъ то безконечное, неограниченное существо, которое они сознаютъ въ себѣ въ ограниченныхъ временемъ и и пространствомъ предѣлахъ.

И такого Бога сознавало и признавало, и признаетъ, и будетъ признавать человѣчество всегда, если только оно не обратится въ скотское состояніе...

Л. Толстой.

№ 138.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(1901 г.)

Не имѣя возможности лично поблагодарить всѣхъ тѣхъ лицъ, отъ сановниковъ до простыхъ рабочихъ, выразившихъ мнѣ, какъ лично, такъ и по почтѣ и по телефону свое сочувствіе по поводу постановленія Св. Синода отъ 20—22 февраля, покорнѣйше прошу вашу уважаемую газету поблагодарить всѣхъ этихъ лицъ, причемъ сочувствіе, высказанное мнѣ, я приписываю не столько значенію своей дѣятельности, сколько остроумію и благовременности постановленія Св. Синода.

Левъ Толстой.

№ 139.

Г - Н У * * *

(1901 г.)

... Я уже болѣе 20-ти лѣтъ установилъ такое свое отношеніе къ Богу и вытекающія изъ такого отношенія требованія; и съ этимъ отношеніемъ живу съ тѣхъ поръ, и чѣмъ долше живу, тѣмъ болѣе въ немъ укрѣпляюсь; и, подходя къ смерти, которую ожидаю каждый день, испытываю полное спокойствіе и одинаковую радость и жизни и смерти.

Вѣрованіе мое не согласно съ вашимъ; но я не говорю и не совѣтую вамъ оставить ваше и усвоить мое. Я знаю, что это для васъ такъ же невозможно, какъ измѣнить вашу фізіологиче-

скую природу: находить вкусъ въ томъ, что вамъ противно и наоборотъ. И потому не только не совѣтую вамъ этого, но совѣтую держаться своего и вырабатывать его дальше, если оно подлежитъ развитію.

Человѣкъ можетъ вѣрить только тому, къ чему онъ приведетъ совокупностью всѣхъ своихъ душевныхъ силъ.

Каждый изъ насъ смотритъ на міръ и на Начало его въ то окошечко, которое онъ самъ продѣлалъ или добровольно избралъ. И потому можетъ случиться, что человѣкъ, который видитъ смутно и у котораго окошечко не ясно, можетъ перейти самъ по своей волѣ къ окошечку другого; но звать человѣка, который удовлетворяется тѣмъ, что онъ видитъ, отъ его окошечка къ своему совершенно неосновательно и по меньшей мѣрѣ неучтиво.

Всѣ мы видимъ одного и того же Бога, всѣ живемъ по Его волѣ и всѣ можемъ, глядя на Него съ разныхъ сторонъ, исполнять Его главный законъ—любить другъ друга, несмотря на различіе нашего на Него воззрѣнія...

Л. Толстой.

№ 140.

А. О. КОНИ.

(Крымъ, Гаспра, конецъ 1901 г.)

Пишу вамъ не своей рукой, потому что все хвораю и послѣ своей обычной работы такъ устаю, что даже и диктовать трудно. Но дѣло, о которомъ пишу вамъ, такъ важно, что не могу откладывать. Моя знакомая и сотрудница во время голоднаго года, самое безобидное существо, В. В., находится въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя описаны въ прилагаемой выпискѣ письма Ч., которое переписано слово въ слово. Пожалуйста, *remuez ciel et terre*, чтобы облегчить участь этой хорошей и несчастной женщины. Вамъ привычно это дѣлать и исполнять мои просьбы. Сдѣлайте это еще разъ, милый Анатолій Федоровичъ.

Dear Sir,
I received your letter, book
and pamphlets.
I can not help
to admire your activity.
The crimes which have
been committed in the
Leppines are special cases,
which, by my opinion will
always be in a state
in ~~it~~ governed by violence
or in which violence is
used and admitted as nec-
essary and lawful.
Violence can not be
regulated and used only
to a certain extent. If
violence is admitted
it will always pass
the limits of which

Письмо 1902 г. американцу, приславшему Л. Н. книгу и брошюры по поводу жестокостей на Филиппинских островах при ихъ переходѣ къ Соедин. Штатамъ.

we would put to them
votes as those that
have been used in the
Philippines in China and
are daily used in all
the pseudo-christian states
will continue till the
majority will accept violence
as means to produce
good results and will
not accept the chief
precept of christianity
to act on our brethren
not as on animals by
violence but by sweet
reasonableness (as Chas.
Wentworth termed it) which
is the only means to
act thoroughly and durably
in reasonable beings
I hope that my last English will not
mislead you to understand so well I mean
from an eye

Dear Sir.

J received your letter, book and pamphlets.

J cannot help to admire your activity.

The crimes which have been committed in the Philippines are special cases which, by my opinion, will always occur in states governed by violence, or in which violence is used and admitted as necessary and lawful.

Violence cannot be regulated and used only to a certain extent. If violence is admitted, it will always surpass the limits, which we would put to them.

Acts, as those, that have been used in the Philippines, in China and are daily used in all pseudo-christian states will continue till humanity will accept violence as means to produce good results and will not accept the chief precept of christianity to act on our brethren not as on animals by violence, but by «sweet reasonableness (as Matthew Arnold termed it) which is the only means to act thoroughly and durable on reasonable being.

In the hope that my bad english will not hinder you to understand what J meant to say, J remain, dear Sir, Yours.

Dear Sir!

Я получил Ваше письмо, книгу и брошюры. Я не могу не удивляться Вашей дѣятельности. Преступленія, которыя были совершены на Филиппинахъ, это именно такіе случаи, которыя, по моему мнѣнію, всегда будутъ происходить въ государствахъ, управляемыхъ посредствомъ насилія или въ которыхъ насиліе допускается и употребляется, какъ необходимое и законное средство. Насиліе нельзя регулировать и употреблять только до извѣстнаго предѣла. Если только допустить насиліе— оно всегда перейдетъ границы, которыя мы хотѣли бы установить для него. Дѣянія, подобныя совершеннымъ на Филиппинахъ, въ Китаѣ и совершаемыя ежедневно во всѣхъ псевдо-христіанскихъ государствахъ, будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока человѣчество будетъ считать насиліе средствомъ достигнуть хорошихъ результатовъ и не приметъ главнаго предписанія христіанства дѣйствовать на нашихъ братьевъ не насиліемъ, какъ на животныхъ, а кроткой разсудительностью какъ назвалъ ее М. Арнольдъ), которая является единственнымъ средствомъ для дѣйствія на разумное существо повсюду и на продолжительное время.

Надѣюсь, что мой плохой англійскій языкъ не помѣшаетъ Вамъ понять, что я хотѣлъ сказать Вамъ.

ГР. С. Н. ТОЛСТОЙ Ч).

(Гаспра, 1902 г., мая 15.)

Милая Соня, я очень радъ былъ серьезно поговорить съ Илюшей о воспитаніи дѣтей. То, въ чемъ мы съ нимъ несомнѣнно согласны, но что только отрицательно, это то—что надо дѣтей учить какъ можно меньше. Это потому, что если дѣти вырастутъ не учившись чему-нибудь,—это далеко не такъ опасно, какъ то, что случается почти со всѣми дѣтьми, особенно, когда матери—не знающія тѣхъ предметовъ, которымъ обучаются дѣти—руководятъ ихъ воспитаніемъ,—именно то, что они получаютъ indigestion ученія и поэтому отвращеніе къ нему. Учиться, и успѣшно, можетъ ребенокъ или человѣкъ, когда у него есть аппетитъ къ изучаемому. Безъ этого же, это—вредъ, ужасный вредъ, дѣлающій людей умственными калѣками. Ради Бога, милая Соня, если ты и не вполнѣ согласна со мной, повѣрь мнѣ на слово, и повѣрь, что, если бы это не было дѣломъ такой огромной важности, я бы не сталъ писать тебѣ объ этомъ. Повѣрь, главное, своему мужу, который вполнѣ разумно смотритъ на это.

Но тутъ обычное возраженіе: если дѣти не будутъ учиться—чѣмъ они будутъ заняты? Бабками и всякими глупостями и гадостями съ крестьянскими ребятишками? При нашемъ барскомъ устройствѣ жизни возраженіе это имѣетъ разумный смыслъ. Но развѣ необходимо приучать дѣтей къ барской жизни, т. е. тому, чтобы они знали, что всѣ ихъ потребности кѣмъ-то какъ-то удовлетворяются безъ малѣйшаго ихъ участія въ этомъ удовлетвореніи. И поэтому я думаю, что первое условіе хорошаго воспитанія есть то, чтобы ребенокъ зналъ, что все, чѣмъ онъ пользуется, не спадаетъ готовымъ съ неба, а есть произведеніе труда чужихъ людей. Понять, что все, чѣмъ онъ живетъ, есть трудъ чужихъ, не знающихъ и не любящихъ его людей—это ужъ слишкомъ много для ребенка (дай Богъ, чтобы онъ понималъ это, когда онъ вырастетъ), но понять то, что горшокъ, въ который онъ мочился, вылить и вымыть безъ всякаго удовольствія няней или прислугой, и такъ же вычищены и вымыты его ботинки и калоши, которыя онъ всегда надѣваетъ чистыми и т. п.,—что все это дѣ-

---

¹⁾ Невѣстка Л. Н-ча—жена гр. Ильи Львовича.

дается не само собой, и не изъ любви къ нему, а по какимъ-то другимъ, непонятнымъ ему причинамъ, это онъ можетъ и долженъ понять, и ему должно быть совѣстно. Если же ему не совѣстно и онъ продолжаетъ пользоваться этимъ, то это начало самаго дурного воспитанія и оставляетъ глубочайшіе слѣды на всю жизнь. Избѣжать же этого такъ просто; и это самое я, говоря высокимъ слогомъ, съ одра смерти умоляю тебя сдѣлать для дѣтей. Пусть все, что они въ силахъ сдѣлать для себя: выносить свои нечистоты, приносить воду, мыть посуду, убирать комнату, чистить сапоги, платье, накрывать на столъ и т. п.— пусть дѣлаютъ сами. Повѣрь мнѣ, что какъ ни кажется ничтожнымъ это дѣло—оно въ сотни разъ важнѣе для счастья твоихъ дѣтей, чѣмъ знаніе французскаго языка, исторіи и т. п. Правда, при этомъ возникаетъ главная трудность: дѣти дѣлаютъ охотно только то, что дѣлаютъ ихъ родители, и потому умоляю тебя—(ты такой молодець, и, я знаю, можешь это)—сдѣлай это. Если Илья и не будетъ дѣлать этого (хотя можно надѣяться, что да), то это не помѣшаетъ дѣлу. Ради Бога, для блага своихъ дѣтей, обдумай это. Это сразу достигаетъ двухъ цѣлей: и даетъ возможность меньше учиться, самымъ полезнымъ и естественнымъ образомъ наполняя время, и пріучаетъ дѣтей къ простотѣ, труду и самостоятельности. Пожалуйста, пожалуйста, сдѣлай это. Будешь радоваться съ первымъ мѣсяцемъ, а дѣти еще больше. Если къ этому можно прибавить земельную работу, хотя бы въ видѣ огородика, то это хорошо,—но изъ этого большей частью выходитъ игрушка. Необходимость ходить за собой и выносить свои нечистоты признана всѣми лучшими школами, какъ Bedales ¹⁾, гдѣ самъ директоръ школы принимаетъ въ этомъ участіе.

Повѣрь мнѣ, Соня, что безъ этого условія нѣтъ никакой возможности нравственнаго воспитанія, христіанскаго воспитанія, сознанія того, что всѣ люди братья и равны между собой. Ребенокъ еще можетъ понять, что взрослый человѣкъ, его отецъ: банкиръ, токарь, художникъ, управляющій, который своимъ трудомъ кормитъ семью,—можетъ освободить себя отъ занятій, лишаящихъ его возможности посвятить все время своему обычному труду. Но какъ можетъ объяснить себѣ ребенокъ, ничѣмъ еще не заявившій себя, ничего еще не умѣющій дѣлать,

---

¹⁾ Bedales School, открытая въ Англіи, въ Петерсфильдѣ д-ромъ Badley.

то, что другіе дѣлають для него то, что ему естественно дѣлать самому. Единственное объясненіе для него есть то, что люди раздѣляются на два сословія—господь и рабовъ, и сколько бы мы ни толковали ему словами о равенствѣ и братствѣ людей, условія всей его жизни, отъ вставанія до вечерней ѣды, показываютъ ему противное.

Мало того, что онъ перестаетъ вѣрить въ поученія старшихъ о нравственности, онъ видитъ въ глубинѣ души, что все поученія эти лживы, перестаетъ вѣрить и своимъ родителямъ и наставникамъ, и даже самой необходимости какой бы то ни было нравственности.

Еще соображеніе: если невозможно сдѣлать все то, о чемъ я упоминалъ, то по крайней мѣрѣ надо заставлять дѣтей дѣлать такія дѣла, невыгода неисполненія которыхъ тотчасъ же для нихъ была бы чувствительна: на примѣръ—не вычищено, не высушено гуляльное платье, обувь — нельзя выходить, или не принесена вода, не вымыта посуда—и негдѣ напиться. Главное, при этомъ не бойтесь ridicul'a. Девять десятыхъ дурныхъ дѣлъ на свѣтѣ дѣлаются потому, что не дѣлать ихъ было бы ridicule.

Твой отецъ и другъ

Л. Толстой.

№ 142.

К. М. Ф О Ф А Н О В У.

1902 г., сентября 11.

Любезный Константинъ Михайловичъ! Мнѣ очень пріятно было получить ваше письмо и узнать изъ него о вашемъ добромъ расположеніи ко мнѣ. Я знаю и читалъ васъ и хотя, какъ вы, вѣроятно, знаете, не имѣю особаго пристрастья къ стихамъ, думаю, что можно различать стихи, естественно вытекающіе изъ особаго поэтическаго дарованія, и стихи, нарочно сочиняемые, и считаю ваши принадлежащими къ первому разряду. Желаю всего лучшаго.

Левъ Толстой.

№ 143.

А. С. ПРУГАВИНУ.

1902 г., сент. 12.

«Очень благодаренъ вамъ, дорогой Александръ Степановичъ, за ваше письмо и за тѣ свѣдѣнія, которыя вы сообщаете въ немъ.

Разумѣется, надо употребить все средства для оглашенія этихъ темныхъ дѣлъ. Но какъ? Я думаю, что надо и то, и другое, т.-е. смягчивъ, сколь возможно, попытаться напечатать въ русскихъ изданіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить вполне въ заграничныхъ.

Все у васъ прекрасно изложено и производитъ сильное впечатлѣніе, но описаніе состоянія Золотницкаго ¹⁾ (или какъ-то такъ), надо или вовсе выпустить или значительно сократить. А то это можетъ подать поводъ къ разсужденію о томъ, что въ черты, свойственныя личности, переносите на послѣдствія заключенія. И безъ этого описаніе всего ужасно. Мы читали вслухъ, и чтеніе безпрестанно прерывалось восклицаніями негодованія.

Я давно знаю Суздальскую тюрьму. Мнѣ удалось содѣйствовать освобожденію оттуда трехъ старообрядческихъ архіереевъ, взятыхъ въ Турціи. Кромѣ того, Маклаковъ—Николай, женатый на моей внучкѣ,—былъ въ самой тюрьмѣ года четыре тому назадъ. Очень, очень желалъ бы содѣйствовать распространенію свѣдѣнія объ этомъ. Располагайте мною. Дружески жму вашу руку.

Левъ Толстой.

№ 144.

С. Н. ШУЛЬГИНУ.

(Ясная Поляна, 1903 г. февр. 21.)

Милостивый Государь Сергѣй Николаевичъ!

Очень, очень вамъ благодаренъ за тѣ свѣдѣнія, которыя вы доставили мнѣ, и за вашу любезную готовность помочь мнѣ.

Все, что было написано о Х. М. ²⁾, есть у меня. Есть также и 10-й томъ актовъ Арх. ком., въ которомъ есть кое-что новое

¹⁾ Священникъ П. Ф. Золотницкій за переходъ къ старообрядцамъ былъ заключенъ въ Суздальскую крѣпость, въ которой ему и пришлось просидѣть болѣе тридцати лѣтъ.

²⁾ Хаджи-Муратъ.

о Х. М. ¹⁾). Желательно мнѣ теперь имѣть всѣ распоряженія о Х. М. ¹⁾), если есть таковыя Николая Павл. ²⁾): его личныя помятки или приказанія и замѣчанія, передаваемыя Чернышевымъ ³⁾ Воронцову ⁴⁾). Желательно бы кромѣ того имѣть распоряженія Николая вообще о веденіи кавказской войны во время намѣстничества Воронцова. Сколько я знаю, Николай сначала въ 45-мъ году требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій, а потомъ, противорѣча самъ себѣ и не замѣчая этого, требовалъ медленнаго воздѣйствія на горцевъ вырубкой лѣсовъ и набѣгами.

Интересно бы найти указанія на это.

Повторяю мою сердечную благодарность за ваше содѣйствіе и прошу васъ, если придется дѣлать длинныя выписки, не дѣлать этого самому, а поручить за плату писцу, извѣсивъ меня о томъ, сколько прислать денегъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ и благодарный

Левъ Толстой.

Примѣчаніе: Работая съ перерывами надъ давно задуманной повестью изъ кавказской жизни, главнымъ героемъ которой долженъ былъ явиться извѣстный уроженецъ Дагестана, выдающійся изъ горскихъ вождей во время кавказскихъ войнъ—Хаджи-Муратъ,—Левъ Николаевичъ старался заручиться какъ можно болѣе обширнымъ бытовымъ и детальнымъ матеріаломъ изъ интересовавшей его эпохи. Съ этой цѣлью онъ обращался съ просьбами къ различнымъ лицамъ: къ В. К. Николаю Михайловичу, къ генералу В. А. Потто и др. Между прочимъ онъ обратился къ своимъ тифлискимъ друзьямъ съ просьбой подыскать лицъ, которыя взялись бы навести справки въ Тифлисі въ военномъ архивѣ кавказскаго намѣстника и поразспросили бы о Хаджи-Муратѣ престарѣлую А. А. Корганову, вдову того уѣзднаго начальника, у котораго подъ надзоромъ проживалъ въ 1852 г. знаменитый шамилевскій наибъ Хаджи-Муратъ. Въ числѣ лицъ, приглашенныхъ для такихъ розысковъ, оказался и С. Н. Шульгинъ. Онъ и С. С. Эсадзе горячо взялись за свою почетную задачу, при чемъ волшебное имя Толстого всюду раскрывало имъ двери для порученныхъ розысковъ. Для характеристики отношенія Толстого къ его работѣ могутъ служить тѣ детальныя вопросы, съ которыми онъ обращался въ Тифлисі: какъ относился Хаджи-Муратъ къ исполненію магометанскихъ обрядовъ, хорошо ли владѣлъ русской рѣчью, замѣтна ли была его хромота, какой масти была лошадь, на которой онъ бѣжалъ изъ Нухи, сколько комнатъ было въ помѣщеніи, отведенномъ для Хаджи-Мурата (временно передавагшагося полковнику

¹⁾ Хаджи-Муратъ.

²⁾ Императоръ Николай I.

³⁾ Военный министръ кн. А. И. Чернышевъ.

⁴⁾ Намѣстникъ Кавказа кн. М. С. Воронцовъ.

Куринскаго полка, сыну кавкавскаго намѣстника, кн. С. М. Воронцову) и его мюридовъ, описаніе дома, двора и ограды у Коргановыхъ въ Нухѣ, какимъ способомъ была доставлена въ Тифлисъ голова погибшаго въ неравномъ бою съ русскими Хаджи-Мурата (не въ спирту ли?), изъ кого состоялъ совѣтъ Шамиля, когда судили (въ Автурѣ?) Хаджи-Мурата послѣ неудачъ подъ Кайтахами или позднѣе (въ 1854 г.), когда обсуждался вопросъ о принятіи выкупа за уведенныхъ въ плѣнъ княгини Чавчавадае и Орбеліани и т. д., и т. п.?

По мѣрѣ накопленія матеріала относительно Хаджи-Мурата все пересылали въ Ясную Поляну, при чемъ всѣхъ работавшихъ въ Тифлисъ очень ободряло и трогало заботливо-внимательное отношеніе Льва Николаевича къ ихъ работѣ. Въ письмѣ къ одному изъ тифлисскихъ друзей онъ просилъ благодарить гг. Шульгина и ђсадзе за оказанныя ему услуги, безпокоился, что очень затрудняетъ, и выразилъ желаніе, е с л и о н и е м у р а в р ѣ ш а т ь, прислать свои сочиненія «съ надписью», каковыя и были присланы въ видѣ двухъ полныхъ экземпляровъ роскошнаго 14-титомнаго изданія съ портретами.

Когда С. Н. Шульгинъ посѣтилъ Льва Николаевича въ Ясной Полянѣ и спросилъ писателя, въ какомъ положеніи находится его работа надъ кавкавской повѣстью, Л. Н. отвѣтилъ:

—Приходится окунуться съ головой въ эпоху Николая и пересмотрѣть большой матеріалъ—и печатный и рукописный. И все это, быть можетъ, только для того, чтобы извлечь какія-нибудь дрѣ—три черты, которыхъ публика, пожалуй, и не замѣтитъ, а между тѣмъ онѣ очень важны... Меня здѣсь занимаетъ не одинъ Хаджи-Муратъ съ его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизмъ двухъ главныхъ противниковъ той эпохи—Шамиля и Николая, представляющихъ вмѣстѣ какъ бы два полюса властнаго абсолютизма—азиатскаго и европейскаго.

(«Русск. М.» 1911 г., февр.)

№ 145.

Г - Ж Ъ Т — С К О Й ¹⁾.

(Ясная Поляна, 1903 г., марта 17.)

Я думаю, что вамъ лучше всего вернуться къ отцу и постараться вызвать въ себѣ доброе чувство къ нему, которое, если вамъ только удастся это, вызоветъ въ немъ такое же.

Спокойствіе вы найдете только въ внутренней работѣ надъ своей душой, стараясь быть болѣе покорной, смиренной, доброй и не для достиженія внѣшнихъ цѣлей, а для исполненія того, чего хочетъ отъ насъ Богъ. И это же будетъ наилучшимъ сред-

---

¹⁾ Г-жа Т—ская обратилась къ Л. Н.—чу за совѣтомъ, какъ наилучше поступить при принципиальныхъ разногласіяхъ съ родными.

ствомъ для достиженія того, что нужно вамъ и вашимъ дѣтямъ. Горе ваше большое, но я вѣрю и совѣтоваль бы вамъ вѣрить, что несчастія нужны намъ для нашей вѣчной жизни. Вотъ все, что могу сказать вамъ.

Левъ Толстой.

№ 146.

И. А. ГРИНЕВСКОЙ.

(Ясная Поляна, 1903 г., окт. 22.)

Милостивая Государыня Изабелла Аркадьевна!

Очень радъ тому, что В. В. Стасовъ передалъ вамъ о томъ хорошемъ впечатлѣннн, которое произвела на меня ваша книга ¹⁾, за присылку которой приношу вамъ мою благодарность.

О бабидахъ я знаю давно и давно интересуюсь ихъ ученіемъ. Мнѣ кажется, что это ученіе такъ же, какъ и всѣ рационалистическія общественныя религіозныя ученія, возникающія въ послѣднее время изъ изуродованныхъ жрецами первобытныхъ учений: браминизма, буддизма, іудаизма, христіанства, магометанства, имѣеть великую будущность именно потому, что всѣ эти ученія, откинувъ всѣ тѣ уродливыя наслоенія, которыя раздѣляютъ ихъ, стремятся къ тому, чтобы слиться въ одну общую религію всего человѣчества.

Поэтому и ученіе бабидовъ въ той мѣрѣ, въ которой оно откинуло старыя магометанскія суевѣрія и не установило новыхъ, отдѣляющихъ его отъ другихъ—новыхъ суевѣрій (къ несчастью, нѣчто подобное замѣтно въ изложеніи ученія Баба), и держится своихъ главныхъ основныхъ (идей?) братства, равенства и любви, имѣеть великую будущность.

Въ магометанствѣ происходитъ въ послѣднее время усиленное духовное движеніе. Я знаю, что одно такое имѣеть своимъ центромъ французскія владѣнія въ Африкѣ и имѣеть свое названіе (забылъ его) и своего пророка. Другое въ Индіи, въ Лагорѣ, и имѣеть тоже и своего пророка и издаетъ свой журналъ: «Review of religions».

Оба эти религіозныя ученія не содержатъ ничего новаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не полагаютъ своей главной цѣли въ измѣненіи міровоззрѣнія людей и потому и отношеній людей между

¹⁾ Пьеса въ стихахъ «Бабъ».

собой, того, что я вижу въ бабизмѣ, не столько въ его теоріи (въ ученіи Баба), сколько въ практикѣ жизни, насколько я знаю ее. И потому всей душой сочувствую бабизму въ той мѣрѣ, въ которой онъ учитъ людей братству и равенству людей и жертвѣ плотской жизни для служенія Богу.

Левъ Толстой.

№ 147.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1903 г., ноября 27.)

Дорогой Александръ Степановичъ!

Получилъ вашу книгу и очень благодаренъ за нее. Многое— «Бѣлоризцы» на примѣръ—было для меня совсѣмъ новое, но и старое я перечелъ съ тѣми же чувствами, которыя испытывалъ прежде: зачѣмъ такъ мало написано въ этомъ родѣ и зачѣмъ то, что написано, такъ мало распространено?

Книга о томъ, что всѣ наши бѣдствія, съ которыми борятся самыми разнообразными, но всегда только палліативными средствами,—всѣ происходятъ отъ того, что у нашей интеллигенціи, какъ правительственной, такъ и антиправительственной, нѣтъ не только религіознаго сознанія, но даже понятія о томъ, что безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить человѣчество, такая книга, матеріаль для которой у меня собранъ, составляетъ мою мечту. Хотѣлось бы до близкой смерти сдѣлать это кажущееся очень нужнымъ дѣло. И думается, что я могу его сдѣлать. Фетъ остроумно говорилъ: «чѣмъ больше живу, тѣмъ больше ничего не понимаю», я же, напротивъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ яснѣе понимаю то, чего намъ не достаетъ и надъ чѣмъ мы всѣ должны трудиться. Прощайте пока. Дружески жму вашу руку.

Л. Толстой.

№ 148.

Г-НУ ***

(1903 г.)

Вы пишете, что, послѣдовавъ моему совѣту и занявшись, какъ вы пишете, самосовершенствованіемъ, вы почувствовали, что подвергаете себя великой опасности прожить эгоистично,

и потому тщетно, свою жизнь; и что избѣгли вы этой опасности тѣмъ, что, переставъ заботиться о своемъ нравственномъ совершенствованіи, объ уясненіи своего сознанія истины и устройства своей жизни сообразно этому сознанію, занялись улучшеніемъ, просвѣщеніемъ и исправленіемъ другихъ.

Я думаю, что испугавшая васъ опасность была воображаемая и что, продолжая уяснять свое сознаніе и учреждая свою жизнь соотвѣтственно этому сознанію, вы никакъ не рисковали провести праздно и бесполезно для другихъ свою жизнь.

Я думаю совершенно обратное: не только нѣтъ никакой возможности просвѣщать и исправлять другихъ, не просвѣтивъ и не исправивъ себя до послѣднихъ предѣловъ своей возможности, но нельзя и просвѣщать, и исправлять себя въ одиночку, а всякое истинное просвѣщеніе и исправленіе себя неизбѣжно просвѣщаетъ и исправляетъ другихъ, и только одно это средство дѣйствительно просвѣщаетъ и исправляетъ другихъ, въ родѣ того, какъ загорѣвшійся огонь не можетъ свѣтить и согрѣвать только тотъ предметъ, который стораецъ въ немъ, но неизбѣжно свѣтитъ и грѣетъ вокругъ себя, свѣтитъ и грѣетъ только тогда, когда самъ горитъ.

Вы пишете: «Развѣ оттого, что я стану лучше, станеть лучше моему брату». Это все равно, что если бы землекопъ сказалъ: «Развѣ оттого, что я буду точить мою лопату, подвинется моя работа». Только тогда и подвинется, когда будетъ отточена лопата.

Но тутъ сравненіе неполное: само просвѣщеніе и исправленіе другихъ, какъ я прежде сказалъ, совершается только черезъ просвѣщеніе и исправленіе себя.

Мы всѣ по слабостямъ нашимъ болѣе или менѣе отступаемъ отъ того идеала, той истины, которую мы знаемъ; но важно то, чтобы не извращать истину, знать, что я отступилъ отъ нея, что я грѣшенъ, дуренъ и, не переставая, стремиться къ ней и быть готовымъ всякую минуту, какъ только ослабнуть препятствія, вступить на ея путь.

Только тогда человѣкъ движется впередъ и живетъ и служитъ людямъ, когда онъ знаетъ, насколько онъ отступилъ отъ истины, и потому считаетъ себя дурнымъ. Если же онъ ищетъ оправданія своему грѣху и доволенъ собой,—онъ мертвъ.

№ 149.

Г - Н У ***

(1903 г.)

... Вы говорите, что вамъ кажется недостаточно того, чтобы самому жить хорошо, соотвѣтственно съ требованіями своей совѣсти, но требуете того, чтобы имѣть возможность воздѣйствовать на другихъ, заставить другихъ жить такъ, какъ вы считаете хорошимъ.

Можно только радоваться тому, что такого средства заставить другихъ жить, какъ я считаю хорошимъ, не существуетъ. Каково бы было положеніе людей, если бы всякій могъ такъ воздѣйствовать на другихъ?

Къ счастью этого нѣтъ, и воздѣйствовать на другихъ можно только тѣмъ, чтобы своею жизнью исповѣдывать свои убѣжденія.

Такъ что для достиженія второй цѣли достаточно перваго, т.-е. жизни, соотвѣтствующей требованіямъ своей совѣсти.

№ 150.

Г - Н У N.

(1903 г.)

Я не помню вашихъ прежнихъ писемъ, но послѣднее, полученное мною нынче, письмо ваше¹⁾,—такое доброе, любовное и искреннее,—тронуло меня, и мнѣ хочется отвѣтить вамъ хотя бы только для того, чтобы показать, что я цѣню ваше доброе чувство ко мнѣ.

Исполнить ваше желаніе для меня такъ же невозможно, какъ находиться въ двухъ мѣстахъ въ одно и то же время или заснуть, когда не хочешь спать, или перестать думать тотчасъ же о той мысли, которая пришла въ голову. Мнѣ это, т.-е. возвращеніе къ догматическому православію или христіанству, вообще невозможно не потому, чтобы я не вѣрилъ въ него, а потому именно, что я вѣрилъ въ него, и, хотя самъ и не служилъ литургію, испытывалъ тѣ самыя чувства умиленія, которыя вы описываете. Сойдя на твердый берегъ съ той утлой лодочки, на которой я еле-еле держался надъ водой, я никакъ не могу сознательно вернуться на эту лодочку.

---

¹⁾ N. обратился къ Л. Н.—чу съ письмомъ—увѣщаніемъ вернуться въ лоно православной церкви.

Главное же то, что я испытываю полное, совершенное спокойствие и въ жизни и въ смерти въ той вѣрѣ, которую не то, что исповѣдую, а къ которой неизбежно былъ приведенъ и жизнью, и разумомъ, и преданіями (не преданіями одного вѣроученія, а преданіями всего человѣчества). И потому не имѣю ни надобности, ни права искать чего-нибудь еще болѣе твердаго и прочнаго, чѣмъ то, что мнѣ дано не моимъ разсужденіемъ, а самимъ Богомъ. Тѣмъ болѣе не могу вернуться къ тѣмъ вѣрованіямъ, которыя оставилъ по сознанию ихъ непрочности.

Вѣдь если бы я вѣровала въ что-нибудь выдуманное мною, я бы понималъ увѣщанія о томъ, чтобы я не вѣрилъ своимъ выдумкамъ, а призналъ бы то, что признано и признается всѣмъ міромъ. Но вѣдь я именно вѣрю въ то, во что вѣрять міръ и вѣрите вы,—вѣрю въ Бога, Отца, пославшаго меня въ міръ для того, чтобы я исполнялъ Его волю. А вѣря въ это и зная, что Богъ есть любовь, что я отъ Него исшелъ и къ Нему пойду, я не только ничего не боюсь ни въ жизни, ни въ смерти, но мнѣ не нужно никакихъ другихъ вѣрованій. Мнѣ некуда ихъ помѣстить, и я невольно смотрю на всѣ прибавочныя къ этой вѣрѣ вѣрованія, какъ на оскорбленіе Бога, на признакъ недовѣрія къ Нему.

Если бы меня, нишаго, никуда негоднаго бродягу, принялъ къ себѣ добрый хозяинъ и общалъ бы кормить и содержать, только бы я не нарушалъ порядковъ его дома, неужели я бы сталъ стараться обезпечить свое существованіе посторонними, кромѣ исполненія воли хозяина, средствами? Развѣ не ясно бы было, что человѣкъ, поступающій такъ, не вѣрять и желаетъ найти способы жить, не исполняя его воли?

Такъ думаю и чувствую теперь и я.

Вѣрю въ Бога, по волѣ котораго я живу и умру, и стараюсь, по указанію великаго учителя жизни—Христа, исполнять волю Пославшаго меня. Знаю, что Богъ есть любовь, и потому вѣрю, что, кромѣ добра, мнѣ отъ Него ни въ этой, ни въ будущей жизни ничего быть не можетъ. Стараюсь же исполнять Его волю, которая въ томъ, чтобы мы любили другъ друга и дѣлали другому то, что хотимъ, чтобы намъ дѣлали—не изъ страха, а потому, что чѣмъ больше я исполнялъ Его волю, тѣмъ мнѣ, моей душѣ лучше. Для того же, чтобы какъ можно больше исполнять Его волю,—не забывать, не ослабѣвать,—стараюсь постоянно помнить Его, молиться ежечасно и, кромѣ того, общаться съ луч-

шими, святыми людьми міра—живыми и въ особенности умершими—въ ихъ писаніяхъ.

Такъ что, какъ вы видите, я въ духовномъ смыслѣ такъ удовлетворенъ, что мнѣ некуда помѣстить тѣ вѣрованія (не говоря уже о томъ, что я когда-то раздѣлялъ ихъ), которыя вы и многіе добрые люди предлагаютъ мнѣ. Я нахожусь въ духовномъ смыслѣ въ томъ же положеніи пѣшехода путешественника, у котораго есть все, что только ему можетъ понадобиться, даже съ избыткомъ, а ему предлагаютъ еще предметы, которые онъ несомнѣнно, постоянно, по опыту знаетъ, что они не нужны ему.

Я не позволю себѣ да и не считаю пужнымъ обсуждать или осуждать вашу вѣру, чувствуя, во-первыхъ, то, что если жестоко и недобро осуждать поступки, характеръ, даже наружность человѣка, то тѣмъ болѣе жестоко, недобро осуждать самое драгоценное для человѣка, его святая святыхъ — его вѣру; во-вторыхъ, потому что знаю, что вѣра человѣка складывается въ его душѣ сложными, тайными, внутренними путями и можетъ измѣниться не по желанію людей, а по волѣ Бога.

Я только на ваше доброе письмо, за которое благодарю васъ, высказалъ вамъ основы моей вѣры, и причины невозможности для меня исповѣданія той вѣры, которой вы держитесь.

Отъ души желаю, чтобы эта ваша вѣра дала вамъ радостное руководство въ жизни и спокойствіе въ часъ смерти.

Л. Толстой.

№ 151.

N. N.

(1903 г. (?))

... Мнѣ хочется сказать вамъ, что я все сильнѣй и сильнѣй испытываю, помня приближеніе конца, то, что и вы знаете, что надо все больше и больше переносить свои цѣли изъ жизни мірской въ жизнь духовную, въ жизнь не передъ людьми, а передъ Богомъ; жить въ виду не одной этой жизни, а въ виду вѣчной жизни. А жить такъ можно, только полагая всю свою энергію на свое внутреннее совершенствованіе.

Привыкли думать такъ (такъ и учатъ враги истины), что совершенствованіе есть эгоизмъ, что нельзя для совершенствованія не уходить изъ жизни. Это великая неправда. Совершенствоваться можно только въ жизни и въ общеніи съ людьми. И если человѣкъ, живя среди людей, полагаетъ свою главную

дѣль въ совершенствованіи передъ Богомъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ достигаетъ большихъ результатовъ, чѣмъ чловѣкъ, ищущій одного успѣха внѣшнихъ дѣлъ.

Можетъ быть, вамъ скучно, какъ слишкомъ знакомое, то, что я пишу, но я пишу потому, что самъ живу только этимъ, и опытъ подтверждаетъ мнѣ справедливость этого...

Л. Толстой.

№ 152.

АМЕРИКАНЦУ РОКФЕЛЛЕРУ.

(1903 г. ?)

На вопросы, обращенные ко мнѣ объ отношеніи богатства къ христіанству, имѣю сказать слѣдующее: не говоря уже объ евангельскомъ ученіи, богатство просто само по себѣ, по здравому смыслу, несовмѣстимо съ вполне доброю жизнью.

Объ этомъ, мнѣ кажется, я довольно обстоятельно высказался въ статьѣ: «Такъ что же намъ дѣлать».

Деньги, лекація у меня въ карманѣ, въ сундукѣ, въ банкѣ, суть, несомнѣнно, исполнительные листы на тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ—на бѣдняка, а держать у себя эти исполнительные листы съ тѣмъ, чтобы при случаѣ воспользоваться ими или только, сознавая свою власть, угрожать ими, не есть доброе, а злое дѣло.

Такъ это безъ отношенія къ Евангелію; по отношенію же къ Евангелію, все ученіе, весь духъ его говоритъ о томъ, что чловѣкъ не долженъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, не долженъ собирать сокровища на землѣ, не долженъ поступать, какъ богачъ, засыпавшій полныя житницы, долженъ быть, скорѣе, Лазаремъ, чѣмъ богачемъ притчи; что блаженни нищіе, что горе богатымъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ, что просящему дай и не требуй пазадъ, и многое другое.

Такъ это выясняется изъ общаго духа ученія; въ разговорѣ же съ богатымъ юношей истина эта выражена такъ точно и несомнѣнно, что, казалось бы, не можетъ быть перетолкована. Сказано: «Если хочешь быть совершенъ, раздай все имѣніе и тогда приходи ко мнѣ.»

Лжетолкователи, какъ за послѣднюю свою надежду оправданія, хватаются за выраженіе: «Если хочешь быть совершенъ», но слова, «если хочешь быть совершенъ», значать,—если хочешь

быть моимъ ученикомъ, такъ какъ все ученіе въ томъ, чтобы быть совершеннымъ, какъ Отець Небесный.

Другая же попытка оправданія, основанная на словахъ: «невозможное людямъ—возможно Богу», точно такъ же неосновательна, такъ какъ слова эти никакъ не доказываютъ того, что Богъ можетъ сдѣлать то, что и богатый человѣкъ спасется, но только то, что кажущаяся невозможной отдача человѣкомъ своего состоянія дѣлается возможной, когда въ духѣ этого человѣка проснется живущій въ немъ Богъ.

Слова же 20-го стиха о томъ, что богатому невозможно войти въ царствіе Божіе, окончательно и безповоротно объясняютъ основную мысль всей бесѣды.

Мнѣ очень совѣстно высказывать такіе трюизмы и доказывать то, что для всякаго искренне религіознаго человѣка,—вѣрующаго или, все равно, невѣрующаго въ боговдохновенность Евангелія,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

№ 153.

ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „NEW YORK
WORLD“.

(1903 г.)

Я не намѣренъ осуждать поведеніе несчастной женщины,¹⁾ о которой вы писали мнѣ. Сказано: «Не судите, да не судимы будете». Я только утверждаю, что во всемъ, мною когда-либо написанномъ, нѣтъ ни одного слова, которымъ можно было бы оправдать подобное поведеніе. Я исповѣдую христіанское ученіе, а оно требуетъ отъ насъ прежде всего, чтобы мы жертвовали нашими наслажденіями, нашимъ счастьемъ ради блага ближняго. Въ случаѣ, о которомъ вы пишете, произошло какъ-разъ нѣчто противоположное. Эта женщина пожертвовала спокойствіемъ и счастьемъ не только своего мужа и тестя, но и дѣтей своихъ. Особенно сильно страдаетъ, вѣроятно, старшій сынъ, да и всегда,

---

¹⁾ Принцесса Луиза Тосканская, которая будто бы заявила одному изъ интервьюеровъ, что въ ея рѣшеніи уйти изъ дому съ гувернеромъ ея дѣтей г. Жирономъ принималъ косвенное участіе Толстой нѣкоторыми своими сочиненіями.—Вскорѣ Толстой выразилъ сожалѣніе, что писалъ настоящее письмо. См. подр. «Письма Л. Н. Толстого», Изданіе «Книга», 1910 г. Т. I, №№ 217, 218.

всю жизнь онъ будетъ страдать отъ позора матери, пожертвовавшей всѣмъ ради удовольствія безпрепятственнаго сожительства съ обольстительнымъ г. Жирономъ. Таковъ мой взглядъ на эту грязную исторію, которой напрасно занимается весь міръ.

№ 154.

РЕДАКТОРУ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

(Ясная Поляна, январь, 1904 г.).

Очень благодарю васъ за присылку мнѣ біографіи Гаррисона.¹⁾ Читая ее, я вновь пережилъ свою веспу пробужденія къ истинной жизни. Читая рѣчи и статьи Гаррисона, я живо вспомнилъ ту духовную радость, которую испыталъ 20 лѣтъ тому назадъ, узнавъ о томъ, что тотъ законъ непротивленія, къ которому я былъ неизбѣжно приведенъ признаніемъ христіанства во всемъ его значеніи и который открылъ мнѣ великій, радостный идеалъ осуществленія христіанской жизни,—былъ еще въ сороковыхъ годахъ не только признанъ и провозглашенъ Гаррисономъ (о Балду я узналъ послѣ), но и поставленъ имъ въ основу его практической дѣятельности освобожденія рабовъ.

Радость эта тогда была соединена съ недоумѣніемъ о томъ, какимъ образомъ эта великая евангельская истина, 50 лѣтъ тому назадъ разъясненная Гаррисономъ, могла такъ быть замолчана, что мнѣ пришлось, какъ что-то новое, высказывать ее.

Недоумѣніе мое усилилось въ особенности тѣмъ, что не только люди, враждебные движенію впередъ человѣчества, но и самые передовые, прогрессивные люди, были или совершенно равнодушны, или даже враждебны къ проповѣди этого закона, лежащаго въ основѣ всякаго истиннаго прогресса.

Но чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ мнѣ яснѣе и яснѣе становилось, что то общее равнодушіе и враждебность, которыя выразились тогда и продолжаютъ выражаться и теперь, преимущественно въ средѣ политическихъ дѣятелей, къ закону непротивленія, есть только признакъ великаго значенія этого закона.

---

¹⁾ Біографія Гаррисона была составлена на англійскомъ языкѣ В. Чертковымъ и Ф. Хола. Гаррисонъ—одинъ изъ величайшихъ американскихъ дѣятелей минувшаго вѣка, прославившій свое имя какъ герой освобожденія негровъ отъ рабства.

«Девизомъ нашимъ», писалъ Гаррисонъ въ срединѣ своей дѣятельности, «съ самаго начала нашей нравственной борьбы, было: Отечество наше, это—мїръ, соотечественники наши—все человѣчество. Мы вѣримъ, что это будетъ девизомъ, начертаннымъ и на нашей могилѣ. Другимъ своимъ девизомъ мы избрали: всеобщее освобожденіе. До сихъ поръ приложеніе нашего девиза мы ограничивали лишь тѣми людьми, которые собраны въ этой странѣ южными рабовладѣльцами, какъ рыночная цѣнность, какъ товаръ, скотъ, хозяйственный инвентарь. Съ этихъ же поръ мы будемъ пользоваться нашимъ девизомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ: освобожденіе всей нашей расы отъ господства человѣка, отъ порабощенія себя, отъ власти грубой силы, отъ порабощенія грѣхомъ и—подчиненіе людей только власти Бога, контролю ихъ собственной совѣсти и управленію закономъ любви.»

Гаррисонъ, какъ человѣкъ просвѣщенный свѣтомъ христіанства, начавъ съ практической цѣли—борьбы съ рабствомъ,—очень скоро понялъ, что причина рабства не случайное, временное завладѣніе южанами нѣсколькими милліонами негровъ, но давнишнее и всеобщее, противное христіанскому ученію признаніе права насилія однихъ людей надъ другими. Поводомъ къ признанію этого права всегда было то зло, которое люди считали возможнымъ искоренить или уменьшить грубой силой, т.-е. зломъ же. И, понявъ это, Гаррисонъ выставилъ противъ рабства не страданія рабовъ, не жестокость владѣльцевъ, не гражданскую равноправность людей, а вѣчный христіанскій законъ непротивленія злу насиліемъ: non resistance. Гаррисонъ понималъ то, чего не понимали самые передовые борцы противъ рабства, — что единственнымъ неопровержимымъ доводомъ противъ рабства было отрицаніе права одного человѣка на свободу другого, при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Аболиціонисты¹⁾ старались доказать, что рабство незаконно,

---

¹⁾ Аболиціонистами назывались тогда въ Соединенныхъ Штатахъ тѣ люди, которые, не принимая прямого участія въ дѣятельности политическихъ партій, старались посредствомъ публичныхъ проповѣдей и печати содѣйствовать уничтоженію рабства. Гаррисонъ, принадлежа къ партіи аболиціонистовъ, смотрѣлъ гораздо шире на вопросъ освобожденія негровъ, чѣмъ большинство его товарищей. Его энергичная дѣятельность по дѣлу освобожденія была до такой степени ненавистна приверженцамъ рабства, что они назначили за его голову плату въ 50.000 долларовъ (100.000 руб.).

невыгодно, жестоко, развращаетъ людей и т. п.; но сторонники рабства въ свою очередь доказывали несвоевременность, опасность и вредныя послѣдствія, могущія произойти отъ освобожденія. И ни тѣ, ни другіе не могли убѣдить другъ друга. Гаррисонъ же, понимая, что рабство негровъ было только частичнымъ случаемъ всеобщаго насилія, выставилъ общій принципъ, съ которымъ нельзя было не согласиться, — тотъ, что ни одинъ человѣкъ ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права властвовать, т.-е. употреблять насиліе надъ себѣ подобными. Гаррисонъ не столько настаивалъ на правѣ рабовъ быть свободными, сколько отрицалъ право какого бы то ни было человѣка или собранія людей принуждать къ чему-нибудь силою другого человѣка. Для борьбы съ рабствомъ онъ выставилъ принципъ борьбы со всѣмъ зломъ міра.

Выставленный Гаррисономъ принципъ этотъ былъ неопровержимъ, но онъ затрогивалъ, разрушалъ даже всѣ основы установившагося порядка, и потому люди, дорожащіе своимъ положеніемъ при существующемъ порядкѣ, испугались провозглашенія, тѣмъ болѣе приложенія къ жизни этого принципа, — старались замолчать, обойти его, надѣялись достигнуть своей цѣли безъ провозглашенія и приложенія къ жизни принципа непротивленія злу насиліемъ, разрушающаго, какъ имъ казалось, всякое благоустройство человѣческой жизни. И послѣдствіемъ этого уклоненія отъ признанія незаконности насилія была та братоубійственная война, которая, рѣшивъ вопросъ внѣшнимъ образомъ, внесла новое, едва ли не большее, зло развращенія, сопутствующаго всякой войнѣ, въ жизнь американскаго народа.

Сущность же вопроса осталась неразрѣшенной, и тотъ же вопросъ, только въ новой формѣ, стоитъ теперь передъ народомъ Соединенныхъ Штатовъ. Тогда вопросъ былъ въ томъ, какъ освободить негровъ отъ насилія рабовладѣльцевъ; теперь вопросъ — въ томъ, какъ освободить негровъ отъ насилія всѣхъ бѣлыхъ, и бѣлыхъ отъ насилія всѣхъ черныхъ.

И разрѣшеніе этого вопроса въ новой формѣ совершится, конечно, не линчеваніемъ негровъ и не какими-либо искусными и либеральными мѣрами американскихъ политиковъ, а только приложеніемъ къ жизни того принципа, который полвѣка тому назадъ былъ провозглашенъ Гаррисономъ.

На-дняхъ въ одномъ изъ самыхъ передовыхъ журналовъ я

прочелъ съ полной увѣренностью въ своей справедливости выраженное мнѣніе образованнаго и умнаго писателя о томъ, что признаніе мною принципа непротивленія злу насиліемъ есть печальное и отчасти комическое заблужденіе, которое, принимая во вниманіе мою старость и нѣкоторыя заслуги, можно обходить только снисходительнымъ молчаніемъ.

Точно такое же отношеніе къ этому вопросу я встрѣтилъ и въ моей бесѣдѣ съ замѣчательно умнымъ и передовымъ американцемъ, Брайаномъ. Онъ точно такъ же, съ очевиднымъ намѣреніемъ мягко и учтиво показать мнѣ мое заблужденіе, спросилъ меня о томъ, какъ я объясняю свое странное положеніе о непротивленіи злу насиліемъ, и, какъ всегда, привелъ всѣмъ кажущійся неотразимымъ доводъ о разбойникѣ, убивающемъ или насилующемъ ребенка. Я сказалъ ему, что признаю непротивленіе злу насиліемъ потому, что, проживъ 75 лѣтъ, я ни разу, кромѣ какъ въ разсужденіяхъ, не встрѣтилъ того фантастическаго разбойника, который на моихъ глазахъ желалъ убить или изнасиловать ребенка, но, не переставая, видѣлъ и вижу не одного, а миллионы разбойниковъ, насилующихъ и дѣтей, и женщинъ, и взрослыхъ, и стариковъ, и старухъ, и всѣхъ рабочихъ людей во имя допущеннаго права насилія надъ себѣ подобными. Когда я сказалъ это, мой милый собесѣдникъ со свойственной ему быстротой пониманія, не давъ мнѣ договорить, засмѣялся и призналъ мой аргументъ удовлетворительнымъ.

Фантастическаго разбойника никто не видалъ, а стонущій отъ насилія міръ—передъ глазами всѣхъ. А между тѣмъ никто не видитъ, не хочетъ видѣть того, что борьба, которая можетъ освободить человѣчество отъ насилія, не есть борьба съ фантастическимъ разбойникомъ, а съ тѣми реальными разбойниками, которые насилуютъ людей. Непротивленіе злу насиліемъ вѣдь означаетъ только то, что средство взаимодѣйствія разумныхъ существъ другъ на друга должно состоять не въ насиліи, которое можно допустить только по отношенію къ низшимъ организмамъ, лишеннымъ разсудка, а въ разумномъ убѣжденіи; и что къ этой замѣнѣ насилія разумнымъ убѣжденіемъ и должны стремиться всѣ люди, желающіе служить благу человѣчества.

Казалось бы, совершенно ясно, что убито въ прошломъ столѣтіи 14 миллионъ людей, и теперь тратятся труды и жизнь миллионъ людей на никому ненужныя войны, и что вся земля находится въ рукахъ неработающихъ на ней, и что всѣ произ-

веденія труда людей поглощаются тѣми, которые не работаютъ, и что всё обманы, царствующіе въ мірѣ, существуютъ только потому, что допущено насиліе ради подавленія того, что извѣстнымъ людямъ представляется зломъ, и что поэтому надо стараться замѣнить насиліе убѣжденіемъ. А для того, чтобы это возможно было, надо прежде всего отказаться отъ права насилія.

Но, удивительная вещь, самые передовые люди нашего круга считаютъ, что опасно отрицать право насилія и стараться замѣнить его убѣжденіемъ. Эти люди, рѣшивъ, что невозможно убѣдить разбойника не убивать ребенка,—не считаютъ возможнымъ убѣдить рабочихъ не отнимать землю и плоды своихъ трудовъ у тѣхъ, кто не работаетъ, и потому считаютъ нужнымъ употреблять насиліе надъ рабочими.

И потому, какъ ни грустно это сказать, единственное объясненіе непониманія значенія принципа непротивленія злу насиліемъ состоитъ въ томъ, что условія жизни людской до такой степени извращены, что тѣ, кто судятъ о принципѣ непротивленія, полагаютъ, что приложеніе его къ жизни и замѣна насилія убѣжденіемъ уничтожитъ всякую возможность того устройства общества и тѣхъ удобствъ жизни, которыми они пользуются.

Но перемѣны бояться нечего: принципъ непротивленія не есть принципъ насилія,—а согласія и любви, и потому не можетъ быть сдѣланъ насильственно обязательнымъ для людей. Принципъ непротивленія злу насиліемъ, состоящій въ замѣнѣ грубой силы убѣжденіемъ, можетъ быть только свободно принятъ. И въ той мѣрѣ, въ которой онъ свободно принимается людьми и прилагается къ жизни, т.-е. въ той мѣрѣ, въ которой люди отрекаются отъ насилія и устанавливаютъ свои отношенія на разумномъ убѣжденіи, только въ той мѣрѣ и совершается истинный прогрессъ въ жизни человѣчества.

И потому, хотятъ или не хотятъ этого люди, только во имя этого принципа могутъ освободиться они отъ порабощенія и угнетенія другъ-друга. Хотятъ или не хотятъ этого люди, принципъ этотъ лежитъ въ основѣ всѣхъ совершившихся и имѣющихъ совершиться истинныхъ усовершенствованій въ жизни людей.

Гаррисонъ первый провозгласилъ этотъ принципъ, какъ правило для устройства жизни людей. Въ этомъ его великая заслуга. Если онъ тогда и не достигъ мирнаго освобожденія рабовъ въ Америкѣ, онъ указалъ на путь освобожденія всѣхъ людей вообще отъ власти грубой силы.

И потому Гаррисонъ навсегда останется однимъ изъ величайшихъ дѣятелей и двигателей истиннаго человѣческаго прогресса.

Думаю, что изданіе этой краткой біографіи будетъ полезно многимъ.

Левъ Толстой.

№ 155.

Г - Ж Ъ О . Н . Ш — О Й .

(1904 г., 14 фѣвр.).

На вопросъ вашъ ¹⁾ могу отвѣтить только то, что во внѣшнемъ поступкѣ,—ѣхать или не ѣхать на войну,—не можетъ быть ничего ни дурного, ни хорошаго. Можно жить дурно, занимаясь съ больными, и жить хорошо, занимаясь всякимъ другимъ дѣломъ. А важно только то, чтобы жить хорошо, т.-е. не для себя, а для служенія Богу и людямъ, чего и желаю вамъ и совѣтую...

Л. Толстой.

№ 156.

Н . В . О Р Л О В У .

(1904 г., 22 апрѣль).

Спасибо вамъ, дорогой Николай Васильевичъ, за присылку фотографіи. Я ждалъ хорошаго, но ваша картина превысила мои ожиданія. Все прекрасно и въ цѣломъ, и порознь. Не унывайте и продолжайте работать въ томъ же направленіи. Вашъ замыселъ «Тѣлесное наказаніе»—превосходенъ. Такая картина, да и всѣ ваши, не только картины, это—добрыя дѣла. Картина же «Тѣлесное наказаніе» должна быть событіемъ. Я ни одного художника русскаго, взятаго въ цѣломъ, не знаю равнаго вамъ. Не унывайте, все минется, правда останется.

А ваши произведенія—правда и трогательная правда ²⁾.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

Хорошій вамъ сюжетъ: «Рекрутская ставка».

---

¹⁾ Г-жа О. Н. Ш—на обратилась ко Л. Н.—чу съ просьбой разъяснить ей моральную цѣнность поступка, если она поѣдетъ на войну въ качествѣ сестры милосердія.

²⁾ Художникъ Н. В. Орловъ избираетъ для своихъ картинъ исключительно народную жизнь.

Письмо № 157 (стр. 234, 235, 236, 237, 238 и 239) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г.

№ 158.

ВЪ РЕДАКЦІЮ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ¹⁾.

(Телеграмма). (1904 г., 18 ноябрь).

Цѣль агитаціи земства—ограниченіе деспотизма и установленіе представительнаго правительства. Достигнуть ли вожаки агитаціи своихъ цѣлей или будутъ только продолжать мутить общество,—въ обоихъ случаяхъ вѣршій результатъ всего этого дѣла будетъ отсрочка истиннаго социальнаго улучшенія.

Истинное социальное улучшеніе можетъ быть достигнуто только религіознымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитація, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію социальнаго улучшенія, посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ,—что можно замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ: Франціи, Англіи, Америкѣ.

Л. Толстой.

№ 159,

Г - Н У N.

(1904 г. (?)

Я думаю, что стоитъ вамъ только заглянуть въ свое сердце, чтобы узнать, что вамъ надо дѣлать. Если вы вѣрите точно не на словахъ, вѣрите въ Бога и въ законъ Его, то у васъ не можетъ быть сомнѣнія о томъ, какъ надо поступить. Прочтите Мѡ. X, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33²⁾. Тамъ прямо сказано, какъ долженъ поступать вѣрующій въ Бога и въ Его законъ.

¹⁾ Телеграмма эта и есть отвѣтъ на прилагаемый вопросъ филладельфійской газеты.

«Тула. Льву Толстому:

«Очень оцѣнили бы подробный отвѣтъ на сто или болѣе словъ, объясняющій значеніе, цѣль и вѣроятныя послѣдствія земской агитаціи. Американцы глубоко заинтересованы. Сѣверо-Американская газета».

²⁾ «Такъ и не бойтесь. То, что скрыто въ душахъ людей, то выйдетъ наружу. То, что вы скажете двоимъ или троемъ, разойдется между тысячами. А главное,—не бойтесь тѣхъ, которые могутъ убить ваше тѣло. Душамъ вашимъ они ничего не могутъ сдѣлать. Такъ и не бойтесь ихъ. А бойтесь того, чтобы не уничтожились тѣла и души, если вы отступите

Если же послушите страха ради іудейска и притворитесь вѣрующими въ православіе, то такимъ людямъ лучше вовсе отречься отъ Бога, потому что такой поступокъ показываетъ, что люди не вѣруютъ ни въ свою вѣру, ни въ православную, а озабочены только земнымъ.

Тутъ нѣтъ ничего худого, и ни я и никто не станетъ упрекать людей за то, что у нихъ нѣтъ вѣры. Вѣру насильно нельзя взять. Но худо то, когда люди лгутъ и притворяются, что у нихъ есть вѣра, и осуждаютъ другихъ, а сами не вѣрятъ по-настоящему. Это тѣ самые лицемѣры, которыхъ осуждаетъ Христосъ.

№ 160.

СВЯЩЕННИКУ О. ТИХОНУ.

(1904 г.)

Любезный братъ Тихонъ, простите меня, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше до глубины тронувшее меня письмо отъ 19 апрѣля.

Думаю, что вполне понимаю всю тяжесть вашего положенія и трудность выйти изъ него. Я зналъ, это было лѣтъ 15, если не больше,—священника Аполлова Ставропольской епархіи, который, сознавъ невозможность продолжать свое дѣло, заявилъ архіерею, былъ вызванъ на увѣщаніе. По естественной слабости (у него былъ ребенокъ и жена, не раздѣлявшая его взглядовъ) отрекся (на словахъ) отъ своихъ сомнѣній и былъ возвращенъ въ свой приходъ. Но не могъ пробыть и года, и опять заявилъ о желаніи выйти изъ своего званія и разстригся. Жена оставила его, и онъ отъ волненія и горя заболѣлъ и черезъ годъ умеръ. Это былъ святой мученикъ своихъ убѣжденій. Но нельзя заставить себя быть мученикомъ. Мученичество вытекаетъ само собой, неизбѣжно изъ свойствъ души и положенія, въ которое поставленъ человѣкъ. И потому вамъ, сколько я могу понять васъ изъ вашихъ писемъ, надо искать иной выходъ... Только уѣхать за границу я бы не совѣтовалъ. Страшно лишиться себя возможности возвращенія. Нельзя ли выйти изъ званія по признанію себя неспособнымъ къ

отъ исполненія воли Отца,—вотъ чего бойтесь. За копейку пять воробьевъ отдають, а и тѣ не помрутъ безъ воли Отца. И волосъ съ головы не падеть безъ воли Отца. Такъ чего же вамъ бояться, если вы въ волѣ Отца?» (Евангельскій текстъ въ переводѣ Л. Н. Толстого).

À Octave Mirbeau

Cher complice,
Ce n'est qu'avant hier que j'ai
reçu votre lettre.
Je vois que chaque nationalité
emploie différents moyens
pour exprimer dans l'art
l'idéal commun à toute
l'humanité. ~~Les~~ ^{et} vous
de cela que nous éprouvons
une joie particulière
et votre note idéal exprimé
d'une manière nouvelle
et inattendue pour nous.
L'art français en a donné
jadis ce sentiment de se-
couvert. ~~qui~~
quand j'en ai lu pour la première

puis les œuvres d'Alfred de
Vigny, de Stendhal de V. Hugo
et surtout de Rousseau.
Le vrai est que c'est à ce même
sentiment qu'il faut attribuer
la trop grande importance
qui se rattache aux écrits
de Dostoewsky et surtout
aux miens.

Dans tous les cas je
remercie pour votre lettre
et votre service qui m'a
fait plaisir.

S'il est vrai, comme disent
les journaux, que vous avez
écrit un drame du temps
de la grande révolution
je me promets une grande
joissance de le lire.
Léon Talabuy.
12 octobre 1903

A Monsieur Octave Mirbeau.

Cher confrère.

Ce n'est qu' avant-hier que j'ai reçu votre lettre du 26 mail Le crois que chaque nationalité emploie différents moyens pour exprimer dans l'art l'idéal commun à toute l'humanité, et que c'est à cause de cela que nous éprouvons une jouissance particulière à voir notre idéal exprimé d'une manière nouvelle et inattendue pour nous. L'art français ma donné jadis ce sentiment de découverte quand j'ai lu pour la première fo's les oeuvres d'Alfred de Vigny, de Stendhal, de Victor Hugo et surtout de Ruosseau. Je crois que c'est à ce même sentiment qu'il faut attribuer la trop grande importance que vous attachez aux écrits de Dostoievsky et surtout aux miens. Dans tous les cas, je vous remercie pour votre lettre et votre dédicace qui m'a fait plaisir. S'il est vrai, comme disent les journaux, que Vous avez écrit un drame du temps de la grande Révolution, je me promets une grande jouissance de le lire.

Léon Tolstoy.

12 octobre 1903.

Это письмо напечатано по-русски во II т. «Писемъ» изд. «Книга».

Приводимъ въ переводѣ, вызвавшее отвѣтъ Толстого, письмо Октава Мирбо при посылкѣ посвященной Л. Н. Толстому комедіи «Les affaires sont les affaires».

Примите это посвященіе, какъ увы, слишкомъ слабый знакъ моего чисто сыновняго благоговѣнія передъ вашей великой душой и восторженнаго преклоненія передъ вашимъ искусствомъ, воплотившимъ любовь, справедливость и истину. Вамъ я обязанъ болѣе, чѣмъ какому-либо французскому писателю, Вы были моимъ учителемъ. Вы и Достоевскій. Я помню всегда, что величественныя эпопеи: «Война и миръ», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», «Преступленіе и наказаніе», «Идіотъ» оварили меня, какъ откровеніе мнѣ доселѣ невѣдомаго искусства. Никогда я раньше не ощущалъ въ душѣ такого потрясающаго впечатлѣнія новой и властной красоты. Нѣкоторые надменные писатели моей родины, изъ нихъ иные уже забыты, иные будутъ забыты завтра, находили, что Вы многимъ обязаны Франціи. Они желали видѣть въ Васъ питомца французской революціи и Стендаля. А я говорю, что Франція сама Вамъ многимъ обязана. Вы сообщили новую жизнь ея вѣковому духу и какъ бы увеличили его воспримчивость. Вы первый научили насъ искать жизнь въ жизни, а не въ книгахъ, какъ бы прекрасны онѣ ни были. Вы научили насъ угадывать за безстрастной внѣшностью ропоть и бурю, таящіяся во тьмѣ вѣчно живой совѣсти. Вы разрѣшили коллизію противорѣчій, непослѣдовательности, роковыхъ добродѣтелей, искренней лжи, наивнаго порока, жестокости и чувствительности. Вы поняли, что человѣкъ несчастный, смѣшной и отвратительный есть, несмотря ни на что, нашъ братъ. Чувство мѣры, и логика даже въ страсти — вотъ отличительныя черты нашего, т.-е. латинскаго искусства. Это искусство скользить по поверхности; ему противно опускаться на дно бездны. Поэтому оно или не воплнѣтъ правдиво, или совершенно живо. Спокойная и сдержанная корректность и деспотическая логика рѣдко встрѣчаются въ гармоническомъ сочетаніи съ живымъ продуктомъ всякихъ крайностей, безумствъ и непостоянства, имя которому человѣкъ. Оттого всѣ типы, созданные этимъ условнымъ искусствомъ, болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Неприкосновенные, они проходятъ на протяженіи вѣковъ отъ автора къ автору, какъ заповѣдное наслѣдіе. Слава Вамъ, нарушившему этотъ стройный порядокъ. Вы обогатили наслѣдство, освѣтивъ яркимъ дневнымъ свѣтомъ правды искусство, и открывъ то, о чемъ будто бы «нельзя ни знать, ни говорить, ни видѣть».

исполненію обязанностей званія? А разстригшись, уѣхать за границу, если въ Россіи не найдется дѣятельности, дающей средства существованія. И въ Россіи и за границей я буду радъ въ этомъ служить вамъ и надѣюсь, что буду въ состояніи это сдѣлать.

Изъ кого состоитъ ваше семейство? Какъ смотреть на ваше положеніе ваша жена? Какой минимумъ содержанія необходимъ вашему семейству? Хотя я и понимаю всё трудности вашего положенія, я думаю, что вамъ нѣтъ причины унывать. Напротивъ, то, что вы освободились отъ обмана и видите истину, есть движеніе впередъ къ истинному благу, хотя движеніе это сопряжено съ страданіями. Помните Еванг. Іоанн. X, 21: «Женщина, когда рожаешь»... Также рождается въ насъ новый духовный человекъ.

Помогай вамъ Богъ.

Любящій васъ *Левъ Толстой*.

№ 161.

ЯКОВУ ЧАГЪ ¹⁾.

(1904 г.)

Дорогой Яковъ Трофимовичъ, Я сообщилъ мнѣ о васъ и о вашей судьбѣ. Когда я узнаю такихъ людей, какъ вы, и про то, что съ вами случилось, я всегда испытываю чувство стыда, зависти и укоры совѣсти. Завидую потому, что прожилъ жизнь, не успѣвъ, не сумѣвъ на дѣлѣ ни разу показать свою вѣру. Стыдно мнѣ оттого, что въ то время, какъ вы сидите съ такъ называемыми преступниками въ вонючемъ острогѣ, я роскошествую съ такъ называемыми преступниками, пользуясь всѣми матеріальными удобствами жизни.

Укоры же совѣсти я чувствую за то, что, можетъ быть, своими писаніями, которыя я пишу, ничѣмъ не рискуя, былъ причиною вашего поступка и его тяжелыхъ матеріальныхъ послѣдствій.

Самое же сильное чувство, которое я испытываю къ такимъ людямъ, какъ вы, это—любовь и благодарность за всё тѣ милліоны людей, которые воспользуются вашимъ дѣломъ.

¹⁾ Я. Чага отказался по религіознымъ убѣжденіямъ отъ военной службы.

Знаю я, какъ усложняется и дѣлается болѣе труднымъ ваше дѣло вслѣдствіе семейныхъ узъ, но думаю, что если вы дѣлаете свое дѣло не для людей, а для Бога, для своей совѣсти, то тяжесть дѣла облегчается, вы найдете выходъ и совершите дѣло.

Помогай вамъ Богъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

Письмо № 162 (стр. 247, 248, 249, 250 и 251) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г. . . . .

№ 163.

РЕДАКТОРУ „ПОСРЕДНИКА“.

(Ясная Поляна, 1905 г., августъ 11.)

Посылаю вамъ и предлагаю напечатать статью¹⁾ моего пріятеля Николаева, переводчика Генри Джорджа и большого знатока соприкасающейся съ нимъ литературы земельного вопроса, Въ статьѣ своей Николаевъ даетъ объясненія на возраженія противъ Джорджа, сдѣланныя г. Герценштейномъ²⁾.

Я не совѣтовалъ Николаеву отвѣчать г. Герценштейну, но его такъ огорчило невѣрное пониманіе его (а также и моего) любимаго писателя, что онъ все же написалъ отвѣтную статью, и, прочтя ее, я не могъ не согласиться съ нимъ въ томъ, что она можетъ быть полезна для многихъ и многихъ людей, не занимавшихся земельнымъ вопросомъ, которые, прочтя статью г. Герценштейна и повѣривъ ему на слово, вмѣсто того яснаго пониманія этого великаго вопроса и всего его не только экономическаго, но и нравственнаго значенія, которое дается чтеніемъ самого Генри

¹⁾ «Въ защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа», С. Д. Николаева. Изд. Посредника, 1906 г.

²⁾ Въ статьяхъ, напечатанныхъ проф. Герценштейномъ въ «Вѣстникъ Сельск.» № 20, 1905 г. и въ «Рус. Вѣдом. №№ 186—190. Въ своихъ статьяхъ проф. Герценштейнъ подвергалъ суровой критикѣ теорію Генри Джорджа, доказывая ея утопичность. С. Д. Николаевъ въ своей статьѣ опровергаетъ проф. Герценштейна цитатами изъ Генри Джорджа.

Джорджа, останутся при той запутанной неясности представлений и при томъ мнимомъ пониманіи вопроса, которыя получаются отъ подобныхъ квази-научныхъ статей.

Статья Николаева, какъ вы увидите, написана прекрасно, и объясненія его взяты большею частью изъ сочиненій Генри Джорджа, повидимому, мало извѣстныхъ г. Герценштейну.

Л. Толстой.

№ 164.

А. О. КОНИ.

(1905 г., сентябрь.)

«Я живъ и здоровъ. Все одно и то же говорю людямъ, которые не обращаютъ на мои рѣчи никакого вниманія, но я все продолжаю, думаю, что я долженъ это дѣлать».

№ 165.

N. N.

(1905 г. (?))

«...Старому лгать, что богатому красть», я очень люблю эту пословицу, она такъ ясно выражаетъ часто испытываемое мною въ старости чувство. Жить остается не долго; какъ же скрыть то, что передъ Богомъ считаешь правдой, такой правдой, съ которой живешь и съ которой предстанешь на судъ Тому, Кто послалъ насъ сюда? Я бы не сталъ вамъ говорить того, что считаю правдой, если бы,—за что я вамъ очень благодаренъ,—вы не сочли нужнымъ высказать мнѣ то, въ чемъ вы несогласны со мной. Но разъ вы сказали это, съ моей стороны была бы ложь промолчать... Я знаю и перестрадалъ ту страшную диллему, которая становится передъ каждымъ человѣкомъ, проспавшимся къ религіозному чувству и начинающимъ устанавливать свое отношеніе къ Богу: отдѣлиться отъ людей, но не принять ничего лишняго, или остаться съ людьми, но загроздить свое пониманіе Бога сложными, ненужными, застилающими Бога вѣрованіями, стараясь придать имъ искусственный смыслъ. Выборъ второго выхода

опасенъ. Въ дѣлѣ вѣры нельзя удовлетвориться à peu près. Идите всегда ясно и просто. И я избралъ первый выходъ; сначала остался одинъ, но—какъ я вѣрю—съ Богомъ, а потомъ оказалось, что я не только не одинъ, но со всеѣми тѣми людьми, и прошедшаго и настоящаго, съ которыми больше всего желалъ единенія. Сближеніе, единеніе людей только въ одной истинѣ, въ одной любви, въ одномъ Богѣ: ни въ Христѣ, ни въ Магометѣ, ни въ Буддѣ, а въ Богѣ...»

№ 166.

В. М. ГРИБОВСКОМУ.

(1905 г.)

Само собой разумѣется, дорогой Вячеславъ Михайловичъ, что я вполне предоставляю вашему усмотрѣнію напечатаніе моего стараго письма¹⁾. Хорошо было бы, если бы его пропустили, а еще лучше бы, чтобы вамъ удалось издавать народный журналъ, свободно выражать все то, что такъ нужно знать народу и что такъ старательно скрываютъ отъ него.

№ 167.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

(1906 г., января 1.)

«Прошу васъ дать мѣсто въ вашей газетѣ слѣдующему моему заявленію. Въ послѣднее время стали появляться объявленія въ печати о предстоящемъ выпускѣ въ Россіи тѣхъ моихъ писаній, которыя до сихъ поръ печатались только за границей. Такъ какъ многія изъ этихъ писаній изданы неточно: съ пропусками, ошибками и измѣненіями, есть даже такія, которыя написаны не мною, но приписываются мнѣ, то я просилъ бы всеѣхъ тѣхъ, кто желаетъ издавать ненапечатанныя въ Россіи мои произведенія, обращаться за оригиналами таковыхъ въ Англію Christchurch Hants, къ другу моему, Владиміру Григорьевичу Черткову, у котораго находится самое полное собраніе всеѣхъ моихъ

---

¹⁾ См. письмо Грибовскому 1890 г. № 53.

писаній послѣднихъ 25-ти лѣтъ въ самомъ точномъ изложеніи. Ему одному я посылаю и посылаю теперь для печатанія за границей по-русски и въ переводахъ все мои новыя писанія. Занимаясь этимъ дѣломъ уже много лѣтъ единственно въ интересахъ самого дѣла, онъ писалъ мнѣ, что охотно будетъ сообщать все мнѣ, кому это нужно, необходимыя указанія и справки для наиболѣе точнаго изданія моихъ произведеній».

Левъ Толстой.

№ 168.

РЕДАКТОРУ „НОВОСТЕЙ ДНЯ“.

(1906 г.,) января 21.

Г. редакторъ, я получилъ сегодня очень замѣчательное и по мысли, и по содержанію письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Шеермана съ просьбою содѣйствовать помѣщенію его въ газетѣ¹⁾. Г. Шеерманъ пишетъ мнѣ, что двѣ либеральныя газеты, куда онъ посылалъ это письмо, отказались напечатать его; мнѣ же кажется, что письмо это, кромѣ того, что представляетъ знаменіе времени, подобно тому, какъ происходило при освобожденіи крестьянъ, оно можетъ и должно имѣть самое благотворное вліяніе какъ на землевладѣльцевъ, служа имъ указаніемъ на серьезную и прекрасную дѣятельность, представляющуюся и возможную имъ, такъ и на крестьянъ, показывая имъ, что несправедливость исключительнаго землевладѣнія создается не только послѣдними, но и землевладѣльцами.

Левъ Толстой.

---

¹⁾ При этомъ письмѣ Л. Н. прилагаетъ и письмо г. Шеермана, землевладѣльца Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, села Муратова. Въ этомъ письмѣ г. Шеерманъ заявляетъ Л. Н.—чу, что единственный, по его убѣжденію, способъ разрѣшить аграрный вопросъ, это—чтобы землевладѣльцы и помѣщики раздѣлили свои земли между крестьянами. Самъ онъ, Шеерманъ, продалъ 840 десятинъ своей земли крестьянамъ съ просьбой, чтобы крестьяне уступили ему тоже одинъ надѣлъ, наравнѣ со всеми другими. Письмо подписано: «бывшій землевладѣлецъ Шеерманъ».

№ 169.

А. С. ПРУГАВИНУ.

(1906 г., марта 3.)

«Вчера получилъ ваше письмо, милый Александръ Степановичъ, а нынче о томъ же отъ Бирюкова. Мнѣ было бы непріятно посылать отъ себя письмо—да у меня его и нѣтъ,—а Павлу Ивановичу (Бирюкову. А. П.) это подобаеъ, какъ эпизодъ изъ біографіи, которую онъ пишетъ. И я сегодня пишу, что даю ему *carte blanche* распоряжаться съ письмомъ къ А. III, какъ онъ хочетъ. О письмѣ же Побѣдоносцева пишу ему, что для напечатанія его нужно получить на то согласіе Побѣдоносцева. Я думаю, можно бы вамъ или Павлу Ивановичу обратиться объ этомъ къ нему.

Желаю вамъ успѣха въ вашемъ изданіи и вамъ лично всего хорошаго.

Вашъ *Л. Толстой*».

Письмо № 170 (стр. 257, 258 и 259) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г.

.....

.....

.....

.....

№ 171.

ПОЛЮ САБАТЪЕ ¹⁾.

(1906 г., ноябри 6.)

Дорогой г. Сабатъе.

Я съ большимъ интересомъ прочелъ вашу книгу, также какъ и итальянскую брошюру.

Вопросъ въ нихъ разсматриваемый, въ высшей степени важенъ, и такъ какъ я знаю, что вы человекъ искренній, я позволю себѣ быть вполне искреннимъ съ вами и выскажу вамъ свою мысль.

Я думаю, что во всякомъ дѣлѣ нѣтъ ничего хуже полумѣръ, и что невозможно соединить истину и благо съ ложью и со зломъ. Религія есть истина и благо, церковь есть ложь и зло.

Я скажу вамъ откровенно, что мнѣ невозможно стать на точку зрѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что церковь есть необходимая для религіи организація, и что достаточно ее преобразовать, чтобы она сдѣлалась учрежденіемъ, благотѣльнымъ для человѣчества.

Церковь всегда была лживымъ и жестокимъ учрежденіемъ, которое, имѣя въ виду пріобрѣтеніе отъ свѣтской власти преимуществъ для своихъ членовъ, извратило и исказило истинное христіанское ученіе. Всѣ конкордаты всегда были для нея не чѣмъ инымъ, какъ сдѣлками между церковью и государствомъ, посредствомъ которыхъ церковь обѣщала свое содѣйствіе государству, въ видахъ полученія отъ него различныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Христіанство всегда было для церкви только предлогомъ. Мнѣ возразятъ, что были и есть до сихъ поръ въ католическомъ мірѣ люди—мужчины и женщины—святой жизни. Но святость этихъ людей была достигнута не благодаря поученіямъ церкви, а скорѣе вопреки церкви.

---

¹⁾ П. Сабатъе—авторъ извѣстной и у насъ книги о Францискѣ Ассизскомъ. Здѣсь идетъ рѣчь о его сочиненіи по поводу такъ назыв. неокатолицизма.

Больше всего меня удивляло, что при чтеніи вашей книги (очень хорошо написанной и въ которой есть прекрасныя страницы), то, что я встрѣтилъ въ ней по вопросу о будущности католицизма и религіи вообще приводимыя вами разсужденія разныхъ прелатовъ и свѣтскихъ писателей, которыя могли бы заставить подумать, что ни Вольтеръ, ни Руссо, ни Кантъ, ни Чаннингъ, ни Ламенэ, ни много другихъ великихъ умовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ,—никогда не существовали.

Все, что можно теперь сказать по вопросу объ отношеніи истинной религіи къ католицизму, было давно высказано, и высказано такъ, что вопросъ вполне исчерпанъ.

Достаточно перечестъ Вольтера, Канта (его книгу «О религіи въ предѣлахъ чистаго разума»), Чаннинга, Ламенэ, Рескина, Эмерсона и другихъ, чтобы убѣдиться, что все, что высказывается теперь по данному предмету съ такимъ недостаткомъ ясности, точности и метода, было уже давно высказано, и притомъ такъ, что тѣмъ, которые хотѣли бы теперь говорить о данномъ вопросѣ, не остается ничего сказать.

«Мнѣ говорить, что необходимо было откровеніе»,—говорить Руссо въ своемъ исповѣданіи вѣры савойскаго викарія,—«чтобы научить людей тому способу, какимъ Богъ хочетъ, чтобы ему служили; въ доказательство приводятъ разнообразіе странныхъ культовъ, установленныхъ людьми, и при этомъ не видятъ, что это самое разнообразіе обусловлено именно фантастическими откровеніями. Какъ только народамъ пришло въ голову заставить говорить Бога, такъ каждый народъ заставилъ его говорить по-своему и заставилъ Его сказать то, что этому народу хотѣлось. Если бы люди слушали только то, что Богъ говоритъ сердцу человѣка, на землѣ всегда была бы только одна религія».

Обязанность наша и нашихъ современниковъ состоитъ не въ томъ, чтобы смутно повторять то, что было такъ хорошо сказано за нѣсколько вѣковъ до насъ, а въ томъ, чтобы постараться точнымъ образомъ установить принципы истинной религіи, которая должна замѣнить собой ужасныя суевѣрія церкви, притворно исповѣдуемыя въ настоящее время христіанскимъ человѣчествомъ.

Человѣкъ, какъ существо разумное, никогда не жилъ безъ установленія духовнаго отношенія между своимъ существованіемъ и тѣмъ Безконечнымъ Началомъ, которое мы называемъ Богомъ. Это отношеніе, которое есть не что иное, какъ религія, всегда было силой, направляющей всѣ сознательныя поступки

человѣка, и всегда прогрессировало сообразно развитію чело-
вѣчества.

Истинное христіанское ученіе, во время своего появленія, значительно превосходя способность пониманія массъ, было при-
нято въ своемъ истинномъ смыслѣ самымъ незначительнымъ
меньшинствомъ.

Огромное большинство, привыкшее къ религіозному обожанію свѣтской власти, не будучи въ состояніи понять христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ, съ легкостью приняло то мнимо-христіанское ученіе, искаженное церковью, которое требовало только внѣшняго поклоненія Богу, святымъ, иконамъ и отчасти лицамъ, облеченнымъ сверхестественными свойствами.

Такъ продолжалось въ теченіе вѣковъ. Но, по мѣрѣ успѣховъ общаго просвѣщенія, истинный христіанскій духъ, скрытый подъ тѣми покровами, которыми облекла его церковь, обнаруживался болѣе и болѣе, и противорѣчіе между истиннымъ христіанскимъ ученіемъ и властнымъ устройствомъ государства, поддерживаемымъ насиліемъ, становилось болѣе и болѣе очевиднымъ.

Вопреки всѣмъ усиліямъ государства и церкви примирить оба принципа: принципъ истиннаго христіанства (любовь, смиреніе, милосердіе) и правительственный принципъ государства (насиліе, физическая сила, принужденіе),—противорѣчіе стало въ наше время столь очевиднымъ, что то или другое разрѣшеніе этого явнаго противорѣчія не можетъ болѣе быть отсрочено.

Слѣдующіе симптомы служатъ тому доказательствомъ: 1) религіозное движеніе, происходящее не только во Франціи, но и во всѣхъ христіанскихъ странахъ; 2) революція въ Россіи, и 3) необычайные военные приемы и промышленные успѣхи, обнаруживающіеся все болѣе и болѣе въ Китаѣ и особенно въ Японіи.

Религіозное движеніе, происходящее теперь не только въ католическихъ странахъ, но во всемъ мірѣ, представляетъ собой не что иное, какъ родовыя боли, предшествующія разрѣшенію диллемы: христіанская вѣра, со своими требованіями покорности Богу, любви къ ближнему, смиренія, —или государство, съ необходимыми условіями его существованія: покорностью правительству, патріотизмомъ, закономъ возмездія и особенно съ войскомъ и съ обязательной службой въ немъ.

Мнѣ кажется, что во Франціи есть стремленіе разрѣшить диллему въ пользу государства и противъ религіи, и не только противъ католицизма, а противъ религіи вообще, которая раз-

смачивается большинством вліятельныхъ классовъ какъ элементъ отжившій, бесполезный и скорѣе вредный, чѣмъ способствующій благосостоянію людей нашего времени.

Та же самая диллема является главной причиною революціи въ Россіи. Все, что теперь дѣлается въ Россіи революціонерами, есть ни что иное, какъ бессознательная дѣятельность, имѣющая цѣлью разрѣшеніе диллемы въ пользу религіи, т.-е. уничтоженіе государства и всякой власти, основанной на матеріальной силѣ, и установленіе общественной организаціи, основанной на религіозныхъ и нравственныхъ принципахъ, общихъ всѣмъ людямъ.

Третій симптомъ неизбежности скорого разрѣшенія диллемы: или государство, или религія,—я усматриваю въ тѣхъ необычайныхъ успѣхахъ какъ военныхъ, такъ и промышленныхъ, которые уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать въ послѣднее время народы дальняго востока, которые не только свободны отъ внутренняго противорѣчія, присущаго христіанскимъ государствамъ, но и исповѣдуютъ въ высшей степени патріотическую религію поклоненія предкамъ и власти главы государства, котораго они обожествляютъ.

Успѣхи этихъ народовъ таковы, что если они будутъ продолжаться въ такихъ же размѣрахъ, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ уже не европейскія государства будутъ предписывать законы народамъ востока, а эти народы будутъ властелинами міра; христіане же будутъ ихъ вассалами. И это не можетъ быть иначе, вслѣдствіе полного согласія между религіей этихъ народовъ и ихъ государственнымъ устройствомъ.

Народы Европы начинаютъ догадываться объ этой опасности. Вотъ это-то именно угрожающее положеніе народовъ востока и составляетъ третью причину, вслѣдствіе которой разрѣшеніе диллемы религіи и государства не можетъ болѣе быть отсрочено.

Одно изъ двухъ: или надо отречься вполне отъ истиннаго смысла христіанской религіи, уничтожить послѣдніе остатки идей любви къ ближнему, смиренія, братства, какъ это уже и дѣлаютъ люди европейскаго міра, и противопоставить свирѣпый патріотизмъ и рабское повиновеніе патріотизму и пассивному повиновенію восточныхъ народовъ; или надо признать на самомъ дѣлѣ истинные христіанскіе принципы любви къ ближнему, смиренія, непротивленія злему, непротивленія насилію, и довѣриться не физической силѣ, а волѣ Божіей, въ полной увѣренности, что

величайшее благо для человѣка и человѣчества приобрѣтается только подчиненіемъ вѣчному закону, открытому намъ въ нашей совѣсти, хотя пути, которыми мы можемъ достигнуть этого блага, скрыты отъ насъ и непонятны намъ.

Нѣтъ нужды говорить вамъ, на какой сторонѣ находятся мои симпатіи и мои стремленія.

Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ въ голову, при чтеніи вашей книги.

Извините меня, пожалуйста, дорогой другъ, за рѣзкость моихъ выраженій, также какъ и за мой дурной французскій языкъ, къ которому вы отнесетесь снисходительно, и который вы постараетесь понять. ¹⁾

Вашъ другъ *Левъ Толстой.*

CHER MONSIEUR SABATIER.

J'ai lu avec grand intérêt votre livre, ainsi que la brochure italienne.

La question qui y est traitée est de la plus grande importance, et comme je vous connais pour un homme sincère, je me permettrai de l'être complètement avec vous et vous dirai toute ma pensée.

Je crois qu'en toutes choses il n'y a rien de plus faux que les demi-mesures et qu'il est impossible d'enter la vérité et le bien sur le mensonge et le mal. La religion est la vérité et le bien; l'Eglise, le mensonge et le mal.

Je vous dirai franchement qu'il m'est impossible de me mettre au point de vue de ceux qui croient que l'Eglise est une organisation indispensable pour la religion, et qu'il ne faut que la réformer pour qu'elle devienne une institution bienfaisante pour l'humanité.

L'Eglise n'a jamais été qu'une institution mensongère et cruelle qui, en vue des avantages qu'elle pouvait acquérir du pouvoir temporel pour ceux qui faisaient partie de cette institution, a perverti et dénaturé la vraie doctrine chrétienne. Tous les concordats n'ont jamais été pour elle autre chose que des accommodements entre l'Eglise et l'Etat, par lesquels l'Eglise promettait son aide à l'Etat, en vue des avantages matériels que lui accordait ce dernier.

Le christianisme n'a jamais été pour l'Eglise qu'un prétexte. On me dira qu'il y a eu, et qu'il y a jusqu'à présent, dans le monde catholique, des individus, hommes et femmes, d'une sainte vie, mais la sainteté de ces individus n'a pas été atteinte grâce aux enseignements de l'Eglise, mais plutôt malgré elle.

En somme, j'ai été surtout étonné, en lisant votre livre (qui est très bien écrit et a de belles pages), d'y trouver sur le thème de l'avenir du catholicisme et de la religion en général des raisonnements de différents

---

¹⁾ Переводъ съ французскаго А. Б.

monseigneurs et auteurs laïques que vous y citez, qui feraient penser que ni Voltaire, ni Rousseau, ni Kant, ni Channing, ni Lamennais, ni beaucoup d'autres grands esprits qui ont traité ce sujet n'ont jamais existé.

Tout ce qui peut se dire à présent sur la question du rapport de la vraie religion et du catholicisme, a été dit depuis longtemps, et dit de manière à épuiser complètement la question.

Il n'y a qu'à relire Voltaire, Kant (son livre «Sur la religion dans les limites de la pure raison»), Channing, Lamennais, Ruskin, Emerson et autres, pour voir que tout ce qui se débite à présent sur cette matière avec si peu de clarté, de précision et de méthode, a été dit depuis longtemps et de manière à ne laisser rien à dire à ceux qui voudraient à présent traiter la même question.

«On me dit qu'il fallait une révélation», dit Rousseau, dans sa profession de foi du Vicaire savoyard, «pour apprendre aux hommes la manière dont Dieu voulait être servi, on assigne en preuve la diversité des cultes bizarres qu'ils ont institués, et l'on ne voit pas que cette diversité même vient de la fantaisie des révélations. Dès que les peuples se sont avisés de faire parler Dieu, chacun l'a fait parler à sa mode et lui a fait dire ce qu'il a voulu. Si l'on n'eût écouté que ce que Dieu dit au coeur de l'homme, il n'y aurait jamais eu qu'une religion sur la terre».

Notre devoir à nous et à nos contemporains n'est pas de répéter vaguement des choses qui ont été si bien dites des siècles avant nous, mais de tâcher de préciser les principes de la vraie religion, qui doit remplacer les affreuses superstitions de l'Eglise, que fait semblant de professer à présent l'humanité chrétienne.

L'homme, comme être raisonnable, n'a jamais vécu sans établir un rapport spirituel entre son existence et l'Infini, que nous appelons Dieu. Ce rapport qui n'est autre que la religion a toujours été la force dirigeante de toutes les actions conscientes de l'homme et a toujours évolué conformément au développement de l'humanité.

La vraie doctrine chrétienne à l'époque où elle a paru, étant beaucoup au-dessus de la faculté de conception des masses, ne fut acceptée dans son vrai sens que par une toute petite minorité.

La grande masse, habituée à une adoration religieuse du pouvoir temporel, ne pouvant comprendre cette doctrine dans son véritable sens, accepta avec facilité la doctrine quasi chrétienne, falsifiée par l'Eglise, qui n'exigeait qu'une adoration extérieure de Dieu, des saints, des images et en partie de personnages revêtus de qualités surnaturelles.

Cela dura des siècles, mais, avec les progrès des lumières en général, le véritable esprit chrétien, caché sous les toiles dont l'avait recouvert l'Eglise, se fit jour de plus en plus, et la contradiction de la vraie doctrine chrétienne et du régime autoritaire de l'Etat soutenu par la violence devint de plus en plus évidente. Malgré tous les efforts de l'Etat et de l'Eglise pour réunir les deux principes: celui du vrai christianisme (amour, humilité, clémence) et celui des gouvernements de l'Etat (voie de fait, force physique, violence), la contradiction devint, de notre temps, tellement évidente qu'une solution telle quelle de cette flagrante contradiction ne peut plus être retardée.

Plusieurs symptômes le prouvent: 1-o, le mouvement religieux qui se produit non seulement en France, mais dans tous les pays chrétiens; 2-o, la révolution en Russie; et 3-o, les progrès extraordinaires militaires et industriels qui se manifestent de plus en plus dans ces derniers temps en Chine, et surtout au Japon. Le mouvement religieux qui se produit à présent non seulement dans le monde catholique, mais dans le monde entier n'est, selon moi, pas autre chose que les douleurs d'enfantement du dilemme: la religion chrétienne avec ses exigences de soumission à Dieu, d'amour du prochain, d'humilité; et l'Etat, avec les conditions indispensables de son existence: soumission au gouvernement, patriotisme, loi du talion et surtout l'armée avec son service obligatoire.

Il me paraît qu'en France il y a tendance à resoudre le dilemme en faveur de l'Etat contre la religion; non seulement contre le catholicisme, mais contre la religion en général, qui est envisagée par la majorité des classes dirigeantes, comme un élément du passé, inutile et plutôt pernicieux que bienfaisant pour le bien-être des hommes de notre époque.

Le même dilemme est la cause principale de la révolution en Russie. Tout ce qui se fait à présent en Russie par les révolutionnaires est une activité inconsciente ayant pour but la solution du dilemme en faveur de la religion, c'est-à-dire de l'abolition de l'Etat, de tout pouvoir fondé sur la force, et d'une organisation sociale basée sur les principes religieux et moraux communs à tous les hommes. Le troisième symptôme de l'imminence de la solution du dilemme: l'Etat ou la religion, m'apparaît dans les progrès extraordinaires tant militaires qu'industriels qu'ont fait et continuent de faire, dans ces derniers temps, les peuples de l'Extrême-Orient, qui non seulement sont libres de la contradiction intérieure des Etats chrétiens, mais qui professent la religion la plus patriotique du culte des ancêtres et du pouvoir de leur chef d'Etat qu'ils défont.

Les progrès de ces peuples sont tels que, s'ils continuent à se produire dans les mêmes proportions, dans quelques dizaines d'années ce ne seront plus les Etats européens qui dicteront la loi aux Orientaux, mais ce seront les Orientaux qui seront les maîtres du monde et les chrétiens leurs vassaux. Et cela ne peut pas être autrement par l'accord complet de leur religion et de leur organisation comme Etats.

Les peuples de l'Europe commencent à s'apercevoir de ce danger. C'est précisément cette attitude menaçante des peuples de l'Orient qui constitue la troisième raison pour laquelle la solution du dilemme entre la religion et l'Etat ne peut plus être retardée.

L'un des deux: ou bien renier complètement le vrai sens de la religion chrétienne, détruire les derniers vestiges des idées d'amour du prochain, d'humilité, de fraternité, comme le font déjà les hommes du monde européen et opposer un patriotisme féroce et une obéissance servile au patriotisme et à l'obéissance passive des Orientaux, ou bien accepter pour tout de bon les vrais principes chrétiens d'amour du prochain, d'humilité, de non-résistance au méchant, à la violence, et se fier non à la force physique mais à la volonté de Dieu, pleinement convaincus que le plus grand bien de l'homme et de l'humanité ne s'acquiert que par la soumission à la loi éternelle, révélée

en notre conscience, quoique les voies par lesquelles ce bien nous peut être acquis nous soient cachées et incompréhensibles. Il est inutile de vous dire de quel côté sont mes sympathies et mes aspirations.

Voilà les idées qui me sont venues à la lecture de votre livre.

Excusez-moi, je vous prie, cher ami, pour la rudesse de mes expressions, ainsi que pour mon mauvais français que vous aurez l'indulgence de tâcher de comprendre.

Votre ami

Leon Tolstoi.

№ 172.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

(1907 г., 10-го апрѣля.)

Милый другъ Машенька!

Часто думаю о тебѣ съ большой нѣжностью, а послѣдніе дни точно голосъ какой все говоритъ мнѣ о тебѣ, о томъ, какъ хочется, какъ хорошо бы видѣть тебя, знать о тебѣ, имѣть общеніе съ тобой. Какъ твое здоровье? Про твое душевное состояніе не спрашиваю. Оно должно быть хорошо при твоей жизни. Помогай тебѣ Богъ приближаться къ нему.

У насъ все хорошо. Соня здорова, бодра, какъ и всегда.

У насъ къ нашей радости, живетъ Таня ¹⁾ съ милой дѣвочкой. Мужъ ея на время за границей, у больного сына.

Очень чувствую потерю Маши ²⁾, но да будетъ воля Его, какъ говорятъ у васъ, и я отъ всей души говорю. Про себя, кромѣ незаслуженнаго мною хорошаго, ничего сказать не могу. Что больше старѣюсь, то спокойнѣе и радостнѣе становится на душѣ. Часто смерть становится почти желательной. Такъ хорошо на душѣ и такъ вѣрится въ благодать Того, въ Комъ живешь и въ жизни, и въ смерти.

Соня нынче пріѣхала изъ Москвы, видѣла твою милѣйшую Варю, которую не только видѣть, но про которую вспоминать всегда радостно.

Поклонись отъ меня всѣмъ твоимъ монахинямъ. Помогай имъ Богъ спастись. Въ міру теперь такая ужасная недобрая жизнь, что онѣ благой путь избрали, и ты съ ними. Очень люблю тебя. Напиши много словечекъ о себѣ. Цѣлую тебя.

Братъ твой и по крови, и по духу,—не отвергай меня.

Левъ Толстой.

¹⁾ Старшая дочь Л. Н.—ча—Тат. Льв. Сухотина.

²⁾ Умершая дочь Л. Н.—ча—Марія Львовна.

№ 173.

И. М. ТРЕГУБОВУ.

(Ясная Поляна, 1907 г., апрѣль).

... То, что я каждый день по утрамъ молюсь, совершенно справедливо ¹⁾. Молитва эта есть «Отче нашъ» съ добавленіями изъ Евангелія на каждую часть ея. Молитва эта очень часто мнѣ бываетъ для души полезна. Слова молитвы иногда мало трогаютъ, а иногда поднимаютъ, радуютъ, укрѣпляютъ, и я всѣмъ совѣтовалъ бы знать наизусть хорошія молитвы и произносить ихъ въ опредѣленное время въ уединеніи. Это не мѣшаетъ той ежечасной молитвѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы при всякомъ поступкѣ вспоминать о своемъ отношеніи къ Богу, чтобы руководиться Имъ.

То же, что я сказалъ, что очень можетъ быть, что «умирая буду креститься рукою», тоже справедливо. Я даже теперь иногда крещусь, особенно часто, садясь за работу, вызывая и поддерживая въ себѣ этимъ жестомъ съ дѣтства связанное съ нимъ умиленно религіозное настроеніе. Я зналъ прекраснаго человѣка, доктора, совершенно свободомыслящаго, который умирая, показалъ своимъ воспитанникамъ на висѣвшую въ углу икону.

Формы не имѣютъ никакого значенія, но именно до тѣхъ поръ, пока имъ не приписываютъ внутренняго значенія, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлаютъ всѣ церковники.

№ 174.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ГОЛОСА МОСКВЫ“.

(1907 г., августъ.)

Получивъ прилагаемое письмо ²⁾ съ просьбой направить его именно въ вашу уважаемую газету, посылаю его, а также

---

1) И. М. Трегубовъ обратился къ Л. Н.—чу съ провѣрочнымъ вопросомъ, дѣйствительно ли Левъ Николаевичъ сказалъ въ одной бесѣдѣ, что онъ каждый день молится и проч.

2) Письмо содержало въ себѣ рассказъ г-жи W о пожарѣ въ ея имѣніи и о горячемъ участіи, которое приняли крестьяне въ тушеніи огня, оставивъ свои работы. Авторъ письма, вспоминая слова мужика: «другъ дружкѣ не помогать, такъ и жить нельзя», говорилъ спасибо русскому, «темному, неразвитому, несознательному, по теперешнему, мужику» и выражалъ увѣренность, что пока такое чувство живо—Россія еще не погибла.

и нѣсколько словъ отъ себя, вызвавшихъ чтеніемъ этого очень интереснаго письма.

Толпа озлобленныхъ, одуренныхъ крестьянъ, подбитыхъ революціонерами, сожжетъ усадьбу, вырубитъ лѣсъ, убьетъ приказчика, помѣщика; отбившіеся отъ деревни и заболтавшіеся въ городѣ крестьянскіе ребята, наученные революціонерами, ограбятъ винную лавку, почтовую контору, убьютъ купца; вообще, злые и развращенные люди изъ народа совершатъ какое-нибудь скверное преступленіе, и всѣ говорятъ, пишутъ и печатаютъ: «Русскій, дикій, озвѣрѣлый народъ. Только дать ему волю и все (все то прекрасное, что мы дѣлаемъ), будетъ разрушено этими варварами».

Дѣлаютъ тѣ злыя дѣла, которыя поражаютъ насъ, десятки, сотни, допустимъ—тысячи, а мы обвиняемъ 150-милліонный народъ, приписывая ему все то, что дѣлаетъ одна тысячная часть его. Клевета эта на народъ вредна не ему, а намъ, лишаящимъ себя самаго лучшаго и дорогого чувства любви и довѣрія къ ближнему, и вызывающимъ въ насъ самыя мучительныя чувства недоброжелательности—и недоброжелательности къ кому же? Къ тому многомилліонному народу, который и кормитъ, и всячески обслуживаетъ и охраняетъ насъ. Народъ этотъ—глупый, невѣжественный народъ—одинъ теперь среди всей сумятицы и безумія, и озлобленія, охватившихъ насъ, умныхъ и ученыхъ, одинъ въ своемъ огромномъ большинствѣ продолжаетъ жить спокойной, разумной, трудовой, свойственной человѣку жизнью.

А мы говоримъ: «озвѣрѣлый народъ», и хотимъ поучать и исправлять его.

Не исправлять намъ надо народъ и поучать, а постараться, вникнувъ въ его жизнь, научиться отъ него жить такъ, какъ сказалъ мужикъ съ бочкой, сказавъ, дѣлая то самое дѣло, о которомъ говорилъ.

Не знаю, можно ли научиться этому у такихъ или иныхъ европейскіхъ социалистовъ, а у народа навѣрное можно.

Левъ Толстой.

№ 175.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

(1907 г., авг. 18.)

Болѣе 20 лѣтъ назадъ я по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ отказался отъ владѣнія собственностью. Недвижимое

имущество, принадлежащее мнѣ, я передалъ своимъ наслѣдникамъ такъ, какъ будто я умеръ. Отказался я также отъ права собственности на мои сочиненія, и написанныя съ 1881 г. стали общественнымъ достояніемъ.

Единственныя суммы, которыми я еще распоряжаюсь, это—тѣ деньги, которыя я иногда получаю, преимущественно изъ-за границы, для пострадавшихъ отъ неурожая въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, и тѣ небольшія суммы, которыя мнѣ представляютъ нѣкоторыя лица для того, чтобы я распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію. Распредѣляю же я ихъ въ ближайшемъ округѣ для вдовъ, сиротъ, погорѣлыхъ и т. п.

Между тѣмъ такое распоряженіе мое этими небольшими суммами и легкомысленныя обо мнѣ газетныя корреспонденціи ввели и вводятъ въ заблужденіе очень многихъ лицъ, которыя все чаще и чаще и все въ сдѣльшихъ размѣрахъ обращаются ко мнѣ за денежной помощью. Поводы для просьбъ весьма разнообразны: начиная съ самыхъ легкомысленныхъ и до самыхъ основательныхъ и трогательныхъ. Самыя обычныя, это — просьбы о денежной помощи для возможности окончить образованіе, т.-е. получить дипломъ; самыя трогательныя, это—просьбы о помощи семьямъ, оставшимся въ бѣдственномъ положеніи.

Не имѣя никакой возможности удовлетворить этимъ требованіямъ, я пробовалъ отвѣчать на нихъ короткими письменными отказами, высказывая сожалѣніе о невозможности исполненія просьбы. Но сдѣльшую частью получалъ на это новыя письма, раздраженныя и упрекающія. Пробовалъ не отвѣчать—и получалъ опять раздраженныя письма съ упреками за то, что не отвѣчаю. Но важны не эти упреки, а то тяжелое чувство, которое должны испытывать пишущіе.

Въ виду этого я и считаю нужнымъ теперь просить всѣхъ нуждающихся въ денежной помощи лицъ обращаться не ко мнѣ, такъ какъ я не имѣю въ своемъ распоряженіи для этой цѣли рѣшительно никакого имущества. Я меньше чѣмъ кто-либо изъ людей могу удовлетворить подобнымъ просьбамъ, такъ какъ если я дѣйствительно поступилъ, какъ я заявляю, т.-е. пересталъ владѣть собственностью, то не могу помогать деньгами обращающимся ко мнѣ лицамъ; если же я обманываю людей, говорю, что отказался отъ собственности, а продолжаю владѣть

ею, то еще менѣе возможно ожидать помощи отъ такого чело-
вѣка.

Очень прошу и другія газеты перепечатать это письмо.

Левъ Толстой.

№ 176.

И. Я. ГИНЦБУРГУ.

(Ясная Поляна, 1907 г., ноября 4.)

Любезный Илья Яковлевич!

Чувствую свою вину передъ всѣми друзьями Вл. Вас. ¹⁾ и прошу ихъ, и въ особенности Дм. Вас. ²⁾, простить меня. Чувствую неповоротливость старости, а кромѣ того я послѣднее время такъ поглощенъ, вѣроятно послѣдней, кажущейся мнѣ, какъ всегда, когда чѣмъ-нибудь сильно занять, очень важной работой. При томъ написать о Вл. Вас. и моихъ отношеніяхъ къ нему было для меня трудно вслѣдствіе того недоразумѣнія, которое было между нами. Недоразумѣніе это было въ томъ, что Вл. Вас. любилъ и страстно цѣнилъ во мнѣ то, что я не цѣнилъ и не могъ цѣнить въ себѣ, и по своей добротѣ прощаль мнѣ то, что я цѣнилъ и цѣню въ себѣ выше всего, чѣмъ жилъ и живу.

Со всякимъ другимъ человѣкомъ такое недоразумѣніе по-
вело бы если не къ враждебности, то къ холодности: но милая,
непосредственная, горячая и вмѣстѣ дѣтская по ясности и по
простотѣ натура Вл. Вас. была такова, что я не могъ не подда-
ваться его внушенію и не любить его безъ всякихъ соображеній
о различіи нашихъ взглядовъ.

Всегда съ умиленіемъ вспоминаю наши хорошія дружескія
отношенія.

---

¹⁾ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, въ память котораго составлялся литературный сборникъ («Памяти В. В. Стасова»). Извѣстный скульпторъ, И. Я. Гинцбургъ, близкій другъ Стасова, принималъ въ составленіи сборника горячее участіе.

²⁾ Дмитрій Васильевичъ Стасовъ.

Если найдутъ это письмо стóящимъ напечатать въ сборникѣ, то отдайте его.

Жму вашу руку

Левъ Толстой.

№ 177.

РЕДАКТОРУ „ПОСРЕДНИКА“

(Ясная Поляна, 1907 г., декабрь.)

Очень радъ случаю вспомнить о моемъ общеніи съ этимъ прекраснымъ человѣкомъ. ¹⁾

Первое мое знакомство съ нимъ было письменное. Онъ прислалъ мнѣ изъ Египта, гдѣ онъ былъ судьей, довольно большую сумму денегъ для пострадавшихъ отъ неурожая. Я отвѣчалъ на его письмо, и скоро послѣ этого онъ самъ пріѣхалъ.

Къ стыду моему, помню, что несмотря на привлекательную личность Кросби, я въ своемъ сужденіи не выдѣлилъ его изъ обычныхъ американскихъ посѣтителей, руководящихся въ своихъ посѣщеніяхъ только моей извѣстностью. Помню, однако, что его вопросъ, прямо обращенный ко мнѣ, удивилъ меня.

Мы шли, какъ теперь помню, на выходъ изъ стараго дубоваго лѣса. Это было лѣтнимъ вечеромъ. Онъ сказалъ: «Что вы мнѣ посоветуете дѣлать теперь, вернувшись въ Америку?» — Это былъ вопросъ, до такой степени выходящій изъ обычныхъ пріемовъ посѣтителей, что я удивился и все-таки не понялъ и тогда его совершенную искренность и то, что въ немъ въ это время совершался тотъ великій для жизни человѣка переворотъ, который пережилъ и я, и котораго желаю всѣмъ людямъ,—переворотъ, состоящій въ томъ, что всѣ многообразныя цѣли жизни вдругъ замѣняются однимъ: дѣлать то, что свойственно человѣку, и то, чего хочетъ отъ меня воля, руководящая тѣмъ миромъ, въ которомъ я живу.

Я никакъ не думалъ, что этотъ образованный, красивый, богатый, пользующійся хорошимъ общественнымъ положеніемъ, человѣкъ могъ серьезно думать о томъ, чтобы, пренебрегши всѣмъ прошедшимъ, посвятить свою жизнь служенію Богу.

Помню, мы остановились, и я, хотя и не довѣряя вполнѣ его искренности, сказалъ ему, что есть у нихъ въ Америкѣ замѣча-

¹⁾ Американцемъ Кросби. См. выше письмо № 91.

тельный человекъ Джорджъ, и послужить его дѣлу есть дѣло, на которое стоитъ направить всё свои силы.

И, къ удивленію и радости моей, я скоро узналъ и по письмамъ Кросби и по другимъ свѣдѣніямъ, что онъ не только исполнилъ мой совѣтъ и сталъ энергичнымъ борцомъ за дѣло Джорджа, но сталъ человекомъ, во всей своей жизни и дѣятельности преслѣдующимъ одну и ту же со мной цѣль. Это я видѣлъ и изъ его писемъ и изъ его прекрасной книги, въ которой онъ съ разныхъ сторонъ, хотя и, къ сожалѣнію, въ стихахъ, высказалъ съ большой силой свое религиозное, вполне согласное со мною міросозерцаніе.

Радъ случаю вспомнить объ этомъ не только миломъ, привлекательномъ, богато одаренномъ человекѣ, но и о человекѣ съ рѣдко встрѣчаемымъ цѣльнымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ.

Левъ Толстой.

№ 178.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

(1907 г., 16-го декабря.)

Милая Машенька!

Эти послѣдніе дни часто думаю о тебѣ съ большою любовью и все поглядываю на твой портретъ. Давно нѣтъ отъ тебя вѣстей. Какъ ты себя чувствуешь и тѣлесно, и духовно? Хотя увѣренъ, что духовно ты чувствуешь себя хорошо. Помогай тебѣ Богъ. Въ наши годы, когда живо чувствуешь близость смерти,—возвращенія къ Тому, отъ Кого испель, жизнь становится и спокойнѣе, и, прямо скажу, радостнѣе, потому что любовнѣе. Я съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе чувствую это. И благодарю за это Бога. Внѣшняя жизнь наша все такая же: Соня ¹⁾, Саша ²⁾, Ник. Ив. ³⁾, докторъ ⁴⁾, Марьюшка—наши сожители.

Соня изрѣдка ѣздитъ въ Москву,—и теперь тамъ, завтра пріѣзжаетъ. Я весь поглощенъ одной работой—составленіемъ собранія нравственно-религиозныхъ мыслей ⁵⁾. Думаю, что такая

---

¹⁾ Гр. Софья Андреевна.

²⁾ Меньшая дочь Л. Н.—ча—Александра Львовна.

³⁾ Вѣроятно, описка, вмѣсто «Н. Н.» (Ник. Ник. Гусевъ).

⁴⁾ Д. П. Маковицкій.

⁵⁾ Для «Круга Чтенія».

книга можетъ быть полезна людямъ. Работа эта все-таки внѣшняя, главная же, самая радостная, это—работа надъ собой: хоть понемногу избавляться отъ своихъ гадостей, а ихъ много.

Цѣлую тебя. Любящій тебя братъ

Левочка.

№ 179.

А. В. РИХТЕРУ¹⁾.

(Ясная Поляна, 1907 г., осень.)

Антонъ Васильевичъ!

Я прочелъ вашу сцену. Она составлена хорошо, но мысль ея невѣрна, въ особенности потому, что выраженіе ея вложено въ уста Петра, человѣка, валяющагося на диванѣ и занятаго дразненіемъ кухарки. Невѣрная мысль эта выражена и въ вашемъ письмѣ. Мысль эта выражается во многихъ получаемыхъ мною письмахъ. Мысль эта, или, скорѣе, дурное чувство, оправдываемое этой мыслью, лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ преступлений, которыя совершаются теперь. Мысль эта состоитъ въ томъ, что люди съ дипломами и безъ дипломовъ, но одинаково ограниченные, не просвѣщенные и самоувѣренные, почему-то рѣшаютъ, что они такъ премудры и такъ хороши, что имъ надъ самими собой уже нечего работать, а что ихъ призваніе, священная обязанность просвѣщать, устраивать жизнь другихъ людей. Одни хотятъ это дѣлать черезъ старое правительство, другіе черезъ новое, третьи, какъ вашъ Петръ, черезъ сообщеніе т е м н о м у , г л у п о м у народу—тому самому, который кормитъ своими трудами этихъ дармоѣдовъ—великихъ истинъ христіанства, которыми они воображаютъ себя черезъ край переполненными. Я получаю каждый день письма отъ гимназистокъ, которыя наивно спрашиваютъ, кого имъ благодѣтельствовать

---

¹⁾ А. В. Рихтеръ написалъ драматическій этюдъ «Антихриста пришествіе». Тема его близко касалась принциповъ Толстого («Не убій», «Не противься злу» и др.), вслѣдствіе чего авторъ и послалъ пьесу Л. Н.—чусь просьбой просмотрѣть ее и сказать о ней свое мнѣніе. Между прочимъ, г. Рихтеръ просилъ Л. Н.—ча разрѣшить нѣкоторыя сомнѣнія по вопросу объ «освободительномъ движеніи». Своей пьесой и вопросами г. Рихтеръ затронулъ «больное» мѣсто Толстого, который и отвѣтилъ вышеприведеннымъ письмомъ.

сообщеніемъ своихъ добротъ и премудрости, сейчасъ ли идти въ учительницы къ народу, или еще пойти на курсы (чтобы окончательно одурѣть) и тогда уже идти спасать несчастный народъ, То же воображаютъ всѣ студенты, семинаристы и всякіе сугубо, вслѣдствіе самомнѣнія своего, невѣжественные и безнравственные юноши. Въ этомъ главная причина совершающихся теперь ужасовъ. *Conditio sine qua* поп всякаго добра и дѣятельности есть смиреніе. Какъ скоро его нѣтъ, добро претворяется въ зло. Высшая и спасительная добродѣтель есть любовь. Любовь же безъ смиренія, напыщенная, гордая любовь, есть внутреннее противорѣчіе. Свобода, братство, въ особенности равенство— великія блага, когда они— послѣдствія любви (и потому смиренія) и величайшее бѣдствіе, когда они достигаются насиліями. Прекрасно равенство, когда человѣкъ боится чѣмъ-нибудь стать выше другого, но ужасно равенство, когда человѣкъ ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кто чѣмъ-нибудь стоитъ выше его.

Все написанное здѣсь отвѣчаетъ на вопросъ вашего письма: почему люди хорошіе погибли, защищая конституцію. Люди всѣ хорошіе, но въ вашемъ выраженіи «хорошіе» подразумѣвается какъ будто то, что люди эти дѣлаютъ хорошее дѣло. Вотъ этого-то я не признаю. Хорошее дѣло—единственное для всякаго человѣка, это—«жить для своей души, жить по-божьи», какъ говорятъ тѣ глухие мужики, которыхъ такъ великодушно хотятъ всячески облагодѣтельствовать студенты, курсистки, профессора, учителя, дантисты и т. п. Человѣкъ же, живущій такъ, ставящій главнымъ своимъ дѣломъ усиленіе въ себѣ любви къ людямъ и освобожденіе себя отъ своихъ пороковъ и всякихъ гадостей (а этого достаточно въ душѣ каждаго, если онъ только учится смотрѣть въ себя), долго не дойдетъ до желанія просвѣщать людей ни социалистическимъ, ни апархическимъ, ни христіанскимъ ученіемъ. Такой человѣкъ именно вслѣдствіе того, что онъ будетъ работать надъ собой, будетъ требователенъ къ себѣ, не будетъ, какъ вашъ Петръ, лежать на диванѣ, острять кухаркой, а будетъ неизбежно (такъ какъ жизнь человѣка есть движеніе) во всемъ проявлять свою дѣятельность не съ цѣлью поучать другихъ, а съ цѣлью самому не жить скверно, такъ какъ уже прежде всего скверно жить не работая и пользуясь трудами другихъ. Въ данномъ случаѣ онъ не будетъ забавляться надъ кухаркой, а будетъ, видя въ ней человѣка, обращаться съ нею съ любовью и уваженіемъ: поможетъ, можетъ

быть, въ ея трудѣ и на вопросы ея будетъ стараться отвѣчать, насколько можетъ разумно и уважительно.

Я такъ расписался объ этомъ предметѣ потому, что это—наболѣвшее у меня мѣсто. Всѣ письма, которыя я получаю, разговоры, которые слышу, статьи въ газетахъ и журналахъ, когда заглядываю въ нихъ,—все это одна и та же эпидемія безумія. Прежде одни правительственные лица страдали отъ этого безумія—воображенія, что они призваны и могутъ осчастливить народъ и что они для этого необходимы. Безуміе этихъ людей было старое и ils étaient payés pour cela, но теперь эта эпидемія захватила всѣхъ. Гимназистъ и гимназистка 3-го класса ни минуты не задумываются о томъ, что въ немъ или въ ней плохо какъ бы ему или ей быть порядочнымъ человѣкомъ, а весь вопросъ для нихъ только въ томъ, на какомъ поприщѣ имъ удобнѣе поучать народъ. Взрослые же люди избираютъ первое попавшееся поприще къ поученію. Вопросъ о томъ, что они вполнѣ годны для этого, съ самаго начала не только рѣшенъ, но не существуетъ. Въ этомъ причина всѣхъ бѣдствій, переживаемыхъ нами. Спасеніе придетъ только тогда, когда люди очнутся отъ этого эпидемическаго гипноза и поймутъ, что улучшеніе состоянія общества можетъ наступить съ улучшеніемъ отдѣльныхъ лицъ, и что единственное лицо, на которое съ успѣхомъ можетъ воздѣйствовать человѣкъ, это только онъ самъ.

Левъ Толстой.

№ 180.

И. М. ТРЕГУБОВУ.

(Ясная Поляна, 1908 г., январь.)

Проектъ общины ¹⁾ я прочелъ внимательно съ перомъ въ рукахъ и началъ-было дѣлать измѣненія, но потомъ увидаль, что изложеніе основъ христіанскаго пониманія, соединяющаго людей, есть дѣло такой для меня огромной важности, что я долженъ или самъ изложить его, что я и дѣлаю, или въ чужомъ изложеніи сдѣлать только незначительныя измѣненія. Это

---

¹⁾ Рѣчь идетъ о легализованной общинѣ свободныхъ христіанъ, надъ осуществленіемъ которой много работаль И. М. Трегубовъ; съ послѣднимъ Л. Н. былъ связанъ многолѣтними узами духовной дружбы.

самое я и сдѣлалъ и съ такими замѣчаніями возвращаю вашъ проектъ. Въ общемъ основы проекта мнѣ кажутся вѣрными, и я желаю успѣха вашему дѣлу.

№ 181.

М. А. СТАХОВИЧУ.

(Ясная Поляна, 1908 г., февр. 28.)

Милый Михаилъ Александровичъ!

Я знаю, что вы точно любите меня не какъ писателя только, но какъ и человѣка, и, кромѣ того, вы человѣкъ чуткій и поймете меня. Отъ этого обращаюсь къ вамъ съ большой, большой просьбой. Просьба моя въ томъ, чтобы вы прекратили этотъ затѣянный юбилей, который кромѣ страданія, и хуже чѣмъ страданія—дурного поступка съ моей стороны, не доставить мнѣ ничего иного. Вы знаете, что и всегда, а особенно въ мои годы, когда такъ близко къ смерти,—вы узнаете это, когда состаритесь,—нѣтъ ничего дороже любви людей. И вотъ эта-то любовь, я боюсь, будетъ нарушена этимъ юбилеемъ. Я вчера получилъ письмо отъ княжны Дундуковой-Курсаковой, которая пишетъ мнѣ, что всѣ православные люди будутъ оскорблены этимъ юбилеемъ. Я никогда не думалъ объ этомъ, но то, что она пишетъ, совершенно справедливо. Не у однихъ этихъ людей, но и у многихъ другихъ людей онъ вызоветъ чувство недоброе ко мнѣ. А это мнѣ самое больное. Тѣ, кто любятъ меня, я знаю ихъ и они меня знаютъ, но для нихъ, для выраженія ихъ чувствъ не нужно никакихъ внѣшнихъ формъ. Такъ вотъ моя къ вамъ великая просьба: сдѣлайте, что можете, чтобы уничтожить этотъ юбилей и освободить меня. Навѣки вамъ буду очень, очень благодаренъ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 182.

А. И. ИКОННИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1908 г., мая 10.)

Получилъ ваше письмо отъ 22 апрѣля, милый другъ и братъ Антонъ, и, какъ всегда, съ волненіемъ, умиленіемъ и страхомъ

за васъ, за ваше душевное состояніе, прочель его. Очень, очень понимаю то тяжелое чувство, которое возбуждаетъ несвойственная человѣческой природѣ жестокость людей другъ къ другу, особенно, когда приходится самому терпѣть отъ нея. Помогай вамъ тотъ Богъ, Который живетъ въ васъ, помните, что такая же частица Бога, какъ она ни заглушена, живетъ въ томъ, кто, по жалкому заблужденію, поступаетъ противно ей. Знаю и вижу изъ вашего письма, что понимаете это такъ же, какъ и я, и боретесь съ собою.

Я теперь пишу и кончилъ статью подъ заглавіемъ: «Законъ насилія и законъ любви», въ которой стараюсь показать, что законъ насилія неизбежно долженъ замѣниться закономъ любви, и что время это наступило теперь только. Въ статьѣ этой я говорю объ отказахъ отъ военной службы, и о васъ, и привожу мѣста изъ вашихъ писемъ. Не будетъ ли это неприятно вамъ, и какъ лучше: выставить ваше имя или нѣтъ? Я вполне вѣрю въ то, что пишу, въ то, что время это наступило,—при дверяхъ. Я не увижу его, но вы можете дожить. И какъ радостно вамъ будетъ тогда знать, что вы, дѣлая для себя, для своей души, сдѣлали и то, что нужно для наступленія Царства Божія.

Если я могу чѣмъ-нибудь служить вамъ и вы укажете мнѣ чѣмъ, и я могу, то доставите мнѣ большую радость.

Братски цѣлую васъ

Левъ Толстой.

№ 183.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ¹⁾.

1908 г., іюнь 7.

Ваша новая потеря²⁾ больно поразила меня. Вотъ именно: «Кого Богъ любить, того и испытываетъ», т.-е. что по силамъ

) В. А. Молочниковъ, многосемейный труженикъ,—слесарь, живущій въ Новгородѣ, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму за распространеніе произведеній Л. Н. Толстого. По поводу ареста и заключенія въ тюрьму В. Молочникова, Л. Н. написалъ въ 1908 г. большую статью, напечатанную съ купюрами въ газетѣ «Слово» и полностью за границей. Въ 1910 г. В. Молочниковъ опять судился за храненіе и распространеніе толстовскихъ произведеній, но, благодаря горячей и мастерски построенной рѣчи В. А. Маклакова, былъ оправданъ.

²⁾ Смерть двухъ дѣтей В. Молочникова.

людей посылаются имъ испытанія. Вчера только писалъ вамъ. Теперь пишу только затѣмъ, чтобы вы помнили, что у васъ есть другъ, который слишкомъ близко (не слѣдуетъ такъ) исключительно чувствуетъ съ вами. Передайте мое сочувствіе вашей женѣ, и скажите, что такія горести ужасны только тогда, когда мы не извлекаемъ изъ нихъ блага для души. Помогай ей Богъ найти это благо.

Пишите чаще.

Любящій васъ *Левъ Толстой*.

№ 184.

РЕДАКТОРУ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“¹⁾.

(Ясная Поляна, 1908 г., юля 18.)

Разсказъ этотъ написанъ любимѣйшимъ моимъ ученикомъ первой моей школы 1862 года, тогда милымъ 12-тилѣтнимъ Васькой Морозовымъ, теперь уважаемымъ 60-тилѣтнимъ Василемъ Степановичемъ Морозовымъ.

Какъ тогда мнѣ были особенно дороги въ милomъ мальчикѣ его чуткость на все доброе, его сердечность и, главное, всегдашняя искренность и правдивость,—такъ и теперь мнѣ особенно понравились тѣ же черты въ этомъ простомъ разсказѣ, такъ ярко отличающемся своей правдивостью отъ большинства литературныхъ писаній:

Чувствуешь, что тутъ нѣтъ ничего придуманнаго, сочиненнаго, а разсказано то, что именно такъ и было,—выхвачены кусочки жизни, и той именно русской жизни съ ея грустными, мрачными и дорогими задушевными чертами.

Думаю, что я не подкупленъ моею привязанностью къ сочинителю, и что читателямъ разсказъ полюбитя такъ же, какъ и мнѣ.

Левъ Толстой.

О немъ я писалъ въ 1862 г. статьѣ: «Кому у кого учиться писать—крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ», помѣщенной въ IV томѣ полнаго собранія моихъ сочиненій.

---

¹⁾ Къ письму была приложена рукопись разсказа «За одно слово». Эпизодъ изъ крестьянской жизни, какъ одинъ старикъ-крестьянинъ пострадалъ за непонятное ему слово: «пропагандировать». Разсказъ Морозова былъ напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1908 г.

№ 185.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(1908 г., іюля 23).

Милый другъ Владимиръ, получилъ ваше письмо отъ 12-го и чувствую себя виноватымъ, что до сихъ поръ не отвѣтилъ, въ особенности потому, что ваши письма всегда хватають меня за сердце. Они такія хорошія, простыя, правдивыя, сильныя. Я вижу въ нихъ вашу душу и, какъ ни странно это сказать, люблю ее, боюсь за нее, какъ боишься за челоуѣка, который поднялся очень высоко. Люблю и вашу жену и вмѣстѣ съ вами жалѣю ее. Не прислалъ до сихъ поръ карточки, потому что забылъ, а забылъ потому, что не могу приписать этому значенія. Возьму у Черткова самую послѣднюю и лучшую и пришлю или съ этимъ письмомъ, или вслѣдъ за нимъ. Есть ли у васъ «Кругъ Чтенія»? Я выписалъ изъ него мѣста 22 іюля и послалъ заключеннымъ за отказъ. Такъ они подходятъ для людей въ ихъ и въ вашемъ положеніи.

Братски цѣлую васъ.

Любящій васъ *Л. Толстой*.

№ 186.

Н. А. ШЕРМАНУ ¹⁾.

(1908 г., лѣто.)

Давно уже получилъ ваше письмо, любезный братъ Николай (не знаю отчества, да и не нужно). Простите, что долго не отвѣчалъ. Войти въ прямое общеніе съ вами мнѣ очень пріятно; знаю же про васъ давно и живо интересуюсь вашей жизнью, преимущественно духовной, потому что тѣлесная жизнь всегда будетъ послѣдствіемъ духовной.

Та перемѣна, которая произошла въ вашей вещественной жизни, особенно подтверждаетъ это. Всею душой сочувствую вашему поступку, освобожденію себя отъ собственности и вашему началу жизни на новыхъ основахъ, и очень интересуюсь не внѣшними успѣхами вашей общины, а тѣмъ духовнымъ движеніемъ, какое жизнь въ ней вызываетъ, въ ея членахъ и въ особености въ васъ—ея учредителѣ.

Знаю и предвижу большія трудности въ осуществленіи об

---

¹⁾ См. выше письмо въ «Новости Дня» 1906 г.

Chère Madame,

La veille du jour de la réception de votre lettre nous causions de vous avec ma fille et je lui conseillais de vous faire visite à son prochain voyage en passant par Vienne.

Plus j'avance en âge et plus je me convaincs que la cause que vous servez, se rapproche de plus en plus au moment de son triomphe.

Il ne peut y avoir qu'une alternative: la décadence complète du monde chrétien...

La révolution en Russie n'est qu'une manifestation de la grande révolution intérieure dans les idées dirigeantes de l'humanité chrétienne que je sens venir, et un changement complet dans les gouvernements des peuples et dans leurs relations extérieures.

Si j'ai le temps et la possibilité de dire quelque chose qui mérite de paraître dans votre recueil, je me ferais un plaisir de vous l'envoyer.

Votre ami et collaborateur

L. T.

Chère Madame.

Наканунѣ полученія Вашего письма мы съ дочерью говорили о Васъ и я ей совѣтовалъ навѣстить Васъ, когда она проѣдетъ черезъ Вѣну въ свою предстоящую поѣздку.

Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что дѣло, которому Вы служите, все болѣе приближается къ моменту своего торжества.

Можетъ существовать только одна альтернатива, полное вырожденіе христіанскаго міра (или же полная революція въ идеяхъ, руководящихъ человѣчествомъ, принятіе христіанской морали во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ). Революція въ Россіи является лишь выраженіемъ великой внутренней революціи въ идеяхъ, руководящихъ христіанскимъ міромъ (которая готовится) приближеніе которой я чувствую, и полной перемѣны въ образѣ управленія народами и въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ (которая вполне исключила бы всякую возможность войны).

Если у меня будетъ время и возможность сказать что-нибудь достойное того, чтобы появиться въ Вашемъ сборникѣ, для меня будетъ удовольствіемъ послать это Вамъ.

Вашъ другъ и сотрудникъ

Л. Т.

щинной жизни въ маленькомъ оазисѣ среди пустыни людей, живущихъ иными основами, но увѣренъ, что всѣ эти и многія трудности общинной жизни, которыя вы, вѣроятно, уже испытывали и испытываете, не только не ослабятъ въ васъ тѣхъ основъ, которыя привели васъ къ общинѣ, но только усилить ихъ.

То, что я написалъ, похоже на то, что я хожу вокругъ да около, не желая сказать всего, что думаю. И потому постараюсь сказать все, что думаю. Думаю же я объ общинѣ всякой вотъ что: высшее благо совершенства, къ которому мы всѣ (и вы, я увѣренъ) стремимся, въ томъ, чтобы любить Бога и Его проявленіе во всемъ, особенно же въ такихъ же, какъ и мы, существахъ-людяхъ, — и любить одинаково, равно всѣхъ. Въ этомъ идеаль страшно далеко отъ всѣхъ насъ, но все-таки такой, къ которому нельзя не стремиться. Любимъ же мы не только отца, мать, жену, сестру, дочь, дѣтей больше другихъ, но не любить не можемъ больше исключительно милыхъ, умныхъ, добрыхъ, смиренныхъ, тогда какъ надо бы наоборотъ. И на это—такъ какъ дѣло любви и законъ любви выше закона жизни—на эту равную любовь ко всѣмъ должны быть направлены всѣ наши силы.

И что же мы дѣлаемъ? Не только женимся, приживаемъ дѣтей, признаемъ свою принадлежность народу, сословію, государству, вѣрѣ, не только любимъ больше добрыхъ, пріятныхъ, но устраиваемъ себѣ, кромѣ семьи, государства, народа, вѣры, или вмѣсто этого еще новый избранный кружокъ людей—общину. Вотъ это, я думаю, дурная сторона общины. Она выдѣляетъ извѣстныхъ людей изъ всѣхъ остальныхъ. А этого не надо, и это жалко. И она еще даетъ иллюзію того, что я неучастникъ во злѣ міра.

Все это я говорю не потому, что осуждаю общину. Я признаю, что, какъ и вы говорите, община есть переходная ступень, есть одно изъ средствъ выхода изъ явно преступнаго положенія жизни чужими трудами. Я только указываю на опасности общины.

Братски привѣтствую васъ и всѣхъ вашихъ сожителей, кто знаетъ меня.

Уважающій и любящій васъ

Л. Толстой.

БЕРНАРДУ ШАУ.

(Ясная Поляна, 1908 г., авг. 17.)

Dear M-r Shaw.

Прошу вас извинить меня, что я до сихъ поръ не поблагодарилъ васъ за присланную вами черезъ г. Моода книгу.

Теперь, перечитывая ее и обративъ особенное вниманіе на указаннныя вами мѣста, я особенно оцѣнилъ рѣчи Донъ-Жуана въ Interlude—«Сценѣ въ Аду»—(хотя думаю, что предметъ много бы выигралъ отъ болѣе серьезнаго отношенія къ нему, а не въ видѣ случайной вставки въ комедію), и The Revolutionist's Handbook.

Въ первомъ я безъ всякаго усилія вполнѣ согласился со словами Донъ-Жуана, что герой тотъ, «he who seeks in contemplation to discover the inner will of the world... and in action to do that will be the so discovered means»,—то самое, что на моемъ языкѣ выражается словами: познать въ себѣ волю Бога и исполнить ее.

Во второмъ же мнѣ особенно понравилось Ваше отношеніе къ цивилизаціи и прогрессу, та совершенно справедливая мысль, что сколько бы то и другое ни продолжалось, оно не можетъ улучшить состояніе человѣчества, если люди не перемѣнятся.

Различіе въ нашихъ мнѣніяхъ только въ томъ, что, по вашему, улучшение человѣчества совершается тогда, когда простые люди сдѣлаются сверхчеловѣками или народятся новые сверхчеловѣки; по моему же мнѣнію, это самое сдѣлается тогда, когда люди откинутъ отъ истинныхъ религій, въ томъ числѣ и отъ христіанства, всѣ тѣ наросты, которые уродуютъ ихъ, и, соединившись всѣ въ томъ пониманіи жизни, лежащемъ въ основѣ всѣхъ религій, установятъ свое разумное отношеніе къ безконечному началу міра и будутъ слѣдовать тому руководству жизни, которое вытекаетъ изъ него.

Практическое преимущество моего способа освобожденія людей отъ зла передъ вашимъ въ томъ, что легко себѣ представить, что очень большія массы народа, даже мало или совсѣмъ не образованныя, могутъ принять истинную религію и слѣдовать ей, тогда какъ для образованія сверхчеловѣка изъ тѣхъ людей, которые теперь существуютъ, также и для нарожденія новыхъ, нужны такія исключительныя условія, которыя

такъ же мало могутъ быть достигнуты, какъ и исправленіе чело-
вѣчества посредствомъ прогресса и цивилизаціи.

Dear M-r Shaw, жизнь—большое и серьезное дѣло и намъ
всѣмъ вообще въ этотъ короткій промежутокъ даннаго намъ
времени надо стараться найти свое назначеніе и насколько воз-
можно лучше исполнить его. Это относится ко всѣмъ людямъ
и особенно къ вамъ, съ вашимъ дарованіемъ, самобытнымъ
мышленіемъ и проникновеніемъ въ сущность всякаго вопроса.

И потому, смѣло надѣясь не оскорбить васъ, скажу вамъ о
показавшихся мнѣ недостаткахъ вашей книги.

Первый недостатокъ ея въ томъ, что вы недостаточно серьезны.
Нельзя шуточно говорить о такомъ предметѣ, какъ назначеніе
человѣческой жизни и о причинахъ его извращенія и того зла,
которое наполняетъ жизнь нашего челоѣчества. Я предпочелъ
бы, чтобы рѣчи Донъ-Жуана не были бы рѣчами привидѣнія,
а рѣчами Шау, точно также и то, чтобы *The Revolutionist's*
Handbook былъ приписанъ не несуществующему Tanner'у, а
живому, отвѣтственному за свои слова Bernard'у Shaw.

Второй упрекъ въ томъ, что вопросы, которыхъ вы касаетесь,
имѣютъ такую огромную важность, что людямъ съ такимъ глу-
бокимъ пониманіемъ золь нашей жизни и такой блестящей спо-
собностью изложенія, какъ вы, дѣлать ихъ только предметомъ
сатиры часто можетъ болѣе вредить, чѣмъ содѣйствовать разрѣ-
шенію этихъ важныхъ вопросовъ.

Въ вашей книгѣ я вижу желаніе удивить, поразить читателя
своей большой эрудиціей, талантомъ и умомъ. А между тѣмъ
все это не только не нужно для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ,
которыхъ вы касаетесь, но очень часто отвлекаетъ вниманіе чита-
теля отъ сущности предмета, привлекая его блескомъ изложенія.

Во всякомъ случаѣ думаю, что эта книга ваша выражаетъ
ваши взгляды не въ полномъ и ясномъ ихъ развитіи, а только
въ зачаточномъ положеніи. Думаю, что взгляды эти, все болѣе
и болѣе развиваясь, придутъ къ той единой истинѣ, которую
мы всѣ ищемъ и къ которой мы всѣ постепенно приближаемся.

Надѣюсь, что вы простите меня, если найдете въ томъ, что я
вамъ сказалъ, что-нибудь вамъ непріятное. Сказалъ я то, что
сказалъ, только потому, что признаю въ васъ очень большія
дарованія и испытываю къ вамъ лично самыя дружескія чув-
ства, съ которыми и остаюсь.

Левъ Толстой.

ЕПИСКОПУ ГЕРМОГЕНУ¹⁾.

(1908 г., 13 сент.)

Любезный братъ Гермогенъ!

Прочелъ твои отзывы обо мнѣ въ печати и очень огорчился за тебя и за твоихъ единовѣрцевъ, признающихъ тебя своимъ руководителемъ. Допустимъ, что я въ заблужденіи и что, какъ ты говоришь, я своимъ заблужденіемъ совратилъ многихъ людей съ пути истины на пути погибели. Я—заблудшій, я—вредный человѣкъ, но вѣдь я—человѣкъ и братъ тебѣ. Если ты жалѣешь тѣхъ, кого я погубилъ своимъ лживымъ ученіемъ, то какъ же не пожалѣть того, кто, будучи виновникомъ погибели другихъ, самъ навѣрно погибнетъ. Вѣдь я—тотъ человѣкъ и братъ тебѣ.

Понятно, что ты, какъ христіанинъ, обладающій истиной, можешь и долженъ обратиться ко мнѣ со словомъ увѣщанія, укоризны, любовнаго наставленія, но единственное чувство, которое тебѣ, какъ христіанину, свойственно имѣть ко мнѣ, это—чувство жалости, но никакъ ужъ не то чувство, которое руководило въ твоихъ обличеніяхъ. Не буду говорить о томъ, кто изъ насъ правъ въ различномъ пониманіи ученія Христа. Это знаетъ только Богъ. Но одно несомнѣнно, въ чемъ и ты, любезный братъ, въ спокойныя минуты не можешь не согласиться, это—то, что основной законъ Христа и Бога есть законъ любви.

И вотъ, слѣдуя этому закону, обращаюсь къ тебѣ, какъ братъ къ брату, какъ старшій братъ къ младшему, съ любовнымъ словомъ укоризны и увѣщанія.

Нехорошо поступилъ ты, любезный братъ, отдаваясь недоброму чувству раздраженія.

Нехорошо это для всякаго человѣка-христіанина, по вдвойнѣ нехорошо для руководителя людей, исповѣдующихъ христіанство. Пишу тебѣ съ тѣмъ, чтобы просить тебя потушить въ себѣ недоброе чувство ко мнѣ, не имѣющему противъ тебя никакого другого чувства, кромѣ любви и сожалѣнія къ заблуждающемуся брату, и возстановить въ себѣ свойственное людямъ чувство

---

¹⁾ Письмо это было вызвано рѣзкими выступленіями еп. Гермогена противъ Л. Н—ча и было послано Маріи Николаевнѣ Толстой для передачи еп. Гермогену, если она сочтетъ это возможнымъ.

любви другъ къ другу. Если словами этими я огорчилъ тебя, то прости меня. Я ничего не желаю, кромѣ добра, тебѣ. Буду очень благодаренъ, если отвѣтишь мнѣ.

Любящій тебя братъ

Левъ Толстой.

№ 189.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1908 г., окт. 12.)

Получилъ, милый другъ Владимиръ, вчера вашу статью о Бабидахъ. Прочелъ только предисловіе, которое очень хорошо и увѣренъ, что все хорошо. Нынче получилъ ваше письмо, и, какъ всегда, чтеніе его для меня было серьезной радостью. Пересылаю письмо Бѣлинскому¹⁾, а вы, если вамъ не скучно, пишите чаще. Я и пишу эту записку съ корыстной цѣлью, чтобы заманить васъ писать чаще.

Какъ хорошъ вашъ рассказъ про уголовного вора!

Не могу ли чѣмъ-нибудь служить вамъ? Если бы вы чего-нибудь пожелали отъ меня и я бы могъ сдѣлать, мнѣ было бы очень пріятно.

Пишите побольше и про себя и про свое духовное и тѣлесное состояніе и про семью. Ну прощайте, братски цѣлую васъ.

Лучше ли вамъ въ новой тюрьмѣ?

Л. Толстой.

№ 190.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

(1908 г. 14-го декабря.)

Прочелъ, милый другъ и сестра Машенька, твое письмо къ Душану²⁾. Оно очень, почти до слезъ, тронуло меня и твоей любовью, и тѣмъ истиннымъ религіознымъ чувствомъ, которымъ оно проникнуто. Посылаю тебѣ письмо къ Гермогену. Пожалуйста, не выпускай его изъ рукъ, дай у себя прочесть, если найдешь нужнымъ, но не давай списывать. Я не послалъ письмо потому, что оно не стоило того, а главное, оттого, что le beau

---

¹⁾ Переписчикъ на ремингтонѣ.

²⁾ Д-ръ Д. П. Маковидкій.

гдіе слишкомъ на моей сторонѣ. Какъ будто я хвалюсь своимъ смиреніемъ и прощеніемъ.

Цѣлую тебя, милый другъ. Очень любящій тебя
братъ *Левочка*.

№ 191.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1908 г., дек. 16.)

Получилъ сегодня, 16, ваши два письма, милый другъ, и какъ всегда, одно содержательнѣе и трогательнѣе другого. Въ послѣднемъ письмѣ меня огорчило, больше чѣмъ огорчило, то, что вы сказали о своемъ періодѣ унынія Ипполиту Ивановичу ¹⁾ (еще живъ русскій народъ, если есть въ немъ такіе люди). Я по предпослѣднимъ письмамъ вашимъ, послѣ вашего свиданія съ женой рѣшилъ, что устрою такъ, чтобы жена ваша могла имѣть эти нужные ей 25 рублей въ мѣсяцъ, но хотѣлъ не говорить вамъ объ этомъ. Теперь же, думая, что доля вашего унынія происходитъ и отъ неопредѣленнаго положенія вашей семьи, я пишу вамъ, что устрою такъ, чтобы семья ваша имѣла эту ничтожную поддержку. Куда позволите послать деньги? Если въ вашемъ уныніи есть доля огорченія тѣмъ, что друзья ваши мало любятъ васъ, то знайте, что я, что дальше, то больше люблю васъ и желалъ бы, чтобы эта увѣренность помогла вамъ хоть немного. Знаю, что это же мое чувство раздѣляютъ многіе и многіе.

Я все больше и больше благодарю за жизнь Того, Кто, поселившись во мнѣ, даетъ мнѣ ее.

Левъ Толстой.

№ 192.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

(1908 г.)

Вижу, что тебѣ пишетъ Лизанька ²⁾, и мнѣ захотѣлось написать тебѣ хоть нѣсколько словъ, милый другъ Машенька. Какъ ты поживаешь, переваливъ на четвертую четверть вѣка?

---

¹⁾ Ип. Ив.—уголовный, осужденный за снохачество на 5 лѣтъ. Самъ объявилъ о своемъ грѣхѣ въ присутствіи священника и семьи, «чтобы страданіе принять». В. М.

²⁾ Дочь Маріи Николаевны.

Мнѣ, что дальше и что ближе къ смерти, то лучше, хочется сказать, радостнѣе, если бы это не казалось странвымъ. Всѣ люди такъ добры ко мнѣ, что совѣстно передъ тѣми людьми, которые страдаютъ и несчастливы.

Часто вспоминаю тебя. Если увидимся еще, будетъ очень радостно. Только у насъ двоихъ остались воспоминанія того, что было.

Цѣлую тебя. Поклонись тѣмъ монахинямъ, которыя меня помнятъ.

Л. Толстой.

№ 193.

Г - Н У ***.

(1908 г. (?))

Ваше письмо одно изъ тѣхъ, на которыя я всегда считаю себя обязаннымъ отвѣчать. Но, къ сожалѣнію, не могу категорично отвѣтить на ваши вопросы, не зная того дѣла, которому вы горячо преданы. Дѣло у всѣхъ есть только одно: увеличивать въ себѣ и другихъ взаимную братскую любовь. Если въ этомъ состоитъ дѣло, которому вы преданы, или оно ведетъ къ этому, то можно пожертвовать установившейся, естественной любовью родителей для достиженія цѣли: увеличенія братской любви въ людяхъ вообще. Если же имѣетъ цѣлью измѣненіе формъ жизни, въ чемъ, я полагаю, состоитъ ваше дѣло, то пожертвовать для этого любовью родителей—нехорошо...

Левъ Толстой.

№ 194.

Е. І. ЛОЗИНСКОМУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., янв. 26.)

Евгеній Іустиновичъ. Очень благодарю васъ за присылку трехъ №№ газеты «Противъ Теченія» и двухъ книгъ. Я и прежде читалъ вашу книгу: «Что же такое, наконецъ, интеллигенція?» Теперь же внимательно перечелъ эту книгу, такъ же, какъ и «Итоги парламентаризма» и присланные №№ газеты.

Вполнѣ раздѣляю ваши мысли какъ о значеніи дѣятельности интеллигенціи, такъ и о парламентахъ. Ваши книги многое подтвердили мнѣ въ моихъ взглядахъ, а также узналъ я изъ нихъ

и много новаго. Очень желалъ бы, чтобы онѣ были какъ можно болѣе распространены, но боюсь, что, съ одной стороны, по теперешнимъ временамъ онѣ запрещены правительствомъ ¹⁾, а съ другой стороны думаю, что онѣ замолчаны либерально-революціонною печатью, по пословицѣ «il n'y a pas de pires sourds que ceux qui ne veulent pas entendre ²⁾».

Повторяю вамъ свою благодарность за присылку и содержаніе вашихъ прекрасныхъ книгъ. Прошу васъ сообщить мнѣ, всѣ ли онѣ запрещены и какія находятся въ продажѣ и много ли распространены.

Одно мнѣ неясно: прямо скажу вамъ—неясенъ тотъ выходъ рабочимъ изъ своего положенія, который вы предлагаете. Мнѣ неясны формы прямого законодательства рабочаго народа и возможность прямыхъ требованій и удовлетворенія поставленныхъ имъ условій. Я думаю, какъ и вы прекрасно указываете, что сущность дѣла въ томъ насиліи, которое . . . . . рабочій народъ употребляетъ самъ противъ себя. И потому, чтобы этого не было, единственная возможность въ томъ, чтобы рабочій народъ не участвовалъ въ насиліи въ какой бы то ни было формѣ. Для того же, чтобы люди рабочаго народа не участвовали въ насиліи, и, отказываясь отъ участія въ немъ, готовы бы были нести всѣ лишенія и даже страданія, которыя неизбѣжны при отказѣ отъ участія, нужно, чтобы они считали такое участіе противнымъ своему человѣческому достоинству. Быть же готовыми нести лишенія и страданія ради сохраненія своего человѣческаго достоинства могутъ, какъ это съ древнѣйшихъ временъ показываетъ исторія, только люди религіозные, для которыхъ исполненіе требованій совѣсти стоитъ выше всѣхъ другихъ соображеній, и дѣятельность которыхъ или воздержаніе отъ дѣятельности вѣрнѣе и успѣшнѣе всего достигается той цѣли, къ которой такъ тщетно и безконечно разнообразно стремятся всѣ устроители человѣческихъ обществъ.

Очень радъ общенію съ вами.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *Левъ Толстой.*

---

¹⁾ Эти изданія не были запрещены. Е. Л.

²⁾ Т.-е. наибольшею глухотой страдаютъ тѣ, которые не хотятъ слышать.

№ 195.

Г - Н У ***.

(Ясная Поляна, 1909 г., января 30.)

Получилъ ваше интересное письмо и очень радъ случаю отвѣтить на него.

Вы говорите, первое, что правильно понятый эгоизмъ—это благо всѣхъ, и что эта истина, съ разрушеніемъ стараго строя, быстро войдетъ въ сознание людей; а какъ только истина эта войдетъ въ сознание людей, такъ и наступитъ общее благо. Второе то, что умъ человѣческій можетъ придумать условія общежитія, при которыхъ эгоизмъ одного человѣка не будетъ вредить другому. И третье то, что при этихъ придуманныхъ условіяхъ общежитія можетъ, какъ вы выражаетесь, имѣть мѣсто до извѣстной степени и элементъ принужденія, т.-е., что для того, чтобы люди исполняли требованія придуманнаго наилучшаго теоретически устройства, можно и должно употреблять насиліе.

Три положенія эти признаются одинаково всѣми учеными, политиками и экономистами нашего времени. Ученые теоретики только не такъ откровенно, какъ вы, высказываютъ ихъ. На этихъ трехъ положеніяхъ основаны разсужденія сотенъ, тысячъ людей, считающихъ себя руководителями человѣчества. А между тѣмъ всѣ три положенія эти суть не что иное, какъ самыя странныя и не на чемъ не основанныя суевѣрія. Не говорю уже о произвольности утвержденія о томъ, что эгоизмъ, т.-е. начало раздора и разединенія, можетъ привести къ согласію и единенію, ни о странности столь же распространеннаго суевѣрія о томъ, что небольшая кучка людей, большею частью не лучшихъ, а худшихъ, можетъ придумывать наилучшее устройство жизни для милліоновъ людей, самое допущеніе употребленія насилія для введенія придуманнаго устройства, тогда какъ такихъ придуманныхъ устройствъ сотни, противоположныхъ одно другому, уже ясно показываетъ всю безосновательность и произвольность этихъ странныхъ суевѣрій.

Люди видятъ несправедливость и бѣдственность положенія рабочаго народа, лишеннаго возможности пользоваться произведеніями своего труда, отбираемыми отъ него меньшинствомъ

властвующих и капиталистовъ, и придумываютъ средства измѣненія и исправленія этого положенія огромнаго большинства человѣчества. И вотъ, для измѣненія и исправленія такого положенія предлагаются различными людьми различные приемы общественнаго устройства: одни предлагаютъ конституціонную монархію съ социалистическимъ устройствомъ рабочихъ (есть и такіе, которые отстаиваютъ неограниченную монархію); другіе предлагаютъ республику съ различными устройствами: меньшевики, трудовики, большевики, максималисты, синдикалисты; третьи предлагаютъ прямое законодательство народа; четвертые—анархію съ коммунальнымъ устройствомъ и многое другое. Каждая партія, зная навѣрное, что нужно для блага людей, говорить: только дайте мнѣ власть, и я устрою всеобщее благополучіе. Но, несмотря на то, что многія изъ этихъ партій находились или даже и теперь находятся во власти, всеобщее обѣщанное благополучіе все не устраивается, и положеніе рабочихъ продолжаетъ одинаково ухудшаться. Происходитъ это оттого, что это властвующее меньшинство, какъ бы оно ни называлось: неограниченной монархіей, конституціей или республикой демократической, какъ во Франціи, Швейцаріи, Америкѣ, находясь во власти и руководясь свойственнымъ людямъ эгоизмомъ, естественно употребляетъ эту власть для удержанія за собой посредствомъ насилія тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтаются и не могутъ иначе пріобрѣтаться, какъ въ ущербъ рабочаго народа. Такъ что при всѣхъ революціяхъ и перемѣнахъ правленія перемѣняются только властвующие: на мѣсто однихъ садятся другіе, положеніе же рабочаго народа остается все то же ¹⁾. Такъ это было во Франціи, въ Англіи, Германіи, Америкѣ, такъ это теперь съ особенной очевидностью проявляется въ Россіи. Теперь верхъ одержала деспотическая партія, и она естественно употребляетъ всѣ свои силы на борьбу съ противными партіями и не заботится объ улучшеніи положенія народа. Если бы верхъ былъ за конституціоналистами, было бы то же самое: они боролись бы съ реакціонерами и социалистами и точно такъ же не заботились бы объ улучшеніи положенія народа. То же бы было, если бы верхъ былъ за республи-

¹⁾ Людямъ, сомнѣвающимся въ томъ, что положеніе рабочаго народа вездѣ по существу одинаково несправедливо и дурно и не улучшается, а ухудшается, совѣтую прочесть прекрасную книгу Лозинскаго: «Итоги парламентаризма».

канцами, какъ это и было во Франціи при большой и всѣхъ послѣдующихъ революціяхъ, какъ это происходило и происходитъ вездѣ. Какъ только дѣло рѣшается насиліемъ, насиліе не можетъ прекратиться. Насилуемые озлобляются противъ насилующихъ и, какъ только имѣютъ къ тому возможность, употребляютъ всѣ свои силы на борьбу съ тѣми, кто насилуовали ихъ. Происходить это потому, что при рѣшеніи дѣла насиліемъ побѣда всегда остается не за лучшими людьми, а за болѣе эгоистичными, безсовѣстными и жестокими. Люди же эгоистическіе, безсовѣстные и жестокіе не имѣютъ никакихъ основаній для того, чтобы отказаться въ пользу народа отъ тѣхъ выгодъ, которыя они приобрѣли и которыми пользуются. Выгоды же, которыми пользуются властвующие, всегда въ ущербъ народу. Такъ что мѣшаетъ освобожденію народа отъ того угнетенія и обмана, въ которыхъ онъ находится, никакъ не то, что нехорошо придумано впередъ то или другое устройство общества, а то, что то или другое устройство общества вводится и поддерживается насиліемъ. И потому естественно, казалось бы, людямъ, желающимъ освобожденія народа, заботиться не о придумываніи наилучшаго устройства жизни освобожденнаго отъ порабощенія народа, а изыскивать средства избавленія народа отъ того насилія, которое порабощаетъ его.

Въ чемъ же состоитъ то насиліе, которое порабощаетъ народъ, и кто производитъ его? Казалось бы, очевидно, что сотни властвующихъ, правителей и богачей, не могутъ заставлять большіе миллионы рабочихъ покоряться имъ и что если сотни властвуютъ надъ миллионами, то насиліе, совершаемое надъ миллионами рабочаго народа, совершается не непосредственно кучкой властвующихъ, а самимъ народомъ, который какими-то сложными, хитрыми и искусными мѣрами приводится въ то странное положеніе, при которомъ чувствуетъ себя вынужденнымъ совершать насиліе самъ надъ собой. И потому, казалось бы, естественно людямъ, желающимъ избавленія народа отъ его порабощенія, изслѣдовать прежде всего причины этого самоугнетенія и постараться устранить ихъ. А между тѣмъ горы книгъ написаны и пишутся Марксами, Жоресами, Каутскими и другими теоретиками о томъ, какимъ, по открываемымъ ими историческимъ законамъ, должно быть человѣческое общество и какъ оно должно быть устроено; о томъ же, какъ устранить главную, ближайшую, основную причину зла—насиліе, со-

вершаемое рабочими самими надъ собой — не только никто не говорить, но, напротивъ, всѣ допускають необходимость того самаго насилія, отъ котораго и происходитъ порабощеніе рабочаго народа.

Такъ что, какъ ни странно это сказать, но нельзя не видѣть того, что всѣ горы социалистическихъ, политическихъ, экономическихъ сочиненій, исполненныхъ эрудиціи и ума, въ сущности суть не что иное, какъ только пустыя, ни на что ненужныя, притомъ еще и очень вредныя писанія, отвлекающія человеческую мысль отъ естественнаго и разумнаго пути и направляющія ее на путь искусственный, ложный и губительный. Всѣ эти писанія подобны тому, что бы дѣлали люди, у которыхъ не было бы другой земли, кромѣ земли изъ-подъ лѣса, если бы люди эти, вмѣсто того, чтобы корчевать эту землю, занимались бы разсужденіями и спорами о томъ, какими растеніями засадить и засѣять эту землю, когда она сама собой, по предполагаемому историческому закону сдѣлается удобной для хлѣбопашества. Ученые люди придумываютъ наилучшее будущее устройство жизни людей, порабощенныхъ насиліемъ, старательно обсуживая всѣ подробности будущаго устройства и горячо споря другъ съ другомъ о томъ, какимъ должно быть это будущее устройство, но ни слова не говоря о томъ насиліи, при существованіи котораго немислимо никакое будущее устройство общественной жизни, никакое улучшеніе положенія рабочаго народа.

Для улучшенія положенія рабочаго народа нужно одно — не разсужденіе о будущемъ устройствѣ, а только освобожденіе имъ самого себя отъ того насилія, которое онъ по волѣ властвующихъ производитъ самъ надъ собой.

Какъ же освободиться народу отъ того насилія, которое онъ, въ угоду меньшинству, производитъ самъ надъ собой? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: освободиться отъ насилія можетъ рабочій народъ только тѣмъ, что перестанетъ участвовать въ какомъ бы то ни было насиліи, для какихъ бы то ни было цѣлей, при какихъ бы то ни было условіяхъ. А какъ же сдѣлать то, чтобы люди не дѣлали насилій, не участвовали въ нихъ для какихъ бы то ни было цѣлей, при какихъ бы то ни было условіяхъ? Для этого есть только одно средство. Средство это въ томъ, чтобы люди поняли про себя, что они такое, и вслѣдствіе этого признали бы, что они всегда, при какихъ бы то ни было

условіяхъ, должны и чего никогда не должны, ни при какихъ условіяхъ не должны дѣлать, въ томъ числѣ и всякаго рода насилія человѣка надъ человѣкомъ, не совмѣстимаго съ сознаниемъ человѣка своего человѣческаго достоинства.

Для того же, чтобы люди поняли, кто они такіе, и вслѣдствіе этого признали бы, что есть дѣла, которыя они всегда должны дѣлать, и такія, какихъ они никогда, ни при какихъ условіяхъ не должны дѣлать, въ томъ числѣ и насиліе человѣка надъ человѣкомъ, нужно то самое, что отрицаете и вы и ваши учителя-руководители: нужна соответственная времени, т.-е. умственному развитію людей, религія.

Такъ что избавленіе рабочаго народа отъ его угнетенія и измѣненіе его положенія можетъ быть достигнуто никакъ не проектами наилучшаго устройства и еще менѣе попытками введенія этого устройства насиліемъ, а только однимъ, тѣмъ самымъ, что отрицается радѣтелями народа: утвержденіемъ и распространеніемъ среди людей такого религіознаго сознанія, при которомъ человѣкъ признавалъ бы невозможность всякаго нарушенія единенія и уваженія къ ближнему и потому и нравственную невозможность совершенія надъ ближнимъ какого бы то ни было насилія. А такое религіозное сознаніе, исключющее возможность насилія, казалось бы, легко могло быть усвоено и признано не только христіанскимъ, но и всѣмъ человѣчествомъ нашего времени, если бы не было, съ одной стороны, суевѣрія лжерелигіознаго, а съ другой—еще болѣе вреднаго суевѣрія—лженаучнаго.

Вы говорите, что правильно понятый эгоизмъ—это благо всѣхъ; что не можетъ исполнѣ насладиться своимъ счастьемъ человѣкъ, если общество страдаетъ; что будущее желательное общество должно быть построено на трудѣ и солидарности всѣхъ. Все это совершенно справедливо, но достигается это только религіознымъ чувствомъ, основа котораго есть любовь, а никакъ не насиліемъ, которое одно мѣшаетъ установленію такого общества.

Для того, чтобы народъ могъ освободиться отъ того насилія, которое онъ по волѣ властвующихъ производитъ самъ надъ собой, нужно, чтобы среди народа установилась соответствующая времени религія, признающая одинаковое божественное

начало во всѣхъ людяхъ и потому не допускающая возможности насилія челоуѣка надъ челоуѣкомъ. О томъ же, какъ народъ устроится, когда онъ освободится отъ насилія, подумаетъ онъ самъ, когда освобожденіе это совершится, и безъ помощи ученыхъ и профессоровъ найдетъ то устройство, которое ему свойственно и нужно.

Такъ какъ мысли, высказываемыя вами, раздѣляются очень многими людьми нашего времени, то, посылая вамъ свой отвѣтъ, я одновременно отдаю его въ печать, о чемъ васъ и увѣдомляю.

Л. Толстой.

№ 196.

Н. А. РУКАВИШНИКОВУ.

Н. А. ! (Ясная Поляна, 1909 г., февраля 4.)

Одновременно съ вашимъ я получалъ длинное письмо одной дамы, которая упрекаетъ меня за разрушеніе, какъ она говорить, вѣры и уговариваетъ вернуться къ церковной вѣрѣ, которую она считаетъ истинной. Она проситъ меня отвѣтить ей тремя словами: «я понялъ васъ». Боюсь, что не буду въ состояніи отвѣтить ей желаемыми ей словами, такъ какъ не понимаю, главное, поводовъ, побудившихъ ее, а также и многихъ какъ духовныхъ, такъ и не духовныхъ лицъ обращаться ко мнѣ съ такими же увѣщаніями.

Какъ я писалъ недавно тому почтенному священнику, который вчера тоже прислалъ мнѣ много разныхъ книгъ и статей, долженствующихъ вернуть меня къ православію, я думаю, что самое лучшее, что мы можемъ дѣлать по отношенію къ другимъ людямъ, это то, чтобы предоставить Богу судить о томъ, какое отношеніе къ Нему угоднѣе Ему, самимъ же не переставая стараться только о томъ, чтобы все больше и больше любить другъ друга. Такъ что я никакъ не понимаю тѣхъ, съ разныхъ сторонъ обращенныхъ ко мнѣ увѣщаній, даже требованій о томъ, чтобы я понималъ Бога и свое отношеніе къ Нему не такъ, какъ это мнѣ свойственно и нужно, а такъ, какъ Его пошимаютъ другіе люди. Увѣщанія эти, обращенныя ко мнѣ, для меня особенно удивительны, потому что то ученіе, которое мнѣ предлагается, не есть какое-нибудь новое, неизвѣстное мнѣ ученіе, а есть то самое, на изученіе котораго я употребилъ, какъ умѣлъ, всѣ свои

силы и которое, хотя и съ большими душевными страданіями, я все-таки долженъ былъ оставить. И вотъ теперь, когда я уже стою одной ногой въ гробу и съ часу на часъ ожидаю смерти, и слѣдовательно, и безъ постороннихъ увѣщаній, казалось бы, долженъ бы былъ серьезно подумать о вопросахъ жизни и смерти, души и Бога, я съ разныхъ сторонъ все чаще и чаще получаю личныя и письменныя увѣщанія о томъ, чтобы я опять принялъ то, отъ чего отошелъ съ болью въ сердцѣ и чего такъ же не могу принять, какъ не могу допустить того, чтобы 2×2 было 3, а не 4.

Что же касается до того, что не надо, какъ вы говорите, нарушать чужую вѣру,—я только прибавлю: если она искренна,—то я съ вами вполне согласенъ. Вы говорите: «Не все ли равно, во что я вѣрую, если мнѣ тепло, и тепло мое обуславливается однимъ фактомъ вѣры. Если, глядя на уютное пламя свѣчп, я хоть на одинъ хрупкій мигъ сдѣлаюсь нежелчнымъ (желчь—мать неблаговоленія, нелюбви), то зачѣмъ я буду ратовать за уничтоженіе свѣчъ? Пусть суетвѣріе все, во что я вѣрую; у васъ вѣра простая, у меня сложная; вамъ нужно одно памятованіе о Богѣ и только, мнѣ нужны лѣстовка и двуперстное сложеніе, милостыня, мощи. Зачѣмъ вы разрушаете мою вѣру?»

Такъ что и вы, какъ и та дама, о которой я упомянулъ, и очень, и очень многіе люди, также упрекаете меня за то, что я, какъ бы изъ удовольствія отрицать, отрицаю тѣ самыя формы, отъ которыхъ вамъ и столь многимъ тепло и которыя вамъ и столь многимъ нужны. Но вѣдь если я отрицаю то, что отрицаю, то дѣлаю я это не потому, что это отрицаніе доставляетъ мнѣ удовольствіе, а потому, что не могу поступать иначе. Въ наше время людямъ, хоть нѣсколько просвѣщеннымъ, нельзя притворяться, что они не знаютъ того, что есть 500 милліоновъ китайцевъ и японцевъ, 400 милліоновъ индусовъ, турокъ, персовъ, татаръ, исповѣдывавшихъ вѣками и теперь исповѣдующихъ совершенно другія вѣры, чѣмъ наша. (Неужели мы одни такіе счастливы, что исповѣдуемъ одну истинную, не только общехристіанскую, а православную, старообрядческую, католическую, лютеранскую религію, а тѣ милліарды людей погибли и погибнутъ?)

Не можемъ мы также притворяться, что не знаемъ всего того, что высказано было о смыслѣ и назначеніи человѣческой жизни, т.-е. о религіи, Сократомъ, Маркомъ Авреліемъ, Буддой, Лао-тзе, Магометомъ, Лютеромъ, Спинозой, Кантомъ, Руссо, Ламене, Эмерсономъ, Чаннингомъ, Сквородой, Рескинымъ и многими и многими другими. Я упоминаю только о религіозныхъ писателяхъ, умалчивая объ отрицателяхъ религіи въ родѣ Вольтера. Вѣдь хорошо духовнымъ лицамъ, воспитанникамъ академіи, игнорировать все, что сдѣлано человѣчествомъ въ области религіозной: они, несчастные, поставлены въ почти безвыходное положеніе,—и чѣмъ выше, тѣмъ хуже,—при которомъ должны утверждать, какъ несомнѣнную истину, то, во что большинство изъ нихъ уже не можетъ вѣрить и что вѣками пережито человѣчествомъ.

Такъ это для духовныхъ лицъ, но недуховнымъ людямъ это не нужно и нехорошо дѣлать.

Для того, чтобы мысль моя была для васъ яснѣе, расскажу вамъ одинъ давнишній случай моей жизни.

Въ нашей деревнѣ была выдающаяся своимъ распутствомъ женщина, которая, несмотря на самые жестокіе побои мужа, продолжала всю свою молодую жизнь предаваться своему пороку. Кромѣ того, она была и нечестна, воровала, вообще слыла самой дурной, пропащей женщиной. Какъ-то разъ ночью, уже долго послѣ того, какъ женщина эта перестала быть Матрешкой, а стала старухой Матреной, я ночью проходилъ по деревнѣ мимо избы Матрены. Огни вездѣ были потушены, только въ домѣ, гдѣ она жила и мимо котораго мнѣ приходилось близко проходить (это было зимой), свѣтился огонекъ. Я заглянулъ въ окно и увидалъ Матрену на колѣняхъ передъ иконами. Она крестилась и клала поклоны. Въ избѣ было тихо; очевидно, всѣ уже спали. Я постоялъ, посмотрѣлъ и пошелъ дальше. Когда я, возвращался назадъ, заглянулъ опять въ окно, Матрена все также стояла на колѣняхъ, крестилась, поднимала голову къ иконамъ и опять припадала къ землѣ.

Какъ и о чемъ она молилась, я не знаю, да мнѣ и не нужно знать. Одно знаю: что я желалъ бы какъ для себя, такъ и для той дамы, которая писала мнѣ, такъ и для того священника, такъ и для васъ и для всѣхъ людей молиться такъ же, какъ молилась Матрена. Желая я всѣмъ такой молитвы потому, что молитва эта была вызвана ничѣмъ не тронутой, не нуждающейся въ объясненіяхъ и оправданіяхъ истинной вѣрой въ Начало всего, въ Бога,

въ свою съ Нимъ связь и зависимость отъ Него. И потому я счелъ бы величайшимъ преступленіемъ лишить эту женщину ея вѣры. Да этого и нельзя сдѣлать: никакіе мудрецы не могли бы разубѣдить Матрену въ истинности ея религіознаго сознанія, несмотря на его чуждую для насъ форму. Матрена молилась, вѣроятно, Матушкѣ Царицѣ Небесной и видѣла въ ней настоящую царицу и въ небѣ настоящее небо, на которомъ сидитъ Батюшка Отецъ Небесный или что-нибудь подобное, и эта вѣра давала ей истинное успокоеніе и благо, потому что устанавливала общеніе ея души съ Началомъ всего, съ Богомъ.

Но думаю, что наше утвержденіе о томъ, что мы вѣримъ въ то, во что не можемъ вѣрить: въ Царицу Небесную, въ небо съ его ангелами, съ вознесеніемъ Христа въ тѣлѣ, въ рай, адъ и тому подобное, не можетъ дать намъ какое-либо спокойствіе, но можетъ только навѣрное лишить насъ настоящаго религіознаго чувства.

Когда ученые люди нашего времени пишутъ и говорятъ о своихъ церковныхъ вѣрованіяхъ, я не могу не вспоминать вѣрную мысль Канта о томъ, что человѣкъ, воспитанный съ дѣтства въ религіи, не соотвѣтствующей его сознанію и знаніямъ, съ годами становится софистомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, т.-е. старается сложными, искусственными разсужденіями, сравненіями, историческими преданіями, умышленнымъ паѳосомъ скрыть отъ другихъ, а главное-отъ себя, свое невѣріе въ то, что онъ считаетъ нужнымъ признавать за несомнѣнную истину. И это очень нехорошо. Нехорошо потому, что ничто болѣе этого не содѣйствуетъ распространенію невѣрія. Дѣйствуютъ такъ разрушительно на религію такія попытки толкованія, оправданія, объясненія неразумнаго и ненужнаго преимущественно потому, что, тогда какъ религія есть высшая истина, такія толкованія, оправданія неразумнаго не могутъ не быть ложью. Люди же молодыхъ поколѣній, лучшіе изъ нихъ, чувствуя эту ложь, откидываютъ вмѣстѣ съ нею и то религіозное чувство, которое такимъ ложнымъ путемъ хотять спасти толкователи, и остаются безъ всякихъ вѣрованій и приходятъ къ все болѣе и болѣе распространяющемуся убѣжденію большинства образованныхъ людей, что религія есть только пережитокъ древности, ненужный уже для нашего просвѣщеннаго времени.

Такъ относятся ко лжи, пытающейся оправдать неразумное, лучшіе люди молодыхъ поколѣній, люди, дорожащіе истиной;

люди же менѣе чуткіе вѣрятъ на слово тому, что имъ внушаютъ окружающіе и поучающіе ихъ, и, подчиняясь только общественному мнѣнію, воображаютъ себя религіозными людьми, тогда какъ то, что они называютъ религіей, не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ значеніемъ этого слова, а есть только соблюденіе приличій и ни къ чему не обязываетъ ихъ.

И таково въ религіозномъ отношеніи положеніе 0,99 всѣхъ достаточныхъ, образованныхъ сословій христіанскаго міра. И къ этому же состоянію съ все увеличивающейся быстротой приближаются и люди народа, утрачивающіе вѣру Матрены и приходящія къ повальному невѣрію образованныхъ классовъ.

Такъ что я не изъ удовольствія отрицать отрицаю несомнѣстимые съ умственнымъ развитіемъ нашего времени религіозные догматы, но для того, чтобы люди, откинувъ ихъ, увидали бы ту, находящуюся подъ ними вѣчную религіозную основу, которую даетъ намъ христіанство въ его истинномъ значеніи.

Христіанствомъ же въ его истинномъ значеніи я считаю не то, которое мнѣ таковымъ кажется, но то, которое одинаково признавалось и признается всѣми величайшими мыслителями міра до и послѣ времени Христа. Истинное христіанство не есть какое-либо отдѣльное отъ другихъ, исключительное ученіе, а есть наиболѣе полное и ясное для нашего времени выраженіе вѣчныхъ божескихъ истинъ, одинаково признаваемыхъ всѣми великими религіозными ученіями міра: браманизмомъ, буддизмомъ, конфуціанствомъ, маздеизмомъ, таосизмомъ, магометанствомъ и другими. Истинная вѣра не въ православіи или старообрядчествѣ, не въ католичествѣ или лютеранствѣ, не въ юдаизмѣ, не въ магометанствѣ и его сектахъ, не въ буддизмѣ или конфуціанствѣ съ ихъ подраздѣленіями, а въ томъ одномъ, что едино во всѣхъ религіяхъ и одинаково, какъ давно предчувствуемая истина, радостно принимается всѣми людьми міра. И это самое выражено въ христіанствѣ въ его истинномъ значеніи.

И потому страшно отдѣлиться не отъ греко-россійской или старообрядческой, или другой вѣры, признающей одну себя истинной, а страшно отдѣлиться отъ той всемірной церкви всего человѣчества, все больше и больше приближающейся къ единенію, достигаемому только истиннымъ познаніемъ человѣка и Бога.

Жизнь—серьезное дѣло, а въ жизни самое серьезное—религія, т.-е. то, какъ человѣкъ понимаетъ себя и свое отношеніе ко всему,

къ Богу. И потому опасно и губительно дѣлать изъ религіи средство для достиженія какихъ-либо—не говорю уже корыстныхъ, самолюбивыхъ или тщеславныхъ, но и какихъ бы то ни было эгоистическихъ цѣлей, въ родѣ душевнаго спокойствія. Цѣль религіи можетъ быть только одна: познаніе доступной человѣку высшей истины и подчиненіе ей своей жизни.

Если найдете это письмо стоящимъ, просилъ бы напечатать его; оно можетъ быть напечатано полностью въ вашемъ журналѣ, но безъ пропусковъ. Если же этого нельзя, то я постараюсь напечатать его тамъ, гдѣ оно можетъ быть напечатано.

Уважающій Васъ *Л. Толстой*.

№ 197.

Г. КУПЧИНСКОМУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., февраля 6.)

Нѣтъ худа безъ добра.

Такъ, есть и сторона добрая въ тѣхъ ужасныхъ преступленіяхъ всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ, въ тѣхъ убійствахъ, которыя, не переставая и все учащаясь, совершаются, подъ названіемъ смертныхъ казней, людьми, именуемыми правительствомъ.

Добрая сторона въ томъ, что передъ каждымъ человѣкомъ прямо и безповоротно поставленъ вопросъ, во что онъ вѣритъ: въ Бога, или, хотя, совѣсть человѣческую,—или въ государство и во все то, что будетъ предписано во имя его? Ужасно сказать: большинство того, что называется высшими сословіями, признаетъ обязательнымъ подчиненіе закона Бога, требованій совѣсти закону государства и его требованіямъ. Какъ ни усиленно и, страшно сказать, успѣшно идетъ развращеніе такъ называемыхъ низшихъ сословій,—на нихъ одна надежда. Нельзя вѣрить, чтобы русскій простой, безграмотный, необразованный, т. е. неиспорченный, народъ промѣнялъ Бога на государство, Евангеліе—на сводъ законовъ и статьи: «Не убій и люби враговъ» на статьи 1, 129 или еще какія такихъ-то отдѣловъ. Пора народу опомниться, и народъ опомнится.

Левъ Толстой.

№ 198.

ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕ-
ЛЕГАЦИИ ДЭСТУРНЕЛЮ ДЕ КОНСТАНУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., февраля 11.)

Благодарю за выраженные теплые чувства и прошу вѣрить въ ихъ взаимность по отношенію къ вамъ и ко всему французскому народу.

Отвѣтъ на привѣтствіе, посланное въ Ясную Поляну.

№ 199.

СТАРООБРЯДКЪ М. И. ЕРШОВОЙ ¹⁾.

(1909 г., февраля 16.)

Боюсь, что недобрыя чувства ваши ко мнѣ вызваны какими-нибудь рѣзкими словами о предметахъ, кои вы считаете священными. Если это такъ, то очень жалѣю о томъ, что не сумѣлъ сказать то, что желалъ, не оскорбивъ никого. И прошу васъ простить меня, если это такъ.

Левъ Толстой.

№ 200.

М. М. КРЫМБАЕВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., марта 16.)

Милостивый государь!

Основа всѣхъ религій одна и та же: любовь къ Богу, т.-е. къ высшему совершенству, и къ ближнему. Но во всѣхъ религіяхъ совершилось и совершается то, что къ основной религіозной истинѣ, общей всѣмъ религіямъ, присоединяются ложныя толкованія, вносимыя въ ученіе его послѣдователями. То же совершилось и совершается и въ магометанствѣ. И потому какъ во всѣхъ религі-

---

¹⁾ Московская старообрядка М. И. Ершова написала Л. Н. Толстому письмо, въ которомъ рѣзко отнеслась къ проповѣдуемому имъ религіозно-нравственному ученію, закончивъ свое письмо словами:

«Да, Левъ Николаевичъ, я застрѣлила бы васъ за ваши богохульные посланія и жестоко казнила бы всѣхъ послѣдователей вашей ереси, если бы имѣла власть».

яхъ, такъ и въ магометанствѣ задача теперешняго человѣчества состоитъ не въ томъ, чтобы, откинувъ религію, поставить на ея мѣсто узкіе, неосновательные и пошлые, такъ называемые научные, взгляды, а въ томъ, чтобы понять сущность религіознаго ученія и постараться освободить основную религіозную истину ученія отъ того, что скрываетъ ее. И это совершается во всѣхъ религіяхъ, совершается и въ магометанствѣ. Такъ, существуетъ очень высокая по своему религіозному ученію секта бабистовъ, продолжатель которой Бага-Улла сосланъ былъ турецкимъ правительствомъ въ Укку, сынъ котораго живетъ тамъ. Люди эти не признаютъ никакихъ внѣшнихъ религіозныхъ формъ и основу религіи, которую они считаютъ единой во всѣхъ, полагаютъ въ доброй жизни, т.е. въ любви къ ближнему и неучастиі въ дѣлахъ зла. Другую секту магометанскую я знаю въ Казани. Секта эта называетъ себя Божьимъ полкомъ или, по имени своего основателя, ваисовцами. И та и другая секта представляетъ собою движеніе впередъ магометанства къ освобожденію отъ мертвыхъ внѣшнихъ формъ, которыхъ, надо сказать, въ магометанствѣ, какъ позднѣйшей религіи, гораздо меньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ большихъ религіяхъ. И потому полагаю, что всякому человѣку, желающему служить человѣчеству, прогрессу его, надо не отрицать огуломъ ту религію, въ которой онъ родился и воспитывался, какъ вы въ магометанствѣ, а напротивъ, понявъ тѣ глубокія основы, которыя есть въ каждой религіи, а также и въ магометанствѣ, стараться очищать ихъ отъ тѣхъ наростовъ, которые ихъ скрываютъ. И въ Коранѣ можно найти много вѣрнаго и глубокаго и кромѣ того есть небольшая книжечка, изданная въ Индіи по-англійски, въ которой собраны изреченія Магомета (выдержки изъ этой книги будутъ въ скоромъ времени напечатаны въ изданіи «Посредника»), замѣчательныя по своей глубинѣ и духовности.

Левъ Толстой.

№ 201.

ПИСЬМО МАЛЬЧИКУ ¹⁾.

(1909 г., марта 23.)

Совѣтую тебѣ, милый мальчикъ, всю жизнь съ нынѣшняго дня и до смерти учиться изо всѣхъ силъ тому, чтобы быть

¹⁾ Подъ такимъ заголовкомъ это письмо было напечатано впервые въ дѣтскомъ журналѣ «Маякъ», № 10, 1909 г.

какъ можно добрѣе со всѣми: съ няней, съ папой, съ мамой, братьями, дворникомъ, со всѣми, съ кѣмъ только сходишься. Это не совсѣмъ легко, этому надо учиться, такъ же, какъ учиться читать, писать, играть на скрилкѣ или на фортепьяно. Только тѣмъ всѣмъ наукамъ выучишься—и конецъ, а этой наукѣ конца нѣтъ. И, главное, ни отъ какой науки нѣтъ такой радости, сколько отъ этой: что дальше учишься, то самому все веселѣе и веселѣе, и всѣ вокругъ тебя все больше и больше любятъ. Пожалуйста, дѣлай такъ. Всякую минуту помни, что тебѣ надо быть добрымъ.

Левъ Толстой.

№ 202.

РЕДАКТОРУ МИССИОНЕРСКАГО
СБОРНИКА.

(Ясная Поляна, 1909 г., апрѣля 15.)

Я просматривалъ присланную вами статью обо мнѣ; такая статья всегда меня интересуеть въ надеждѣ, что найдется что-нибудь, что могло бы открыть мои ошибки. Но въ присланной вами статьѣ, къ сожалѣнію, ничего такого не нашель, такъ какъ статья не касается моего пониманія христіанскаго ученія, а говорить только о моемъ отрицаніи тѣхъ положеній церковной вѣры, которыя, по моему мнѣнію, мѣшаютъ искреннему пониманію истиннаго христіанскаго ученія. Сущность моего религіознаго міровоззрѣнія—никакъ не въ отрицаніи законныхъ догматовъ, которыхъ я очень радъ былъ бы не касаться, если бы эти догматы не скрывали истиннаго ученія Христа,—а въ положительной сторонѣ христіанства, отвѣчающей требованію моей души, думаю, и души всякаго другого, а поэтому статья, которую вы мнѣ прислали, не представляетъ для меня, да и не можетъ представлять для всякаго человѣка, серьезно относящагося къ вопросамъ вѣры, никакого интереса.

Левъ Толстой.

№ 204.

В. Б — В У.

(Ясная Поляна, 1909 г., 1 мая.)

Постараюсь исполнить ваше желаніе,—отвѣтить на ваши вопросы.

Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи, давнишнихъ и послѣднихъ, окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ, да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отставать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ.

Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ тогдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И воспитаніе и образованіе нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія; всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить объ одномъ образованіи: о томъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ приемовъ образованія, и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ.

То, что свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія какъ для учащихся, такъ и для учащихся, я признаю, какъ и прежде, т.-е. что и угрозы наказаній и обѣщанія награды (правъ и т. п.), обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію.

Думаю, что ужъ одна такая полная свобода, т.-е. отсутствіе принужденія и выгодъ какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихся, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе. Отсутствіе у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религіознаго отношенія къ міру, какихъ-либо твердыхъ нравственныхъ правилъ, ложный взглядъ на науку, на общественное устройство, въ особенности на религію, и всѣ вытекающія изъ этого губительныя послѣдствія,— все это порождается въ большой степени насильственными и корыстными приемами образованія.

И потому, для того, чтобы образованіе было плодотворно, т.-е. содѣйствовало бы движенію человѣчества къ все большому и большому благу, нужно, чтобы образованіе было свободно. Для того же, чтобы образованіе, будучи свободно какъ для учащихся, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же какъ и у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для изученія и для преподаванія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и изучались бы и преподавались въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть

ни что другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. религія.

Такъ это было прежде, такъ это есть и теперь тамъ, гдѣ люди соединены однимъ общимъ религіознымъ пониманіемъ жизни и вѣрятъ въ него. Такъ это было и сотни лѣтъ тому назадъ въ христіанскомъ мірѣ, когда всѣ люди, за малыми исключеніями, вѣрили въ церковную христіанскую вѣру. Тогда у людей было твердое, общее всѣмъ основаніе для выбора предметовъ знанія и распредѣленія ихъ, и потому не было никакой нужды въ придуманномъ образованіи.

Такъ это было за сотни лѣтъ. Но въ наше время такой общей большинству людей христіанскаго міра вѣры уже нѣтъ; въ наше время самое вліятельное сословіе людей науки, руководящее общественнымъ мнѣніемъ, не признавая христіанства въ томъ видѣ, въ которомъ оно преподается церквами, не вѣритъ уже ни въ какую религію. Мало того, эти такъ называемые передовые люди нашего времени вполне увѣрены въ томъ, что всякая религія есть нѣчто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужнымъ человѣчеству, теперь же составляющее только препятствіе для его прогресса, и старательно, прямыми и обходными приѣмами увѣряютъ въ этомъ слѣпо вѣрящее имъ молодое поколѣніе, стремящееся къ образованію . . . . .

— Такъ что въ наше время и въ нашемъ мірѣ, при отсутствіи какой бы то ни было общей большинству людей религіи, т.-е. пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. при отсутствіи основы образованія, невозможенъ какой бы то ни было опредѣленный выборъ знаній и распредѣленіе ихъ. Вслѣдствіе этого-то отсутствія всякой разумной основы, могущей руководить образованіемъ, и, кромѣ того, вслѣдствіе возможности для людей . . . . . заставлять молодыхъ поколѣнія обучаться тѣмъ предметамъ, которые имъ кажутся выгодными, и находится среди всѣхъ христіанскихъ народовъ образованіе въ такомъ превратномъ и жалкомъ, по моему мнѣнію, положеніи.

Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе.

Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы въ безкопечномъ количествѣ радіусами, могущими до безконечности быть удлинненными.

И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избранной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія о самыхъ важныхъ и нужныхъ предметахъ, а вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ чтобы передаваемые знанія, подобно одинаковой длины и одинаково равномерно другъ отъ друга отдѣленнымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли гармоничное цѣлое.

Такой выборъ знаній и такое распредѣленіе ихъ было возможно въ европейскомъ мірѣ, пока люди вѣрили въ ту, какую бы то ни было форму христіанской религіи, которая соединяла ихъ. Теперь же, когда у большинства вѣры этой уже нѣтъ, вопросъ о томъ, какія знанія вообще полезны, какія могутъ быть вредны, какія нужны прежде, какія послѣ и до какой степени должны быть доводимы тѣ или другія, уже не имѣетъ никакого основанія для своего рѣшенія и рѣшается какъ попало и совершенно произвольно тѣми людьми, которые имѣютъ возможность насильственно передавать тѣ или иныя знанія,—вопросъ рѣшается такъ, какъ это для нихъ въ данное время наиболѣе удобно и выгодно.

Вслѣдствіе этого-то и произошло въ нашемъ обществѣ то удивительное явленіе, что, продолжая сравненіе со сферой, въ нашемъ обществѣ знанія распредѣляются не только не равномерно, но въ самыхъ уродливыхъ соотношеніяхъ: нѣкоторые радіусы достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ, другіе же вовсе не обозначены. Такъ, на примѣръ, люди приобрѣтаютъ знанія о разстояніяхъ, плотности, движеніяхъ, на милліарды верстъ отъ насъ отстоящихъ звѣздъ, о жизни микроскопическихъ животныхъ, о воображаемомъ происхожденіи организмовъ, о грамматикѣ древнихъ языковъ и тому подобномъ вздорѣ, а не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ живутъ и жили ихъ братья—люди, не только отдѣленные отъ нихъ морями и тысячами миль и вѣками, но и люди, живущіе сейчасъ съ ними рядомъ, въ сосѣднемъ государствѣ: чѣмъ питаются, какъ одѣваются, что работаютъ, какъ женятся, воспитываютъ дѣтей,

каковы ихъ обычаи, привычки и, главное, вѣрованія. Люди узнають въ школахъ все объ Александрѣ Македонскомъ и Людовикѣ XIV и его любовницахъ, знаютъ о химическомъ составѣ тѣлъ, объ электричествѣ, радіи, о цѣлыхъ такъ называемыхъ «наукахъ» о правѣ и теологіи, подробно знаютъ о повѣстяхъ и романахъ, написанныхъ разными, считающимися «великими», писателями и т. п., знаютъ о совершенно ни на что ненужныхъ и скорѣе вредныхъ пустякахъ, а ничего не знаютъ о томъ, какъ понимали и понимаютъ смыслъ своей жизни и какія признавали и признають правила жизни миллиарды жившихъ и живущихъ людей не-христіанскаго міра, т.-е. двѣ трети всего человѣчества.

Отъ этого-то и происходитъ въ нашемъ мірѣ то удивительное явленіе, что люди, считающіеся среди насъ самыми образованными, суть, въ сущности, люди самые невѣжественные, знающіе множество того, чего никому не нужно знать, и не знающіе того, что прежде всего нужно знать всякому человѣку. И мало того, что люди эти грубо-невѣжественны, они еще и безнадежно-невѣжественны, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что они очень ученые, образованные люди, т.-е. знаютъ все то, что, по ихъ понятіямъ, нужно знать человѣку.

Происходитъ это удивительное и печальное явленіе отъ того, что въ нашемъ, называемомъ христіанскимъ, мірѣ не только опущень, но отрицается тотъ главный предметъ преподаванія, безъ котораго не можетъ быть осмысленнаго пріобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній. Опущена и отрицается необходимость религіознаго и нравственнаго преподаванія, т.-е. передачи молодымъ поколѣніямъ учащихся тѣхъ, съ самыхъ древнихъ временъ данныхъ мудрѣйшими людьми міра отвѣтовъ на неизбѣжно стоящіе передъ каждымъ человѣкомъ вопросы: первый—что я такое, какое отношеніе мое, моей отдѣльной жизни ко всему безконечному міру, и второй—какъ мнѣ сообразно съ этимъ моимъ отношеніемъ къ міру жить, что дѣлать и чего не дѣлать.

Отвѣты же на эти два вопроса—религіозное ученіе, общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ,—отвѣты эти, долженствующіе составлять главный предметъ всякаго образованія, воспитанія и обученія, отсутствуютъ совершенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣ-

няются въ нашемъ обществѣ самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію собраніемъ грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ . . . . .

Въ этомъ, я полагаю, главный недостатокъ существующихъ въ нашемъ обществѣ приемовъ образованія. И потому думаю, что для того, чтобы въ наше время образованіе было не вредно, каково оно теперь, въ основу его должны непременно быть поставлены эти два самые главные и необходимые, отсутствующіе въ нашемъ образованіи, предмета: религіозное пониманіе жизни и нравственное ученіе.

Объ этомъ самомъ предметѣ я писалъ въ составленномъ мною «Кругѣ Чтенія» слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составляющіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей.

«Эта-то наука и служитъ руководящей питью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

«Предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальные знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздною, а если праздною, то и вредною забавой».

Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается именно въ томъ, что молодая поколѣнія обучаются безчисленнымъ, самымъ сложнымъ, труднымъ и ненужнымъ предметамъ, не обучаются только тому, что одно нужно,—тому, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима и что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра.

Скажутъ: «нѣтъ такого общаго бсьшинству людей религіознаго ученія и ученія нравственности». Но это неправда,—во-первыхъ, потому, что такія общія всему человѣчеству ученія всегда были, и есть, и не могутъ не быть, потому что условія жизни всѣхъ людей во всѣ времена и вездѣ одни и тѣ же, во-вторыхъ, потому, что во всѣ времена среди милліоновъ людей всегда

мудрѣйшіе изъ нихъ отвѣчали людямъ на тѣ главные жизненные вопросы, которые стоятъ передъ человѣчествомъ.

Если нѣкоторымъ людямъ нашего времени кажется, что такихъ ученій не было и нѣтъ, то происходитъ это только отъ того, что эти люди принимаютъ тѣ затемненія и извращенія, которыми во всѣхъ ученіяхъ скрыты основныя религіозныя и нравственныя истины, за самую сущность ученій. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же—и религіозная и нравственная—истина во всѣхъ ученіяхъ, отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа, Магомета и новѣйшихъ религіозныхъ мыслителей, откроется имъ.

Только при такомъ разумномъ, религіозно-нравственномъ ученіи, поставленномъ въ основу образованія, можетъ быть и разумное, и не вредное людямъ, а полезное образованіе. При отсутствіи же такой разумной основы образованія не можетъ и быть ничего другого, какъ только то, что и есть теперь,—нагроможденіе пустыхъ, случайныхъ, ненужныхъ знаній, называемыхъ наукой, которыя не только не полезны, но приносятъ величайшій вредъ людямъ, скрывая отъ нихъ необходимость однихъ нужныхъ человѣку знаній.

Нравится намъ это или не нравится, разумное образованіе возможно только при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности.

Продолжая сравненіе съ радіусами, проводимыми изъ центра, ученіе о религіи и нравственности, по отношенію ко всѣмъ другимъ знаніямъ, подобно тѣмъ тремъ взаимно перпендикулярнымъ діаметрамъ, которые опредѣляютъ направленіе и соотношеніе всѣхъ радіусовъ сферы и ту степень длины, до которой они могутъ быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое цѣлое—сферу.

И потому я полагаю, что первое и главное знаніе, которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это—отвѣтъ на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго приходящаго къ сознанію человѣка. Первый: что я такое и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что всегда, и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, дурнымъ?

Отвѣты на эти вопросы всегда были и есть въ душѣ каждаго человѣка; разъясненія же отвѣтовъ на эти вопросы не могло

не быть среди миллиардовъ прежде жившихъ и миллионовъ живущихъ теперь людей. И оно дѣйствительно есть въ ученіяхъ религіи и нравственности,—не въ религіи и ученіи нравственности какого-либо одного народа извѣстнаго мѣста и времени, а въ тѣхъ основахъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, которыя—одни и тѣ же—высказаны всеми лучшими мыслителями міра отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Коѳуція, Христа, Іоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, нерсидскаго Баба, индусскаго Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рескина, Сквороды и др.

И потому думаю, что до тѣхъ поръ, пока эти два предмета не станутъ въ основу образованія, не можетъ быть никакого разумнаго образованія.

Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то думаю, что порядокъ ихъ преподаванія выясняется самъ собою при признаніи основой всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметовъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа, думаю, что при правильной постановкѣ дѣла образованія столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ, болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ.

Оба эти предмета, точно такъ же какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ, и замѣняются географіей—изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ горъ, городовъ—и исторіей, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ.

Думаю, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т.-е. людей, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто и что точно такъ же, соотвѣтственно своей важности для разумной жизни, займутъ соотвѣтствующія мѣста зоологія, математика, физика, химія и другія знанія.

Думаю такъ, но не берусь утверждать о распредѣленіи знаній. Утверждаю же я только одно: то, что безъ признанія

основнымъ и главнымъ предметомъ образованія религіи и нравственности не можетъ быть никакого разумнаго распредѣленія знаній, а потому и разумной и полезной для обучаемыхъ передачи ихъ.

При признаніи же основой образованія религіи и нравственности и при полной свободѣ образованія всѣ остальные знанія распредѣляются такъ, какъ это имъ свойственно, сообразно тѣмъ условіямъ, въ которыхъ будетъ находиться то общество, въ которомъ будутъ преподаваться и восприниматься знанія.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы выработать соответственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени,—не той, которая вычисляетъ тяжесть той звѣзды, вокругъ которой вращается солнце, или изслѣдуетъ происхожденіе организмовъ за милліоны лѣтъ до нашего времени, или описываетъ жизни королей, полководцевъ, или излагаетъ софизмы теологіи или юриспруденціи, а той одной, которая есть точно наука, потому что дѣйствительно нужна людямъ. Нужна же людямъ потому, что, наилучшимъ образомъ отвѣчая на тѣ, одни и тѣ же, вопросы, которые вездѣ и всегда ставилъ и ставитъ себѣ всякій разумный человѣкъ, вступающій въ жизнь, она содѣйствуетъ благу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

Вотъ все, что имѣлъ сказать. Вуду радъ, если что пригодится вамъ.

Левъ Толстой.

№ 205.

РУССКОМУ ЭМИГРАНТУ ВЪ АМЕРИКѢ N¹).

(Ясная Поляна, 1909 г., 25 мая.)

Получилъ ваше письмо и былъ радъ найти въ немъ совершенно согласныя съ моими взглядами мысли о томъ, что въ дѣт-

¹) Это письмо было напечатано впервые въ русской газетѣ, издававшейся въ Лосъ-Анжелосъ (Калифорнія) подъ редакціей А. Щербана.

[Faint, illegible handwriting, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

Извѣстно, что Великія
Князь Николай Михайловичъ
историческими розысканіями
опровергъ ходячую легенду,
будто Императоръ Александръ I
не умеръ въ 1825 г. въ Та-
ганрогѣ, а скрылся и долго
жилъ въ Сибири подъ именемъ
старца Федора Ковычча. Объ
этомъ и говоритъ Толстой въ
письмѣ.

Съ портрета 1907 г.

Съ портрета 1907 г.
Князь Николай Михайловичъ
Александровичъ

Красноярск много скучнее Иркутска и
там не так уютно.

Ученый и профессор Караганов много
интересов ^{связанных} с историей Иркутска и
Красноярска, всегда готов помочь и
спасать ишимовцев. И поэтому
быть в нем очень приятно, но едва ли
возможно, но едва ли возможно
Медведева, надо написать письмо
и передать. И очень приятно. Про
исследования.

Жена благодарит за письмо и
передает приветливо.

С любовью
Ирина Караганова

2 сент. 1909.

скомъ возрастѣ, какъ посѣщеніе церкви, такъ и чтеніе библіи не оказываетъ желательнаго воспитательнаго вліянія, а что, между тѣмъ, кромѣ самаго дѣйствительнаго воздѣйствія на дѣтей личныхъ примѣровъ родителей и окружающихъ, необходимо дѣтямъ прямое религіозное воспитаніе.

Мое религіозное пониманіе жизни, изъ котораго вытекаетъ и мое мнѣніе о томъ, какимъ должно быть религіозное воспитаніе, такое:

Бога, духовное начало жизни, мы знаемъ только потому, что знаемъ его въ себѣ и въ другихъ людяхъ. И потому дѣйствительное богопочитаніе возможно только въ почитаніи Бога въ себѣ и въ другихъ людяхъ. Почитаніе Бога въ себѣ состоитъ въ представленіи себѣ и держаніи передъ собой образа высшаго совершенства добра и въ стремленіи къ наибольшему въ своей жизни приближенію къ этому совершенству. Почитаніе же Бога въ людяхъ состоитъ въ признаніи въ каждомъ человѣкѣ того же Бога, каковаго мы сознаемъ въ себѣ, и потому въ стремленіи къ соединенію съ каждымъ человѣкомъ; соединеніе же это можетъ совершаться только любовью.

Полагая въ такомъ богопочитаніи сущность всякой религіи, я думаю, что такое богопочитаніе можно и должно внушать и дѣтямъ. Я думаю, и по опыту знаю, что дѣти легко понимаютъ и охотно принимаютъ такое ученіе, особенно если въ этомъ одномъ заключается все ученіе о богопочитаніи.

Внушать дѣтямъ это богопочитаніе, я думаю, что можно такъ:

Всѣ мы знаемъ, сказали бы я дѣтямъ, что надо никого не обижать, не бранить, не осуждать, со всѣми быть добрымъ, всѣмъ желать добра, всѣхъ любить, и что, если жить такъ, то хорошо будетъ и другимъ, и самому себѣ, а мы все-таки часто и осуждаемъ, и бранимъ, и обижаемъ, и только себѣ желаемъ добра, и любимъ только себя или тѣхъ, кто насъ любитъ, и когда мы живемъ такъ, бываетъ нехорошо и другимъ людямъ, нехорошо бываетъ и намъ.

Отчего это?

Бываетъ это оттого, что живетъ каждый изъ насъ и душою и тѣломъ. Душа ничего не хочетъ для себя одной, и всѣмъ, всему на свѣтѣ хочетъ добра, всѣхъ любить, а тѣло наше хочетъ всего хорошаго только себѣ одному и себя одного только и любить. И потому, чѣмъ больше живешь для души и чѣмъ меньше для тѣла, тѣмъ лучше жить и другимъ людямъ и самому себѣ.

Какъ же сдѣлать, чтобы жить больше для души и меньше для тѣла? Для того, чтобы жить больше для души, а меньше для тѣла, надо, первое, понимать, что душа это—духъ Божій въ человѣкѣ, одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ, и второе—пріучаться къ тому, чтобы дѣлать то, чего хочетъ душа, а не то, чего хочетъ тѣло.

Для того, чтобы ясно понимать то, что наша душа это духъ Божій въ человѣкѣ, хорошо слушать, повторять или читать поученія мудрыхъ и святыхъ людей о томъ, что такое Богъ и какъ Онъ живетъ въ людяхъ. Для того же, чтобы пріучаться дѣлать то, чего хочетъ душа, а не то, чего хочетъ тѣло, хорошо въ концѣ каждаго дня вспоминать все то, въ чемъ поступилъ не такъ, какъ того требовала душа, а какъ этого хотѣло тѣло; въ началѣ же слѣдующаго дня готовиться къ тому, чтобы не повторить тѣхъ же ошибокъ.

Такъ бы я сказалъ дѣтямъ о богопочитаніи въ себѣ. О богопочитаніи въ людяхъ я сказалъ бы дѣтямъ такъ:

Помните всегда, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ тотъ же Богъ, какой живетъ и въ васъ, и потому, когда сходитесь съ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, не забывайте, что выше и важнѣе того, что есть въ этомъ человѣкѣ, ничего нѣтъ на свѣтѣ. И потому, какъ бы ни были худы дѣла человѣка, самого человѣка, кто бы онъ ни былъ, надо почитать, какъ Бога и любить, какъ самого себя, и потому дѣлать для него то, чего самъ себѣ желалъ бы, если бы былъ на его мѣстѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, какимъ можетъ быть религіозное воспитаніе дѣтей. Радъ буду, если эти мои мысли пригодятся вамъ.

Л. Толстой.

№ 206.

П. И. БИРЮКОВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., 21 іюня.)

Радъ случаю, милый Поша, письмененно хотъ сообщаться съ вами.

Письмо это передастъ вамъ очень милый человѣкъ, художникъ Пархоменко, только что окончившій мой портретъ—прекрасно.

Онъ живетъ на дачкѣ недалеко отъ васъ и самъ хотѣлъ и я совѣтовалъ ему повидать васъ.

Что вы? Какъ живете матеріально; духовно—увѣренъ, что хорошо.

Привѣтъ вашей женѣ, цѣлую васъ. *Л. Толстой.*

Интересна судьба этого письма: П. И. Бирюковъ получилъ его, какъ бы съ того свѣта, 27-го марта 1911 г., при открытіи въ Петербургѣ Толстовскаго музея. До этого г. Пархоменко не имѣлъ случая передать Бирюкову письмо Л. Н—ча. Ниже оно дано въ автографѣ.

№ 207.

И. Н. ДЕРЯБИНУ¹⁾.

(1909 г., 25 іюля.)

Получилъ, братъ Иванъ, Ваше письмо съ интереснымъ описаніемъ Вашей прежней жизни. Вы какъ будто ждете отъ меня совѣта и поддержки. Поддержать Васъ и облегчить Ваше положеніе никто не можетъ, кромѣ Бога, того Бога, который живетъ въ Васъ и во всѣхъ насъ и проявляется въ насъ любовью ко всѣмъ людямъ. Соединитесь съ нимъ, живите только по Его волѣ, а Его воля въ томъ, чтобы мы всѣхъ любили, особенно тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ зло, и жизнь ваша и въ тюрьмѣ будетъ легкая и много легче и радостнѣе, чѣмъ та, которую вели Вы на волѣ. Есть у меня молодые друзья, отказавшіеся, какъ и Вы, отъ военной службы—одинъ отбываетъ арестантскія роты 4-й годъ, потому что послѣ 3-хъ годовъ тюрьмы опять отказался присягать—и когда читаешь ихъ письма и слышишь о нихъ отъ друзей, ихъ посѣщавшихъ, то только умиляешься предъ ихъ спокойствіемъ и кротостью, и желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ.

Напишите, не могу ли чѣмъ быть Вамъ полезнымъ. Посылаю вамъ краткую молитву, которую читаю для себя; она придаетъ мнѣ силы и успокаиваетъ. Буду ждать Вашего письма.

Любящій братъ *Левъ Толстой.*

¹⁾ И. Н. Дерябинъ, крестьянинъ Уфимской губ., будучи послѣдователемъ религіозныхъ воззрѣній Л. Н. Толстого, отказался отъ военной службы, за что былъ отправленъ въ тюрьму и вскорѣ освобожденъ досрочно.

№ 208.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(1909 г., 31 іюля.)

Сейчас прочель, дорогой Владимиръ, ваше письмо Гусеву ¹⁾. У меня тѣни нѣтъ упрека вамъ, а напротивъ, увеличенная къ вамъ любовь, что мнѣ очень пріятно, потому что пріятно любить такихъ людей, какъ вы. Я живу попрежнему, иногда съ успѣхомъ, а большей частью безъ успѣха, борюсь съ своими гадостями.

Пишите.

Левъ Толстой.

№ 209.

Ө. А. КОВАЛЕНКО ²⁾.

(Ясная Поляна, 1909 г., 17 августа.)

Милостивый Государь, Федоръ Акимовичъ! Исполняя Ваше желаніе, выписываю изъ составленной мною книги «на каждый день» одну изъ собранныхъ тамъ мыслей.

Чѣмъ больше будутъ вѣрить люди въ то, что они могутъ быть приведены чѣмъ-то внѣшнимъ, дѣйствующимъ помимо ихъ воли къ измѣненію и улучшенію своей жизни, тѣмъ труднѣе совершится измѣненіе и улучшеніе.

Л. Толстой.

№ 210.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., 27 авг.)

Сейчасъ только, нынче 27, вспомнилъ, что уже дня два со времени получения Вашего послѣдняго письма—можно было писать Вамъ, милый и дорогой Н. Н., а я пишу только теперь. Сказать хочется такъ много и о духовномъ и мірскомъ, что не

¹⁾ Бывшій секретарь Л. Н.—ча, вскорѣ административно высланный изъ Ясной Поляны въ Вятск. г.

²⁾ Попечитель Екатеринодарской картинной галлерей Ө. А. Коваленко обратился къ Л. Н. Толстому съ просьбой прислать въ галлерей свой автографъ.

знаешь, съ чего начать. Начну съ мірскаго. Въ печати пошумѣли о Вашей высылкѣ, и мнѣ все сдается, что Васъ вернутъ. Можетъ быть, оттого, что мнѣ этого хочется. Хочется никакъ не для себя—Саша ¹⁾ и В. М. ²⁾ работаютъ бодро, усердно, разумѣется, не то, что Вы, но мнѣ не нужно, слава Богу, той роскоши, къ которой Вы меня приучили. Хочется для Вашей матери, отъ которой было очень хорошее письмо Сашѣ, и для Васъ, для низшаго Вашего сознанія, которое не могу не принимать во вниманіе. Стаховичъ, М. А., пишетъ, что надо непременно сдѣлать въ Думѣ запросъ о Вашей высылкѣ, и что лучше всего сдѣлаетъ это Маклаковъ. Завтра они оба будутъ, и я рѣшилъ не просить объ этомъ, но и не противиться, если они хотятъ это дѣлать. Я намѣренъ воспользоваться Маклаковымъ преимущественно въ томъ, чтобы побудить его выступить съ проектомъ объ единомъ налогѣ. Я настраивалъ на это бывшаго у насъ члена Думы Т., но онъ мало воспримчивъ. Пишите о себѣ. Давно, относительно, нѣтъ извѣстій.

Отъ Александра ³⁾ черезъ П. прекрасныя извѣстія. Его везутъ въ Вильно на судъ. Чѣмъ больше люблю, тѣмъ больше боюсь за него. Знаете ли Вы про Засосова (Сергѣенко писалъ)? Онъ былъ у насъ. Очень сильный духовный человекъ. Его призывали, осмотрѣли и, найдя по сложенію не подходящимъ, отпустили. Къ Черткову я поѣду на-дняхъ, какъ только уѣдетъ сестра. Докладъ мой въ Штокгольмъ ⁴⁾ меня просятъ прочесть въ Берлинѣ. Я просилъ Шмидта прочесть его. Онъ не отвѣчалъ еще. Шкарванъ уже перевелъ. Писемъ, какъ всегда, получаю много хорошихъ. Мнѣ многіе пишутъ съ любовью о Васъ, что мнѣ очень радостно. Статья, вѣроятно Ваша, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» хороша и ее уже бранять ⁵⁾. Вы, вѣрно, будете нисать въ газетахъ. Я не совѣтовалъ бы. Ужъ очень это унижительно для слова. Я увѣренъ, что у Васъ много плановъ работъ. И Вы такъ хорошо излагаете, и Вамъ есть что. Напишите объ этомъ. Милый Иванъ

---

¹⁾ Александра Львовна Толстая.

²⁾ В. М. Феофритова (переписчица и стенографистка).

³⁾ Александръ Соловьевъ, отказавшійся отъ военной службы.

⁴⁾ Докладъ написанъ Львомъ Николаевичемъ для предполагавашагося въ Стокгольмѣ Международнаго съѣзда по вопросамъ установленія всеобщаго мира, который не состоялся.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о статьѣ по поводу Н. Н. Гусева, не принадлежавшей г. Гусеву.

Ивановичъ ¹⁾ на это полезенъ. Мы съ нимъ затѣваемъ изъ «На каждый день» составить, упростивъ ихъ, книжечки по копейкѣ. Я уже сдѣлалъ «іюнь».

Работы у меня больше, чѣмъ силъ. На душѣ очень хорошо. Люблю, какъ могу, и тѣхъ, кого трудно, и тѣхъ, кого легко любить. Васъ легко. Землячка ваша Г. шлетъ Вамъ любовный привѣтъ.

Л. Т.

№ 211.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., 8 сент.)

Спасибо, милый Николай Николаевичъ, что пишете, и подробно, о себѣ и въ тѣлесномъ и въ духовномъ отношеніи. Знаю, что пишучи къ любящимъ людямъ, невольно скрываешь все для себя тяжелое, чтобы не огорчить ихъ—любящихъ. Такъ дѣлаете, навѣрное, и Вы. Но, какъ ни трудно Вамъ, милый Н. Н., я въ минуты слабости желаю быть на вашемъ мѣстѣ. Но это минуты слабости, и знаю, что «все въ табѣ», какъ говорилъ Сютаевъ ²⁾, и, слава Богу, нахожу, «въ сабѣ» все, что мнѣ нужно. Знаю, что и у васъ то, что «въ сабѣ» нужно, близко, на виду, ничѣмъ не заслонено. Вѣдь тѣмъ-то и велико (велико дурное слово, да другого не найду) это сознание своего духовнаго начала и жизнь во имя его, что оно до такой степени несоизмѣримо со всѣмъ тѣмъ, что представляется бѣдствіемъ, что одинаково уничтожаетъ, обращаетъ въ ничто и самую маленькую неприятность: зубную боль, и потерю любимыхъ людей, свободы, жизни. Ну, да будетъ философствовать, расскажу про себя, такъ же, какъ и Вы, спасибо Вамъ, дѣлаете. Я съ Сашей, Душаномъ и Ильей Васильевичемъ ³⁾ четвертый день у Чертковыхъ, и мнѣ очень хорошо. Одно было тяжело—это въ Москвѣ и отчасти здѣсь особенное, не подобающее мнѣ (совершенно искренне говорю) почтеніе, восхваленіе. Это тяжело потому, что расчесы-

¹⁾ И. И. Горбуновъ - Посадовъ, редакторъ книгоиздательства «Посредникъ».

²⁾ Крестьянинъ Тверской губерніи, имѣвшій большое вліяніе на Льва Николаевича въ періодъ перелома въ его міровозрѣніи и жизни.

³⁾ Слуга Толстыхъ.

ваетъ большую, заживающую рану тщеславія. А то ужъ такъ хорошо. Такъ много—не скажу—меня любящихъ, но одно со мною любящихъ людей. Я занять былъ послѣднее время избраніемъ и редактированіемъ мыслей Лао-Тзе и предисловіемъ къ нему, и еще отвѣтомъ полькѣ, который Душанъ назначилъ для журнала Поссе, по который разросся и сталъ совсѣмъ не цензурнымъ. Сытина я устыдилъ, и оба «Круга» ¹⁾ общаются скоро выпустить. Главная же работа, и самая радостная, потому что непрестанно двигается и что дальше, то радостнѣе, это та работа, которую совѣтую всѣмъ и Вамъ—это работа надъ собой. Въ матеріалѣ этой работы во мнѣ нѣтъ недостатка, но и нѣтъ безнадежности переработать его. Пишите про Ваши отношенія съ людьми и про Ваши занятія. Ну, прощайте. Какъ любилъ Васъ въ присутствіи, такъ же, если не больше, люблю и въ отсутствіи.

Л. Толстой.

№ 212.

В. А. ПОССЕ ²⁾.

(Крекшино, 1909 г., 12 сент.)

Владиміръ Александровичъ!

Очень радъ буду исполнить Ваше желаніе. Когда Душанъ Петровичъ предложилъ мнѣ послать это письмо къ польской женщинѣ Вамъ, я пересмотрѣлъ его и невольно кое-что прибавилъ, отъ чего, боюсь, оно стало еще болѣе нецензурно, чѣмъ было. Во всякомъ случаѣ, посылаю его Вамъ, предоставляя Вамъ сдѣлать въ немъ тѣ сокращенія, какія найдете нужнымъ. Буду радъ, если оно въ какомъ бы то ни было видѣ пригодится Вашему изданію, которому по тому, что вы пишете объ его задачахъ, всей душой сочувствую.

Хотя я и не считалъ бы это письмо къ польской женщинѣ заслуживающимъ того, чтобы оно одновременно было напечатано

---

1) «Кругъ чтенія» и «На каждый день»,—любимыя книги Льва Николаевича, которыя печатались тогда у И. Д. Сытина.

2) В. А. Поссе, задумавъ изданіе журнала «Жизнь для всѣхъ», обратился съ просьбою о сотрудничествѣ и къ Л. Н. Толстому. Черезъ нѣкоторое время В. А. Поссе была получена статья Льва Николаевича подъ именемъ «Отвѣта польской женщинѣ» (см. «Письма Л. Н. Толстого, изд. «Книги», т. II, № 547) и настоящее пояснительное письмо.

за границей (считаю не заслуживающимъ, потому что въ немъ много повтореній много разъ сказаннаго), В. Г. Чертковъ просить Васъ списаться съ нимъ о времени выхода, если Вы захотите печатать письмо.

Очень мнѣ полюбилилось то, что Вы пишете о привлеченіи къ сотрудничеству въ Вашемъ журналѣ рабочихъ и, главное, крестьянъ. Я столько знаю серьезныхъ, истинно просвѣщенныхъ людей въ этой средѣ, что сотрудничество ихъ очень, очень желательно.

Дружески жму Вамъ руку.

Левъ Толстой.

Прилагаю и письмо польской женщины. Вы сдѣлаете съ нимъ, что найдете нужнымъ. Все оно длинно и мало интересно. Можетъ быть, Вы найдете нужнымъ сдѣлать изъ него извлеченія.

Л. Т.

№ 213.

Н. Н. Г У С Е В У.

(Ясная Поляна, 1909 г., сент. 22.)

Спасибо, милый другъ Н. Н., что пишете не очень рѣдко. По письмамъ Вашимъ вижу, что Вы—середка наполовинку: не слишкомъ тоскуете, и не храбритеесь передъ нами, высказывая свое настроеніе лучше, чѣмъ оно есть... Я все надѣюсь дожить до Вашего возврата, и не продолженіемъ моей жизни, а сокращеніемъ Вашей ссылки. Узналъ всю эту отвратительную и глупую клевету о Васъ — о прокламаціяхъ въ банкахъ варенья и т. п. Хотятъ сдѣлать запросъ въ Думѣ. Что-то будетъ? На это я не надѣюсь. Да и вообще не надѣюсь, а вѣрю, что все къ лучшему. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, все такъ. Вчера только вернулись отъ Чертковыхъ. При отъѣздѣ изъ Москвы толпа чуть не задавила насъ. У Чертковыхъ мнѣ было очень хорошо. Я все трачу чернила и бумагу, хотя съ большой экономіей¹⁾, но трачу. Съ Иваномъ Ивановичемъ издаемъ копеечныя книжечки о религіяхъ. Вчера

---

¹⁾ Л. Н. намекаетъ на свою привычку, писать статьи и особенно письма на неисписанныхъ листкахъ, отрываемыхъ имъ отъ полученныхъ писемъ.

со мной по приѣздѣ изъ Москвы была дурнота такая же, какъ когда Вы меня подняли¹⁾. Теперь чувствую себя здоровымъ, но на душѣ что-то новое, хорошее, далекое отъ сансары) жизни и очень радостное. Саша очень хорошо работаетъ, и В. М. помогаетъ мнѣ. Смотрите, пожалуйста, пожалуйста пишите мнѣ, что Вамъ нужно, и я могу сдѣлать; если и не могу, то сдѣлаю для Васъ. Прощайте, цѣлую Васъ.

Левъ Толстой.

№ 214.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(1909 г., окт. 15.)

Спасибо вамъ, милый Владимиръ, за письмо. Какъ хорошо, что вы видите—не боитесь видѣть—несогласіе своей жизни съ требованіями совѣсти. Это несогласіе всегда будетъ, не можетъ не быть, особенно у человѣка семейнаго. Важно, чтобы не бояться видѣть его—все, какъ вы видите, и страдать отъ него, какъ вы страдаете. А будешь страдать, будешь уходить отъ страданія, а уходишь отъ страданія всегда въ радость.

Не робѣйте за Шуру³⁾. У меня много есть очень образованныхъ людей, нигдѣ не кончившихъ и при этомъ просвѣщенныхъ въ истинномъ смыслѣ.

Помогай вамъ Богъ.—Тотъ, который самъ въ себѣ и который такъ далекъ отъ меня, что я не смѣю и думать о Немъ, поможетъ или нѣтъ, по нашему вызову, никто не знаетъ, а Тотъ, Который въ насъ, Тотъ, только вспомни о Немъ, соединишь съ Нимъ, Онъ уже и поможетъ.

Братски привѣтствую васъ и всю семью.

Л. Т.

№ 215.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., окт. 20.)

Всю нынѣшнюю ночь видѣлъ Васъ во снѣ, милый Н. Н., и видѣлъ, что Вамъ хорошо, что у Васъ друзья, что Васъ цѣнять,

¹⁾ Въ мартѣ 1908 г.

²⁾ Буддійскій терминъ, опредѣляющій какъ бы кипѣніе жизни.

³⁾ Сынъ В. А. Молочникова, воспитывающійся внѣ школы.

и что мы съ Вами хорошо поговорили. И вотъ хочется, что и хотѣлось послѣ Вашего послѣдняго письма, написать Вамъ. Пожалуйста, продолжайте описывать мнѣ Ваше и внѣшнее и внутреннее состояніе. Я то же буду хотъ кратко дѣлать о себѣ. Я послѣднее время ничего пристально не пишу. Будеть, довольно я бумаги намаралъ. Послѣднее время по разнымъ поводамъ, между прочимъ, для фонографовъ, которые меня заставляли говорить, я, чтобы сказать что-нибудь путное, и по другимъ поводамъ перечель нѣкоторыя мои писанія и—прямо скажу—остался ими очень доволенъ. Читалъ ихъ, какъ новыя, такъ ихъ забылъ, и подумалъ, что я, кажется, все сказалъ, что могъ и умѣлъ, и теперь все только повтореніе стараго. А дѣло есть, всегда есть—внутреннее, и, слава Богу, дѣлается понемногу, чего и Вамъ желаю и надѣюсь, что и въ Вашей душѣ дѣлается. Напримѣръ, странно сказать, теперь, на 82 году я только понемногу отвыкаю отъ всякихъ заботъ о сужденіи людей на мои поступки ¹⁾. Приучаю себя—и не безуспѣшно—при всякомъ дѣлѣ вспомнить о томъ, что только передъ Богомъ.

О внѣшнемъ нечего говорить, все постарому: много старыхъ и новыхъ друзей и много радости душевной. Прощайте, пока. Кажется, что до свиданія. Кажется потому, что хочется мнѣ. Но не загадываю.

Л. Толстой.

Письмо № 216 (стр. 331, 332 и 333) уничтожено по приговору Московской Судебной Палаты отъ 22 декабря 1911 г.

.....
.....
.....

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

Съ портрета послѣднихъ годовъ жизни.

№ 217.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., ноября 13.)

Благодарю за письмо, милый Н. Н. Не знаю, успѣю ли отвѣ-
тить подробно (хочется)¹⁾, такъ по крайней мѣрѣ отвѣтить на
вопросъ объ изложеніи краткомъ Вами моихъ писаній. Только
могу радоваться такой затѣѣ. У Васъ все есть для того, чтобы
сдѣлать это прекрасно, главное—единство разумѣнія.

Про себя скажу, что все больше и больше недоволенъ своей
жизнью, но не отчаиваюсь. За Васъ радуюсь. Вамъ лучше, чѣмъ
мнѣ. Потому, что Вы лучше, чѣмъ я. Ну, прощайте пока.

Л. Т.

№ 218.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., ноября 28.)

Получилъ ваше письмо, которому, какъ всегда, былъ радъ,
милый братъ Владимиръ. А сейчасъ съ умиленіемъ читалъ письмо
Смирнова²⁾.

Ваше описаніе бесѣды съ Мишей³⁾ прекрасно. Выписки же

¹⁾ Г. спрашивалъ Льва Николаевича, между прочимъ, и о его отно-
шеніи къ Достоевскому.

²⁾ Смирновъ и Александръ Соловьевъ, отбывавшіе въ арестантскихъ
ротахъ наказаніе за отказъ отъ воинской повинности.

³⁾ Содержащійся въ сумасшедшемъ домѣ за отказъ отъ паспорта и
званія и за проповѣдь христіанской вѣры. В. М.

изъ письма Александра не могу ни читать, ни слушать безъ слезъ. Слава Богу, такъ занятъ, что почти все время занято и занято дѣлами, въ которыхъ могу проявить любовь. Непрестанно благодарю за незаслуженное благо. Помогай вамъ Богъ въ вашемъ испытаніи. Жизнь—всегда испытаніе.

Л. Т.

№ 219.

ЛИТЕРАТУРНОМУ ФОНДУ.

(По случаю 50-тилѣтія фонда).

(Ясная Поляна, 1909 г., ноябрь.)

Вспоминаю основателей и привѣтствую сотоварищѣй литературнаго фонда. Сочувствую его доброй пятидесятилѣтней дѣятельности. Радъ буду внести свою лепту въ предполагаемомъ сборникѣ.

Левъ Толстой.

№ 220.

М. Н. ТОЛСТОЙ.

(Приписка Л. Н. къ письму гр. С. А. Толстой).

1909 г., ноябрь.

Писать мнѣ тебѣ, милая сестра, или слишкомъ много, если излить все то, чѣмъ живу, приближаясь къ смерти, которую надѣюсь встрѣтить съ благодарностью Богу за данную мнѣ жизнь и съ полной увѣренностью въ то, что Богъ есть любовь, и что поэтому и смерть такое же благо, какъ и жизнь; или совсѣмъ нечего писать, кромѣ того, что люблю тебя особенной нѣжной, братской, старческой любовью.

Левочка.

№ 221.

К. ГРЕКОВУ.

(Ясная Поляна, 1909 г., декабря 5.)

Я только что написалъ маленькое письмецо моему другу¹⁾ въ Швейцарію, въ отвѣтъ на возраженія о наукѣ одного очень

---

¹⁾ Д-ру Шкарвану.

умнаго и ученаго и близкаго мнѣ по міровоззрѣнію нѣмца.¹⁾ Посылаю вамъ это письмо. Оно отчасти отвѣчаетъ на ваши вопросы. Но вы совершенно правы, что вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы говорить о немъ поверхностно въ письмѣ. Я началъ и постараюсь кончить ясное и точное выраженіе объ этомъ, огромной важности, предметѣ—выраженіе моихъ мыслей.

Левъ Толстой.

Вотъ само письмо К. Грекова:

Левъ Николаевич!

Съ наслажденіемъ я прочелъ вашу прекрасную статью «О ложной наукѣ». По поводу ея мнѣ хотѣлось вамъ сказать нѣсколько словъ.

Крестянинъ въ своемъ письмѣ къ вамъ разсказалъ вамъ объ «ученомъ» учителѣ, который стыдился своихъ простыхъ неученыхъ родителей. А вы разсказали о «барынѣ» Акулинѣ Тарасовнѣ. И учитель, и барыня, по-моему, явленія случайныя и обобщать эти явленія нельзя. Я приведу вамъ другіе примѣры. Ъхалъ я на лошадахъ изъ О—ска въ Харьковъ (тогда еще желѣзныхъ дорогъ не было между этими городами). На пути въ какомъ-то селѣ остановились мы у мужика покормить лошадей. У ховяина-старика нашелся самоваръ, и я попросилъ его поставить. Къ чаю пригласилъ я и старика. Разговорились. Старикъ умный, говорилъ складно, и я съ удовольствіемъ слушалъ его рѣчь. Потомъ онъ спрашиваетъ меня:

— А вы бывали въ Воронежѣ?

— Какъ же, бываль—и часто.

— А не знаете, тамъ въ гимназіи учитель есть.

Онъ назвалъ фамилію.

— Вѣдь, то сынъ мой.

— Развѣ?

— Да, да сынъ мой.—И старикъ разсказалъ, какъ его сынъ попалъ въ гимназію, а оттуда въ университетъ. Путь обычный. Въ сельской школѣ мальчикъ на экзаменѣ поразилъ экзаменаторовъ своими умными отвѣтами, умственнымъ развитіемъ, а сосѣдній помѣщикъ, бывший на экзаменѣ, опредѣлилъ его въ гимназію и т. д.

— Ну, что жъ,—говорю.—Небось теперь сынокъ своихъ родителей и знать не хочетъ?

— Что вы, Господь съ вами. Вотъ слушайте, я вамъ разскажу.

И старикъ разсказалъ, какъ его сынъ, получивши мѣсто въ гимназіи, въ какой-то большой праздникъ пригласилъ къ себѣ своихъ новыхъ товарищей. Къ этому дню онъ пригласилъ и своихъ стариковъ-родителей. Старики почему-то замѣшкались и прибыли въ Воронежъ какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда квартира сына была полна гостей и самъ онъ въ волненіи ожидалъ своихъ стариковъ. И вотъ они вошли въ ярко освѣщенную горницу, явились въ свиткахъ, въ дегтяныхъ сапогахъ, немытые, нечесанные, какъ естъ мужики. Старики вошли и растерялись. Но къ нимъ быстро

¹⁾ Евгенія Шмидта.

подошелъ сынъ. Онъ взялъ отца подъ правую руку, а мать подъ лѣвую подводилъ ихъ къ каждому гостю и съ радостью и гордостью говорилъ:

— Это мой отецъ, а это моя матушка.

И старикъ, рассказывая это, плакалъ.

— Вотъ, миленькій мой, какой у меня сынъ...—закончилъ старикъ.

И этотъ сынъ былъ «образованный». Но этотъ «образованный» сынъ, какъ видно, проходилъ и ту истинную, «настоящую» науку, которая сдѣлала его «настоящимъ» человѣкомъ.

То же рассказываютъ и о казанскомъ профессорѣ Дитятинѣ, сынѣ ямщика.

И Акулину Тарасовну, какъ типъ, нельзя обобщить. И я, и вы знаемъ много «образованныхъ» женщинъ, кончившихъ институты, гимназіи, съ нѣжными ручками, которыя кидали привычныя условія жизни, удобства, комфортъ, пенсіи и брались и берутся за лопаты, чтобы копать землю, садить картофель, за ухваты, чтобы варить щи, печь хлѣбы и т. д.

И это дѣлали и дѣлаютъ «образованныя» дѣвушки и женщины, и образованіе не принизило, не развратило ихъ, а возвысило, поставило ихъ на верху горы.

И это потому, что свое школьное «образованіе» они пополнили той «истинной, настоящей наукой», о которой вы говорите.

Есть науки и науки. Науки нужны, полезныя, и науки ненужныя, вредныя.

Мировѣдѣніе (и всѣ естественныя и прикладныя науки)—наука, нужная людямъ. Она укрѣпляетъ, усиливаетъ въ человѣкѣ вѣру въ Бога, наполняетъ душу религіознымъ восторгомъ, трепетомъ. Кто-то изъ великихъ ученыхъ сказалъ, что чѣмъ болѣе изучаешь тайны природы, тѣмъ болѣе дѣлаешься религіознымъ человѣкомъ.

И я не пойму, не могу понять отрицателей наукъ, искусствъ, культуры; не могу понять также и тѣхъ, которые вашу прекрасную мысль простой жизни доводятъ до крайности, до преклоненія предъ нагишанцами, предъ духоборами-свободниками, предъ первобытными дикарями.

Вѣдь ножъ, топоръ, огонь—продукты культуры,—очень нужны людямъ, и эти нужные людямъ предметы рѣшительно неповинны, если люди злоупотребляютъ ими, если они рѣжутъ, убиваютъ другъ друга, жгутъ жилища, скотъ и т. д.

Такъ и науки.

Чѣмъ виноваты такія интересныя, прекрасныя науки, какъ химія, физика, астрономія, даже такъ бичуемая вами біологія? Чѣмъ онѣ виноваты, что люди замутили ихъ чистый источникъ и направили могучую и благотворную силу этихъ знаній на служеніе не всѣмъ людямъ, а горсточкѣ сильныхъ и властныхъ? Не то ли сдѣлали сильные и властные и съ христіанствомъ, съ евангелиемъ и церковью? Они и евангеліе принизили до служенія себѣ и церковь сдѣлали послушной рабой своей. Развѣ виновато въ этомъ евангеліе, виновата церковь-первохристіанская? И неужели надо поэтому отринуть и евангеліе и церковь?.. Нѣтъ, въ отрицаніи должна быть граница, предѣлъ, черта, дальше которой итти нельзя.

И эту грань, эту черту должны провести вы, Левъ Николаевичъ, такъ какъ вамъ даны ключи разумѣнія, и никто, какъ вы, не можетъ понять,

постигнуть и поставить на мѣсто всякій вопросъ жизни, а тѣмъ болѣе такой важный, великій, какъ вопросъ объ истинныхъ, нужныхъ знаніяхъ для жизни и о правильной, разумной общественной жизни.

И рѣшенія этихъ вопросовъ ждуть отъ насъ тысячи душъ, томящихся неправдою жизни и теряющихся въ выборѣ пути жизни, чтобы не сбиться на путь обнаженства, оскотиненія, озвѣрнія.

К. Г.

№ 222.

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ КОМИТЕТА БЕЗПЛАТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

(1909 г.)

Господинъ председатель совѣта! Наиболѣе полезными, по моему мнѣнію, книгами для рабочаго народа, не имѣющаго времени для многого и разнообразнаго чтенія, я считаю книги, знакомящія читателя, во-первыхъ, съ религіозно-нравственными ученіями какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ (буддизмъ, браминизмъ, таосизмъ, греческая и римская мудрость—Сократъ, Діогенъ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ и проч., христіанскія секты и различныя ученія древнія и новыя, магометанство и его секты), а также и религіозно-нравственныя писанія выдающихся мыслителей всѣхъ народовъ. Знаю, что приобрести книги объ этихъ предметахъ довольно трудно, и что изложены онѣ въ большинствѣ случаевъ недоступно народу («Посредникомъ» была издана серія книгъ такого содержанія, въ общедоступномъ изложеніи), но думаю, что этого рода книги все-таки самыя полезныя и наиболѣе въ истинномъ смыслѣ развивающія молодыхъ людей. Слѣдующій родъ книгъ, которыя я рекомендовалъ бы, это книги географическія и преимущественно этнографическія, т.-е. описанія нравовъ и жизни людей разныхъ странъ. Такія книги, по моему мнѣнію, тоже содѣйствуютъ освобожденія людей отъ предвзятыхъ суевѣрій и ложныхъ представленій. Таковъ мой совѣтъ на вашъ вопросъ. Желаю успѣха въ вашей дѣятельности. Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

Будь сужено, и шива наша
милостиво иждь поведи
в ваши,

Милко ду предадъ все
время шива сесовою и
дошито парашенко, шив
по что пошлвши и
порядк - уреджено,
Он шива не даждь
неко от все и замь
каким а я поведи
все поведи все
Что же? Как шив
назрвдвом - дуково
уборам что шив
и правнр ваши дело
бешура все,
21 зам. 11. Шиву)

№ 223.

А. Г. ГОЛУНОВУ.

(1909 г.)

Постараюсь исполнить ваше желание. Когда крайній срокъ представленію рукописи? ¹⁾

Л. Толстой.

№ 224.

С. ГАВРИЛОВУ.

(1909 г. ?)

Любезный братъ С. Гавриловъ!

Нынче получилъ ваше письмо отъ 8-го января и нынче же отвѣчаю ²⁾. Не обращаюсь на «ты», потому что не взялъ эту привычку со всѣми. То же, что вы мнѣ пишете о жизни, о смыслѣ ея, глубоко вѣрно и читать это мнѣ было радостно.

Стихотворство—это, на мой взглядъ, даже когда оно хорошее, очень глупое суевѣріе. Когда же оно еще плохое и бессодержательное, какъ у теперешнихъ стихотворцевъ, самое праздное, бесполезное и смѣшное занятіе.

Не совѣтую вамъ заниматься этимъ, именно вамъ, потому что по письмамъ вашимъ вижу, что вы можете глубоко мыслить и ясно выражать свои мысли.

Какое ваше положеніе теперь и чѣмъ вы занимаетесь? Очень буду радъ ближе узнать васъ.

Братски жму руку *Левъ Толстой.*

№ 225.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., янв. 14.)

Только что собирался и все откладывалъ отвѣтъ на Ваше письмо о Шашковѣ, милый другъ Н. Н., какъ получилъ Ваше

¹⁾ Предсѣдатель комиссіи по устройству инвалиднаго дома имени первопечатника Ивана Федорова обратился къ Л. Н. Толстому съ просьбой написать статью для издаваемаго въ пользу упомянутаго дома сборника «Друкаръ». Толстой далъ сюда нѣсколько своихъ мыслей.

²⁾ Рабочій Гавриловъ прислалъ Л. Н.—чу интересное письмо съ рядомъ оригинально поставленныхъ вопросовъ о жгучихъ сторонахъ жизни. Въ этомъ же письмѣ Гавриловъ приводитъ свои стихотворенія и разсужденія о стихотворствѣ.

второе письмо о Серержѣ. Спасибо большое Вамъ, милый другъ, что пишете часто. Мнѣ всегда нужно и радостно знать о Васъ. На первое письмо хотѣлось сдѣлать два замѣчанія: первое то, что не поддавайтесь чувству раздраженія на тѣхъ, кто дѣлаетъ все то, что тяжело намъ, а берите примѣръ съ Серержи. Я смѣло совѣтую это Вамъ, потому что этотъ самый совѣтъ нуженъ мнѣ, можетъ быть, больше, чѣмъ Вамъ. Всегда борюсь съ этимъ недобримъ чувствомъ осужденія.

Второе то, что смотрите, не влюбитесь. Этотъ совѣтъ уже только къ Вамъ одному относится.

У насъ все по-старому. Всѣ Васъ помнятъ и любятъ.

Мысль о томъ, что комета можетъ зацѣпить землю и уничтожить ее, мнѣ была очень пріятна. Отчего не допустить эту возможность. А допустивъ ее, становится особенно ясно, что всѣ послѣдствія матеріальныя, видимыя, осязаемыя послѣдствія нашей дѣятельности въ матеріальномъ мірѣ—ничто. Духовная же жизнь такъ же мало можетъ быть нарушена уничтоженіемъ земли, какъ жизнь міра—смертью мухи. Еще гораздо меньше. Мы не вѣримъ въ это только потому, что приписываемъ несвоей-ственное значеніе жизни вещественной.

Прощайте, милый другъ. Можетъ, и тѣлесно увидимся еще въ этой жизни.

Л. Т.

№ 226.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., февр. 14.)

Спасибо, милый Н. Н., что не забываете меня. Всякое Ваше письмо, всегда содержательное и доброе, для меня радость и для всѣхъ нашихъ. Всегда читаемъ вслухъ и говоримъ о написанномъ и о писавшемъ.

Я живу очень, очень хорошо. То, что тяжело—заваленность дѣлами и невозможность успѣть сдѣлать все, что хочется и нужно,—тоже радостно. Очень мнѣ было интересно то, что Вы пишете о суевѣріи народа. Я безпрестанно сталкиваюсь и какъ разъ передъ Вашимъ письмомъ думалъ объ этомъ и писалъ въ письмахъ. Сейчасъ у насъ Саша свалилась въ сильной кори, за-

разившись отъ Дорика Сухотина ¹⁾, и мнѣ жалко ее и, грѣшень, страшно.

Занять я составленіемъ изъ «На каждый день» 30 по числу дней и отдѣловъ книжечекъ, въ которыхъ будетъ меньше изрѣченій, но самый клекъ и упрощенныя по формѣ ²⁾. Радуюсь, что Вамъ хорошо, въ особенности потому, что хорошо Вамъ не отъ чего-нибудь, а отъ себя. «Все въ табѣ».

Ну прощайте, можетъ быть, и до свиданія.

Любящій васъ Л. Т.

№ 227.

СТУДЕНТУ БОРИСУ МАНДЖОСУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., февр. 17.)

Ваше письмо глубоко тронуло меня. То, что вы мнѣ совѣтуете сдѣлать, составляетъ завѣтную мечту мою, но до сихъ поръ сдѣлать этого я не могъ. Много для этого причинъ (но никакъ не та, чтобы я жалѣлъ себя); главная же та, что сдѣлать это надо никакъ не для того, чтобы подѣйствовать на другихъ. Это не въ нашей власти и не это должно руководить нашей дѣятельностью. Сдѣлать это можно и должно только тогда, когда это будетъ необходимо не для предполагаемыхъ внѣшнихъ цѣлей, а для удовлетворенія внутренняго требованія духа, когда оставаться въ прежнемъ положеніи станетъ такъ же нравственно невозможно, какъ физически невозможно не кашлять, когда нѣтъ дыханія. И къ такому положенію я близокъ и съ каждымъ днемъ становлюсь ближе и ближе.

То, что вы мнѣ совѣтуете сдѣлать: отказъ отъ своего общественнаго положенія, отъ имущества и раздача его тѣмъ, кто считалъ себя въ правѣ на него разсчитывать послѣ моей смерти, сдѣлано уже болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Но одно, что я живу въ семьѣ съ женою и дочерью въ ужасныхъ, постыдныхъ условіяхъ роскоши среди окружающей нищеты, не переставая и все больше и больше мучаетъ меня, и нѣтъ дня, чтобы я не думалъ объ исполненіи вашего совѣта.

¹⁾ Сынъ М. С. Сухотина, мужа Татьяны Львовны.

²⁾ Подробности объ этой работѣ см. въ книгѣ «Дневникъ В. О. Булгакова». М. 1911 г.

Очень, очень благодарю васъ за ваше письмо. Письмо это мое у меня будетъ извѣстно только одному человѣку. Прошу васъ точно также не показывать его никому.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

Вотъ это письмо, имѣвшее, какъ думаютъ нѣкоторые, значительное вліяніе при рѣшеніи Л. Н.—чемъ вопроса объ уходѣ изъ Ясной Поляны.

Дорогой Левъ Николаевичъ!

Бога ради прочитайте это письмо до конца, умоляю васъ Богомъ самимъ, потому что хочу вамъ сказать нѣчто такое важное, такое важное, что даже и не знаю, какъ выразить его на простомъ человѣческомъ языкѣ. Эти строки пишетъ вамъ простой сѣренькій человѣкъ, котораго вы, конечно, не знаете, котораго вообще никто не знаетъ, но который много думаетъ и много мучается, желая счастья людямъ. Я стараюсь писать вамъ со всею искренностью, на которую только способна моя душа. Пусть вы оставите меня безъ отвѣта, пусть не дойдетъ мое письмо къ вамъ, я тѣмъ не менѣе буду писать вамъ, писать каждый день въ надеждѣ, что мои бѣдныя строки попадутся вамъ на глаза.

Жить тяжело—вотъ первое, что я хочу вамъ сказать, дорогой Левъ Николаевичъ. Нѣтъ ничего свѣтлаго, ничего искренняго, ничего святого въ современной жизни. Какой-то пустотой вѣетъ отовсюду: и отъ общества, и отъ религіи, запутавшейся въ сѣтяхъ холодной формалистики, и отъ литературы, и отъ наслажденій. Всюду какой-то упадокъ, всюду реакція, вырожденіе... И ничего нѣтъ впереди...

Безпросвѣтными буднями вѣетъ съ холоднаго неба, съ поверхности котораго люди унесли солнце. Тоской вѣетъ съ театральной сцены, тоска безповоротная, безжалостная звучитъ въ поэзіи; тьма и одно только желаніе: «Дай Богъ смерти»—вотъ основной мотивъ современности.

Я это пишу, какъ типичный представитель современной жизни, увлекшійся ею нѣкогда, теперь увидѣвшій всю ея пустоту, я пишу вамъ такъ, какъ вообще можетъ писать юноша моихъ лѣтъ, много думавшій и много искавшій.

И вотъ теперь-то, мой дорогой Левъ Николаевичъ, страшно, до безумія страшно хочется Бога, хочется свѣта, хочется тихой религіозной радости, той самой, о которой такъ много говоритъ ваша мягкая и добрая душа... Свѣта нѣтъ! Но, Боже! какъ бы хорошо было, если бы онъ вернулся снова, если бы снова началась чистая, хорошая, искренняя, свѣтлая жизнь. Но гдѣ искать ее? Конечно, въ сочиненіяхъ великихъ современныхъ моралистовъ, въ сочиненіяхъ, написанныхъ кровью сердца и тоскою души, сочиненіяхъ, написанныхъ для людей и проповѣдующихъ общее счастье. Вы, конечно, догадались, что я прежде всего имѣю въ виду ваши сочиненія, тѣ самыя, о которыхъ говоритъ весь міръ и которые для меня такъ дороги. Въ нихъ столько надежды, столько желаній вернуться къ простому, тихому искреннему христіанству, къ тому времени, когда религіознымъ восторгомъ горѣли души и когда мученики проливали кровь свою за вѣру Христову; въ нихъ столько любви къ человѣку, страждущему, забитому, превращен-

ному въ машину государственнаго и формально-религіознаго механизма. Когда я читаю ваши книги, я готовъ плакать отъ сознанія, что есть въ Россіи хоть одинъ искренній человѣкъ, позволяющій чуть ли не бичевать себя за свои идеи. Большое и глубокое спасибо вамъ за это сознаніе, подаренное мнѣ вашими маленькими книжками. Искренній земной поклонъ.

Но теперъ другое. Прочиталъ я ваши книги, мой дорогой учитель, поплакалъ надъ ними, думалъ много и потомъ вдругъ съ ужасомъ, съ трепетомъ замѣтилъ, что вѣдь онѣ не принесли до сихъ поръ ни и ка кой пользы. Ихъ читаютъ, говорятъ о нихъ, комментируютъ; но не чувствуютъ ихъ, холоднымъ умомъ разбираются въ томъ, что пишеть на бумагѣ ваше горячее сердце... И больно мнѣ сдѣлалось, такъ больно, такъ мучительно, что вы и представить себѣ не можете моего состоянія. Вы пишете ваши книги, нѣкоторые плачутъ надъ ними; а здѣсь, вблизи, убиваютъ, развратничаютъ, вѣшаютъ, лгутъ, притворяются—Боже! чего, чего только не дѣлаютъ. Жизнь остается сѣрой, скучной, холодной...

Лежалъ я сегодня ночью и въ постели думалъ объ этомъ и больно было, какъ всегда... Какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ одна мысль—глубокая, сильная, сразу захватившая все мое существо: мнѣ вдругъ показалось, что я разгадалъ причину этой скуки и холодности и пустоты нашей жизни. Я соскочилъ съ кровати и началъ писать вамъ... Утро уже брезжить въ окно, а я пишу, потому что только вамъ одному я могу довѣрить эту свою мысль, вы единственный искренній и безпристрастный человѣкъ въ Россіи и только съ такимъ человѣкомъ я хочу разговаривать.

Дорогой Левъ Николаевичъ! А что, если наша жизньъ скучна и монотонна только потому, что вы единымъ росчеркомъ пера, однимъ своимъ добрымъ дѣломъ не пробовали ее сдѣлать живой и свѣтлой. Помню, вы пишете въ одномъ изъ своихъ сочиненій о всѣхъ своихъ исканіяхъ правды и Бога. А что, если вы прошли всѣ шаги въ своихъ исканіяхъ и не сдѣлали только одного, по слѣдняяго, чтобы спасти все человѣчество?

Голубчикъ, дорогой, на колѣняхъ и со слезами умоляю васъ... меня бѣсятъ ваши враги, которые черной сворой окружили все свѣтлое и хорошее и давятъ, уничтожаютъ его; но мнѣ кажется, что и въ ихъ протестующихъ голосахъ есть одинъ слабый, правда, холодный намекъ, похожій на истину. Почему вы, образецъ для насъ и учитель, не отказались отъ самого себя? Почему вы не сдѣлали самаго послѣдняго и главнаго? (Бога ради читайте до конца!) Почему вы не облекли въ плоть и кровь великія идеи? Почему?

Вы можете не отвѣчать мнѣ, но къ голосу моего сердца прислушайтесь; а это сердце говоритъ вотъ что: дорогой, хорошій Левъ Николаевичъ, передъ Христомъ сейчасъ стою и чувствую, сознаю Его вблизи себя: быть можетъ, это и не я, а Онъ говоритъ моими устами—дайте жизнь человѣку и человѣчеству—это послѣднее, что вамъ осталось сдѣлать на свѣтѣ, то, что сдѣлаеть васъ бессмертнымъ въ умахъ человѣчества.

Его нужно спасти—и вы спасете его, потому что я глубоко вѣрю въ васъ, знаю и не хочу думать, что вы поступите иначе, чѣмъ говорить это мнѣ Богъ.

Откажитесь отъ графства, раздайте имущество роднымъ своимъ и бѣднымъ, останьтесь безъ копейки денегъ и нищимъ

пробирайтесь изъ города въ городъ. Откажитесь отъ себя, если не можете отказаться отъ близкихъ своихъ въ родномъ семейномъ кругу. Я глубоко убѣжденъ, что тогда родятся на свѣтъ снова искренніе, хорошие люди, что тогда возродится религія, что тогда будутъ искать идеала, стремиться къ нему, и сухая, холодная современная жизнь сдѣлается дѣйствительно періодомъ нео-христіанства. Знаю, что вамъ трудно это сдѣлать, знаю, что вамъ уже много, много лѣтъ, но не хочу вѣрить, чтобы васъ въ скорбяхъ (если только вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ умоляю) оставили люди. Они будутъ молиться вамъ и будутъ вѣрить, что послѣ Б о г о ч е л о в ѣ к а — Христа вы первый истинный ч е л о в ѣ к ъ на землѣ...

Приходите тогда и въ нашъ старый, добрый Кіевъ, заходите ко мнѣ, и я буду смотрѣть вамъ въ глаза и на вашу сѣдую бороду и наслаждаться тѣмъ, что вы дали первый ростокъ, первый бутонъ для того, чтобы изъ него распустилось счастье, о которомъ у насъ такъ много пишутъ, но котораго никто еще не нашель...

Подумайте обо всемъ этомъ, много разъ прочтите мое письмо, и вы увидите, что я правъ.

Берегите жизнь вашу и, пока вы живы, сдѣлайте то, что вы обязаны сдѣлать для людей и для міра... Скажите правду своими старческими устами—и это будетъ послѣднее ваше слово и, кажется, буква его скажетъ въ миллионъ разъ больше, чѣмъ всѣ ваши старья сочиненія. Вѣдь, я люблю васъ, дорогой Левъ Николаевичъ, и хочу, чтобы всѣ васъ любили... Цѣлую васъ. Дай Богъ вамъ счастья.

Студ. унив. св. Владимира *Борисъ Манджосъ*.

№ 228.

Н. Н. Г У С Е В У.

(Ясная Поляна, 1910 г., февр. 25.)

Собираемся и собираюсь писать—отвѣчать Вамъ на Ваше, какъ всегда, хорошее, очень хорошее письмо, а сейчасъ прочелъ къ Вамъ письмо Булгакова ¹⁾, и хочется хоть два слова сказать Вамъ, что по-старому люблю Васъ и, какъ ни близокъ мой часъ, надѣюсь или скорѣе желаю еще свидѣться съ Вами. Какъ хороша Ваша выписка изъ Чехова ²⁾. Она просится въ «Кругъ чтенія». Я теперь занятъ 3-й версіей «Круга чтенія», и, какъ

¹⁾ Секретарь Л. Н.—ча.

²⁾ Взятая Н. Н. Гусевымъ изъ разсказа «Крыжовникъ»: «Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и дѣль, то смыслъ этотъ и дѣль—вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ».

всегда, пока занять ею, она мнѣ очень нравится. Еще все на прашивается художественное баловство ¹⁾. Не знаю, успѣю ли.

Саша была опасно въ кори, теперь выздоравливаетъ. Какъ Вы? Въ нынѣшнемъ письмѣ мало пишете о себѣ. Но и за то спасибо. Радуюсь, что Вы уничтожили то, что раздѣляло Васъ съ Н. Вы оба слишкомъ близки къ одному и тому же, чтобы Вамъ расходиться.

Л. Т.

№ 229.

Н. С — В У.

(Ясная Поляна, 1910 г., марта 12.)

Получилъ Ваше доброе письмо ²⁾, и прежде еще Вашего совѣта не переставая дѣлалъ и дѣлаю то, что Вы мнѣ совѣтуете. А насколько дѣлалъ это искренно и смиренно, знаетъ только Онъ и я; надѣюсь, что Онъ услышалъ мою молитву и далъ мнѣ то, о чемъ я просилъ. Истина, которую Онъ мнѣ открылъ, уже давно познана мною, она вся въ томъ, что есть истиннаго и общаго въ ученіи Христа (исповѣдуемаго 400 милліонами) и во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ міра (исповѣдуемыхъ милліардами) и эта истина одна и та же и въ Ведахъ, и въ буддизмѣ, и въ конфуціанствѣ, и таосизмѣ, и въ магометанствѣ. Она вся въ томъ, что въ человѣкѣ живетъ духъ Божій,

¹⁾ Повидимому, имѣется въ виду пьеса для спектакля въ Телятникахъ, которой въ это время «сильно увлекался» Л. Н. по словамъ В. О. Булгакова («Дневникъ», стр. 106).

²⁾ Вотъ письмо Н. С—ва.

«Великій Левъ Николаевичъ! Почти всю свою жизнь Вы употребили на исканіе истины, и постепенно находите ее, но чтобы познать ее окончательно, нужно объ ней смиренно просить Бога; отвергнуться отъ самого себя и встать дитятею передъ лицомъ Высшей Тайны. Смиренно, смиренно просите Господа Бога, и Онъ, только Онъ, откроетъ Вамъ ее въ окончательной формѣ, и Вы узнаете ее тогда, какова она есть. Я самъ съ семилѣтняго возраста богоискательствовалъ, мучительно переживалъ и фанатизмъ и атеизмъ, и наконецъ причалилъ, какъ о томъ просилъ Господа съ самаго начала, къ Тихой Вѣчной Пристани, къ Христу, какъ побѣдителю смерти нашего «я».

Теперь я совершенно спокоенъ и занять только шлифовкою своей испорченной души,—поэтому хочу помочь и Вамъ, укавывая путь къ совершенному счастью на землѣ».

Н. С—ва.

одинъ и тотъ же во всѣхъ, и стремится къ соединенію съ тѣмъ же духомъ, живущимъ въ другихъ, посредствомъ любви; все же остальное во всѣхъ ученіяхъ, не исключая, а включая и наше церковное, есть или заблужденіе или обманъ. И для того, чтобы познать истину эту, нѣтъ нужды изучать всѣ эти ученія, истина эта открывается сама всякой, искренно ищущей, душѣ человѣка.

Вотъ Вамъ передъ Богомъ и моею совѣстью искренній и вызванный любовью къ Вамъ отвѣтъ на Ваше письмо.

Левъ Толстой.

№ 230.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(1910 г., марта 16.)

Вчера писалъ вамъ, милый другъ Владимиръ—надѣюсь, что дойдетъ до васъ—а сейчасъ получилъ ваше (письмо) изъ тюрьмы. Не могъ удержать слезъ. Не могу не жалѣть и васъ и жену. Какъ бы радъ былъ, если бы могъ облегчить ваше и ея положеніе. Смѣло заявляйте ваши желанія. Мы въ такихъ отношеніяхъ, что вы всегда будете знать, что если я не сдѣлаю чего, то отъ возможности, а я знаю про васъ, что вы заявляете желанія только самыя вынужденныя.

Увѣренъ, что вы окрѣпнете. Ослабѣть человѣкъ, слабѣй воды, окрѣпнеть, крѣпче камня. Самое меня укрѣпляющее въ тяжелыя минуты—это сознаніе того, что это-то самое, то, что мучаетъ, это-то и есть тотъ матеріаль, надъ которымъ ты призванъ работать, и матеріаль тѣмъ болѣе цѣнный, чѣмъ труднѣе минута.

Л. Т.

№ 231.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., марта 18.)

Получилъ Ваше послѣднее письмо, милый Николай Ник., и стараюсь, но не могу не огорчаться и объ этомъ, что все-таки я, живущій себѣ спокойно среди всѣхъ возмутительныхъ условій роскоши и безопасности (хотя бы сглазить), все-таки я—

причина и страданій и тяжелыхъ испытаній любимыхъ мною, такихъ хорошихъ людей ¹⁾).

Чувство мое къ Вамъ двоякое: вѣра въ то, что Вы перенесете испытаніе такъ, какъ Вы, знаю, искренно пишете, готовитесь перенести, и страхъ за тяжелыя минуты, часы, можетъ быть (чего избави Богъ), мѣсяцы горя, унынія и раскаянія въ томъ, чему надо радоваться, а не раскаиваться.

Пожалуйста, если будетъ возможно писать мнѣ, пишите всю задушевную правду, если хотите, мнѣ одному. Какъ англійская пословица говоритъ: что настоящее общеніе только вдвоемъ. Всѣ наши домашніе, включая Сухотиныхъ, всѣ васъ очень любятъ и искренне опечалились Вашимъ письмомъ. Но все-таки мнѣ Вы много ближе всѣхъ и, насколько мы близки къ тому, чѣмъ хотимъ жить, настолько близки другъ къ другу.

Въ дурныя минуты думайте о томъ, что то, что съ вами случилось, это тотъ матеріаль, надъ которымъ вы призваны работать. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, эта мысль и чувство, вызываемое ею, всегда очень помогаютъ.

Прощайте, милый другъ, постараемся подняться на ту высоту, на которой безразлично—видѣться или не видѣться до смерти и сейчасъ умереть или черезъ 10 лѣтъ. Подняться и держаться на этой высотѣ мнѣ легче съ моей старостью, Вамъ съ Вашей молодостью труднѣе, но все-таки Вы можете съ Вашимъ—не умою, уму грошъ цѣна,—а съ Вашимъ добрымъ и любящимъ и открытымъ на все лучшее сердцемъ.

Левъ Толстой.

№ 232.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ

(1910 г., марта 24.)

Братъ Владимиръ!

Сейчасъ получилъ ваше письмо изъ тюрьмы. Хорошо дѣлаете, что пишете, хорошо и для насъ, и для васъ. Продолжайте дѣлать это. Ваши письма производятъ всегда сильное впечатлѣніе, чувствуешь и правдивость—столь рѣдкое свойство—и еще болѣе рѣдкое свойство—ту основу, съ высоты которой гово-

¹⁾ Рѣчь идетъ о полицейскихъ непріятностяхъ, которымъ Г. тогда подвергся.

рится то, что говорится. Не отчаиваюсь въ успѣхѣ ходатайства о выпускѣ васъ на поруки. Получилъ обѣщаніе сдѣлать, что можетъ, отъ одного. Не буду говорить о моемъ чувствѣ, которое испытываю къ вамъ и вашей женѣ, которую знаю и люблю по васъ. Вы навѣрно знаете ихъ.

Левъ Толстой.

№ 233.

РЕДАКТОРУ „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“.

(Ясная Поляна, 1910 г., марта 27.)

Милостивый Государь. Исполняя желаніе автора сочиненія «Христіанская Этика» (Систематическіе очерки міровоззрѣнія Л. Н. Толстого) В. Θ. Булгакова, увѣдомляю Васъ, что сочиненіе это мною внимательно прочитано и что я нашелъ въ немъ вѣрное и очень хорошо переданное изложеніе моего религіознаго міросозерцанія.

Левъ Толстой.

№ 234.

В. НЕКРАСОВУ.¹⁾

(Ясная Поляна, 1910 г., мартъ 30.)

Василій Пахомовичъ!

Хотя занятіе земледѣліемъ—самое лучшее занятіе, я все-таки не совѣтовалъ бы вамъ выходить изъ школы.

По моему мнѣнію, нѣтъ такихъ условій, въ которыхъ нельзя бы было жить соотвѣтственно требованіямъ самой чуткой христіанской совѣсти, только бы человѣкъ поступалъ или воздерживался отъ поступковъ во всякую минуту настоящаго сообразно съ требованіями своей совѣсти.

---

¹⁾ Сынъ новгородскаго крестьянина В. Некрасовъ, ученикъ строительной школы, обратился къ Л. Н. Толстому съ вопросомъ: не поддерживается ли его пребываніемъ въ школѣ принципъ насилія, на которомъ, по его мнѣнію, современная школа только и существуетъ. И не лучше ли ему оставить тяжелое для него ученіе и заняться земледѣльческимъ трудомъ.

Далѣе, описывая свою жизнь и спрашивая совѣта, В. Некрасовъ говоритъ, что выходъ изъ школы очень огорчить его отца, а жизнь противъ совѣсти ему мучительна.

Л. Н. отвѣтилъ ему настоящимъ письмомъ.

Тѣ условія, въ которыхъ мы находимся, представляютъ изъ себя тотъ матеріалъ, надъ которымъ мы призваны работать. Только поступай, не выходя нарочно изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находишься, во всю по своей совѣсти, и жизнь сама покажетъ, можешь ли оставаться въ этихъ условіяхъ или нѣтъ.

Одно изъ тѣхъ условій и очень важныхъ, въ которыхъ вы находитесь—это желаніе вашего отца, чтобы вы кончили въ школѣ. Желая поступить по совѣсти, вы не можете не имѣть въ виду этого условія, такъ какъ выходъ вашъ изъ школы будетъ противенъ одному изъ главныхъ требованій совѣсти: избѣганія всего того, что нарушаетъ любовь, особенно съ такимъ близкимъ лицомъ, какъ отецъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ мой отвѣтъ па вашъ вопросъ. Если вы не знаете моихъ книгъ «На каждый день», посылаю вамъ одну. Думаю, что она поможетъ вамъ самимъ рѣшить вашъ вопросъ.

Левъ Толстой.

№ 235. —

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна. 1910 г., апр. 1.)

Братъ Владимиръ!

Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 23 марта. Оно особенно сильно тронуло меня своей правдой, относящейся не до васъ однихъ, но и до всѣхъ насъ. Помогай вамъ Богъ не переставать видѣть то, что вы видите. Я не въ тюрьмѣ, къ сожалѣнію, но моя тюрьма безъ рѣшетокъ, иногда, въ слабыя минуты мнѣ кажется хуже вашей. Вамъ больно, а мнѣ не переставая стыдно. Вчера получилъ письмо отъ вашего мальчика и говорилъ съ Бѣл. о вашей женѣ. Хочъ писать ей, не знаю, сумѣю ли.

Левъ Толстой.

№ 236.

А. Я. МОЛОЧНИКОВОЙ.

(Ясная Поляна. 1910 г., апр. 2.)

Незнакомая, но близкая мнѣ сестра, Анна Яковлевна!

Вчера получилъ отъ вашего мальчика письмо. Поблагодарите его. Вчера же Бѣлинскій рассказывалъ мнѣ про ваше тя-

желое положеніе и нездоровье. Нынче получилъ хорошее, очень хорошее письмо отъ Владимира. Онъ такъ силенъ душой, что не боится обвинять себя. И этимъ онъ глубоко трогаетъ меня. Онъ правъ, что несчастья, особенно когда мы умѣемъ найти въ нихъ свою вину, всегда намъ на пользу. Знаю, что когда обрушится несчастье, особенно такое, какъ ваше, то трудно думать и чувствовать это. Но вѣдь дѣло уже сдѣлано, нечего думать о прошедшемъ и о будущемъ, только бы сейчасъ въ настоящемъ не ошибиться и дѣлать все, что можно, чтобы несчастье пошло намъ на пользу, а не во вредъ. Постарайтесь, Анна Яковлевна, а Богъ поможетъ вамъ.

Я же, съ своей стороны, не упущу никакой возможности помочь вашему положенію. Братски привѣтствую васъ.

Левъ Толстой.

№ 237.

А. Я. МОЛОЧНИКОВОЙ.

(Ясная Поляна. 1910 г. апр. 4.)

Милая Анна Яковлевна! Сейчасъ прочелъ письмо вашего мужа и, какъ всегда бываетъ съ его письмами, почувствовалъ какъ бы усиленіе моей любви и уваженія и состраданія къ нему. Думаю, даже увѣренъ, что я не выдержалъ бы и въ сотой долѣ такъ, какъ онъ, того положенія, въ которомъ онъ находится, а все-таки завидую ему. Не могу ни на минуту (неправда, иногда забываю) перестать стыдиться своего положенія, и потому не могу не завидовать ему. Онъ такъ хорошо описываетъ, что переживаешь все вмѣстѣ съ нимъ—и завидно и страшно. А какое описаніе столяра! Прелестъ! Много у него духовной силы, и потому надѣюсь, даже увѣренъ, что онъ не только перенесетъ это испытаніе, но даже вырастетъ въ немъ. Дай Богъ вамъ силы нести ваше тяжелое испытаніе такъ же. Вѣдь ничего не важно, кромѣ того, чтобы жить по-Божьи, а это въ нашей власти. Если можно, передайте ему это письмо.

Братъ вашъ *Левъ Толстой.*

№ 238.

А. Я. МОЛОЧНИКОВОЙ.

(Ясная Поляна, 1910 г., апр. 8.)

Анна Яковлевна!

Получилъ нынѣ письмо отъ вашего мужа. Передайте ему, что Маклакову написалъ. Извѣщу объ отвѣтѣ. Благодарю его за то, что пишетъ мнѣ. Передайте ему мою любовь. Вчера говорилъ съ Б. ¹⁾ о напечатаніи его описанія тюрьмы. Мнѣ очень хочется этого. И мы устроимъ съ Б. какъ лучше.

Братски жму руку и желаю вамъ твердости душевной.

Левъ Толстой.

№ 239.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., апр. 9.)

Вчера писалъ вашей женѣ, братъ Владимиръ. Маклакову письмо отправлено. Объ его отвѣтѣ сообщу. Вы меня радуете тѣмъ, что даете мнѣ возможность хоть чѣмъ-нибудь служить вамъ.

Пожалуйста, не переставайте извѣщать.

Левъ Толстой.

№ 240.

БЕРНАРДУ ШАУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., апр. 15.)

Получилъ вашу пьесу и остроумное письмо. Пьесу прочелъ съ удовольствіемъ, сюжетъ ея мнѣ вполне сочувственъ. Ваши замѣчанія о томъ, что проповѣдь добра обыкновенно мало дѣйствуетъ на людей, и молодые люди считаютъ достоинствомъ все то, что противорѣчитъ этой проповѣди, совершенно справедливы. Но причина этого явленія совсѣмъ не та, чтобы такая проповѣдь была не нужна, но только та, что проповѣдующіе не исполняютъ того, что проповѣдуютъ, т.-е. лицемеріе. Вы полемизируете въ ней съ тѣмъ, во что уже никто изъ мыслящихъ людей

¹⁾ Съ В. О. Булгаковымъ.

нашего времени не вѣрять и не можетъ вѣрять... между тѣмъ вы сами какъ будто признаете Бога, имѣющаго опредѣленные и понятныя вамъ цѣли:

To my mind unless we conceive God as engaged in a continual struggle to surpass himself,—as striving at every birth to make a better man than before, we are conceiving nothing better, than an omnipotent snob».

Объ остальномъ же вашемъ разсужденіи о Богѣ и о злѣ повторю слова, которыя я высказалъ, какъ вы пишете, о вашемъ «Человѣкѣ и Сверхчеловѣкѣ», а именно, что вопросы о Богѣ, о злѣ и добрѣ слишкомъ важны для того, чтобы говорить о нихъ шутя. И потому откровенно скажу вамъ, что заключительныя слова вашего письма произвели на меня очень тяжелое впечатлѣніе: «suppose the world were only one of God's jokes, would you work any the less to make it a good joke instead of a bad one»—«предположите, что міръ есть только одна изъ божьихъ шутокъ. Развѣ вы, въ силу этого, меньше старались бы превратить его изъ дурной шутки въ хорошую?»

Вашъ *Левъ Толстой*.

ПИСЬМО БЕРНАРДА ШАУ КЪ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

(1910 г., февр. 14).

Дорогой графъ Толстой!

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю вамъ черезъ нашего общаго друга Эльмера Моода экземпляръ моей маленькой пьесы, называемой «The showing up of Blanco Posnet». «Showing up» на американскомъ жаргонѣ значить «равоблаченіе лицемѣра». По формѣ эта грубая мелодрама, которую можно давать на сценѣ, предназначенной для публики, состоящей изъ рудокоповъ.

Она, если мнѣ позволено такъ выразиться, принадлежитъ къ разряду тѣхъ пьесъ, которыя вы пишете такъ замѣчательно хорошо. Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ драмахъ я не могу припомнить сцены, которая такъ восхищала бы меня, какъ сцена съ старымъ солдатомъ въ «Власти Тьмы». Меня въ этой пьесѣ поразило между прочимъ то обстоятельство, что всѣ проповѣди старика отца, несмотря на то, что онъ вполне правъ, оказываются однако совершенно бесполезными; онъ только влѣтъ сына и заглушаютъ въ немъ послѣдніе остатки чувства самоуваженія. Но то, что не подъ силу набожному отцу, то дѣлаетъ старый негодный солдатъ, какъ бы являясь воплощеніемъ голоса самого Бога. По моему мнѣнію, эта сцена, въ которой оба пьяницы валяются на соломѣ, и старый заставляеть болѣе молодого перестать бояться людей, такъ сильна и производитъ такое потрясающее впечатлѣніе, какое не въ силахъ произвести никакая романтическая сцена. И я въ «Бланко Познетъ» по своему

использовалъ эту богатѣйшую золотоносную жилу драматическаго матеріала, которую вы первый открыли современнымъ драматургамъ.

Я этимъ не хочу сказать, что меня исключительно плѣняетъ необычайный театральнй эффектъ этой сцены. Я не приверженецъ «искусства для искусства» и не шевельну пальцемъ, чтобы написать художественное произведеніе, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ художественныхъ достоинствъ. Но для меня всегда было ясно, что обычные способы внушать правила благороднаго поведенія не только ошибочны, но хуже того. Въ дѣйствительности всѣ великодушные и даровитые люди питаютъ отчаянное къ нимъ недовѣріе. Мы стыдимся быть хорошими мальчиками въ школѣ, стыдимся быть благородными и отзывчивыми, а не быть жестокими и мстительными; стыдимся сознаться, что мы скромныя животныя, а не безчувственные идиоты; словомъ стыдимся, всего, что должны служить основой нашего самоуваженія. Во всемъ этомъ виноватъ нашъ способъ воспитанія. Мы твердимъ людямъ, что они должны быть хорошими людьми, но не приводимъ для этого болѣе вѣскаго основанія, чѣмъ мнѣніе другихъ людей; а эти люди нисколько ихъ не плѣniająть, пе внушаютъ имъ никакого уваженія и, являясь значительно старше ихъ, не только имъ непонятны, но кажутся даже странными и смѣшными. Старшій братъ Даніэльсъ никогда не обратитъ Бланко Познетъ на истинный путь, а наоборотъ оттолкнетъ отъ него, потому что Бланко нисколько не желаетъ быть такимъ, какъ его братъ. И мнѣ кажется, что коренная причина того, что мы не поступаемъ такъ, какъ совѣтуютъ намъ наши отцы, кроется въ томъ, что никто изъ насъ не хочетъ быть подобіемъ нашихъ отцовъ, такъ какъ задача вселенной состоитъ въ томъ, чтобы создать изъ насъ не подобіе нашихъ отцовъ, а подобіе Бога.

Вы увидите также, что моя теологія и мое объясненіе существованія зла грубо выражены Бланкомъ Познетъ. Для меня божества еще не существуетъ; но существуетъ творческая сила, постоянно стремящаяся создать исполнительный органъ богоподобнаго знанія и могущества; словомъ, достигнуть всемогущества и всевѣдѣнія и каждый вновь рождающійся человѣкъ—какъ мужчина, такъ и женщина,—являются новой попыткой для достижения этой цѣли.

.....

Если вы вѣрите такъ же, какъ и я—и какъ въ заключеніе догадывается Бланко Познетъ,—что бацилла крупа была въ свое время попыткой создать болѣе совершенное существо, чѣмъ всѣ бывшія до нея, и что единственный способъ исправить эту ошибку состоялъ въ томъ, чтобы создать еще болѣе совершенное существо, въ число задачъ котораго входило бы и уничтоженіе этой бациллы, то существованіе зла перестаетъ быть загадкой, и мы приходимъ къ пониманію того, что мы существуемъ въ мірѣ, чтобы помогать Богу, въ его дѣлѣ, исправляя прежнія ошибки и сами стремясь быть подобными Богу.

Я высказываю все это грубо и спѣшно: но вы безъ особеннаго труда поймете, что я хочу сказать. Всѣ эти мысли я уже высказалъ въ драмѣ «Человѣкъ и сверхчеловѣкъ», но высказалъ иначе, способомъ, доступнымъ и для необразованнаго человѣка. Вы говорите, что я въ той кни-

тъ недостаточно серьезень,—что я заставляю публику смѣяться даже въ самые серьезные моменты. А почему бы и нѣтъ? Почему бы намъ изгонять юморъ и смѣхъ? Предположите, что мѣръ есть только одна изъ божьихъ шутокъ. Развѣ вы, въ силу этого, меньше старались бы превратить его изъ дурной шутки въ хорошую?

Искренно преданный вамъ *Д. Бернадъ Шау.*

№ 241.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., апр. 28.)

Получилъ ваше письмо отъ 18-го апрѣля, милый братъ Владимиръ, и написалъ уже съ помощью Вѣлинькаго, которому диктую, письмо къ Кони. Написалъ еще и другому лицу—можетъ быть дѣло о выпускѣ васъ на поруки и удастся. Вы, вѣроятно, уже получили письмо Маклакова, который такъ мило согласился безъ колебанія защищать васъ. Я вчера послалъ это письмо вамъ; теперь же пишу объ этомъ на случай, если бѣ оно почему-либо не дошло до васъ.

Меня радуетъ то, что вы пишете о своемъ душевномъ состоянїи и періодичности его подъемовъ и упадковъ. Это и не можетъ быть иначе. Увѣренъ, что какъ вы и пишете, времена подъемовъ будутъ все чаще и чаще.

Помогай Богъ. На вопросъ вашъ объ исторїи думаю, что знанїе политической исторїи есть дѣло простого и даже празднаго любопытства. Важна исторїя, т.-е. движенїе мысли религіозной, нравственной, ея отраженїя въ складѣ жизни народовъ.

О письмѣ С. скажу откровенно, что оно мнѣ мало понравилось. Интеллигентная привычка умственного ковырянїя по всеѣмъ вопросамъ. Мнѣ всегда кажется, что какъ много бы приблизилось Царство Божїе, если бы энергія людская не употреблялась праздно какъ на матеріальныя усовершенствованїя, такъ и на праздныя умствованїя, а вся направлялась бы на личное совершенствованїе—увеличенїе въ себѣ силы любви и, что то же самое, на устраненїе всего того, что мѣшаетъ проявленїю этой божеской силы.

Прощайте пока. Можетъ быть, Богъ дастъ, и до свиданїя.

Левъ Толстой.

№ 242.

І. П. ПЕРПЕРУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., апр. (?).

Посылаю вамъ переведенную съ нѣмецкаго книгу подъ заглавіемъ «Ужасы христіанской цивилизаціи» ¹⁾, составленную тибетскимъ ламой, пробывшимъ нѣсколько лѣтъ въ университетахъ Германіи. Заглавіе книги уже говоритъ вамъ о ея содержаніи. Хотя я и не знаю, дѣйствительно ли она написана настоящимъ буддистомъ, или это только форма, которую избралъ авторъ, въ родѣ извѣстной книги Монтескье «Персидскія письма», для выраженія своихъ мыслей, книга сама по себѣ очень интересна и поучительна.

Буддизмъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе очищается отъ наростовъ, скрывавшихъ его, все болѣе и болѣе открывается его истинная сущность, такъ что въ послѣднее время и въ Европѣ, и въ Америкѣ все чаще и чаще встрѣчаются люди, переходящіе изъ христіанства въ буддизмъ.

Не говоря о метафизической глубинѣ ученія, такъ хорошо разъясненнаго Шопенгауэромъ, особенно привлекательна нравственная практичность этого ученія съ его основными пятью заповѣдями для всѣхъ вѣрующихъ въ буддизмъ.

1) Не убивать умышленно никакое живое существо; 2) не присваивать себѣ того, что считается другими ихъ собственностью; 3) не предаваться половой похоти; 4) не лгать, и 5) не одурманивать себя ни одуряющими напитками, ни куреньями.

Невольно приходитъ въ голову, какая произошла бы огромная перемѣна въ жизни, если бы люди знали эти заповѣди и считали бы ихъ хотя бы столь же обязательными, какъ и исполненіе внѣшнихъ обрядовъ.

Левъ Толстой.

---

¹⁾ Для Кіевского журнала «Вегетаріанское обозрѣніе», въ которомъ и была напечатана рекомендованная Л. Н.—чюмъ книга въ переводѣ г-жи Гольденвейзеръ.

№ 243.

М. П. НОВИКОВУ.

(1910 г., июня 8.)

Радъ былъ узнать про васъ. Всѣ мы живемъ, не такъ, какъ считаемъ по совѣсти нужнымъ. Всѣ мы выбираемъ по мѣрѣ своихъ духовныхъ силъ и тѣлесныхъ слабостей средній путь, болѣе или менѣе близкій къ тому, который считаемъ наиболѣе вѣрнымъ. Но все же для того, чтобы знать, въ чемъ заключается вѣрный путь, надо знать, въ чемъ я отъ него отступаю, а не оправдывать себя, какъ вы это дѣлаете въ своемъ письмѣ.

Земледѣліе самое лучшее занятіе и для души полезное. Отказываясь отъ него, вы поступаете не по разсужденію, а по своей слабости. Такъ и надо знать.

Я живу дурно, въ богатствѣ, хотя ничего не имѣю, но съ тѣми, кто живетъ въ богатствѣ. Духовно, слава Богу, подвигаюсь и смерти не боюсь, и не жалѣю.

Желаю вамъ искренно всего хорошаго, т.-е. духовнаго совершенства. Посылаю вамъ книги «На каждый день». Читайте и вспоминайте меня.

Левъ Толстой.

№ 244.

СЛАВЯНСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ СОФІИ.

(Отрадное, 1910 г., июня 20.)

Получилъ приглашеніе ваше и съ радостью пріѣхалъ бы, если бы не мои годы и нездоровье. Пріѣхалъ бы съ тѣмъ, чтобы лично побесѣдовать съ вами о томъ предметѣ, который собралъ васъ. Постараюсь сдѣлать это хоть письменно.

Единеніе людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнѣйшее дѣло человѣчества, но въ немъ я вижу и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни. Но для того, чтобы дѣятельность эта была благодѣтельна, нужно, чтобы она была понимаема во всемъ ея значеніи безъ умаленія, ограниченія, извращенія. Такъ это по отношенію всѣхъ важнѣйшихъ дѣятельностей; такъ это и по отношенію религіи, любви, служенія человѣчеству, науки, искусства. Все до конца, до послѣд-

нихъ выводовъ, какъ бы они ни были чужды или непріятны намъ. Все или ничего. И именно н и ч е г о , а не кое-что, потому что всё эти величайшія дѣятельности человѣческой души, какъ только онѣ не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносятъ свою, хотя малую пользу, какъ думаютъ и говорятъ многіе, но губительны и болѣе всего другого задерживаютъ достиженіе той самой цѣли, къ которой онѣ какъ будто бы стремятся. Такъ это съ религіей, допускающей слѣпую вѣру, такъ это съ любовью, допускающей борьбу-противленіе, такъ это со служеніемъ людямъ, допускающимъ насиліе надъ людьми. Такъ во всемъ и особенно въ дѣятельности, имѣющей цѣлью единеніе людей.

Несомнѣнно, что соединенные люди сильнѣе разъединенныхъ. Семья сильнѣе отдѣльнаго человѣка. Шайка грабителей сильнѣе, чѣмъ каждый порознь. Община сильнѣе отдѣльныхъ личностей. Соединенное патриотизмомъ государство сильнѣе разрозненныхъ народностей. Но дѣло въ томъ, что преимущество соединенныхъ людей противъ разъединенныхъ и неизбежное послѣдствіе этого преимущества—порабощеніе или хотя бы эксплуатація разъединенныхъ—естественно вызываютъ въ разъединенныхъ желаніе соединиться для того, чтобы сначала противодѣйствовать насилію, а потомъ и совершать его. Славянскимъ народностямъ естественно, испытывая на себѣ зло соединенія австрійскаго, русскаго, германскаго, турецкаго государствъ, желать для противодѣйствія этому злу сложиться въ свое соединеніе; но новое соединеніе это, если только состоится, неизбежно будетъ вовлечено точно въ такую же дѣятельность не только борьбы съ другими соединеніями, по и въ подавленіе и эксплуатацію болѣе слабыхъ соединеній и отдѣльныхъ личностей.

Да, въ единеніи—и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни, но цѣль и благо эти достигаются только тогда, когда это—единеніе всего человѣчества во имя основы общей в с е м у человѣчеству, но не единеніе малыхъ или большихъ частей человѣчества во имя ограниченныхъ, частныхъ цѣлей. Будь это единеніе семьи, шайки грабителей, общины или государства, народности или «священный союзъ» государствъ,—такія соединенія не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего препятствуютъ истинному прогрессу человѣчества; и потому для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу,—

я по крайней мѣрѣ такъ думаю,—должно не содѣйствовать всѣмъ такимъ частнымъ соединеніямъ, а всегда противодѣйствовать имъ. Единеніе есть ключъ, освобождающій людей отъ зла. Но для того, чтобы ключъ этотъ исполнилъ свое назначеніе, нужно, чтобы онъ былъ продвинутъ до конца, до того мѣста, гдѣ онъ отворяетъ, а не ломается самъ и не ломаетъ замокъ. Такъ и единеніе,—для того, чтобы оно могло произвести свойственныя ему благодѣтельные послѣдствія, оно должно имѣть дѣлю единеніе в сѣхъ людей, во имя общаго в сѣмъ людямъ, одинаково признаваемаго всѣми начала. А такимъ единеніемъ можетъ быть только единеніе, основанное на той религіозной основѣ жизни, которая одна соединяетъ людей и, къ несчастью, признается ненужной, отжившей большинствомъ людей, въ наше время руководящимъ народами.

Мнѣ скажутъ: мы признаемъ и эту религіозную основу, но не отрицаемъ и основы единенія племенной, народной, государственной. Но дѣло въ томъ, что одно исключаетъ другое. Если признано дѣлю жизни человѣческой единеніе всемірное, религіозное, то это самое признаніе отрицаетъ всякія другія основы единенія, и наоборотъ: признаніе основой единенія начала племенного, народнаго, патріотическо-государственнаго неизбѣжно отрицаетъ религіозное начало, какъ дѣйствительную основу жизни.

Думаю, почти увѣренъ, что эти высказанныя мною мысли будутъ признаны неприложимыми и неправильными, но я счелъ своимъ долгомъ вполне откровенно высказать ихъ людямъ, которые, несмотря на мое отрицаніе племенного и народнаго патріотизма, все-таки болѣе близки мнѣ, чѣмъ люди другихъ народовъ. Скажу болѣе: откинувъ соображенія о томъ, что по этимъ словамъ моимъ меня могутъ уличить въ непослѣдовательности и противорѣчіи самому себѣ, скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказалъ, моя вѣра въ то, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая одна можетъ, все болѣе и болѣе соединяя людей, вести ихъ къ собственному имъ благу,—что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени.

№ 245.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г., июня 25.)

Спасибо, милый Н. Н., за письма. Я былъ у Чертковыхъ и тамъ (читалъ) Ваше длинное хорошее письмо. Что не пишу Вамъ чаще—простите, и знайте, что это не отъ недостатка памяти о Васъ и, главное, любви къ Вамъ: весь старѣюсь, слабѣю и обратно пропорціонально увеличиваются требованія не столько другихъ ко мнѣ, а самого къ себѣ.

У Чертковыхъ пробылъ очень хорошо 10 дней. Кое-что по мелочамъ пишу всякое, что, вѣроятно, дойдетъ и до Васъ, такъ какъ Вы принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые приписываютъ не свойственное значеніе моимъ мыслямъ. Приписываю же я важность, во-первыхъ, книжечкамъ изъ «На каждый день», переработаннымъ, которыя печатаются въ «Посредникѣ», и еще начатой мной статьѣ о безумствѣ, сумасшествіи и нашей жизни въ самомъ простомъ смыслѣ этого слова. Хотѣлось бы до смерти (до смерти въ обоихъ смыслахъ) высказать то, что имѣю сказать, о признакахъ этого безумія и о причинахъ его и способѣ лѣченія.

Почему-то мнѣ кажется, что скоро увижусь съ Вами. Можетъ быть, оттого, что очень желаю этого. Вырѣзку изъ газетъ о поступкахъ несчастныхъ безумныхъ напрасно прислали и читали. Я стараюсь не слышать, не читать и не говорить о послѣдствіяхъ явныхъ для меня причинъ тѣмъ болѣе, что, читая, слушающая такіе рассказы, слишкомъ легко,—что и обычно дѣлается—обвинять невинныхъ.

Братски цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 246.

Э. И. КАПЛАНЪ.

(Ясная Поляна, 19 июля 1910 г.)

Получилъ ваше письмо и почувствовалъ въ немъ искренность вашихъ вопросовъ. Постараюсь отвѣтить на нихъ. Мнѣ это легко потому, что тѣ самые вопросы, которые стоятъ передъ вами, стоятъ предо мною.

1) «Зависитъ ли духовное здоровье человѣка отъ физиче-

скаго, или наоборотъ?» Зависитъ въ извѣстной, низшей степени, т.-е., что человѣку трудно быть добрымъ, любящимъ со всѣми, когда онъ самъ физически страдаетъ. Но эта самая задержка духовной жизни побуждаетъ къ поднятію на высшую ея ступень, такъ что страданіе физическое—болѣзнь, если только человѣкъ всѣми силами стремится къ достиженію высшаго совершенства, не умаляетъ это стремленіе, а, напротивъ, вызываетъ необходимость его усиленія. По опыту скажу, что, когда поддавался мысли о томъ, что я по тѣлесному нездоровью не могу быть тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ бы быть, я падалъ все ниже и ниже, если же смотрѣлъ на эти страданія, какъ на вызовъ къ усиленію внутренней работы, то, напротивъ,—достигалъ самаго радостнаго для себя состоянія. Практически мое правило въ томъ, что лѣченіе вообще скорѣе вредитъ, чѣмъ дѣлаетъ истинную пользу жизни человѣческой.

2) «Какъ любить враговъ душою, живя среди нихъ и сталкиваясь на каждомъ шагѣ съ ихъ обыденной ложью, себялюбіемъ, матеріализмомъ, невоздержанностью и т. д.?»

Знаю, что трудно, и легко сказать себѣ: нѣтъ, такихъ людей я не могу любить. Но избави Богъ отъ такой мысли, это только усилитъ недоброе чувство и, главное, увеличитъ довольство собою.

«Я, молъ, хорошъ, а всѣ остальные дурны». Какъ ни трудно, старайся любить самыхъ непріятныхъ тебѣ, какъ это прекрасно сказано въ евангеліи, и только не ослабѣвай, не опускай постромки, и придетъ время, что и почувствуешь, что любишь тѣхъ, которыхъ, казалось, никакъ не могъ любить. Тоже могу сказать по опыту, хотя и малому и слабому.

3) «Слѣдуетъ ли уйти отъ міра сего, если жизнь въ немъ становится невыносимой?» Разумѣется, нѣтъ, по тому самому, что я отвѣчалъ на первые два вопроса, да, кромѣ того, это и невозможно. Странно сказать, міръ людей именно такихъ, какихъ мы считаемъ дурными, нуженъ для насъ, чтобы на дѣлѣ показать намъ нашу слабость, нашу дурноту, то, что мы не лучше тѣхъ самыхъ, кого мы хотимъ осуждать.

Вы говорите, что страданія отъ жизни среди міра бываютъ бесполезны. Да, они бесполезны, если человѣкъ не пользуется ими, какъ благомъ, какъ тѣми муками, которыя сопутствуютъ всякому рожденію какъ тѣлесному, такъ и духовному.

Вотъ все, помогай вамъ Богъ!

Левъ Толстой.

ПИСЬМО ЮНОЙ Э. КАПЛАНЪ.

Милый дѣдушка!

Позволь потрудить тебя отвѣтить мнѣ на вопросы, которые уже долгое время занимают мой умъ и мою душу.

1) Зависитъ ли духовное здоровье человѣка отъ физическаго, или наоборотъ, и необходимо ли заботиться о тѣлѣ для того, чтобы жить духовной жизнью? 2) Какъ любить людей, враговъ душою, не только разумомъ, живя среди нихъ и сталкиваясь на каждомъ шагу съ ихъ обыденной ложью, себялюбиемъ, материализмомъ, невоздержанностью и т. д.? 3) Слѣдуетъ ли уйти отъ міра сего, если жизнь въ немъ становится невыносимой, гдѣ индивидуумъ во всемъ и вездѣ встрѣчаетъ противное себѣ, гдѣ для него невозможно уединеніе и гдѣ не признаютъ его индивидуальность, его образъ мыслей, особенно его практической образъ жизни? Когда для индивидуума является крайней необходимостью сопоставлять себя съ міромъ, онъ тогда, считая себя рабомъ самого себя, повинъ міра сего, безгранично страдаетъ и, что хуже всего, страданія эти являются бесполезными. Слѣдуетъ ли индивидууму противъ воли оставаться въ мірѣ семь или уйти отъ него? Я сознаю, что живя среди зла, сохранить добродѣтель, среди ненависти—любовь, великое дѣло. Но прости, отецъ дорогой, меня грѣшную, не стою я еще на этой ступени, кажись, вступила, да не тверда почва, шатаюсь, а жить по-міровому, сохрани меня Боже. Люди говорятъ, среди волковъ живешь—по волчьему вить надо, но я не могу, не могу, хочу жить доброй жизнью и любить всѣхъ и такъ какъ въ этомъ мірѣ жизнь сія недостижима, то я хочу уйти отсюда далеко, далеко въ уединеніе: вдали отъ людей я сумѣю любить ихъ душою.

Вотъ мое послѣднее искреннее стремленіе. Съ радостнымъ трепетомъ души я жду твоего отвѣта, совѣта добрымъ словомъ, которое разрѣшитъ, быть можетъ, мою земную жизнь и освѣтитъ мою единственную надежду.

Душевно любящая и искренно почитающая тебя

1910 г., іюля 11, воскресенье.

Э. Капланъ.

№ 247.

Г. ШОПОВУ¹⁾.

(1910 г. августа 10.)

Ваше письмо я получилъ уже давно и очень былъ радъ и благодаренъ вамъ за него, но не отвѣчалъ по нездоровью и множеству дѣлъ. Пожалуйста продолжайте извѣщать меня о своемъ положеніи: какъ вы переносите заключеніе? строго ли оно? допускаютъ ли къ вамъ посѣтителей, даютъ ли книги? Еще извѣ-

¹⁾ См. выше письмо въ болгарскую газету № 135.

стите меня о своемъ семейномъ положеніи: есть ли у васъ родители? кто родные и какъ они относятся къ вашему поступку? Не могу ли я чѣмъ-нибудь быть полезнымъ вамъ? Если есть возможность, то переводите мнѣ свои письма по-русски, а если нельзя, то пишите какъ можно разборчивѣе, чтобы можно было прочесть каждую букву. Тогда я доберусь до смысла. Можетъ быть, вамъ такъ же трудно читать мои письма. Но я думаю, что вы должны лучше понимать по-русски, чѣмъ мы по-болгарски. То, что судили васъ не за причину отказа, а за неисполненіе воинскихъ приказаній,—это они всегда дѣлаютъ. Имъ больше дѣлать нечего. И я истинно жалѣю ихъ. И вы, находящійся въ ихъ власти и лишенный ими свободы, все-таки должны сожалѣть о нихъ. Они чувствуютъ, что противъ нихъ истина и Богъ, цѣпляются за все, чтобы спастись, но дни ихъ сочтены. И та страшная революція, которую вы производите, не разбивая Бастилію и сидя въ тюрьмѣ, нарушаетъ и разрушаетъ все теперешнее безбожное устройство жизни и даетъ возможность основаться новому. Я все свои силы употребилъ на то, чтобы служить въ этомъ Богу, и если можно вамъ доставить, я бы радъ переслать вамъ то, что я писалъ объ этомъ.

Братски цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 248.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(1910 г., авг. 11).

Не успѣлъ еще отвѣтить на ваше предпоследнее письмо, гдѣ вы пишете о горѣ, выражающемся въ раздраженіи жены (онѣ—матери, не могутъ иначе и къ этому надо приучать себя), какъ получилъ нынче ваше о судѣ. Надѣюсь, да и не думаю, чтобы было такъ худо. Но вы правы, худого нѣтъ ни въ насъ, а если вѣшнія условія указываютъ намъ на худое въ насъ, то это только хорошо. Говорю о себѣ, т.-е. себя имѣлъ въ виду.

Я послѣдніе дни нездоровъ и оттого пишу только нѣсколько словъ. Спасибо, что пишете.

Любящій васъ

Л. Толстой.

К: Я. ГРОТУ.

Кочеты, 1910 г., сент. 18.

Константинъ Яковлевичъ!

Получилъ ваше письмо и часть сборника, посвященнаго памяти вашего брата. Вы совершенно вѣрно предположили, что то, что вы мнѣ посылаете, вызоветъ во мнѣ воспоминаніе о милomъ Николаѣ Яковлевичѣ. Это самое случилось. Я прочелъ присланное и нынче утромъ, дѣлая свою обычную утреннюю прогулку, не переставая думалъ о Николаѣ Яковлевичѣ. Постараюсь написать то, что думалъ.

Не помню какъ, черезъ кого и при какихъ условіяхъ я познакомился съ Н. Я., но я помню очень хорошо то, что съ первой же встрѣчи мы полюбили другъ друга. Для меня, кромѣ его учености, и, прямо скажу, несмотря на его ученость, Николай Яковлевичъ былъ дорогъ тѣмъ, что тѣ же вопросы, которые занимали меня, занимали и его, и что занимался онъ этими вопросами не какъ большинство ученыхъ, только для своей карьеры, а занимался ими и для себя, для своей души.

Трудно ему было освобождаться отъ того суевѣрія наукъ, въ которомъ онъ выросъ и возмужалъ и въ служеніи которому пріобрѣлъ выдающійся мірской успѣхъ; но я видѣлъ, что его живая, искренняя и нравственная натура невольно, не переставая, дѣлала усилія для этого освобожденія. Внутреннимъ опытомъ извѣдавъ всю узость и, по-просту, глупость матеріалистическаго жизнепониманія, несомнѣстимаго ни съ какимъ нравственнымъ ученіемъ,—Николай Яковлевичъ былъ неизбежно приведенъ къ признанію основой всего—духовнаго начала, и къ вопросамъ объ отношеніи человѣка къ этому духовному началу, т.-е. былъ приведенъ къ вопросамъ этики, которыми онъ и занимался послѣднее время все больше и больше.

Въ сущности вышло то, что Н. Я. сложнымъ и длиннымъ путемъ философской, научной мысли былъ приведенъ къ тому простому положенію, признаваемому каждымъ, хотя бы и безграмотнымъ русскимъ крестьяниномъ, что жить надо для души, а что для того, чтобы жить для души, надо знать, что для этого нужно и чего не нужно дѣлать.

Отношеніе Н. Я. къ дѣлу, по-моему, было совершенно правильное, но, къ сожалѣнію, онъ никакъ не могъ освободиться

отъ того усвоеннаго имъ, какъ нѣчто нужное и цѣнное, научнаго балласта, который требовалъ своего использованія и, загромождая мысль, мѣшалъ ея свободному проявленію. Раздѣляя со всѣми «учеными» суевѣріе о томъ, что философія есть наука, устанавливающая основы в с ѣ х ѣ, в с ѣ х ѣ другихъ истинъ, Н. Я. не переставая устанавливать эти истины, строилъ одну теорію за другой, не приходя ни къ какому опредѣленному результату. Большая эрудиція и еще большая гибкость и изобрѣтательность его ума поощряли его къ этому. Главной же причиной безрезультатности этой работы было ложное, по моему мнѣнію, установившееся среди научныхъ философовъ, раздѣлявшееся и Н. Я., убѣжденіе, что религія есть не что иное, какъ вѣра въ смыслѣ довѣрія тому, что утверждается тѣми или иными людьми, и что поэтому вѣра или религія не можетъ имѣть никакого значенія для философіи. Такъ что философія должна быть, если не враждебною, то совершенно независимою отъ религіи. Н. Я. вмѣстѣ со всѣми научными философами не видѣлъ того, что религія—вѣра, кромѣ того значенія догматовъ,—установленія слѣпago довѣрія къ какому-либо писанію,—въ которомъ она понимается теперь, имѣетъ еще другое, свое главное значеніе—признанія и яснаго выраженія неопредѣлимыхъ, но всѣми сознаваемыхъ началъ (души и Бога), и что поэтому всѣ тѣ вопросы, которые такъ страстно занимаютъ научныхъ философовъ, и для разрѣшенія которыхъ строилось и строится безконечное количество теорій, взаимно противорѣчивыхъ и часто очень глупыхъ,—что всѣ эти вопросы уже многіе вѣка тому назадъ разрѣшены религіей и разрѣшены такъ, что перерѣшать ихъ нѣтъ и не можетъ быть никакой надобности, ни возможности.

Н. Я., какъ и всѣ его сотоварищи философы, не видѣлъ этого, не видѣлъ того, что религія, не въ смыслѣ тѣхъ извращеній, которыми она вездѣ подвергалась и подвергается, а въ смыслѣ признанія и выраженія неопредѣлимыхъ, но всѣми сознаваемыхъ началъ (души и Бога),—есть неизбѣжное условіе какого бы то ни было разумнаго, яснаго и плодотворнаго ученія о жизни (такого ученія, изъ котораго только и могутъ быть выведены твердыя начала нравственности) и что поэтому религія, въ ея истинномъ смыслѣ, не только не можетъ быть враждебна философіи, но что философія не можетъ быть наукой, если она не беретъ въ основу данныя, установленныя религіей.

Какъ ни странно это можетъ показаться для людей, привыкшихъ считать религію чѣмъ-то неточнымъ, «ненаучнымъ», фантастическимъ, нетвердымъ, науку же чѣмъ-то твердымъ, точнымъ, неоспоримымъ, въ дѣлѣ философіи выходитъ какъ разъ на оборотъ.

Религіозное пониманіе говорить: есть прежде всего и несомнѣннѣе всего извѣстное намъ неопредѣлимое нѣчто; нѣчто это есть наша душа и Богъ. Но именно потому, что мы знаемъ это прежде всего и несомнѣннѣе всего, мы уже никакъ не можемъ ничѣмъ опредѣлить этого, а вѣримъ тому, что это есть и что это—основа всего; и на этой-то вѣрѣ мы и строимъ все наше дальнѣйшее ученіе. Религіозное пониманіе изъ всего того, что познаваемо человѣкомъ, выдѣляетъ то, что не подлежитъ опредѣленію, и говоритъ объ этомъ: «я не знаю». И такой приемъ по отношенію къ тому, что не дано знать человѣку, составляетъ первое и необходимѣйшее условіе истиннаго знанія. Таковы ученія Зороастра, браминовъ, Будды, Лао-Тзе, Конфуція, Христа. Философское же пониманіе жизни, не видя различія или закрывая глаза на различія между познаніемъ внѣшнихъ явленій и познаніемъ души и Бога, считаетъ одинаково подлежащими разсудочнымъ и словеснымъ опредѣленіямъ химическія соединенія и—сознаніе человѣкомъ своего «я», астрономическія наблюденія и вычисленія и—признаніе начала жизни всего, смѣшивая опредѣляемое съ неопредѣляемымъ, познаваемое съ сознаваемымъ, не переставая строить фантастическія, отрицаемыя одна другою, теоріи за теоріями, стараясь опредѣлить неопредѣлимое. Таковы ученія о жизни Аристотелей, Платоновъ, Лейбницева, Локкова, Гегелей, Спенсерова и многихъ и многихъ другихъ, имя же имъ легіонъ. Въ сущности же, всѣ эти ученія представляютъ изъ себя или пустыя разсужденія о томъ, что не подлежитъ разсужденію,—разсужденія, которыя могутъ называться философистикой, но не философіей, не любомудріемъ, а любомудрствованіемъ, или плохія повторенія того, что по отношенію нравственныхъ законовъ выражено гораздо лучше въ религіозныхъ ученіяхъ.

Да, какъ ни странно это можетъ показаться людямъ, никогда не думавшимъ объ этомъ, пониманіе жизни какого-бы то ни было язычника, признающаго необъяснимое начало всего, олицетворяемое имъ въ какомъ бы то ни было идолѣ,—какъ бы неразумны ни были его понятія объ этомъ необъяснимомъ началѣ,—

такое пониманіе жизни все-таки несравненно выше жизнепониманія философа, не признающаго неопредѣлимыхъ основъ познанія. Религіозный язычникъ признаетъ нѣчто неопредѣлимое, вѣритъ, что оно есть и есть основа всего, и на этомъ неопредѣлимомъ хорошо или дурно строить свое пониманіе жизни, подчиняется этому неопредѣлимому и руководится имъ въ своихъ поступкахъ. Философъ же, пытаясь опредѣлить то, что опредѣляетъ все остальное и потому не можетъ быть опредѣлено, не имѣетъ никакого твердаго основанія ни для построенія своего пониманія жизни, ни для руководства въ своихъ поступкахъ.

Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ всякое знаніе есть установленіе отношеній между причинами и слѣдствіями, цѣпь же причинъ безконечна, и потому явно, что изслѣдованіе извѣстнаго ряда причинъ въ безконечной цѣпи не можетъ быть основой міросозерцанія.

Какъ же быть? Гдѣ же взять ее? Разсужденіе, т.-е. дѣятельность ума, не даетъ такой основы. Нѣтъ ли у человѣка еще другого, кромѣ разсудочнаго, познанія? И отвѣтъ очевиденъ: такое, совсѣмъ особенное отъ разсудочнаго, независимое отъ безконечной цѣпи причинъ и послѣдствій, познаніе каждый знаетъ въ себѣ. Познаніе это есть сознаніе своего духовнаго «я».

Когда человѣкъ непосредственно, самъ находитъ это независимое отъ цѣпи причинъ и слѣдствій познаніе, онъ называетъ это сознаніемъ; когда же онъ находитъ это общее всѣмъ людямъ сознаніе въ религіозныхъ ученіяхъ, онъ называетъ это познаніе, въ отличіе отъ познанія разсудочнаго, вѣрою. Таковы всѣ вѣры отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ. Сущность всѣхъ ихъ въ томъ, что, несмотря на тѣ, часто нелѣпыя, формы, которыя они приняли въ своемъ извращеніи, онѣ все-таки даютъ воспринимающему ихъ такія независимыя отъ цѣпи причинъ и послѣдствій основы познанія, которыя однѣ только и даютъ возможность разсудочнаго міросозерцанія. Такъ что научный философъ, не признающій религіозныхъ основъ, неизбежно поставленъ въ необходимость, вращаясь въ безконечной цѣпи причинъ, отыскивать воображаемую и невозможную причину всѣхъ причинъ. Религіозный же человѣкъ сознаетъ эту причину всѣхъ причинъ, вѣритъ въ нее, и, вслѣдствіе этого, имѣетъ твердое пониманіе жизни и такое же твердое руководство для своихъ поступковъ. Научный же философъ не имѣетъ и не можетъ имѣть ни того, ни другого.

На-дняхъ ученый профессоръ объяснилъ мнѣ, какъ теперь уже всѣ душевныя свойства сведены къ механическимъ причинамъ,—«еще только сознаніе не совсѣмъ объяснено», говорилъ съ поразительной наивностью ученый профессоръ. «Мы знаемъ ужъ всю машину, только еще не совсѣмъ знаемъ, чѣмъ и какъ она приводится въ движеніе». Удивительно! Не сведено еще къ механическимъ процессамъ только (очень хорошо это «только») сознаніе. Не сведено еще, но профессоръ, очевидно, увѣренъ, что вотъ-вотъ на-дняхъ получится свѣдѣніе о томъ, что какой-нибудь профессоръ Шмитъ изъ Берлина или Оксенбергъ изъ Франкфурта открылъ механическую причину сознанія, т.-е. Бога въ душѣ человѣка. Развѣ не очевидно, что старушка, вѣрующая въ матушку казанскую Царицу Небесную, не только нравственно, но умственно несравненно выше этого ученаго профессора?

Извините меня, Константишъ Яковлевичъ, что я такъ по-старчески разболтался. Въ оправданіе могу сказать только то, что предметъ этотъ, а именно ложное понятіе о значеніи религіи, столь распространенное среди нашего такъ называемаго образованнаго общества, всегда занималъ меня, занимаетъ и теперь, занималъ и тогда, когда мы дружили съ Николаемъ Яковлевичемъ. Помню, я указалъ ему на это его, по моему мнѣнію, раздѣляемое и всѣми людьми науки, ложное пониманіе значенія религіи. Не помню, въ какой именно формѣ я высказывалъ ему эти мысли,—вѣроятно не въ той, въ которой я высказываю ихъ теперь, но помню, что высказывалъ ему ихъ, и что онъ болѣе или менѣе соглашался со мной.

Думаю, что мы съ Николаемъ Яковлевичемъ, хотя и по разнымъ радіусамъ, но оба шли къ тому одному центру, который соединяетъ всѣхъ, и что мы оба сознавали это, и потому наши дружескія отношенія никогда не прерывались. И я радъ случаю съ искренней любовью вспомнить объ этомъ, не только умственно даровитомъ, но, что дороже всего, сердечно добромъ и искреннемъ человѣкѣ.

Левъ Толстой.

Cher Monsieur,

Le ~~livre~~ ² ~~de~~ ~~par~~ ~~Martin~~ ~~a~~ ~~été~~

traduit du français et
adapté à la lecture enfan

~~ne~~ ~~de~~ ~~la~~ ~~lecture~~ ~~en~~ ~~fan~~

~~je~~ ~~ne~~ ~~peux~~ ~~pas~~ ~~vous~~ ~~en~~ ~~indiquer~~

~~le~~ ~~titre~~ ~~de~~ ~~ce~~ ~~livre~~ ~~qui~~

~~se~~ ~~trouve~~ ~~à~~ ~~la~~ ~~suite~~ ~~de~~ ~~vos~~ ~~lettres~~

~~à~~ ~~la~~ ~~suite~~ ~~de~~ ~~vos~~ ~~lettres~~

à la suite de vos
lettres

Leon Tolstoy.

Черновое письмо французскому писателю.

(конец 80-х гг. ?).

Cher Monsieur.

Je ne me souviens plus pourquoi je n'avais pas indiqué la source d'ou j'avais pris le récit du père Martin que j'avais lu y a nombre d'années traduit du Français et adopté à la lecture enfantine. Je m'empresse de le faire à la suite de votre lettre.

Leon Tolstoy.

Cher Monsieur.

Не помню, почему я не указалъ источника, откуда мною былъ взятъ разсказъ о Père Martin, который я рядъ лѣтъ тому назадъ перевелъ съ французскаго и приспособилъ къ дѣтскому чтенію. Спѣшу сдѣлать это въ отвѣтъ на ваше письмо.

Левъ Толстой.

Исторія этого письма такова. Въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго вѣка въ журналѣ «Русскій Рабочій» появился переводный разсказъ (безъ указанія источника) «Отецъ Мартынъ». Л. Н. воспользовался этимъ разсказомъ и переделалъ его въ 1885 г. для народнаго и дѣтскаго чтенія: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ». Прошли года. «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» былъ переведенъ на французскій языкъ. Авторъ «Отца Мартына» узналъ въ Мартынѣ Авдеичѣ своего героя и обратился съ недоумѣніемъ къ Л. Н.—чу, который отвѣтилъ настоящимъ письмомъ.

Къ сожалѣнію, всѣ розыски и справки у близкихъ Л. Н. лицъ пока не помогли открыть имя французскаго писателя и точно установить дату письма.

№ 250.

Н. Н. ГУСЕВУ.

(1910 г., сент. 18.)

Сажусь писать Вамъ, милый Н. Н., и впредь знаю, что ничего хорошаго не напишу, но не хочется оставлять вашего такого хорошаго письма изъ тюрьмы¹⁾ безъ отвѣта.

Я прожилъ мѣсяць у Сухотиныхъ. 22-го ѣду домой. Писаль мало. Но какъ будто что-то нужно сказать и очень хочется. Можетъ быть, ложный аппетитъ. Сейчасъ занятъ былъ маленькимъ письмомъ Гроту въ сборникъ объ его братѣ философѣ. Хотѣлось сказать о различіи между жизнепониманіемъ людей научнымъ и религіознымъ и о преимуществѣ вторыхъ въ смыслѣ строгости и опредѣленности, т.-е. какъ разъ обратное тому, что обыкновенно полагается. Ну, да Вы прочтете, если напечатается.

Когда я пишу заключеннымъ, какъ нынче Калачеву²⁾, я испытываю сложное чувство радости, состраданія, зависти и стыда за свою жизнь. Къ Вамъ, какъ заключенному, я только не испытываю состраданія, но зато больше зависти и стыда за свою жизнь. Надѣюсь, Вы теперь па волѣ. Напишите.

Много получаю хорошихъ писемъ и встрѣчаю религіозныхъ людей. Нынче (со страхомъ, что я ошибаюсь, думая, что есть то, чего мнѣ хочется) думалъ о томъ, что наша революція, съ ея подавленіемъ и грубостью приѣмовъ этого подавленія, было то самое, чего только можно желать людямъ, какъ я, вѣрующимъ въ то, что сила не въ силѣ, т.-е. въ обманѣ, а сила въ мысли, т.-е. въ правдѣ, въ сознаніи своего назначенія и положенія. И ничто не могло вызвать этого въ огромной массѣ народа съ такой ясностью и силой, какъ наша неудачная революція и, главное, подавленіе ея.

Надѣюсь, скоро теперь увидимся, если не умру раньше Вашего срока. Во всякомъ случаѣ, пока живъ, всегда съ любовью и уваженіемъ думаю о Васъ.

Л. Толстой.

---

¹⁾ Н. Н. Гусевъ писалъ Л. Н.—чу не изъ тюрьмы, а изъ арестнаго дома, гдѣ сидѣлъ 2 недѣли по приговору земскаго начальника «за самовольную отлучку» на одинъ день съ мѣста ссылки.

²⁾ Отказавшійся отъ военной службы, сидѣвшій по приговору суда въ кievскихъ арестантскихъ ротахъ.

№ 251.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Благодатное, 1910 г., сентября 18.)

Спасибо, милый Владимиръ, что пишете мнѣ и всегда такія хорошія письма. Про ваше оправданіе телеграммой извѣстили меня защитники. Видно, сами были рады и за себя, и за васъ, и за меня, и за дѣло.

О томъ, какъ мы, семейные люди, связаны и прошедшимъ и настоящимъ и должны довольствоваться сдѣлками—для меня давнишняя истина. Говорю о помѣщеніи сына. Оно и на пользу—не дастъ хода самодовольству, тщеславію, съ которыми никогда не надо переставать бороться—такъ оно хитро, въ самыхъ неожиданныхъ формахъ подкрадывается.

Я прожилъ здѣсь больше мѣсяца и 22-го возвращаюсь. Поздравляю вашу жену.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 252.

В. Θ. БУЛГАКОВУ.

(Кочеты, 1910 г., сентября 20.)

Спасибо вамъ, милый В. Θ. за письмо и присылку статейки ¹⁾ (я какъ будто зналъ ее), и за рассказъ Кудрина ²⁾. И прекрасно вы его записали. И рассказъ очень хорошъ. Я читалъ его здѣсь вслухъ. Онъ производитъ сильное впечатлѣніе. Можетъ быть, увижусь съ вами прежде, чѣмъ получите это письмо. Думаю выѣхать и приѣхать 22-го ³⁾. Привѣтъ всеѣмъ друзьямъ.

Л. Толстой.

---

¹⁾ Себѣ или Гоголю». Статья В. Θ. Булгакова.

²⁾ Отказавшійся отъ воинской повинности.

³⁾ Въ Ясную Поляну.

№ 257.

В. НЕКРАСОВУ ¹⁾.

(Кочеты, 1910 г., сент. 21.)

Получилъ ваше умное и хорошее письмо, милый Некрасовъ.

Книги, какія могу, вамъ высылаю. На вашъ вопросъ о возможности исполненія вегетаріанства, который обыкновенно дѣлаютъ не желающіе совершенствованія, а отыскивающіе средства оправданія своей распущенной жизни, на этотъ вопросъ мнѣ часто приходится отвѣчать, но отвѣчаю особенно вамъ.

Весь смыслъ христіанскаго ученія въ томъ, что оно ставитъ передъ человѣкомъ идеаль совершенства. Идеаль этотъ—полное совершенство—очевидно недостижимъ. Дѣло же и призваніе христіанина въ томъ, чтобы, насколько онъ можетъ, онъ приближался къ этому идеалу. Таково приближеніе въ смиреніи, самоотверженіи, правдивости, въ незлобivosti, въ прощеніи обидъ, въ цѣломудріи, а также и въ любви къ людямъ и ко всему живому. Если можешь не убивать людей—прекрасно, можешь не убивать скотину и птицъ—еще лучше, можешь не убивать рыбъ, насѣкомыхъ—еще того лучше. Старайся дойти до чего можешь, не разсуждая о томъ, что возможно и что невозможно. Дѣлай то, что для тебя возможно по твоимъ силамъ, и все въ этомъ. Тѣ возраженія, которыя вамъ дѣлаютъ, дѣлаются обыкновенно во всѣхъ отрасляхъ ученія тѣми людьми, которые хотятъ продолжать жить дурной жизнью, но нужно твердо помнить то, что я сейчасъ писалъ вамъ, что христіанское ученіе не въ томъ, чтобы быть совершеннымъ, а въ томъ, чтобы приближаться, насколько можешь, къ совершенству.

Любящій васъ *Левъ Толстой*.

№ 254.

В. А. МОЛОЧНИКОВУ.

(Ясная Поляна, 1910 г. окт. 1.)

Спасибо, милый Молочниковъ, за ваше письмо о Соловьевѣ и Смирновѣ. Какая сила! И какъ радостно—все-таки радостно за

---

¹⁾ Письмо это Л. Н. Т. было отвѣтомъ на письмо крестьянина Василія Некрасова, который, обращаясь ко многимъ съ вопросомъ: обязательно ли нужно избѣгать употребленія мяса или не обязательно, и не находя нигдѣ на это отвѣта, а получая одинъ только насмѣшки, обратился съ этимъ вопросомъ къ Л. Н. Толстому.

нихъ и стыдно за себя. Напишите, къ кому писать о томъ, чтобы ихъ перевели? Отъ кого зависеть?

Одно остается, сидя за кофемъ, который мнѣ подаютъ и готовить, писать, писать.

Какая гадость! Какъ бы хотѣлось набраться этихъ святыхъ вшей. И сколько такихъ вшивыхъ учителей, и сколько сейчасъ готовится....

Спасибо, что пишете.

Л. Толстой.

Гдѣ я сказалъ еще эту глупость о томъ, что въ тюрьмахъ хорошо живется?

№ 255.

ПРОФ. Д. Н. АНУЧИНУ.

(1910 г. окт. 2.)

Уважаемый Дмитрій Николаевичъ, мой старый знакомый и единомышленникъ, очень почтенный человекъ, крестьянинъ Михаилъ Новиковъ желалъ бы помѣстить своего сына въ типографскіе ученики. Если это отъ васъ зависитъ, и вы захотите сдѣлать это, то вы меня очень обяжете. Михаилъ Новиковъ, кромѣ того, что очень хорошій человекъ, еще и даровитый, самобытно мыслящій писатель. Я думаю, что статьи его могутъ пригодиться «Русскимъ Вѣдомостямъ».

Уважающій васъ *Левъ Толстой.*

№ 256.

Е. І. ЛОЗИНСКОМУ.

(Ясная Поляна. 1910 г., окт. 10.)

Очень радъ былъ прочесть Вашу прекрасную¹⁾ статью, съ содержаніемъ которой вполне согласенъ.

Статья эта очень полезна тѣмъ, что уничтожаетъ ложное

---

¹⁾ «Вегетарианство и антропофагія». Въ этой статьѣ Е. І. Лозинскій относится съ суровой критикой къ современному вегетарианскому движению у насъ, считая его игрой сытыхъ и называя вегетарианцевъ людоѣдами, испортившими желудки мясной пищей.

представленіе многихъ вегетаріанцевъ о томъ, что они что-то сдѣлали очень хорошее и отдѣляются отъ другихъ людей тѣмъ, что питаются здоровою пищею, а не трупами.

Левъ Толстой.

№ 257.

Г. Н. Н. ¹⁾.

(Ясная Полянз, 1910 г., середина октября.)

Лекціи по вегетаріанству составить не могу. Я слабъ здоровьемъ и занятъ сейчасъ другими, болѣе важными работами. Можетъ быть, на счетъ лекціи Вы спешетесь съ г-мъ Перперомъ, редакторомъ «Вег. Обзорѣнія» (Кіевъ, Пушкинская, 4).

Л. Толстой.

№ 258.

КРЕСТЬЯНИНУ N²⁾.

(Ясная Поляна, 1910 г., октября 21.)

Для того, чтобы жизнь была такая, какую вы желаете и желаютъ всѣ разумные люди, такая, чтобы люди не ѣдили другъ на дружкѣ, а жили бы по-братски, помогая другъ другу, для этого нужно не устраивать общины, отдѣляясь отъ всѣхъ другихъ людей, а нужно тамъ, гдѣ живешь и съ кѣмъ живешь, стараться жить по душѣ, по-Божьи, по ученію Христа, а не по ученію міра. Общинъ устраивалось много, но всѣ люди въ общинахъ живутъ не лучше, чѣмъ въ міру, а часто даже много хуже.

«Царство Божіе внутри насъ есть»,—это значить, что для того, чтобы наступило Царство Божіе, надо каждому прежде всего установить его, Царство Божіе, въ себѣ, въ своемъ сердцѣ. Ни

---

¹⁾ Изъ Никольска-Уссурійска Льву Николаевичу была прислана просьба составить лекцію по вегетаріанству для прочтенія въ народномъ домѣ.

²⁾ Крестьянинъ Челябинскаго уѣзда, села Карасинскаго обратился къ Л. Н.—чу за совѣтомъ относительно организаціи христіанской общины, въ которой «люди не ѣдили бы другъ на дружкѣ, а жили бы по-братски». На это и отвѣтилъ Л. Н. настоящимъ письмомъ, за недѣлю до своего ухода изъ Ясной Поляны.

одинъ человѣкъ и никакіе люди не могутъ устроить Царство Божіе на землѣ. Одно, что могутъ и должны дѣлать люди, это—жить такъ, чтобы приближалось Царство Божіе не для нѣсколькихъ людей, не для одной части людей, а для всего рода человѣческаго. И это самое, то, что нужно для того, чтобы пришло Царство Божіе—исправлять самага себя—можетъ дѣлать каждый человѣкъ, и въ этомъ истинная жизнь каждаго человѣка, и въ этомъ же и истинное благо.

Совѣтую вамъ и вапимъ друзьямъ остаться жить въ своихъ семьяхъ и своемъ обществѣ, и живя такъ, по внѣшнему прежней жизнью, внутренне измѣнять себя, насколько можешь, и исполняя ученіе Христа въ томъ, чтобы любить Бога, т.-е. совершенство, и ближняго, какъ самого себя. А для того, чтобы исполнять это ученіе, надо начинать съ самага начала, какъ входить на гору не миновать съ самага низа. Исполнять это ученіе сначала хоть въ томъ, чтобы не ссориться, не обижать, а прощать того, кто обидитъ, не только не драться, но не ругаться, не осуждать, не пить, не курить, не распутствовать въ злыхъ дѣлахъ, вообще слушаться не своихъ похотей, не людскихъ желаній, повелѣній и совѣтовъ, а слушаться только Бога и совѣсти. И только начни жить, такъ и увидишь, что вездѣ можно жить для души по-Божьи, и что для этого ненужно никакихъ общинъ.

Посылаю вамъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ вы увидите, почему я думаю такъ, какъ пишу вамъ.

Л. Толстой.

№ 259.

РЕДАКЦИИ „ГОЛОСА СТУДЕНЧЕСТВА“.

(Ясная Поляна, 1910 г., октября 25.)

Очень желалъ исполнить ваше желаніе¹⁾, но боялся, что желаніе мое, вслѣдствіе и большого количества занятій, и слабости здоровья, такъ и останется желаніемъ. Но мой молодой другъ В. Булгаковъ придумалъ послать вамъ мою переписку со студентами двухъ разныхъ университетовъ²⁾. Онъ думаетъ, что это пригодится

---

¹⁾ Редакція желала знать мнѣніе Толстого о задачахъ студенчества въ высшей школѣ.

²⁾ См. «Письма» Л. Н. Толстого. Изданіе В. М. Саблина, т. III, №№ 501 и 502.

для вашего изданія. А пригодится ли это для вашего изданія, рѣшите вы сами.

Желаю успѣха вашему дѣлу и вамъ самимъ

Левъ Толстой.

№ 260.

К. И. ЧУКОВСКОМУ ¹⁾.

(Оптина Пустынь. 1910 г., окт. 29.)

Само собою разумѣется, что очень радъ бы былъ сдѣлать все, что могу, для противодѣйствія тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени.

Но думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертной казнью нужны не проламыванія раскрытыхъ дверей, не выраженія негодованія противъ безнравственности, жестокости и бессмысленности смертной казни (всякій искренній и мыслящій человѣкъ, и, кромѣ того, еще и знающій съ дѣтства шестую заповѣдь, не нуждается въ разъясненіяхъ бессмысленности и безнравственности смертной казни), не нужны также и описанія ужасовъ самаго совершенія казней: такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самихъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать . ихъ услуги.

И потому думаю, что, главнымъ образомъ, нужно не выраженіе негодованія противъ убійства себѣ подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

Какъ прекрасно говоритъ Кантъ: «Есть такія заблужденія, которыя нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ, тогда заблужденіе исчезнетъ само собою».

Какія же знанія нужно сообщать заблуждающемуся уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости

---

¹⁾ Письмо это, напечатанное въ «Рѣчи», было начато за нѣсколько дней до ухода Л. Н.—ча изъ Ясной Поляны. Въ своемъ предсмертномъ дневникѣ Л. Н. нѣсколько разъ говоритъ о письмѣ Чуковскому. Последнія строки: «И потому, если мы» и т. д. были продиктованы Л. Н.—чемъ случайному переписчику уже въ «Оптиной пустыни».

смертной казни, для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой?

Такое знаніе, по моему мнѣнію, есть только одно: знаніе того, что такое человѣкъ, каково его отношеніе къ окружающему его міру, или, что одно и то же, въ чемъ его назначеніе, и потому, что можетъ и долженъ дѣлать человѣкъ, а главное, что не можетъ и не долженъ дѣлать.

И потому, если ужъ и бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать всѣмъ людямъ, въ особенности же распорядителямъ палачей и одобрителямъ ихъ, ошибочно думающимъ, что они, только благодаря смертной казни, удерживаютъ свое положеніе, внушать этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

Знаю, что дѣло это нелегкое. Наемщики и одобрители палачей инстинктомъ самосохраненія чувствуютъ, что знанія эти сдѣлаютъ для нихъ невозможнымъ удержаніе того положенія, которымъ они дорожатъ, и потому не только сами не усваиваютъ этого знанія, но всѣми средствами... стараются скрыть отъ людей эти знанія, извращая ихъ и подвергая распространителей ихъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ.

И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни и, главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это—единственное дѣйствительное средство борьбы.

Л. Толстой.

I.

Адресаты¹⁾.

№№ писемъ.	№№ писемъ.
Алехину М. В. 66.	Иванцову-Платонову А. М. 33.
Анучину Д. Н. проф. 255.	Иконникову А. И. 182.
Артюховой А. П. 7.	Юкою г-ну 92.
Баронессѣ Р. 76.	Кантору г-ну 57.
Бирюкову П. И. 32, 133, 206.	Капланъ Э. И. 246.
Битнеру В. В. 233.	Кеннану Д. 54.
Булгакову В. Ф. 252.	Кенворти Джону 85.
Бунину И. А. 72, 73.	Коваленко Э. А. 209.
Б-ву В. 204.	Кони А. Ф. 81, 82, 87, 89, 101, 128, 140, 164.
Власову А. В. 118, 121.	Кросби, америк. поэту 91.
Волконскому Г. М., кн. 112.	Крымбаеву М. М. 200.
Вяземскому Л. Д., кн. 132.	Кудрявцеву Д. Р. 70.
В-ву г-ну. 49.	Купчинскому 197.
Гаврилову С. 224.	Литературному фонду 219.
Гермогену, епископу 188.	Ловинскому Е. І. 194, 256.
Гинцбургу И. Я. 176.	Лѣскову Н. С. 74, 75, 83.
Голунову А. Г. 223.	Л., г-ну 34.
Голохвастову П. Д. 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29.	Л., французу 111.
Грекову К. 221.	Мадзини Пьетро 134.
Грибовскому В. М. 53, 166.	Мальчику 201.
Гриневской И. А. 146.	Манджосу Борису 227.
Гроту К. Я. 249.	Молочниковой А. Я. 236, 237, 238.
Гроту Н. Я. 42, 62, 63, 64, 78, 79, 80.	Молочникову В. А. 183, 185, 189, 191, 208, 214, 218, 230, 232, 235, 239, 241, 248, 251, 254.
Гусеву Н. Н. 210, 211, 213, 215, 217, 225, 226, 228, 231, 245, 250.	Начальнику Екатериноградскаго дисциплин. батальона 94.
Г. И. Н. 47, 50.	Некрасову В. 234, 253.
Дворянскому А. И., студ. 113.	Новикову М. П. 243.
Дерябину И. Н. 207.	Новицкой П. 77.
Духоборамъ кавказскимъ 96.	Н. Н., г-ну 37.
Духоборамъ канадскимъ 110, 117.	Н... супругамъ 38.
Д'Эстурнелю де-Констану 198.	
Ершовой М. И. (старообрядкѣ) 199.	

¹⁾ Фамилии нѣсколькихъ адресатовъ обозначены условными буквами или звѣздочками; въ такомъ видѣ были опубликованы соответствующія письма. Есть основанія относить большинство писемъ, обозначенныхъ черезъ N. N. ***, къ одному и тому же лицу, и находящемуся въ списокѣ.

№№ писемъ.

N. г-ну 44.
 N. сектанту 59.
 N. N. г-ну 60.
 N. N. 68.
 N. N., г-ну 71.
 N., Художнику 86.
 N. N. 100.
 N. N. 102.
 N. N. 104.
 N. N. 109.
 N. N. 122.
 N. N. 123.
 N. N. 124.
 N. N. 125.
 N. N. 126.
 N. N. 127.
 N. N. 151.
 N. N., г-ну 159.
 N. Лакею 162.
 N. N. 165.
 N. Крестьянину 257.
 N. студенту 203.
 N. N. (вегетарианцу изъ Сибири) 257.
 Г-ну*** 41.
 Г-ну*** 61.
 Г-ну*** 65.
 Г-ну*** 90.
 Г-ну*** 98.
 Г-ну*** 114.
 Г-ну*** 115.
 Г-ну*** 119.
 Г-ну*** 137.
 Г-ну*** 139.
 Г-ну*** 148.
 Г-ну*** 149.
 Г-ну*** 150.
 Г-ну*** 193.
 Г-ну*** 195.
 Орлову Н. В. 156.
 Панаеву И. И. 1.
 Перперу I. O. 242.
 Письмо къ обществу (о духовоборахъ) 97.
 Письмо въ редакцію (по поводу отлученія) 138.
 Пихтину М. В. 46.
 Полилову П. А. 216.
 Поссе В. А. 212.
 Предсѣд. ком. безпл. библи. имени Л. Н. Толстого въ Ярославлѣ 222.
 Пругавину А. С. 106, 107, 108, 116, 120, 129, 143, 147, 169.
 Ред. «Вѣстн. Европы» 184.
 Ред. «Гол. Москвы» 174.
 Ред. «Гол. Студенч.» 259.

№№ писемъ.

Ред. «Миссіонерск. Сборника» 202.
 Ред. газ. «New.-York.-World» 153.
 Ред. «Нов. Времени» 175.
 Ред. «Нов. Дня» 168.
 Редактору «Петерб. Вѣд.» 95.
 Ред. «Посредника» 163, 177.
 Ред. «Русск. Вѣд.» 105, 167.
 Ред. бол. газ. «Свободная Мысль» 135.
 Ред. «Своб. Слова» 154.
 Ред. «Слова» 170.
 Ред. Сѣверо-америк. газ. 158.
 Рихтеру А. В. 179.
 Рокфеллеру американцу 152.
 Романъ Ролану 39.
 Рукавишникову Н. А. 196.
 Сабатье Полю 171.
 Свѣчину Ѳ. А. 31.
 Славянскому съѣзду въ Софіи 244.
 Соловьеву В. С. 58.
 Стаховичу М. А. 181.
 Сысоеву В. 67.
 С-ву В. М. 131.
 С-ву Н. 229.
 о. Тихону свящ. 160.
 Толстой М. Н. 2, 3, 93, 172, 178, 190, 192, 220.
 Толстой С. А., гр. 69.
 Толстой С. Н., гр. 141.
 Трегубову И. М. 136, 173, 180.
 Третьякову П. М. 48.
 Трушевой Л. Ю. 51.
 Тульскому губ. по крест. дѣламъ присутствію 5, 6.
 Т-ской, г-жѣ 145.
 Урсину поляку 88.
 Фегу А. А. 4, 13, 14.
 Фофанову К. М. 142.
 Фрею, д-ру 35.
 X., г-ну 40.
 X-ву, г-ну 56.
 X-ву Д., кн. 55, 84.
 Чагѣ Якову 161.
 Черткову В. Г. 43, 45, 52, 99, 157.
 Чуковскому К. И. 260.
 Шау Бернарду 187, 240.
 Шведскимъ сборникамъ мира 103.
 Шеерману Н. А. 186.
 Шопову Г. болгарину 247.
 Шульгину С. Н. 144.
 Ш-ой О. Н. 155.
 Эльцбахеру 130.
 Эмигранту русскому въ Америкѣ 205.
 Энгельгарту М. А. 30.
 Юношѣ милому 36.

II.

Указатель именъ¹⁾.

№№ писемъ.	№№ писемъ.
«Авбуна» 23, 24.	«Декабристы» (романъ), стр. 7, 23
Аксаковъ И. С. 30.	(автографъ).
Импер. Александръ I—стр. 320	Джоржъ Генри 84, 163, 177, 216
(автографъ).	Диллонъ 69 (прим.).
Импер. Александръ II 157.	Дорэ Г. 48.
Императ. Александръ III 157, 169.	Дрожжинъ 73, 94.
Алехинъ А. В. 66.	Кн. Дундукова-Курсакова 181.
«Анна Каренина» 19, 20, 21, 23, 24,	Духоборы 46, 94, 96, 97, 99, 109,
Аполловъ свящ. 160.	110, 117.
Аристотель 80.	Дьяковы 2, 22.
Бабиды (персидская секта) 146.	Евреи 58.
Бага-Улла (бабистъ) 200.	Есипова Раскольничья дѣла 10.
Бакунинъ (товарищъ Т-ого) 1.	Житія святыхъ. Плавъ изд. для
Балду 91, 154.	народа 23.
Бассевича Записки 8.	Забѣлина Сочиненія 8.
Bedales School 141.	Змѣиногорскъ 121.
Бирюковъ П. И. 1 (прим.), 32, 53	Золотницкій П. Ф. 143.
(прим.), 136 (прим.), 169.	Зулу 30.
Бобриковъ 157.	Ивановъ А. А. 48.
Боголѣповъ 157.	Иконниковъ А. 170.
Болотова Записки 8.	Ило-Ило 103.
Бралянъ 154.	Иркутскъ 46
Будла 30, 35, 80.	Иродъ 55.
Булгаковъ В. Ѡ. 228, 233, 238, 259.	«Казакъ» 99.
Буслаевъ Ѡ. И. (статья о романѣ)	Казанскій миссіонерскій съѣздъ 95.
29.	Каванскій Соборъ (4 марта 1901)
Бѣлинскій 30.	132.
Вайсовцы (Божій полкъ) 200.	«Карма» 67.
Веберъ (о Петрѣ) 8.	Катковъ 35.
Верещагинъ В. В. 48.	Козьмичъ Ѡедоръ старецъ —
Веригинъ П. В. 97.	стр. 320 (автографъ).
«Вечернія Повѣсти»—стр. 48 (авто-	Комарова Ю. М. 120.
графъ).	Конфуцій 30, 35, 80.
Вильгельмъ II 112.	Коппе Ф. 91.
«Воскресеніе» 87, 99, 100, 109,	Корба дневникъ 10.
114, 115.	Котошихинъ 8.
Гагская Конференція 103.	Крамской И. Н. 48.
Гаррисонъ 91, 154.	Красинскій 88.
Ге Н. Н. 48, 53, 54, 74, 86.	«Крейцера Соната» 57.
Герценштейнъ проф. 163.	Кросби 91, 177.
Герценъ 43.	«Кругъ чтенія» 211, 228.
Глазовъ 157.	Крюгеръ (Трансвааль) 112.
Голохвастова О. А. 8, 15, 16, 19,	Кудринъ 252.
20, 24, 25, 27.	Кувьминская Т. А. 27,
Гомеръ 15.	Лао-тэ 35, 80.
Горбуновъ-Посадовъ И. И. 210.	Le mensonge Chinois 126, 127.
Гордона дневникъ 8.	Арх. Леонидъ 23, 24.
Гротъ Н. Я. 249.	

¹⁾ Указатель содержитъ лишь главнѣйшій матеріалъ.

№№ писемъ.

№№ писемъ.

Лепоринская Л. М. 129.
 Лефорта жизнь 8.
 Лизогубъ 157.
 Листки Своб. Слова 109.
 Луиза Тосканская 153.
 Лулли 39.
 Магометанство (новое движе-
 ніе) 146.
 Маклаковъ В. А. 183 (прим.), 210,
 238, 239, 241.
 Маковицкій Д. П. 178, 241.
 Марія Николаевна Вел. Кн. 3.
 Марія Федоровна, Императрица 97.
 Массарикъ проф. 116.
 Матрена (изъ Ясной Поляны) 196.
 Мирбо Октавъ—стр. 256 (авто-
 графъ).
 Мицкевичъ 88.
 Молокане 95.
 Морозовъ В. С. 184.
 «Моск. Вѣдомости» 69.
 «Мысли о Богѣ» 123.
 «На каждый день» 210, 226, 234.
 Неволинъ проф. 203.
 Некрасовъ Н. А. 1, 3.
 Николаевъ С. Д. 163, 216.
 Импер. Николай I 144.
 Николай Мих. Вел. Кн.—стр. 320
 (автографъ).
 Кн. Оболенская М. Л. 172.
 «Объ искусствѣ» 116.
 Олеарій 8.
 Осинскій 157.
 «Отеч. Записки» 22.
 Пархоменко худ. 206.
 «Патриотизмъ и христіанство» 88.
 «Père Martin»—стр. 368 (автографъ).
 Перовская 157.
 Петражицкій проф. 203.
 Пилать 48, 54.
 Планъ международнаго изд. «Воз-
 рожденіе» 85.
 Планъ повѣсти (герой—революціо-
 неръ, монахъ, атеистъ) 52.
 Плеве В. К. 157.
 Побѣдоносцевъ К. П. 88, 169.
 Полѣновъ худ. 48.
 «Посланіе Китайцамъ» 125, 126.
 Поссельтъ М., историкъ, 8.
 Пушкинъ А. С. 15, 30.
 «Разсказъ юннера» 1.
 Романъ изъ эпохи Петра 8, 9, 10.
 Ростовцевъ (товарищъ Т-ого) 1.
 «Рус. Вѣстникъ» 22.

Руссо 171.
 Рысаковъ 157.
 Сакенъ (Севастопольскій) 103.
 Самарскій неурожаемъ 1898 г. 105,
 106, 107, 108.
 Свободн. Листки 186.
 Св. Синодъ 138.
 Священный Союзъ 103.
 «О. Сергій»—стр. 96 (автографъ).
 Сипягинъ 157.
 Скопчество 59, 60.
 Скублинская 57.
 «Современникъ» 1.
 Сократъ 30, 36.
 Соловьевъ А. 210, 254.
 Соловьевъ В. С. 30.
 Стасовъ В. В. 75, 146, 176.
 Стаховичъ М. А. 210.
 Стокгольмскій междунар. съѣздъ
 210.
 Стокгемъ А. 41.
 Столыпинъ (товарищъ Т-ого) 1.
 Страховъ Н. Н. 20, 24, 26, 42.
 Суздальская тюрьма 143.
 Бар. Суттнеръ Б.—стр. 273 (авто-
 графъ).
 Сухотина Т. Л. 172.
 Сютаевъ 30.
 Товянскій 88.
 Гр. Толстая А. Л. 178, 210, 211,
 213, 226, 228.
 Гр. Толстая С. А. 13, 15, 16, 18,
 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 29,
 93, 172, 178.
 Гр. Толстая С. Н. 141.
 Толстой В. И. 3.
 Гр. Толстой И. Л. 141.
 Гр. Толстой С. Н. 3, 93.
 Тургеневъ И. С. 1, 3, 4.
 Тютчевъ О. И. 14.
 Кн. Урусовъ С. С. (Севастополь-
 скій) 103.
 Устряловъ 10.
 Фейнрманъ И. 66.
 Феть А. А. 147.
 Филиппинскіе о-ва—стр. 209 (авто-
 графъ).
 Франко-русскій союзъ 134.
 «Хаджи-Муратъ» 144.
 Хилковъ Д. А. (отнятіе дѣтей)
 73, 81.
 Холтуринъ 157.
 «Христіанское ученіе» 111, 112.
 «Христосъ передъ Пилатомъ» Ге.
 48, 54.

№№ писемъ.

Христосъ 30, 34, 35, 36, 37, 48,
49, 54, 55, 59, 60, 61, 71, 80, 88,
91, 96, 117, 118, 150.

Чемберланъ 112.

Чертковъ В. Г. 111, 136 (прим.),
154 (прим.), 167, 185, 210, 211,
212, 213, 245.

Чеховъ А. П. 228.

Шатиловъ I. H. 15, 22.

№№ писемъ.

Кн. Шаховской С. И. 105.

Шеерманъ Н. А. 168.

Шкарванъ 210, 221.

Шмидтъ Евг. 210, 221.

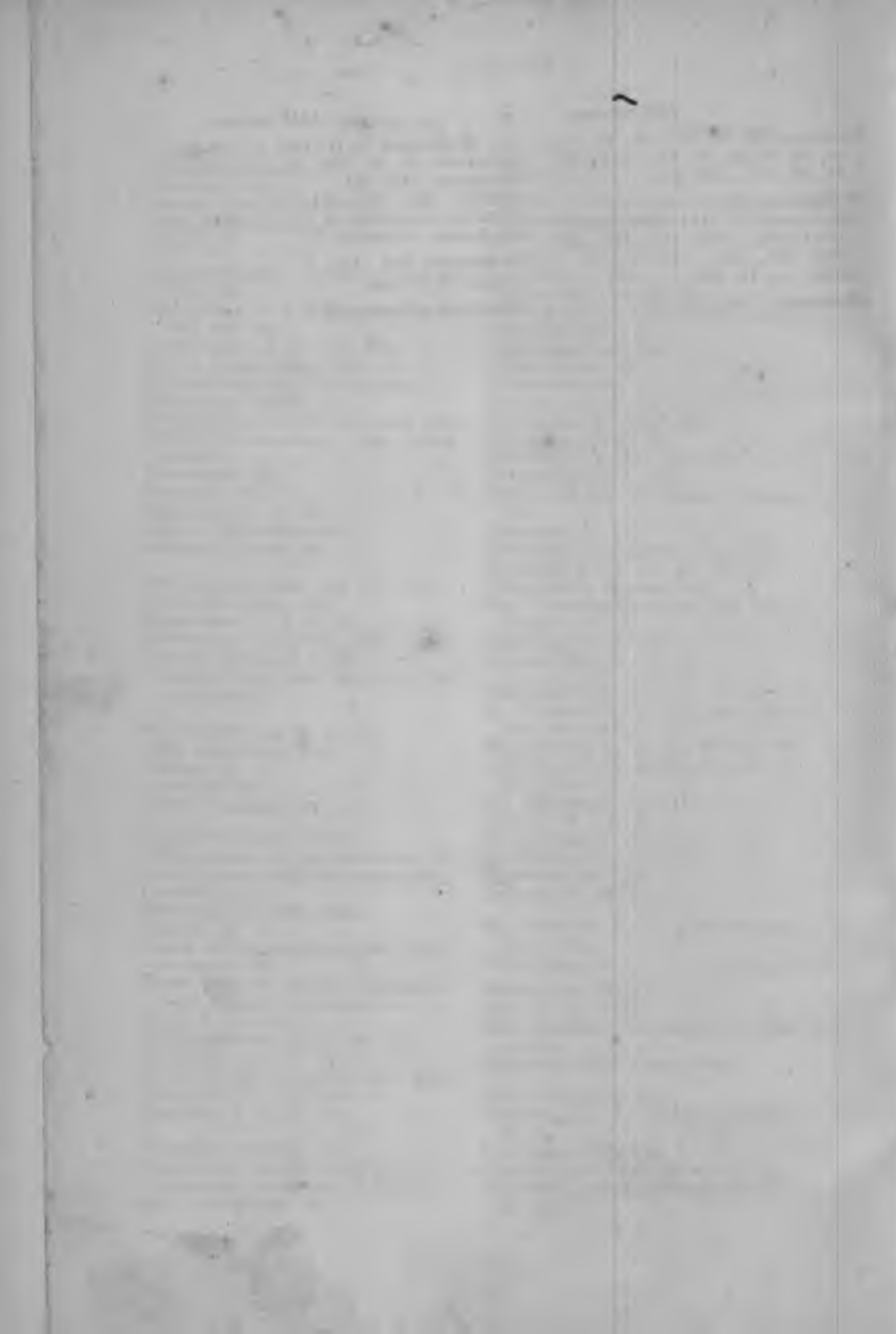
Штелина, анекдоты 8.

Щербатова, Записки 8.

Эльцбахеръ 122, 130. †

Эсадзе С. С. 144.

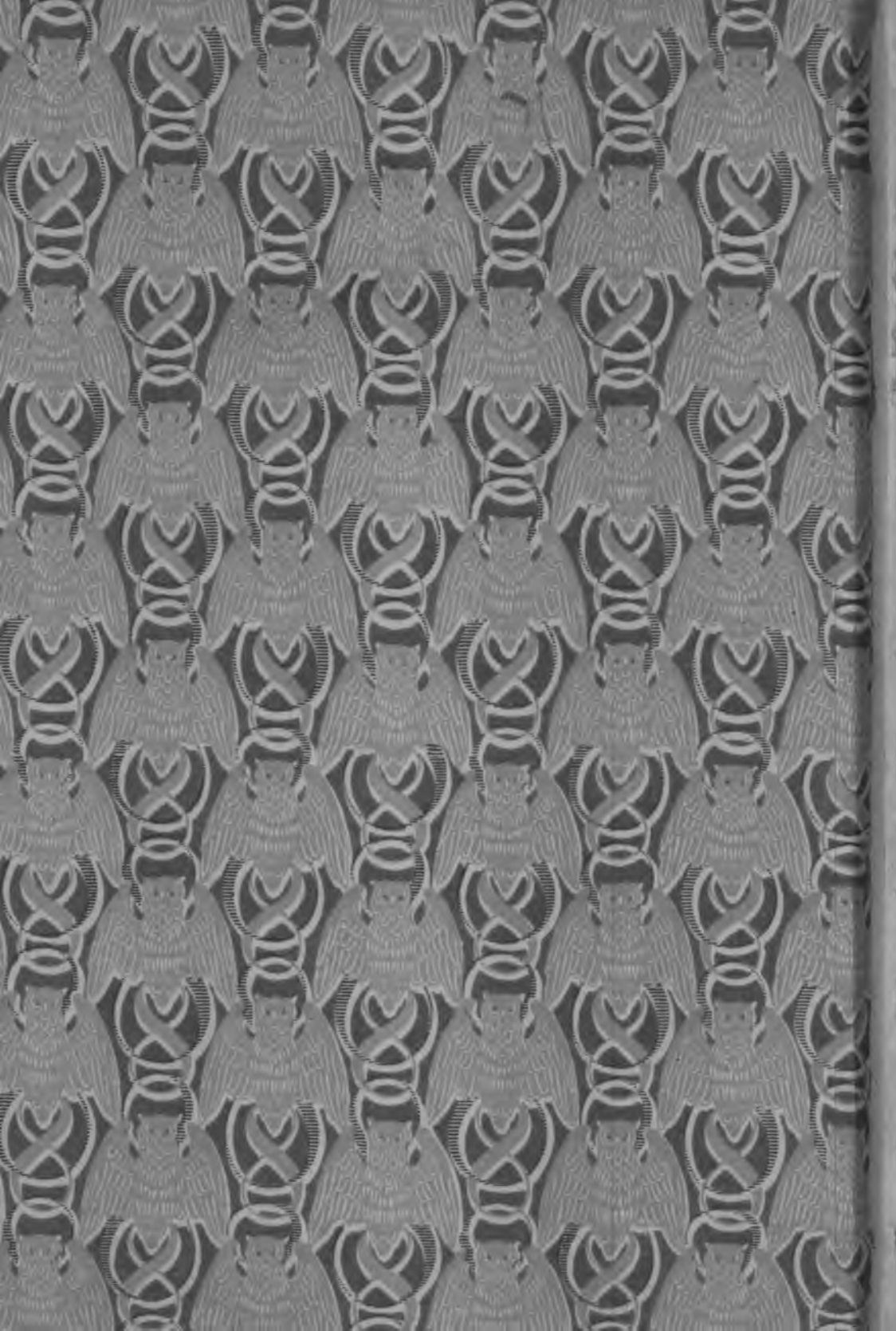
Якутская область 46.

15

15

Franklin

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 623633

